В. М. Кимеев, А. И. Копытов

Горная Шория

Kemerovo State University
Kemerovo State Technical University
Siberian Branch of Academy of Mining Sciences

V. M. KIMEEV, A. I. KOPYTOV

MOUNTAIN SHORIA

Historical and ethnographical essays

Monography

Kemerovo
Primula
2018

Кемеровский государственный университет
Кемеровский государственный технический университет
Сибирское отделение Академии горных наук

В. М. КИМЕЕВ, А. И. КОПЫТОВ

ГОРНАЯ ШОРИЯ

Историко-этнографические очерки

Монография

Кемерово
Примула
2018

УДК 902.7 (571.17)
ББК 63.3 (2Рос4Кем)
К40

75-летию Кемеровской области,
400-летию г. Новокузнецка,
55-летию г. Таштагола
посвящается.

Монография выполнена при финансовой поддержке Сибирского отделения Академии горных наук и гранта (проект РФФИ №17-11-42003/17-ОГН/18 «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»).

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Н. А. Томилов**;**
доктор исторических наук, профессор В. Я. Бутанаев**.**

Научный редактор: кандидат исторических наук Ю. В. Ширин.

Кимеев, В. М., Копытов, А. И.
К 40 Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.; цв. вкл. 24 с.

Монография посвящена Горной Шории – удивительному краю Кузбасса, известному во всём мире своими памятниками историко-культурного и природного наследия и горнолыжным курортом Шерегеш.

В этой книге впервые систематизированы материалы об археологических и сакральных природных памятниках Горной Шории, подробно проанализированы этногенез, этническая история, традиционно-бытовая культура шорцев, этапы промышленного освоения территории.

Издание ориентировано на сохранение этнокультурного наследия и гармонизацию межкультурного взаимодействия народов России. Рассчитано на историков, этнологов, музееведов, краеведов, представителей национально-культурных обществ и других граждан России, интересующихся историей своей многонациональной Родины.

УДК 902.7 (571.17)
ББК 63.3 (2)

Monography is dedicated to the wonderful region of Kuzbass Mountain Shoria, known throughout the world for its monuments of historical, cultural and natural heritage and the ski resort Sheregesh.

For the first time the materials on the archaeological sacred natural monuments of Gornaya Shoria are systematized, ethnogenesis, ethnic history, traditional and everyday culture of the shors, stages of industrial development of the territory are analyzed in details.

The content of the work is focused on the preservation of ethnic and cultural heritage and harmonization of intercultural interaction of the peoples of Russia. It is designed for historians, ethnologists, museum experts, local historians, representatives of national and cultural societies and other Russian citizens interested in the history of their multi-ethnic homeland.

ISBN 978-5-904430-51-1

© Кимеев В. М., 2018.
© Копытов А. И., 2018.

Предисловие

Ю. В. Ширин, научный редактор издания, к.и.н., заместитель директора по науке музея-заповедника «Кузнецкая крепость».

Горная Шория (по-шорски – *Таглыг Шор*) как географический горно-таёжный регион расположена на юге Кемеровской области, в центре Алтае-Саянского экорегиона. Но такое название закрепилось в научной литературе, справочниках и периодической печати только в 1920-х гг. после образования советскими властями Горно-Шорского национального района.

Коренное население Горной Шории шорцы – это тюркоязычный народ, проживающий, кроме юга Кемеровской области, в смежной горно-таёжной местности Хакасии и Горного Алтая. Большинство из них, начиная с 1970-х годов, переселилось в города и крупные посёлки. Более 80% современных шорцев в 2008 г. (против 73,8% в 1989 г.) – это жители крупных городов (Таштагол, Междуреченск, Мыски, Новокузнецк, Осинники) и посёлков юга Кузбасса (Шерегеш, Чувашка, Спасск, Калары, Ортон). Оставшиеся немногочисленные разрозненные группы сельских шорцев, сохраняющих остатки традиционно-бытовой культуры и разговорный язык, проживают в таёжных посёлках по реке Мрассу и на её притоках: Пызасе,

Вид на священную гору Айган из пос. Усть-Анзас. 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.

Бугзасе, Анзасе, Суете и Кабырзе, а также в верховьях реки Кондомы. Постановлением № 997 Совета Министров – Правительства РФ «О внесении изменений в перечень районов проживания малочисленных народов Севера» от 07.10.1993 г. шорцы Кемеровской области были причислены к малочисленным народам Севера и включены в федеральные и региональные программы развития.

Численность шорцев по переписям колебалась и составляла: 1897 г. – 11674 чел., 1926 г. – 12600 чел., 1939 г. – 16044 чел., 1959 г., – 14938 чел. (из них 13670 чел. в Кемеровской обл.), 1970 г. – 16500 чел. (по другим данным 15950 чел., из них 14059 чел. в Кемеровской обл.), 1979 г. – 16033 чел. (по другим данным, 15182 чел., из них 12767 чел. в Кемеровской обл.), 1989 г. – 16600 чел. (по другим данным, 15745 чел., из них 12585 чел. в Кемеровской обл. или 0,4% всего населения области), 2002 г. – 13975 чел. (из них 11554 в Кемеровской обл.), в 2010 г. – 12888 чел. (из них 10672 чел. в Кемеровской обл.) [Национальный состав…, 2002].

Можно заметить, что, начиная с 1990-х гг., несмотря на государственную политику «возрождения» и различные программы, общая численность шорцев постоянно уменьшается. Даже в родной Кемеровской области за период с 2002 по 2010 гг. их численность сократилась на 882 чел., а в Республике Алтай – на 54 чел. Это объясняется общероссийской тенденцией демографического спада в период реформ, продолжающейся миграцией молодых шорских семей в поисках работы в города и крупные посёлки, где из-за отсутствия доступного своего жилья ограничена рождаемость.

В соседних регионах шорцы традиционно проживают в Республике Хакасия (1150 чел.),

в Красноярском крае (201 чел.), в Алтайском крае (165 чел.) и в Республике Алтай (87 чел.), где, с одной стороны, продолжается их ассимиляция хакасами, алтайцами и русскими, а с другой – «реанимация» своей этничности (как в Хакасии).

По материалам переписей численность шорцев Хакасии в разные годы определялась следующим образом: 1939 г. – 862 чел., 1970 г. – 887 чел., 1989 г. – 1207 чел. (Причём всего 197 шорцев в 1989 г. проживало в сельской местности на юго-западе Хакасии – их прежней этнической территории). Однако, в отличие от соседнего Кузбасса, за 10 лет с 2002 по 2010 гг. численность хакасских шорцев, по данным местной статистики, увеличилась на 72 чел. – с 1078 чел. до 1150 чел. (в некоторых источниках современная численность указывается 1500 чел. и даже 2500 чел., что говорит о несовершенстве критериев учета этничности смешанного хакасско-русско-шорского населения при современном отсутствии записи в паспорте национальности граждан РФ). В основном сельские шорцы проживают в селах Верх-Таштып, Матур и Анчул (74 чел. из 418 шорцев всего Таштыпского района на 2004 г.), в с. Балыкса – 366 чел. и в пос. Бискамжа Аскизского района Республики Хакасия.

Современное расселение шорцев Кузбасса и Республики Хакассия.

В «Перечне» мест проживания коренных малочисленных народов Российской

Федерации, утверждённом распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р, к местам компактного проживания коренного малочисленного народа шорцев в Республике Хакасия отнесены следующие муниципальные образования: Бискамжинский поссовет и Балыксинское сельское поселение Аскизского района, Матурское и Анчульское сельские поселения Таштыпского района. Кроме того, в Республике Хакасия принят закон от 16 ноября 2009 г. № 125-ЗРХ «О коренных малочисленных народах Российской Федерации на территории Республики Хакасия» (изм. от 31 мая 2011 г. № 53-ЗРХ), который фактически закрепил за хакасскими шорцами (многие из которых уже имели хакасскую идентификацию) статус малочисленного народа и предоставил им различные льготы (в получении земельных участков, кредитов для создания общин и ведения хозяйства, в социальных пособиях, в снижении пенсионного возраста). В указанных местах компактного проживания быть шорцем стало престижней, чем хакасом [Кимеев, 2017а, с. 70; 2013а, с. 191–197; Мамышева, 2014, с. 96–97].

Мегалиты – древние скальные образования в Горной Шории.

Антропологи причисляют шорцев к уральской промежуточной расе, отмечая при этом существенные вариации морфологических и краниологических признаков [Ярхо, 1947, с. 137; Алексеев, 1965, с. 88]. При этом у потомков таёжных групп более выражены особенности уральской промежуточной расы, в

то время как по внешним признакам потомки жителей низовий Кондомы и Мрассу тяготеют к южно-сибирской переходной расе [Ким, 1984, с. 192; Битадзе, 1986, с. 19].

По языковой классификации шорцев относят к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков [Бабушкин, 1966, с. 467]. Лингвистами принято выделять в шорском языке два диалекта – мрасский и кондомский, каждый из которых, в свою очередь, распадается на пять территориальных говоров [Чиспияков, 2004].

Вертолет. Пос. Усть-Анзас. 2004 г. Фото Р. Салихова.

В настоящее время родной разговорный язык у шорцев продолжает бытовать только в некоторых семьях, в отдалённых таёжных посёлках. Но по-шорски, с большой примесью русских слов, даже в семьях сельских шорцев, говорит не более 50%, остальные общаются между собой обычно по-русски. Русский язык всё более выступает основным языком общения на производстве, в разговорах с друзьями и детьми. Этот процесс языковой ассимиляции русскими постоянно усиливается. При этом у шорцев, проживающих в городах, он шёл значительно интенсивнее, чем у сельчан. Доля шорцев, свободно владеющих русским языком, на рубеже XX–XXI вв. возросла с 72% до 77,1%, в то время как доля свободно владеющих шорским языком снизилась с 20,1% до 3,3%. Если в 1989 г. 39,5% шорцев назвали родным языком русский, то в 2002 г. таковых насчитывалось 60% [Патрушева, 1994, с. 219; 1996, с. 25; Материалы переписи, 2002]. В 1979 г. только 9811 шорцев из общего их числа считали шорский язык родным (62,5% от всего шорского населения) и только 914 чел. свободно им владели; в 1989 г. родным шорский язык считали 63,5%, в 2002 г. – 6210 чел. (44,4%); в 2010 г. – 56,7% [Кимеев, 2006, с. 238].

Официальный этноним «*шорцы*» закрепился у потомков тюркоязычных родов (сёоков) верховьев Томи только к концу 1920-х гг. До этого времени он употреблялся как самоназвание одного из довольно разветвлённых родов шор, проживавшего в верховьях реки Кондомы. Общим самоназванием всех групп современных шорцев в настоящее время является «*татар-кижи*» (на шорском языке) или «шорцы» (на русском). Кроме того, различные группы исторических предков шорцев в XVIII – начале XX вв. именовались: по местообитанию – *черневые татары* (живущие в черневой тайге), *мрассцы* (по реке Мрассу), *кондомцы* (по реке Кондоме), *верхотомцы* (по реке Томи) или *мрасско-кондомские татары*, *орёкеченныр* (низовские); по названию одного из занятий (кузнечеству) – *кузнецкие татары* или *кузнецкие инородцы*; по названию инородческой управы – *прас-чоны*, *молдум-чоны*; по названиям вторичных родов-сёоков, перешедших на ясачные волости, – *абинцы*, *шорцы*, *челейцы*, *каларцы*, *каргинцы* и др. За пределами родной тайги жителям соседних волостей Кузнецкого уезда, а также родственным телеутам, алтайцам и хакасам шорец отвечал: «*татар-кижи*», «*шор-кижи*» или «*аба-чыш-кижи*», а при общении с русскими обычно назывался *кузнецким татарином* [Вербицкий, 1870, с. 15; Радлов, 1989, с. 209; Анохин, 1994, с. 53; Потапов, 1936, с. 5; Дыренкова, 1940, с. 5; Кимеев, 1989,

Вид на долину Мрассу с горы Каратаг. 2011 г. Фото В. М. Кимеева.

с. 16; Косточаков, 1998а, с. 35; Чиспияков, 2004, с. 12].

В закреплении за национальным районом, образованным в 1927 г., названия «Горно-Шорский», а за коренным тюркоязычным населением – «шорцы» важную роль сыграла Комиссия по изучению племенного состава народов СССР (КИПС), Сибирский отдел которого возглавлял этнограф Л. Я. Штернберг, ученик академика В. В. Радлова. Именно В. В. Радлов ещё в 1865 г. впервые предложил назвать мрасских и кондомских «инородцев» шорцами по названию одного из горно-таёжных родов – *шор*. В то же время миссионер В. И. Вербицкий выделял среди исторических предков шорцев два этнокультурных пласта – абинско-кумандинский и шорско-каргинский [Борина, 2008, с. 318]

Сагинский водопад. 1985 г. Фото Р. Салихова.

По настоянию В. В. Радлова и сотрудников КИПСа в официальный список народов СССР было включено только общее название всех этнотерриториальных групп – «шорцы» [Радлов, 1989, с. 209; Патканов, 1923, с. 6]. В рамках выделенного властями в 1924 г. Горно-Шорцевского национального района уже окончательно завершилось сложение единого современного шорского народа с единым этнонимом – шорцы [Горно-Шорский район, 1931, с. 617; Борина, 2007, с. 318]. Высказывание современного шорского писателя В. А. Байлагашева о необходимости возвращения «…исторического названия народа – тадар…» для «…предотвращения потери исторической памяти…» не нашло поддержки ни в среде шорской интеллигенции, ни у остального народа [Байлагашев, 1998а, с. 17].

Южная граница района совпадала с современными южными границами Таштагольского района Кемеровской области, а вот северная причудливо огибала промплощадки окрест-

Афанасий Ефремович Кушаков (1912-1954), видный общественный и партийный деятель, второй секретарь Горно-шорского райкома ВКП(б) (1938-1939), председатель Таштагольского райисполкома (1941-1944), депутат Верховного совета РСФСР Первого (1938-1947) и Третьего созывов (1951-1955). МЭПГШ. КП ОФ 3460.

ностей г. Кузнецка – будущего Сталинска (сейчас – Новокузнецк), не включая старинные «шорские улусы» Осинники и Абагур. Затем в 1938–1939 гг. единая территория района в экономико-административных целях была разделена на три административных района: Таштагольский с центром в создаваемом г. Таштаголе, Мысковский с центром в бывшем шорском улусе Томазак (ныне г. Мыски) и Кузедеевский – с центром в последнем административном центре бывшего Горно-Шорского национального района. После упразднения района до сих пор сохранилось официальное название образованного в те годы нового народа – шорцы, как и новое географическое понятие Горная Шория. С одной стороны, это улучшило управление и экономическое развитие территорий, а с другой – замедлило дальнейшее этническое развитие шорцев. Резко активизировались процессы ассимиляции и урбанизации. После ликвидации в 1960-х гг. колхозов Горной Шории как нерентабельных началась массовая миграция сельского населения в города и крупные посёлки.

Новый этап в истории Горной Шории начался с середины 1980-х гг. при т. н. «перестройке». Толчком этому послужило принятие программы Таштагольского района по возрождению малых населённых пунктов. В ней подробно перечислялось перспективное строительство, главным образом, социальных объектов инфраструктуры, намечалось создание новых рабочих мест и повышение уровня жизни. Кроме того, предусматривались реконструкция горнорудных предприятий и развитие индивидуального жилищного строительства в городах и крупных посёлках [Комплексная программа…, 1986].

После проведения трёх научно-практических конференций (март 1986 г., г. Таштагол; июнь 1989 г., пос. Усть-Кабырза; февраль 1993 г., пос. Шерегеш) Кемеровский государственный университет совместно с Таштагольским горсоветом и горкомом КПСС наметили пути национально-культурного возрождения коренного народа шорцев и его этнокультурного взаимодействия с другими народами Горной Шории. Впервые за полвека был создан фольклорный ансамбль «Чылтыс», с 1985 г. стал проводиться национальный праздник «Ольгудек пайрам» – сначала на священной горе Мустаг, а с 1988 г. – в зонах отдыха в окрестностях Таштагола. В 1986 г., по инициативе учёного-фольклориста А. И. Чудоякова, подобный праздник был проведён в пос. Чувашка и при участии фольклорного ансамбля из ДК г. Мыски.

Черепов Юрий Петрович (1938–2007) – первый секретарь Таштагольского горкома КПСС (1982–1987), полный кавалер знака «Шахтёрская слава», Герой Социалистического труда.

На конференциях были также проанализированы результаты трёхлетних комплексных исследований Горной Шории и приняты рекомендации по восстановлению в границах Таштагольского района Горно-Шорского национального района с национальными сельсоветами, а также создание Шорского национального парка с прекращением вырубок леса, молевого сплава и разработки Белкинского фосфоритного месторождения. Кроме этого, предлагалось развитие экотуризма в пределах парка по реке Мрассу и строительство экомузея «Тазгол» в пос. Усть-Анзас для восстановления памятников историко-культурного наследия и продолжения комплексного исследования Горной Шории.

Многие из рекомендаций учёных начали осуществляться исполнительной властью в виде выработанной ими долгосрочной стратегии превращения Горной Шории из сырье-

Александр Иванович Копытов, второй секретарь Таштагольского горкома КПСС (1982–1984), председатель исполкома Таштагольского городского Совета народных депутатов (1984–1987), первый секретарь Таштагольского горкома КПСС (1987–1989), заместитель Губернатора Кемеровской области по промышленоости, транспорту и связи (2000–2005), д.т.н., профессор КузГТУ, полный кавалер знака «Шахтёрская слава».

вого придатка Кузбасса с поселениями уголовно-осуждённых в туристский центр российского масштаба на основе сохранения и развития историко-культурных, этнографических ценностей и природной среды района. Для начала планировалось открыть 5–7 конно-водных маршрутов, построить на реке Мрассу (у посёлков Усть-Кабырза, Усть-Анзас) и в устье реки Малая Суета туристические кемпинги, а в пос. Шерегеш – турбазу для горнолыжников [Кимеев, 1997, с. 49].

С началом перестройки целенаправленную работу по решению данных проблем стал проводить Таштагольский горком КПСС, особенно после избрания в 1987 г. первым секретарем А. И. Копытова, уроженца Горной Шории. Ещё ранее, в 1986 г., под его руководством, как председателя Таштагольского горисполкома, была разработана и начала реализовываться «Комплексная программа развития сельских советов» района. Развитие экономики планировалось реализовать посредством создания кооперативов, поощрения индивидуальной трудовой деятельности, расширения традиционных для данной местности народных промыслов. Были созданы кооперативы: «Огонек» – по откорму лошадей, «Горная Шория» – по производству товаров народного потребления и строительству домов, «Пчеловод» – по развитию пчеловодства, «Спорт» (в пос. Шерегеш) – по развитию национальных видов спорта, «Восход» (в пос. Ключевом) – по откорму скота. Всего было организовано около 17 кооперативов, объединивших 21 человека. Кооперативам и частным лицам была продана первая партия дефицитных тогда мотоблоков, организован прокат конных косилок, грабель, мини-тракторов. В центрах сельсоветов были заложены 24 жилых дома

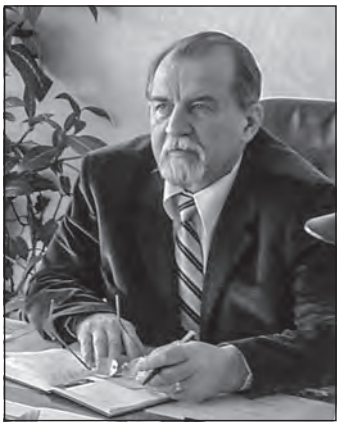
площадью 2827 кв. м, предоставлены ссуды на строительство индивидуальных домов.

Возрождением традиционной культуры продолжали заниматься (без политической подоплёки) при активной поддержке властями Таштагольского района и областного совета по культуре Кемеровской области национально-культурные центры, фольклорные ансамбли и музеи Горной Шории. Самым оригинальным из них является экомузей «Тазгол», первоначальным этапом создания которого стал вывоз построек старинного пос. Ближний Кезек в историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница».

В марте 1989 г. первый секретарь Таштагольского горкома КПСС А. И. Копытов, председатель горисполкома Н. И. Шатилов и глава местного сельсовета Д. Н. Торчаков предложили этнографу и директору музея-заповедника «Томская Писаница» В. М. Кимееву создать музей-заповедник в пос. Усть-Анзас, чтобы сохранить этнокультурное наследие местных жителей в местах их компактного проживания.

При содействии председателя областного совета по культуре В. И. Бедина и по заказу заведующей отделом культуры Таштагольского горисполкома Н. Г. Согриной московские архитекторы Министерства культуры РФ (руководитель группы А. Г. Афанасьев) в 1990 г. разработали проект национального экомузея «Тазгол» в пос. Усть-Анзас, главной задачей которого стало сохранение традиционного образа жизни проживающих здесь шорцев, а также развитие регионального туризма. В 1996 г. епископ Кемеровский и Новокузнецкий Софроний (Будько) впервые посетил вместе с клириками епархии реконструируемый миссионерский стан в пос. Усть-Анзас, благословив иерея

Николай Иванович Шатилов, председатель исполкома Таштагольского городского Совета народных депутатов, глава Таштагольского района (1987–1997), председатель Кемеровского областного Совета народных депутатов (2008–2013), депутат Госдумы РФ VI созыва (2015–2017).



Владимир Иванович Бедин, председатель совета по культуре облисполкома Кемеровской области. 1990-е гг.

Владимир Николаевич Макута, глава Таштагольского района (с 1997 г.), Герой Кузбасса.

Игоря Кропочева на восстановление здесь Троицкого прихода.

Сотрудники Кузбасской лаборатории археологии и этнографии СО РАН в зонах охраны экомузея совместно с местными властями организовали «Горно-Шорский центр этноэкологических исследований». В результате многолетнего сотрудничества с местными властями экомузей «Тазгол» в пос. Усть-Анзас Таштагольского района в 1990 г. получил официальный статус. Большой личный вклад в развитие научного центра и экомузея «Тазгол» внесли главы Таштагольского района Н. И. Шатилов и В. Н. Макута.

На основании этноэкологических и исторических исследований и при финансовой поддержке заместителя Губернатора по промышленности, транспорту и связи, в настоящее время – руководителя Сибирского отделения Академии горных наук, д.т. н., профессора КузГТУ А. И. Копытова были опубликованы пять томов «Каталога шорских коллекций музеев России» в 1999 г., монография «Тайны Кабырзинской принцессы» в 2011 г., монография «Очерки Западной Монголии» в 2012 г., монография «Сибирские остроги Притомья» в 2018 г.

Вот и это фундаментальное исследование по исторической этнографии Горной Шории будет способствоать просвещению россиян, сохранению этнокультурного наследия и гармонизации межнациональных отношений в Кузбассе.

Научный редактор издания, к.и.н., заместитель директора по науке музея-заповедника «Кузнецкая крепость» Ю. В. Ширин.

История изучения Горной Шории

Источники: архивные и музейные

До начала освоения русскими Верхнего Притомья письменные источники, касающиеся истории и культуры исторических предков современных шорцев, отсутствуют. Анализ имеющихся археологических материалов, соотношение их с этнографическими сведениями пока не позволяют подробно осветить этногенез проживающих здесь народов и этнокультурную ситуацию, предшествующую русской колонизации.

В результате продвижения русских служилых и вольных людей по реке Томи, после установления торгово-ясачных отношений с аборигенными общностями, началось первичное накопление информации об этом населении. Длительный процесс вхождения южносибирских территорий в состав Россий-

Герард Фридрих Миллер (1705–1783), действительный член Императорской Академии наук и художеств, руководитель Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743).

ского государства (XVII – первая треть XVIII вв.) сопровождался накоплением огромного количества документов, отражающих историю русско-тюркских этнополитических взаимодействий в этом регионе: докладные записки воевод, жалобы «князьцов» и т. п. Из этих документов можно извлечь самые разнообразные сведения о традиционных занятиях, численности, расселении и об этническом составе народов Верхнего Притомья. Часть этого комплекса документов, сохранившихся в воеводских канцеляриях Кузнецка и Томска, в 1734 г. была собрана и систематизирована руководителем Второй Академической экспедиции академиком Г. Ф. Миллером.

Музейные коллекции предметов шорского быта и культуры стали формироваться с конца XIX в. экспедициями этнографов, музейных работников и краеведов. Поэтому основные овеществленные источники по традиционной культуре шорцев к настоящему времени не сохранились в местах их компактного проживания, а оказались рассредоточенными по двадцати российским музеям. Но только в последние 30 лет экспонаты стали активно изучаться не только для публикаций каталогов, но и для восстановления утраченных элементов культурного наследия и его актуализации музееведами и представителями шорской интеллигенции.

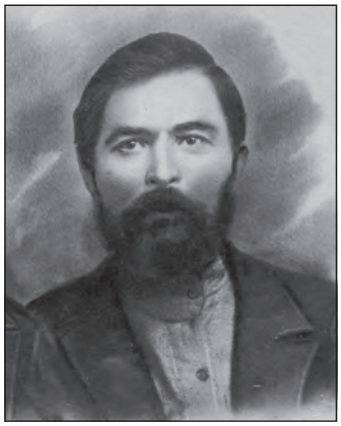
История первых коллекционных сборов по шорцам связана с деятельностью музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества ЗСО ИРГО – предшественника Омского государственного историко-краеведческого музея. В 1881 г. сотрудник ЗСО ИРГО А. В. Адрианов впервые приобрел предметы, отражающие традиционную культу-

ру шорцев, среди которых предметы древних родовых культов, хранящиеся сейчас в фондах Российского этнографического музея [Шорцы.. Каталог…, 1999. – Ч. 5, с. 42]. Часть материалов, приобретенных А. В. Адриановым, была передана им в музей ЗСО ИРГО. Другая коллекция поступила в музей в 1900 г. от члена Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, экономиста С. П. Швецова, но, к сожалению, без привязки собранных экспонатов по традиционным занятиям, предметов культа и народного искусства к конкретным улусам шорцев. Начиная с 1914 г. формируется коллекция шорских предметов охотничьего снаряжения, утвари и религиозных культов в Кунсткамере благодаря сборам алтайского исследователя А. В. Анохина, объехавшего практически всю территорию современной Горной Шории, но почему-то только один предмет – берестяная маска «*Кочо*» привязана к улусу Тайлеп в низовьях Кондомы [Шорцы. Каталог…, 1999. Ч. 5, с. 74].

Сергей Порфирьевич Швецов (1858–1930), учёный-статистик, журналист, создатель Общества любителей исследования Алтая (1891 г.)

Большая часть всех шорских предметов была собрана в 1920–1930-х гг. во время планомерных научных экспедиций в Горную Шорию. В 1923 г. в связи с новым районированием Кузнецкого уезда в его волости был командирован З. С. Гайсин – уполномоченный Томского губернского совета по национальным меньшинствам (Совнацмен) и Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузей). Благодаря ему в 1924 г. в Томский краевой музей поступили предметы из улусов Сыркаш, Томазак (Мыски), Ключи, Усть-Мрасский, Средний Челей, Усть-Анзас, Усть-Кабырза, Осинники [Тучков, 1996, с. 165, 170–171]. Начиная с 1925 г. регулярные экспе-

Алексей Константинович Иванов (1886–1937), заведующий Этноархеологическим музеем, доцент физико-математического и геолого-почвенно-географического факультетов Томского государственного университета.



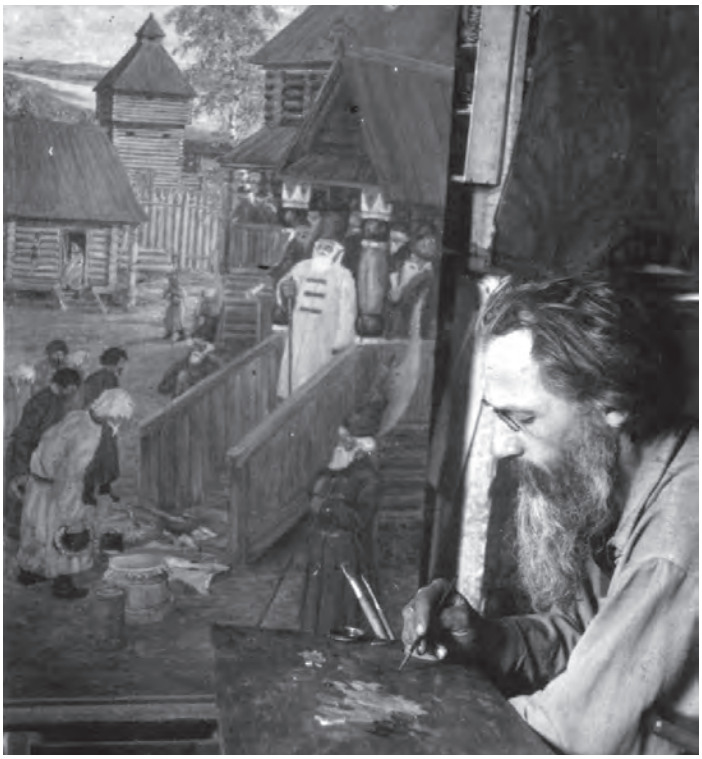
Дмитрий Тимофеевич Ярославцев (1880–1927), основатель Новокузнецкого краеведческого музея, редактор городской газеты «Кузнецкий край».

диции в Горную Шорию стал организовывать заведующий этноархеологическим музеем Томского университета А. К. Иванов, подключив для этого шорскую молодежь, обучающуюся на рабфаке университета [Лукина, 1972, с. 79]. Он собрал уникальные предметы занятий и быта в улусах Сыркаш, Косой Порог, Чульжан (ныне территория г. Междуреченска), улусе Осинниковском и по реке Мрассу (Кызыл-суг, Усть-Кабырза, Сибирга и Томазак (Мыски) [Тучков, 1996, с. 165–191; Дыренкова, 2012, с. 45–46]. Часть собранных предметов в 1930 г. он передал в Щегловский краеведческий музей. В 1932 г. собрал и передал в музей Томского университета коллекцию предметов быта шорцев-абинцев [Фоминых, 2016].

Кропотливую работу по сбору экспонатов проделал в середине 1920-х гг. основатель Новокузнецкого краеведческого музея Д. Т. Ярославцев, поселившийся в конце XIX в. в г. Кузнецке как слесарь-мастеровой и проводник для золотоискателей. Ещё в 1912 г., увлекшись собирательством, в одной из комнат своего дома на ул. Картасской он стал выставлять традиционную одежду и предметы быта кузнецких татар. Но основная часть собранных им предметов для Выставки достижений народного хозяйства в 1922 г. была отправлена в Москву, где они не сохранились. Уже в 1923 г. домашний музей был зарегистрирован Кузнецким районным отделом народного образования как краеведческий, с выставкой в двух комнатах. Там были первоначально выставлены шаманский бубен, предметы утвари кузнецких татар, обломки глиняной посуды из раскопок, оружие и картины из коллекции генерала Н. П. Путилова, коллекция старопечатных книг. Д. Т. Ярославцев привлек к краеведению

знакомого служащего «Сибугля» Г. С. Блынского, стал признанным первым писателем Кузнецка и первым редактором городской газеты «Кузнецкий край». После смерти Д. Т. Ярославцева в 1927 г. его друг Г. С. Блынский перевёз все экспонаты в свой дом по ул. Достоевского, 1, который затем передал в дар городскому музею [Лизогуб, 2007; Шорцы. Каталог.., Ч. 5, с. 63–64; 29]. Он же в 1929 г. подарил своему музею женскую шубу *тон*, аналогов которой нет ни в одном из музеев России [Шорцы. Каталог.., Ч. 4, с. 59] В 1927 г. переехавший в Кузнецк с Горного Алтая другой краевед, К. Е. Евреинов, приобрел в улусе Верхние Кичи и передал в музей орудия охотничьего промысла. Музей г. Сталинска пополнился в 1933–34-х гг. отдельными предметами, переданными краеведом К. А. Ев-

Георгий Степанович Блынский (1889–1953), заведующий лесозаготовительной конторой Кузнецкого района, начальник треста «Южкузбасслес», занимался инвентаризацией лесов Горной Шории.



Конкордий Алексеевич Евреинов (1896-1949), краевед, коллекционер и художник.
Фото 1930-х гг.

Урюбджур Эрдниевич Эрдниев (1910–1999) с художником музея. Археолог, этнограф, преподаватель вузов Кузбасса и Калмыкии, д.и.н., сотрудник Сталинского краеведческого музея, заслуженный деятель науки РСФСР.

реиновым, совершим экспедицию вместе с томичом А. К. Ивановым в улусы по р. Кабырза (Усть-Кабырза, Усть-Кезес, Сарасет, Наа-Чадых). В 1949 г. в музей поступили предметы из личных коллекций К. А. Евреинова и Г. С. Блынского, собранные в разные годы в окрестных посёлках г. Кузнецка. В середине 1950-х гг. в музей поступили отдельные предметы, собранные в окрестных г. Сталинску шорских посёлках (Абагуре, Ольжерасе, Учуле) археологом, преподавателем местного пединститута У. Э. Эрдниевым. В 1958 г. сотрудники краеведческого музея приобрели у шорского сказителя С. С. Торбокова в пос. Тайлеп несколько предметов быта [Кимеева, 2016, с. 150].

В открывшемся в 1929 г. краеведческом музее г. Щегловска была выставка шорских предметов, неизвестно кем собранных в кондомских и мрасских улусах, но погибшая затем при пожаре. Часть предметов быта шорцев была передана в 1999 г. из коллекции краеведа Д. В. Кацюбы [Выдрина, 1999].

Наиболее основательной остается уникальная коллекция Кунсткамеры, музейные предметы которой опубликованы во многих научных статьях и каталогах ведущих этнографов и культурологов России [Дыренкова, 1949, с. 107–191; Иванов, 1955, с. 165–265 и др.; Шорцы. Каталог…, 1999; Кимеева, 2015, с. 97–99 и др.]. Только в 1927 г. сотрудники Кунсткамеры Н. П. Дыренкова и И. Д. Старынкевич в составе Горно-Шорской экспедиции собрали, вывезли и передали в музей около 200 предметов традиционных культов, занятий и утвари кузнецких татар-шорцев, собранных почти во всех верхотомских (Чульджан, Сыркаш, Бородино), мрасских (Усть-Мрасс, Мыски, Парушка, Усть-Кабырза, Парлагол, Колхозный

Карчит, Верхний Алзак, Эльбезе) и кондомских (Красный Калтан, Турла, Чушла) улусах [Дыренкова, 2012, с. 107–191]. В 1932 г. большая шорская коллекция для продажи за границу по заказу Народного комиссариата торговли РСФСР в рамках программы «Новоэкспорт» была собрана алтайскими этнографами А. В. Анохиным и А. И. Новиковым в улусах Ушкайбук, Сурбашка, Кучера, Кырбан и др., часть невостребованных предметов была передана в Кунсткамеру [Шорцы. Каталог..., 1999. – Ч. 1, с. 3]. Во время экспедиции 1932 г. Н. П. Дыренкова собрала и передала в Кунсткамеру ещё 70 предметов занятий и быта шорцев [Дьяконова, 1980, с. 73–85].

Надежда Петровна Дыренкова (1899–1941), тюрколог, лингвист, этнограф, фольклорист, научный сотрудник МАЭ.

Выдающийся советский этнограф Л. П. Потапов передал в 1930-х гг. в Государственный музей этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) большую коллекцию шорских предметов, собранных в экспедициях вместе с коллегой А. К. Супинским [Дьяконова, 2002, с. 125–130].

После значительного перерыва в 1970–80-х гг. студенты исторического факультета Кемеровскго пединститута во главе с известным краеведом Д. В. Кацюбой продолжили сбор в пос. Сарбала (Новокузнецкий район) предметов утвари, традиционных промыслов, элементов костюма и традиционных культов. Часть собранных экспонатов в 1974 г. была по какой-то причине передана в Осинниковский краеведческий музей, но бóльшая часть до создания Музея археологии, этнографии и экологии Сибири в 1980 г. хранилась в частном музее Д. В. Кацюбы в помещениях Исторического факультета КемГУ, а в 1999 г. была передана частично в Кемеровский краеведческий музей, а частично – в МАЭЭС КемГУ.

Дмитрий Васильевич Кацюба (1921–2009), историк-краевед, к.и.н., доцент КемГУ.

Николай Аркадьевич Томилов, этнограф, музеолог, д.и.н., профессор ОмГУ, директор Омского филиала ИАЭ СОРАН.

В 1976 г. в ходе экспедиции Омского государственного университета под руководством этнографа Н. А. Томилова Г. М. Патрушевой в посёлках по р. Мрассу (Адыяксу, Усть-Кабырза и Парлагол) были собраны предметы шорского быта, пополнившие коллекцию Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Предметы одежды и утвари из частной коллекции известной шорской просветительницы А. П. Погожевой были переданы в 1978 г. в нынешний Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН [Погожева, 2004.].

Новый этап комплектования этнографических коллекций начался с ежегодных экспедиций в Горную Шорию выпускника кафедры этнографии ЛГУ В. М. Кимеева. Ещё в студенческие годы в 1976 г. ему удалось собрать и вывезти предметы охоты и быта шорцев пос. Дальний Кезек и Усть-Анзас на кафедру этнографии ЛГУ, которые затем были переданы и хранятся в РЭМ. Основу этнографической коллекции Музея археологии, этнографии и экологии КемГУ с 1980 г. составили сборы В. М. Кимеева со студентами по всей Горной Шории по посёлкам Мрассу и Кондомы. В 1987 г. коллекция пополнилась сборами в посёлках по реке Ортон (Учас, Трёхречье, Ильинка). Часть собранных экспонатов оказалась в фондах Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница», который возглавлял В. М. Кимеев в 1988–1990 гг. Предметы шорского быта продолжали поступать в Музей археологии, этнографии и экологии КемГУ после возвращения В. М. Кимеева на кафедру археологии до 2003 г., а затем стала пополняться коллекция экомузея-заповедника «Тюльберский городок» (око-

Галина Михайловна Патрушева, этнограф, к.и.н., доцент ОмГУ.

Интерью у последнего шорского повстанца Сергея Тенешева. 1980 г. Пос. Камзас.

ло 200 предметов), где В. М. Кимеев до 2016 г. был директором. В 1991 г. большую коллекцию шорских предметов быта (из своего дома в пос. Усть-Анзас) В. М. Кимеев подарил Музею этнографии и природы Горной Шории. В 2007 г. коллекцию историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» пополнили предметы быта, самовольно изъятые сотрудниками музея из пустующих домов в пос. Парушка.

Стараниями хранителя экомузея «Тазгол» Р. М. Хромова в пос. Усть-Анзас из последних, чудом уцелевших предметов охоты и быта местных шорцев была сформирована коллекция, размещённая в виде выставки в двухъярусном амбаре на территории экомузея. Преподаватели и студенты КемГУКИ, ежегодно проходящие практику в экомузее, составили на эту коллекцию опись и включили её в Государственный фонд Российской Федерации.

Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), профессор, участник Второй Камчатской экспедиции.

Этапы научного изучения Горной Шории

Деятельность экспедиции под руководством Г. Ф. Миллера, положившей начало научному анализу истории предков шорцев – кузнецких татар, ознаменовала наступление ***первого этапа*** (первая треть XVIII – середина XIX вв.) накопления научных знаний о шорцах и их предках. На основании документов был восстановлен ход исторических событий, связанных с постройкой «русскими служилыми людьми» Кузнецкого острога и с покорением жителей «Мрасских, Кондомских и Верхтомских волостей». Также был составлен первый словарь «языка абинцев» – одного из этнических подразделений кузнецких татар и языка соседних с абинцами телеутов [Миллер, 1996; 2000; 2005].

Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), ботаник, географ, академик, ректор Университета Академии наук.

Попытка историка И. Фишера написать сокращенную «Сибирскую историю» (1774 г.) на основе подготовленных к печати Г. Ф. Миллером первых 23 глав «Истории Сибири» дала мало нового. Сведения о кузнецких татарах, представленные в ней, не отличаются оригинальностью и почти полностью повторяют текст Г. Ф. Миллера.

Другой участник экспедиции, И. Г. Гмелин, опубликовавший свой дневник с подробными сведениями о работе в Кузнецком уезде, оставил описание традиционной плавки руды в низовьях Кондомы [Гмелин, 1994а, 1994б, 2003; Водясов, 2016]. Некоторые сведения о населении улусов и юрт, расположенных вниз по реке Томи от г. Кузнецка, встречаются в работе ещё одного участника той же экспедиции –

С. П. Крашенинникова [Крашенинников, 1966, с. 38, 41, 47–48].

Более значительные этнографические материалы о кузнецких татарах собраны участниками Третьей Академической экспедиции (1768–1774 гг.) – руководителем академиком П. С. Палласом и сотрудниками – И. П. Фальком, И. Г. Георги. В своём труде П. С. Паллас привёл краткие сведения о социальной организации, основных занятиях и шаманстве родственных кузнецким татарам родов абаканских бирюсинцев – сёоков кый, кобый, карга, шор [Паллас, 1788, с. 507, 514]. Он впервые сообщил о торговых путях, соединяющих долины рек Абакана и его притока Таштыпа с реками Мрассу, Томью и г. Кузнецком. Первый пролегал от реки Абакана вверх по реке Малая Сея через реки Матур, Узасс к Мрассу, по которой в лодке можно было попасть на Томь и далее до Кузнецка. Второй путь проходил вдоль рек Магазы (может быть, реки Кабырзы? – прим. авт.) и Наджила – притоков Мрассу. Третий путь, по которому был отправлен П. С. Палласом студент Кошкарёв, начинался от рек Тея, Аскиз, через р. Балыксу к верховьям Томи, по которой в дальнейшем Кошкарёв спустился на плоту к Кузнецку [Паллас, 1788, с. 495].

Один из участников этой экспедиции, И. Г. Георги, предпринял попытку более полного этнографического описания отдельных локальных групп кузнецких татар (абинцев, верхотомцев, бирюсинцев). В основу его труда был положен этнографический материал, собранный как им самим, так и другими участниками академических экспедиций. Бирюсинцев верховьев Абакана он принимал за переселенцев с верховьев реки Кондомы, куда они, в свою очередь, якобы попали с реки Бирюсы [Георги, 2007, с. 267–270].

Пётр Симон Паллас (1741-1811), академик, руководитель Третьей Академической экспедиции, учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник.

Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги (1729-1802), медик, химик, натуралист, этнограф.

Григорий Иванович Спасский (1783–1864), историк, член-корреспондент Императорской Академии наук, служил чиновником в Кузнецке в нач. XIX в.

Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894), публицист, писатель, исследователь Сибири и Центральной Азии.

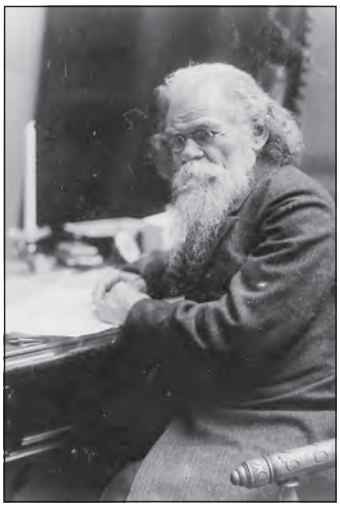
Сведения о предках шорцев конца XVIII – начала XIX вв. встречаются также в отдельных статьях геодезиста-географа поручика П. Шишкова, совершившего по делам службы в 1848 г. поездку по рекам Томи, Мрассу, Кондоме и Лебеди к Телецкому озеру [Шишков, 1859], а также русского пограничного комиссара Е. Пестерева, обследовавшего в 1772–1781 гг. абаканских татар «Каргинской, Кобинской и Шорской волостей» [Пестерев, 1793, с. 9] и издателя «Сибирского вестника» Г. И. Спасского, неоднократно совершавшего служебные поездки по Алтаю в качестве горного инженера. Если работы П. Шишкова и Е. Пестерева представляют собой, главным образом, путевые записки со сведениями о занятиях местного населения, его родовом и административном устройстве, то Г. И. Спасский стремился дать систематическое описание предков шорцев и их основного, как он полагал, занятия – кузнечества [Спасский, 1819, с. 124–143].

Чрезвычайно интересной является статья «Кузнецкие инородцы», подписанная псевдонимом «За-Ангарский сибиряк». В ней с привлечением исторических документов и собственных наблюдений автор дает подробное описание этнических групп верховьев Томи, долин Кондомы и Мрассу. Началом покорения «инородцев Кузнецкого округа» считается 1607 г., причём указывается, что сами они не имели преданий о своём происхождении. Автор делил их на кочевых и оседлых. Последних, живущих, как и русские крестьяне, в деревянных домах, насчитывалось более 6 тысяч в отличие от 10 тысяч кочевых, расселившихся в лесах «в полудиком состоянии». Оседлые платили налог наравне с крестьянами, а кочевые вносили ясак звериными шку-

рами и деньгами [За-Ангарский сибиряк, 1858, с. 13–16, 68–70].

Второй этап (середина XIX – начало XXI вв.) начинается широко развернувшимися научными исследованиями в Сибири, проводимыми, главным образом, под эгидой основанного в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Наибольший вклад в этнографическое изучение кузнецких татар на данном этапе внесли: основоположник этнографии тюркоязычных локальных групп Алтая, член-сотрудник ЗСО ИРГО миссионер В. И. Вербицкий, около четверти века совершавший поездки к «кузнецким инородцам»; академик В. В. Радлов, обогативший науку огромным фактическим материалом и этнолингвистической классификацией тюрок Алтая, сохранившей свою научную ценность до наших дней; учёные-путешественники, сотрудники РГО А. В. Адрианов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, учёный-краевед А. В. Анохин; руководитель Комиссии по изучению племенного состава Сибири (КИПС) С. К. Патканов и руководитель экспедиции по статистическому и экономическому обследованию алтайцев и предков шорцев С. П. Швецов. Наибольший вклад в исследования народов Саяно-Алтая внес тюрколог Н. М. Катанов.

В. И. Вербицкий (1818–1890-х гг.), совмещая свою миссионерскую деятельность с научной работой, собрал и опубликовал в различных изданиях огромный фактический материал по фольклору, языку, административному устройству, родовому составу и социальной организации кузнецких татар. Этнографическое изучение предков современных шорцев было начато им сразу же после основания по инициативе Алтайской духовной миссии в декабре 1858 г. миссионерского стана в улусе Ку-



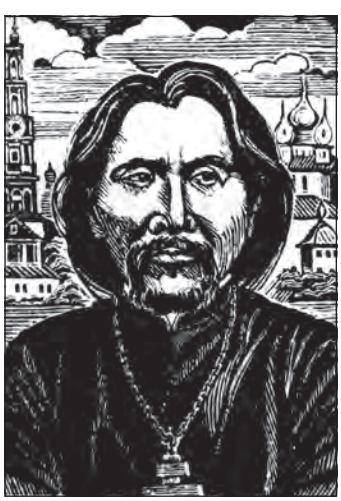
Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), географ, этнограф, фольклорист, ботаник, публицист) член РГО, руководитель шести Монгольских и Китайско-Тибетских экспедиций.

Николай Фёдорович Катанов (1862–1922), тюрколог, профессор Казанского Императорского университета и Казанской духовной академии.

Василий Иванович Вербицкий (1827-1890), миссионер, этнограф, лингвист, член РГО.

зедеевском. Он совершал ежегодные поездки по рекам Кондома, Пызас, верховьям Мрассу. Особое внимание как миссионер и этнограф В. И. Вербицкий уделял изучению религиозных верований, обычаев, родовых обрядов и праздников шорцев [Записки миссионера…, 2008; Вербицкий, 1870; 1884; 1893; 1885; 1993 и др.].

В. И. Вербицким впервые были сделаны записи исторических легенд и преданий шорцев, подробное описание особенностей их духовной культуры. В «Памятной книжке Томской губернии на 1871 год» был опубликован составленный им точный список всех улусов и аилов «кузнецких инородцев» с указанием численности жителей в этих поселениях и их распределением по волостям [Вербицкий, 1871, с. 242–249]. Им впервые была предпринята попытка осмысления богатейшего научного материала, как, например, деления алтайцев на южных и северных по особенностям их традиционной культуры и языка, Причём «кузнецкие инородцы» были им отнесены к северным [Вербицкий, 1893, с. 7, 8, 23, 206–216]. Более тщательное изучение кондомского (шорского) наречия позволило ему выделить у кузнецких инородцев несколько говоров: верхнемрасский, среднемрасский, нижнемрасский, среднекондомский, нижнекондомский [Записки миссионера…, 2008, с. 116; Вербицкий, 1884, с. 160].



Иван Матвеевич Штыгашев (1861-1915), миссионер, первый шорский писатель.

В. И. Вербицкий категорически отверг деление академиком В. В. Радловым тюркоязычного населения Алтая на черневых, лебединских татар и шорцев, так как, по его словам, «…лебединские татары и шорцы суть черневые же инородцы». Более того, миссионер высказался против объединения кузнецких татар под названием «шорцы», ибо, как он считал, «…такое предпочтение будет обидно каларцам, изушер-

цам, кызыльцам, кийцам, кобинцам, каргинцам, бежбояковцам, барсоятцам и абинцам, то есть другим родам-сёокам кузнецких татар, говорящим одним языком». Черновых татар он подразделял на бийцев (жителей системы рек Бия и Лебедь) и кочевых мрасско-кондомцев или бирюсинцев Кузнецкого округа [Вербицкий, 1993, с. 21–22].

Заметный след в исторической этнографии и литературе народов Саяно-Алтая оставил другой служитель Алтайской духовной миссии – И. М. Штыгашев [Штыгашев, 1885].

Почти одновременно с В. И. Вербицким начал свою научную деятельность на Алтае учитель немецкого и латинского языков Барнаульского горного училища В. В. Радлов, ставший впоследствии крупнейшим тюркологом и академиком. В результате своих полевых исследований (с 1861 г.) он ввёл в научный оборот огромный и тщательно выверенный материал о родовом составе, расселении, этнографических особенностях экстерриториальных групп Саяно-Алтая, в том числе шорцев.

Фридрих Вильгельм (Василий Васильевич) Радлов (1837-1918), востоковед-тюрколог, этнограф, археолог, академик, второй директор МАЭ (1894-1918).

В. В. Радлов впервые объединил группы татар, живущих по рекам Томи, Мрассу и Кондоме под общим названием «шорцы», хотя сами они не осознавали себя тогда, по его же словам, единым народом. К этому его побудило, во-первых, то обстоятельство, что местные татары говорили почти на одном языке, обозначенном им «шорским диалектом», а во-вторых, то, что соседние телеуты, лебединцы и черневые татары именовали кузнецких татар общим названием «шор-кижи». Прежние их названия «*абинская орда*», «*кузнецкие татары*» дали им русские [Радлов, 1989, с. 209].

По образу жизни В. В. Радлов подразделял шорцев на две этнические группы: низовские,

Александр Васильевич Адрианов (1854-1920), этнограф, просветитель, археолог, ботаник, профессор ТГУ, член РГО с 1879 г.

занимающиеся земледелием, и черневые – жители верховьев Томи, рек Мрассу и Кондомы. В особую группу «томско-кузнецких татар» он выделил остальных тюрок Притомья. Полагая, что изучение родового состава поможет успешно решать вопросы этногенеза, он составил первый подробный список 22 родов исторических предков шорцев [Радлов, 1989, с. 94].

Определённую ценность для этнографии представляют работы сотрудников РГО Г. Н. Потанина и П. П. Семёнова. Они, путем широкого сопоставления этнографических материалов, собранных В. В. Радловым, В. И. Вербицким, П. С. Палласом, Е. Пестеревым и другими исследователями, решали общие вопросы происхождения народов Алтая, в том числе и шорцев. Был уточнен родовой состав последних, численность, расположение улусов и волостей Кузнецкого уезда отдельно по рекам Томи, Мрассу, Кондоме. Отмечено несовпадение точек зрения В. В. Радлова, предлагавшего назвать кузнецких татар шорцами, и В. И. Вербицкого, считавшего, что наиболее подходящим для них будет название бирюсинцы.

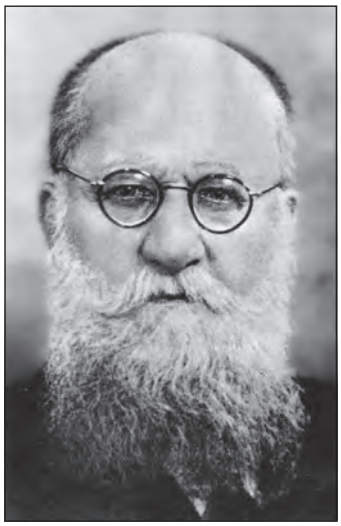
Авторитетное мнение В. И. Вербицкого, видимо, более импонировало Г. Н. Потанину и П. П. Семёнову, поэтому они и сделали попытку его научного обоснования, хотя и употребляли при этом термин «*шорцы*» (торцы). Они пишут: «Действительно, по образу жизни, соседству, преданиям и родовым знаниям бирюсов татарами называют только русские и то только тогда, когда они примут христианство» [Потанин, 1877, с. 502].

Образ жизни кузнецких татар-шорцев описывался членом-сотрудником РГО А. В. Адриановым как оседлый с редкими перекочёвками на новые места в случае смерти кого-либо

из родственников или стихийных бедствий. При этом подчёркивалось социальное неравенство шорцев и высокое положение женщины в обществе [Адрианов, 1888а, с. 193]. Население бассейнов рек Мрассу и Кондомы объединяется А. В. Адриановым под общим названием «черневые татары», которых по происхождению он считал «финским племенем», отличавшимся от своих соседей – «татар Минусинского округа», телеутов и алтайцев Бийского округа по внешности и языку. По его убеждению, род шор – всего лишь один из сёоков, обитающих на реке Кондоме и переселившихся впоследствии отдельными семьями на реки Томь, Мрассу и Абакан. Род этот, хотя и считался самым многочисленным, но «не более самостоятельный, чем каждый из других родов» [Адрианов, 1888а, с. 191]. В то же время «инородцев», обитающих на вышеуказанных реках, он считал «…единым народом, говорящим одним наречием», имеющим одинаковые костюм, внешность и образ жизни и отделял от них «инородцев», обитавших по реке Лебеди, образующих другое наречие и разнящихся с кондомскими татарами языком, обычаями и некоторыми другими признаками. С другой стороны, А. В. Адрианов сближал кондомско-мрасских «инородцев» с абаканскими по языку, обычаям, «сходству типа», а некоторые различия между ними объяснял природными условиями [Адрианов, 1888а, с. 292].

Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827-1914), географ, ботаник, экономист, государственный деятель, организатор первой переписи населения России (1897), действительный тайный советник.

Другой член-сотрудник РГО, Н. М. Ядринцев, посетивший в 1880 г. среди прочих групп Алтая кузнецких татар низовьев Кондомы, сделал попытку определить их этническую принадлежность. В результате исследований он пришел к выводу об этнической близости «черневых инородцев» к финнам и чухонцам. Кузнецкие



Сергей Ефимович Малов (1880–1957), лингвист-тюрколог, член-корреспондент РАН.

инородцы, как часть «алтайской народности», разделялись им на телеутов и черневых татар. Последние, в свою очередь, делились им на оседлых «инородцев» северной части Кузнецкого уезда (13 инородческих управ с 24 улусами) и кочевых (22 волости), «…ведущих в горной тайге полудикарский образ жизни» [Ядринцев, 1891, с. 93, 97].

Лингвистические исследования среди кузнецких татар проводил крупнейший тюрколог С. Е. Малов, проехавший в 1908 г. по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии от г. Кузнецка до села Таштып через верховья Томи, затем поднялся на лодке вверх по р. Мрассу и далее верхом вдоль р. Кабырзы в долину Абакана. Им были описаны «абинское, черневое и шорское наречия» трёх локальных групп «кузнецких инородцев» [Малов, 1909, с. 35–48].

Используя материалы, собранные В. И. Вербицким, В. В. Радловым и А. В. Адриановым, известный тюрколог и фольклорист Н. Ф. Катанов разделил все тюркские племена по языку на 4 группы: северную, среднюю, центральную и восточную, отнеся «татар Томской и Енисейской губерний» к последней (восточной). Кузнецких татар он считал частью алтайцев [Катанов, 1894, с. 19].

По заданию Сибирской подкомиссии по составлению этнографических карт при отделении Русского географического общества совершил в 1915–1916-х гг. поездку от улуса Сузоп Барнаульского округа через реки Кондома, Мрассу и Матур в верховьях Абакана этнограф, фольклорист и музеевед А. В. Анохин. По результатам путешествий им был составлен машинописный неопубликованный отчёт, представляющий собой монографическое описание

шорцев долин рек Кондомы и Мрассу. Наиболее интересным является подробный список родового состава шорцев и волостей Кузнецкого уезда, а также описание социальной организации, названий и самоназваний отдельных локальных групп шорцев и их этнографических особенностей. Интересны также сделанные им описания местных церковно-приходских школ Алтайской духовной миссии [Анохин, АМАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 84].

Самым многочисленным из всех родов А. В. Анохин, в отличие от В. В. Радлова, считает род *челей*, отдельные семьи которого были разбросаны по всей Кузнецкой тайге и даже в степи в селе Алейском около г. Бийска, затем следуют по численности роды *карга* и *таяш*. Во время поездки А. В. Анохина шорцы окрестностей г. Кузнецка и вверх от него в улусах по реке Томи уже стали забывать свои родовые названия и начали заимствовать культуру русского населения, включая и язык [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. I. Д. 5].

В 1890 г. поездку в верховья Томи совершил сотрудник Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Д. И. Головачев. Он составил краткий историографический обзор работ предшествующих исследователей Кузнецкого округа начиная от П. С. Палласа и кончая А. В. Адриановым. Ценным в его статье является экономико-географическое описание Кузнецкого округа, перечисление «инородческих поселений», встреченных им в пути: улусы Абашевский, Тарбаган, Усть-Мрасс, Сыркаш, Курья, Чульжан. У всех местных жителей, отмечает он, кроме промыслов ореха, пушнины, примитивного земледелия было довольно развитое стойловое скотоводство. У жителей улусов верховьев

Андрей Викторович Анохин (1869–1931), этнограф, композитор, просветитель, основатель Национального музея Республики Алтай, член-корреспондент АН СССР.

Томи (выше впадения реки Усы), а также рек Мрассу и Кондомы – кочевых и оседлых «черневых татар», напротив, преобладало промысловое хозяйство и примитивное земледелие [Головачев, 1894, с. 67, 75].

Государственные служащие проводили и статистическое обследование. Так, для изучения проблем землеустройства переселенцев, подробного экономического и географического обследования Кузнецкого уезда сюда предпринял поездку чиновник из Министерства земледелия и государственных имуществ П. Г. Сувэйздис. Он определил численность коренного и тюркоязычного населения в 21370 чел. и подразделил его, как и ранее, на «оседлых, сильно подверженных влиянию культуры русских переселенцев, и кочевых таёжных татар, не имеющих наделов» [Сувэйздис, 1898, с. 631].

В конце XIX – начале XX вв. происходит землеустройство населения Алтая, в Кузнецком уезде в это время работала статистическо-экономическая экспедиция во главе с С. П. Швецовым, организованная Управлением Алтайского горного округа. В опубликованных результатах этой работы имеется подробный список волостей Кузнецкого уезда, число оседлых и кочевых хозяйств «своей и чужой волости», а также число русских хозяйств с указанием численности населения. Кроме того, по статистическим материалам таблиц можно дать характеристику особенностей экономики предков шорцев в каждой из волостей. Все их волости разделены по трём экономическим районам: Томскому, Кондомскому и Мрасскому. В работе сделаны выводы о том, что у кузнецких татар, как и у остальных коренных жителей Алтая, преобладает «кочевой быт» и ус-

ловия для землеустройства у них не созрели [Швецов, 1903, с. 110, 121].

К противоположным выводам пришел другой чиновник Управления Алтайского округа – К. Н. Миротворцев. Он проехал от реки Лебедь через верховья Мрассу к реке Абакан и назад – через реки Матур и Мрассу в г. Кузнецк. В том же 1910 г. К. Н. Миротворцев посетил улусы по рекам Мундыбаш, Кондома, Антроп, а затем снова вернулся в г. Кузнецк. В его опубликованном отчёте экономически выделяется Мрасско-Кондомский район, состоящий из 14 волостей, без указания их названий. Раздробленность населения, по К. Н. Миротворцеву, – пережиток родового строя, она неудобна для самих «кузнецких инородцев», и они не против объединения в более значительные административные единицы. Тем более, что сами «инородцы» смутно представляли границы прежних волостей, не считались с ними, да и сами границы не были определены, а сохранялось только преимущественное право пользования определённой промысловой территорией, находящейся иногда на большом расстоянии от улусов.

Клавдий Николаевич Миротворцев (1880-1950), географ, д.г.н., профессор Иркутского университета.

В его работе также даётся анализ традиционных занятий предков шорцев – скотоводства, и земледелия, основанного на захвате участков, которые затем переходили в наследственное пользование семей. Подробно описываются административное устройство, социальная организация населения, переживающего этап классового расслоения. По своему хозяйственному строю, бытовым особенностям К. Н. Миротворцев отделял население верховьев Абакана от жителей бассейнов Мрассу и Кондомы. Верхнеабаканцы, как он считал, по языку ближе к «минусинским инородцам», мрасско-кондом-

цы же, составляющие 14 волостей Кузнецкого уезда, – к остальным «черневым кузнецким татарам». По происхождению «кузнецкие инородцы» считаются им отюреченными самоедами-енисейцами [Миротворцев, 1911, с. 12, 14].

Руководителем Комиссии по изучению племенного состава населения Сибири (КИПС) С. К. Патканов в конце XIX в. были обработаны результаты переписи населения 1897 г. и сделан критический анализ всей предшествующей литературы о родовом составе, расселении и языке народов Сибири, в том числе и кузнецких татар-шорцев. Им опубликованы списки всех улусов, распределённых по волостям, с указанием численности населения каждого улуса. С. К. Патканов сопоставил названия волостей Кузнецкого уезда с наименованиями родов, зафиксированными В. В. Радловым. При этом он стремился выяснить соответствие расселения по улусам родов, отмеченных в переписи, определить языковую принадлежность, численность этих родов, а значит, и численность всего «шорского» населения, в чём значительно продвинулся дальше своих предшественников [Патканов, 1911б, с. 270–285; 1912, с. 67–68].

Материалы КИПС в первое десятилетие советской власти были использованы при составлении этнографической карты СССР, на которой, кроме шорцев, причисленных вместе с «абаканскими татарами» к северо-восточным «туркам», были обозначены и абинцы, отнесенные вместе с чулымцами и черневыми татарами к юго-восточным «туркам» [Патканов, 1923, с. 5]. Результаты работы комиссии были обнародованы и отражены в местной печати того времени [Приложение к газете «Кузбасс», 1927, с. 4; Иванов, 1927, с. 5]. Окончательно утверди-

лось мнение, что кузнецкие татары – конгломерат разных тюркских племен (татар Северного Алтая, Алатау, кузнецких и черневых), объединенных в научной литературе и служебных документах под общим названием шорцы.

Этнографическое изучение шорцев на третьем, советском этапе продолжалось, по существу, в рамках прежних программ Российской Академии наук и РГО и не имело чёткого планирования. В этот период переустройства гуманитарной науки больше внимания уделялось вопросам этногенеза. Этнограф В. Г. Богораз считал шорцев реликтовым остатком древней культуры пеших охотников – потомков отюреченных палеоазиатов [Богораз, 1927, с. 42]. Историк Г. Е. Грум-Гржимайло связывал шорский эпоним *кобый* (*киби* или *киви*) с этнонимом древних теле – *ки-би*, упоминаемом в китайских летописях [Грум-Гржимайло, 1926, с. 247]. Историк В. Н. Кашин предпринял попытку «реконструкции» одного из традиционных занятий предков шорцев – кузнечества, используя для этого, главным образом, русские исторические документы [Кашин, 1934, с. 11].

Различные этнографические сведения описательного характера встречаются в записках государственных служащих, совершавших по служебным делам в конце 1920-х гг. поездки по территории Горной Шории. Так, врач А. Н. Аравийский, спасавший шорцев верховий Мрассу от эпидемии сифилиса, собрал интересный материал о социальной организации, особенностях жилища, одежды, занятиях, шаманстве шорцев среднего течения и верховьев реки Мрассу. Путем личного опроса населения он составил список родового состава шорцев, выделив 11 сёоков, часть названий которых, как он полагал, имеет тотемное происхожде-

Владимир Германович Тан (Богораз) (1865–1936), этнограф, лингвист, публицист, создатель Института народов Севера (1932 г.)

Александр Николаевич Аравийский (1897–1975), медик, дерматолог-венеролог, участвовал в составе Российского Красного Креста в лечении эпидемии у шорцев, профессор университетов Томска и Ленинграда.

Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942), лингвист и переводчик, профессор Московского городского педагогического института, участвовал в разработке новых национальных письменностей.

ние. Численность шорцев, имевших тогда самоназвание «татар-кижи», ошибочно определялась А. Н. Аравийским в 47000 чел. [Аравийский, 1994, с. 88].

Летом 1929 г. для выяснения количества языковых групп населения Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов, шорцев) с целью улучшения у них народного образования и национально-культурного строительства совершил поездку в Ойратскую автономную область и Бийский округ лингвист А. М. Сухотин. Он пришел к выводу о возможности использования для кумандинцев и «шалганцев» шорского литературного языка на основе созданных учебников в связи с большим сходством их разговорной речи. Тогда, как он писал, «культурно-объединенное» население этих трёх групп достигло бы почти 20000 чел. Сюда же он предлагал включить томско-кузнецких татар северной части Кузнецкого округа по реке Томи, которых телеуты называли «тюльберцы». Для такого лингвистического, а значит, и этнокультурного объединения А. М. Сухотин предлагал создать соответствующие политические и экономические предпосылки. Он отверг предложение части алтайской интеллигенции по искусственному распространению «ойротского» литературного языка на «шорцев» и «шалганцев», поскольку не было у них объединяющей деловой и экономической связи с алтайцами. К тому же он отмечал и значительные отличия в их языках [Сухотин, 1931, с. 106].

Все эти поездки и этнографо-лингвистические исследования как в XIX в., так и в первые годы советской власти не носили системного характера, а были зачастую следствием личной инициативы. Публикация материалов КИПС

и результатов спорадических исследований 1920-х гг. замыкает ***третий этап.***

С середины – конца 1920-х гг. в условиях создания советского государства и последовавшего за этим обновленного научного изучения Сибири начинается четвёртый этап (1920-е – 1990-е гг.) в исследовании шорцев, проводившемся по программе АН СССР и российских вузов. Немалый научный материал по антропологии, родовому составу, расселению и самоназванию шорцев был собран А. И. Ярхо и В. И. Белкиной, сотрудниками антропологического отряда АН СССР. Накопленный материал был впоследствии опубликован в монографии А. И. Ярхо «Алтае-Саянские тюрки». Считая шорцев этническим конгломератом из 14 эпонимов, автор разделил их на две группы: дальних (среднее течение и верховья Мрассу и Матура), сохранивших в чистом виде североазиатский компонент, и ближних (низовья Мрассу и верховья Томи) – с проступающими чертами южно-сибирского и центрально-азиатского компонентов, что сближало последних с телеутами. Отмечено, что советские шорцы продолжали употреблять как свои родовые названия – *шор*, *карга* и т.–д., так и территориальные, например, *мрасс-кижи* – т. е. мрасский человек, *кондом-кижи* – кондомский человек и т. п. Одновременно у них имелось и общее самоназвание – «*татары*». По утверждению А. И. Ярхо, шорцы не имеют общих сёоков с тубаларами, кумандинцами и лебединцами, а значит, неправильно объединять их всех вместе под термином «*черневые татары*». Шорцы, по его мнению, в «племенном» отношении связаны с «народностью хакаской группы» и имеют «енисейско-остяцкое происхождение [Ярхо, 1947, с. 5].

Аркадий Исаакович Ярхо (1903-1935), антрополог, заведующий расовым отделом Государственного музея антропологии МГУ.

Лев Яковлевич Штернберг, этнограф, член-корреспондент АН СССР, профессор Петроградского университета, начальник этнографической экспедиции АН СССР.

Почти одновременно с антропологическим началось комплексное этнографо-лингвистическое изучение населения верховьев Томи Горно-Шорской этнографической экспедицией АН СССР в составе Н. П. Дыренковой, И. Д. Старынкевич, Л. П. Потапова под общим руководством Л. Я. Штернберга [Отчёт, 1928, с. 116–119]. Полевые исследования продолжались несколько лет с небольшими перерывами, в результате чего был собран богатейший материал об этническом составе, традиционной культуре, социальной организации шорцев и характере советизации. Результаты полевых исследований впоследствии частично были опубликованы в различных изданиях. Наиболее полно и обобщенно они представлены в монографиях: «Очерки по истории Шории» Л. П. Потапова [1936] и «Шорский фольклор» Н. П. Дыренковой [1940]. В последней работе рассмотрено содержание шорского фольклора с целью выяснения характера хозяйства и бытовой среды, его породившей. В приложении дается подробная справка почти обо всех шорских сёоках, приводятся многочисленные легенды об их происхождении, даны этнографические характеристики отдельных родов. Кроме того, ей сделан краткий обзор истории присоединения кузнецких татар к Российскому государству. Н. П. Дыренкова опубликовала также «Грамматику шорского языка», в которой впервые выделены и описаны два основных местных диалекта, распадающихся на несколько говоров [Дыренкова, 1941].

Бóльшая часть собранного и частично обработанного Н. П. Дыренковой материала хранится в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2 и др.] и издана сотрудниками этого музея [Дыренкова, 2012]. Особый интерес

из этого обширного материала представляют её полевые дневники и подготовленная к печати для сборника «Народы Сибири» монографическая статья о шорцах. В ней помещена подробная сводка всех названий татар-шорцев, встречающихся в исторической литературе, приведён длинный перечень самоназваний территориальных групп и названий, употребляемых для них соседями – хакасами, алтайцами, телеутами; выясняются причины, время появления и закрепления общего самоназвания «шорцы». Приведённые там исторические данные о шорцах в основном совпадают со сведениями, опубликованными Л. П. Потаповым, и несколько дополняют их. Характеристика региональных особенностей хозяйства дается по С. П. Швецову и А. В. Анохину. Существенное место в работе занимает характеристика периода включения шорцев в поле деятельности национальной политики СССР. Основой рукописи послужил огромный статистический материал, собранный в различных сельсоветах Горно-Шорского национального района в течение десяти лет.

Ирина Дмитриевна Старынкевич (Хлопина), этнограф, участница отряда Н. П. Дыренковой этнографической экспедиции АН СССР (1926–1927).

После окончания Великой Отечественной войны вопросами этнографии шорцев продолжал заниматься практически один Л. П. Потапов, так как Н. П. Дыренкова погибла в блокаде Ленинграда. Трудно назвать раздел шорской этнографии, которого бы он не касался, но, определенно, наибольшее внимание им было уделено вопросам этногенеза отдельных шорских групп и сёоков, а также религиозным верованиям [Потапов, 1948, с. 200–202; 1969, с. 140, 168–169; 1970, с. 90; 1973, с. 265]. Он опубликовал самый подробный список шорских групп и родов, составленный на основе сравнения своих полевых материалов с данными В. В. Радлова

Леонид Павлович Потапов (1905–2000), этнограф, профессор, д.и.н., директор МАЭ, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР (1951), лауреат премии Американского фонда по изучению шаманизма (1993).

и А. В. Адрианова, и определил основное место их обитания, а также промысловую территорию с культовыми горами. Впервые им был дан обстоятельный анализ структуры шорского сёока, этапы его разложения на семьи-тёли у разных локальных групп. Все народы Саяно-Алтая, в том числе и шорцы, несмотря на сложный этнический состав, наличие самодийского, угорского и енисейского компонентов, имеют, согласно Л. П. Потапову, общий древнетюркский компонент [Потапов, 1956, с. 496].

Весьма важен его вывод о том, что после освоения Саяно-Алтайского нагорья русскими начался процесс формирования «самобытных этнографических особенностей у таёжных родоплеменных групп», т. е. формирование самостоятельных этнических общностей – шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов, сагайцев и др. [Потапов, 1953, с. 70]. Им же впервые были опубликованы им материалы о социалистическом этапе в развитии шорцев [Потапов, 1994, с. 124–138; 1956, с. 492–538].

С точки зрения советской этнической типологии автор первоначально считал шорцев «племенной группой» северных алтайцев, но впоследствии, при подготовке капитального труда «Народы Сибири», выделил их как «самостоятельную народность». Главной причиной этого послужило выявление значительной роли телеутского и южноалтайского компонентов в этногенезе шорцев по сравнению с другими территориальными группами Северного Алтая – челканцами, кумандинцами, тубаларами. Своеобразным оказалось и развитие шорцев после возникновения советского государства, в период существования Горно-Шорского национального района и после его упразднения,

повлиявшего на конструирование шорской этнической идентичности [Потапов, 1956, с. 492].

Специальную попытку исследования родового состава исторических предков шорцев – кузнецких татар XVII – XVIII вв. – предпринял в начале 1960-х гг. этнограф Б. О. Долгих. Путем изучения русских исторических документов он условно выделил три «племени» кузнецких татар: шорцев, верхтомцев, абинцев, распределил административные волости и улусы по этим трём группам, а также определил их численность, родовой состав и расселение. Соседних челканцев Б. О. Долгих считал территориально-обособившейся ветвью шорцев или кумандинцев [Долгих, 1960, с. 104–118].

Борис Осипович Долгих (1904–1971), этнограф, д.и.н., с.н.с. Института этнографии АН СССР.

На основе исследований культуры народов Сибири ленинградский этнограф С. В. Иванов сделал ряд интересных этногенетических выводов и опубликовал фундаментальные исследования по орнаменту и скульптуре шорцев [Иванов, 1954, с. 667; 1955, с. 265].

В связи с развернувшейся в 1960-е гг. дискуссией о проблемах хакасского этногенеза появились исследования, где приводились неизвестные ранее исторические документы о кузнецких татарах, которые входили в XVII в. в Алтырское княжество енисейских кыргызов на правах кыштымов [Копкоев, 1965, с. 69, 75–76; Абдыкалыков, 1986, с. 15 и др.]. Как утверждает хакасский историк В. Г. Карцов, кыштымы алтырских князей – шорские сёоки *карачор, изушер, кый, кобый* издавна жили в верховьях Абакана, Томи и по всему течению Мрассу и могли свободно переселяться по долинам и водоразделам этих рек [Карцов, 1970, с. 49]. Опираясь, главным образом, на русские исторические документы, отношения между телеутами и их кыштымами – кузнецкими та-

Валерий Павлович Алексеев (1929–1991), антрополог, археолог, д.и.н., член-корр. АН СССР, директор Института археологии АН СССР (1988–1991).

Аркадий Романович Ким (1946–1993), антрополог, к.и.н., н.с. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

тарами – исследовал барнаульский историк А. П. Уманский [Уманский, 1980, с. 56–57].

Решение некоторых вопросов этногенеза шорцев на основе данных антропологии предпринимается уже после окончания Великой Отечественной войны. Как и работы предшествующих антропологов, они основываются на фрагментарном материале и не позволяют сделать вывод обо всех шорцах. Так, выводы антрополога В. П. Алексеева могут быть справедливы только для верхнеабаканской группы кузнецких татар (главным образом – сёока *кобый*), где он исследовал 11 черепов из погребений конца XVIII в. в улусе Анхаков Азкизского района Хакасии [Алексеев, 1965, с. 88]. Выводы генетика Л. О. Битадзе о возможности сближения шорцев по отдельным дерматоглифическим признакам с ненцами, селькупами, якутами, бурятами, карагасами также основаны только на материалах одной мрасской группы и не могут механически переноситься на всех шорцев. [Битадзе, 1986, с. 19]. Антропологом А. Р. Кимом обследованы только среднемрасская и среднекондомская группы шорцев [Ким, 1984, с. 18].

Среди последних работ, повящённых комплексному анализу антропологических материалов по коренным жителям Горной Шории, следует отметить разделы в коллективной монографии, подготовленной в серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [Очерки…, 1998, с. 51–57; 233–235]. Антропологи подчёркивают генетическую близость шорцев, северных алтайцев и бачатских телеутов [Очерки…, 1998, с. 329].

Несколько дополняли уже имеющиеся сведения по этногенезу и этнической истории шорцев начавшиеся в XX в. археологические исследования Горной Шории. Прежде всего, о некото-

рых древностях Горной Шории стало известно благодаря активизации работы краеведов. Но, к сожалению, из собранных ими частных коллекций сохранились только единичные экспонаты. В те же годы этнографы, а также геологи (особенно связанные с изучением четвертичных отложений), работающие на территории Горной Шории, среди своих основных наблюдений зафиксировали и некоторые сведения об археологических находках. Часть этих материалов поступила в музеи (МАЭ, МАЭС ТГУ) [Ширин, 2002, с. 133]. В 1930–1940-е гг. на территории Кузнецка краеведом Д. К. Евреиновым были найдены и частично зарисованы плавильные печи абинцев [Евреинов, АНКМ. Д. 151]. В 1930-х годах некоторые археологические памятники Горной Шории, прежде всего пещерные, были отмечены в работах П. П. Хороших [Хороших, 2007, с. 176]. В 1950-х гг. археологические исследования продолжил У. Э. Эрдниев, преподаватель Сталинского пединститута [Эрдниев, 1957, с. 272–297]. В частности, он несколько лет проводил раскопки городища Маяк, датированного Ю. В. Шириным поздней бронзой – ранним железным веком и средневековьем. По мнению У. Э. Эрдниева, жители этого городища были предками шорцев [Эрдниев, 1960, с. 10, 50, 63]. Несколько позднее геолог В. Юриш на реке Мрассу обнаружил остатки плавильной печи, которую археолог Я. И. Сунчугашев датировал X–XII вв. н. э. [Сунчугашев, 1979, с. 153]. Там же, в низовьях Мрассу, у п. Тоз В. Юриш записал любопытную легенду, повествующую о шорце Тартыме-непоседе, который, сделавшись кузнецом, ездил торговать железными изделиями в верховья реки [Юриш, 1968, с. 5–9].

Яков Иванович Сунчугашев (1926–1996), археолог, д.и.н., заслуженный деятель науки Республики Хакасия. Зав. сектором истории, затем – директор ХакНИИЯЛИ (1992–1995).

В это же время начинает уделяться большое внимание шорскому фольклору, диалектам

Николай Александрович Баскаков (1905–1996), лингвист-тюрколог, фольклорист, этнограф, д.ф.н. (1950), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, с.н.с. Института языка и письменности при ЦИК СССР.

шорского языка, топонимике и этнонимике. Причём чаще всего исследователи ставили перед собой узкоспециальные задачи и не соотносили свои выводы с выводами этнографов. Одна из попыток наладить такую связь – статья филолога О. И. Благовещенской [Благовещенская, 1952, с. 31–49]. В серии статей известного шорского фольклориста профессора А. И. Чудоякова эпос рассматривается в основном в жанрово-стилистическом плане, хотя автор нередко касается и проблемы происхождения шорцев [Чудояков, 1967, с. 12; 1970б, с. 68–75; 1985; 1995 и др.]. Шорскому героическому эпосу и шаманизму посвящены исследования Л. Н. Арбачаковой [1996, с. 70–73; 2004].

Работами крупнейшего советского лингвиста Н. А. Баскакова было окончательно закреплено место шорского литературного языка в классификационной системе тюркских языков, изучена история формирования его диалектов и выявлены их отличительные особенности [Баскаков, 1969, с. 334–336].

Некоторые сведения о прежних территориальных и родовых названиях шорцев, об их численности, расселении, диалектах, истории создания у них письменности встречаются в работах лингвиста Г. Ф. Бабушкина. Интересен его вывод о том, что в основу ныне существующих территориальных говоров легли особенности языка крупных, родоплеменных объединений [Бабушкин, 1966, с. 467–481]. Вопросам диалектологии шорского языка посвящён ряд статей лингвистов Новокузнецкого пединститута [Абдрахманов, 1966, с. 159–169; Чиспияков, 1966, с. 123–125; 1992; 2004]. Ими было уточнено распространение говоров на территории Горной Шории, дана этимология заимствований из других языков. Русской

речи шорцев посвящена работа лингвиста О. И. Гордеевой, в которой исследуется роль русского языка как основного разговорного для различных групп шорцев [Гордеева, 1971, с. 178–180]. Лингвист Н. Н. Межекова, занимавшаяся шорским диалектом хакасского языка, пришла к выводу, что к концу 1960-х гг. этот диалект уже утратил свою специфику и тяготеет больше к хакасскому языку [Межекова, 1973, с. 4]. Продолжались записи героических поэм и шорских народных песен [Функ, 2005; Павлючек, 1984].

Электрон Фёдорович Чиспияков (1930–1989), лингвист-тюрколог, зав. кафедрой иностранных языков НГПИ, автор статей и книг по шорскому языку.

Не менее плодотворно на данном этапе изучалась и топонимика Горной Шории. Известный исследователь языка аборигенов Сибири А. П. Дульзон одним из первых наряду с тюркским выделил здесь древнеенисейский и самодийский пласты топонимии [Дульзон, 1961, с. 365]. В последующие годы наибольшее признание получила его точка зрения, подробно аргументированная затем в работах М. А. Абдрахманова о четырёх субстратных пластах топонимики Горной Шории: южносамодийском, кетском, тюрко-монгольском и русском. Исследования М. А. Абдрахманова и А. А. Бонюхова в основном посвящены

Андрей Ильич Чудояков (1928–1994), фольклорист, общественный деятель, к.ф.н., профессор, зав. кафедрой шорского языка НГПИ, автор статей и монографий по шорскому фольклору.

Александр Алексеевич Мытарев (1909–1992), географ, краевед, к.г.н., доцент, зав. кафедрой географии НГПИ, автор первого словаря по географии Кузбасса «От Абы до Яи».

структуре и семантике шорских топонимов, хотя в них иногда и делаются некоторые общегенетические выводы. Определённый интерес представляет статья о русских топонимах Горной Шории [Бонюхов, 1970, с. 291–313; 1971, с. 145–155; Абдрахманов, 1966, с. 159–169].

Много статистических сведений по административному делению Кузнецкого уезда и по трансформации традиционной культуры шорцев под воздействием общесоциалистического уклада содержится в работах юристов, географов, историков-краеведов и путешественников. Публикуется фактический материал обо всех административных изменениях в Кузнецком уезде, событиях, связанных с образованием Горно-Шорского национального района и его упразднением [Куликов, 1938, с. 60; Араличев, 1952, с. 216–227; Герман, 1933, с. 135–148]. В других экономико-географических очерках используется архивный статистический материал, показывающий динамику численности и характер расселения шорцев, свидетельствующий о миграциях из сельской местности [Мытарев, 1966].

Если фактический материал по истории шорцев является ценным источником, то выводы, встречающиеся в этих статьях, не выдерживают никакой критики. Так, например, М. Колобков утверждает, что «…шорский народ» никогда не называл себя абинцами, черновыми (чиш-кижи) и что, «согласно китайским источникам» (?) и «археологическим исследованиям русских учёных» (?), на территории Горной Шории «много столетий назад жило воинственное полукочевое племя шорцев» [Колобков, 1956, с. 37].

Большой интерес представляют статьи, написанные представителями шорской нацио-

нально-политической элиты, опубликованные в основном в местной печати. Первый подготовленный ими сборник вышел ещё в период существования Горно-Шорского национального района и состоял из стихов и прозы молодых поэтов и из эпических произведений шорских сказителей [Новая Шория, 1937]. В книге Ф. С. Чиспиякова «В долинах Мрассу» в художественной форме рисуются образы шорских бедняков, боровшихся против засилья баев. Там же приводятся рассуждения автора о шорцах как о древнем народе, известном китайцам ещё в VI веке [Чиспияков, 1957, с. 6].

Достаточно много новых, хотя и не всегда объективных, сведений по истории и культурному развитию Горной Шории встречается в опубликованных воспоминаниях сказителя С. С. Торбокова, других шорских краеведов и журналистов [Тотыш, 1980; 1985]. По ничем не аргументированному утверждению С. С. Торбокова, этноним «*шор*» этимологизируется на русский язык как «печаль» [Торбоков, 1970, с. 63].

В конце четвёртого этапа краеведы начали активную популяризацию шорского фольклора и публикацию сборников героических поэм шорцев. При всей ценности этих изданий сомнения вызывают только предисловия к сборникам, где даётся необъективная история шорцев. Последние называются то «одним из хакасских племен» [Лушкин, 1962, с. 2], то древним коренным народом, состоящим из «племён вороны, красных лошадей, красного камня и белой золы» [Смердов, 1947, с. 6]. Подобные, не выдерживающие никакой критики утверждения краеведов и публицистов из среды национальной интеллигенции являются типичными не только в это время, но и ***на пятом***, «современном» ***этапе*** (конец XX – начало XXI вв.).

Степан Семёнович Торбоков (1900-1980), *кайчи*, поэт и сказитель шорского народа, автор поэтических сборников по шорскому фольклору.

Александр Иванович Смердов (1910-1986), писатель, критик, переводчик шорского эпоса, редактор журнала «Сибирские огни».

Горная Шория глазами современников

Таяна Тудегешева, поэтесса, выпускница Высших литературных курсов, член Союза писателей России, автор сборников поэзии, создатель этнографического объединения «Тазыхан»

Виктор Алексеевич Байлагашев, краевед, писатель, член Совета старейшин шорского народа.

Кризис государственной национальной политики в постсоветский период ускорил давно наметившиеся в среде аборигенных этнических общностей процессы, связанные с обращением части национально-политической элиты к историческому прошлому и последовавшим вслед за всем этим т. н. «возрождением» традиционной культуры, которые получили в научной литературе и в публицистике самое разное наименование и толкование – от «этнического ренессанса», или «мультиренессанса», до «неотрадиционализма» [Анжиганова, 2011, с. 205–212] и «возрождения и сохранения национальной культуры» [Бельчегешева, 2008, с. 340].

Политизация этнических процессов, разворачивающихся в инструменталистском ключе, вылилась в разработку федерального законодательства, касающегося статуса аборигенов и территорий их традиционного природопользования, создание Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Актуализация аборигенной тематики активизировала издательскую деятельность представителей шорской национально-политической и этнокультурной элиты. В качестве казусного примера можно привести статью Н. В. Бельчегешевой, повествующую о том, как литература и другие аспекты шорской культуры стали «активно возрождаться из небытия, как какое-то чудо» [Бельчегешева, 2008, с. 335–340]. Также к данному библиографическому разделу примыкают работы кемеровских культурологов, конструирующих в своих публика-

циях шорскую кухню, традиционно-праздничную обрядность и хореографическую культуру. Продолжают выходить в свет поддерживаемые департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области сборники стихотворений и прозы шорских поэтов и писателей [Тудегешева, 2013; Косточаков, 2013б; Байлагашев, 1998б, с. 86–94].

Геннадий Васильевич Косточаков, лингвист, поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России, общественный деятель, к.ф.н., доцент Новокузнецкого филиала КемГУ.

Начавшееся ещё на предыдущем этапе изучение шорской этнографии и современных этнокультурных процессов кемеровскими, омскими и красноярскими этнографами, этносоциологами и культурологами [Томилов, 1981, с. 17–28; Кимеев, 1989; Патрушева, 1996], было продолжено в 2000-е гг. [Кимеев, 2006, с. 236–323; 2010; 2011б; 2012а и др.; Садовой; 2003, с. 137–144; 2005, с. 91–127 и др.; Белозёрова, 2004; Поддубиков, 2001, с. 310–319; 2009, с. 27–71; 2014 и др.].

Особо отметим вклад лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета (ЛЭЭГ), созданной ленинградским этнографом и этносоциологом д. и. н., профессором А. Н. Садовым в 2003 г. Творческая группа исследователей лаборатории внесла значительный вклад в научное изучение и экспертную оценку традиционных систем жизнеобеспечения, исследование социальной организации аборигенного населения Саяно-Алтая, в том числе и шорцев, этнодемографических, социально-экономических и этноконфессиональных процессов, выявление и исследование механизмов адаптации этнических общностей Саяно-Алтая как к природной среде, так и к современным социально-политическим процессам.

Александр Николаевич Садовой, этнолог, д.и.н., профессор, зав. лаб. этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра РАН.

Необычным в историографическом плане является серия «Очерки истории Горной Шо-

Виктор Яковлевич Бутанаев, этнограф, д.и.н., профессор, зав. кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения ХакГУ, заслуженный деятель науки Республики Кыргызстан, заслуженный деятель науки Республики Хакасия.

Дмитрий Анатольевич Функ, этнограф, фольклорист, д.и.н., профессор, зав. кафедрой этнологии МГУ.

рии» кемеровского историка З. П. Галаганова, состоящая из 11 томов. В этих трудах содержатся интересные сведения по истории шорцев советского периода. Однако отсутствие ссылок на архивные и иные материалы в книгах З. П. Галаганова создает некоторые затруднения при цитировании его утверждений и выводов [Галаганов, 2004; 2012].

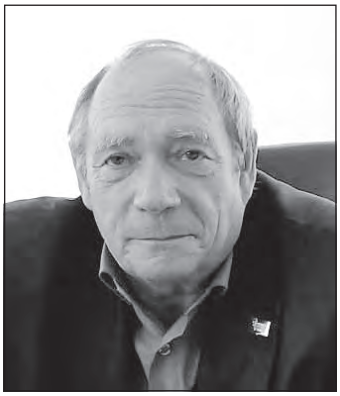
В настоящее время продолжаются традиционные исследования в области языка и фольклора шорцев. Большая часть работ ведётся усилиями сотрудников Института филологии СО РАН [Арбачакова,1996, с. 70–73 и др.; Курпешко, 2000, с. 21–29; 2008, с. 14–24 и др.] и кафедры шорского языка и литературы Новокузнецкого филиала КемГУ [Косточаков; 2005; 2006, с. 35–42; 2013, с. 62–72; Шенцова, 2008, с. 442–449], а также заведующим кафедрой этнологии МГУ, профессором Д. А. Функом [Функ, 1995; 2005 и др.]. Определённый вклад в изучение этногенеза шорцев и этнолитических процессов в Горной Шории в 1920–1930-х гг. внесли старейший хакасский этнограф профессор В. Я. Бутанаев [Очерки истории Хакасии с древнейших времён до современности, 2008 и др.] и историк Е. П. Мамышева [2017].

В последние годы активизировалась и работа археологов на территории Горной Шории. Наиболее успешно и профессионально проводили свои археологические разведки по рекам Мрассу и Кондома археологи Ю. В. Ширин и В. В. Бобров, выявившие многочисленные памятники различных эпох [Ширин, 1992а, с. 106–113: 1995, с. 74–76; 1998б, с. 92–96: 2003, с. 242–246; 2005а, с. 157–168; 2010, с. 4–42; 2014, с. 4–18; 2015, с. 4–75; 2017а, с. 169–175; Бобров, 2003, с. 107–122]. Накопленные к настоящему времени материалы о древностях Горной Шо-

рии опубликованы во многих работах обзорного характера [Ширин, 1995, с. 74–76; 1997б, с. 141–149; 1998а, с. 50–53 и др.]. Тем не менее, археологических памятников на территории Горной Шории выявлено значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Памятники некоторых исторических эпох и типов (например, наскальные рисунки) в этом таёжном регионе ещё не обнаружены. Хотя отрывочные сведения, поступающие от местных жителей, позволяют надеяться, что наскальные рисунки встречались.

На некоторых памятниках проводились не только раскопки, но даже предпринимались первые опыты музеефикации исследованных археологических объектов. Наиболее значимыми памятниками являются Усть-Анзас, Печергол, Усть-Пызас 2 [Ширин, 2013б, с. 40–54]. По заказу председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов Н. И. Шатилова и главы Таштагольского района В. Н. Макуты Кузбасская этноэкологическая экспедиции КемГУ и КузГПА в течение 2007–2009-х гг. провела комплексное обследование памятников историко-культурного наследия в поселке Усть-Кабырза с целью определения возможности их музеефикации в составе нового экомузея «Трёхречье» [Кимеев, 2011]. Были обследованы три пещеры в верховьях реки Мрассу на территории Шорского национального парка.

За последние годы вышли в свет следующие фундаментальные издания: два выпуска «Шорского сборника» [1994, 1996], справочник «Аборигены Кузбасса. Современные этнические процессы» [1997], пять частей шорского «Каталога этнографических коллекций музеев России» [1999], сборник «Шорский национальный парк: природа, люди, перспективы» [2003],



Владимир Васильевич Бобров, археолог, д.и.н., профессор, зав. кафедрой археологии КемГУ, зав. лабораторией археологии и этнографии КемГУ и ИАЭ СО РАН.

Юрий Викторович Ширин, к.и.н., доцент Новокузнецкого филиала КемГУ, заместитель директора по науке музея-заповедника «Кузнецкая крепость».

Татьяна Ивановна Кимеева, культуролог-музеевед, канд. культурологии, доцент каф. музейного дела КемГУКИ.

Полина Валерьевна Глушкова, культуролог-музеевед, канд. культурологии, доцент каф. музейного дела КемГУКИ.

первый том Кузбасской комплексной экспедиции [2004], «Этносоциологическая экспертиза» [2005], «Традиционные знания коренных народов» [2009]. Наиболее полная этнографическая информация по шорцам представлена В. М. Кимеевым в его разделе «Шорцы», вошедшем в состав издания «Тюркские народы Западной Сибири» академической серии «Народы и культуры» [2006], а также в монографиях «Шорцы. Кто они?» [1989] (2-е издание [2016]), «Тайны Кабырзинской принцессы» [2011], «Экомузеи Притомья…» [2008].

Фундаментальную работу проделали музееведы, обследовавшие и описавшие шорские коллекции практически всех российских музеев: МАЭ, ТГУ, МАЭСКемГУ, МЭПГШ, НКМ, МЭМ, МКМ, ГОКМ. Были составлены и опубликованы каталоги коллекций и предложены варианты актуализации шорского этнокультурного наследия [Шорцы. Каталог…, 1999; Кимеева, 2015; 2016, с. 148–155; Глушкова, 2017а; Глушкова, 2017б, с. 147–151 и др.].

На основе новых концепций и подходов и с опорой на мировой опыт изучения коренных малочисленных народов этнологические исследования народов Саяно-Алтая продолжаются молодыми исследователями [Арзютов, 2009, с. 54–64].

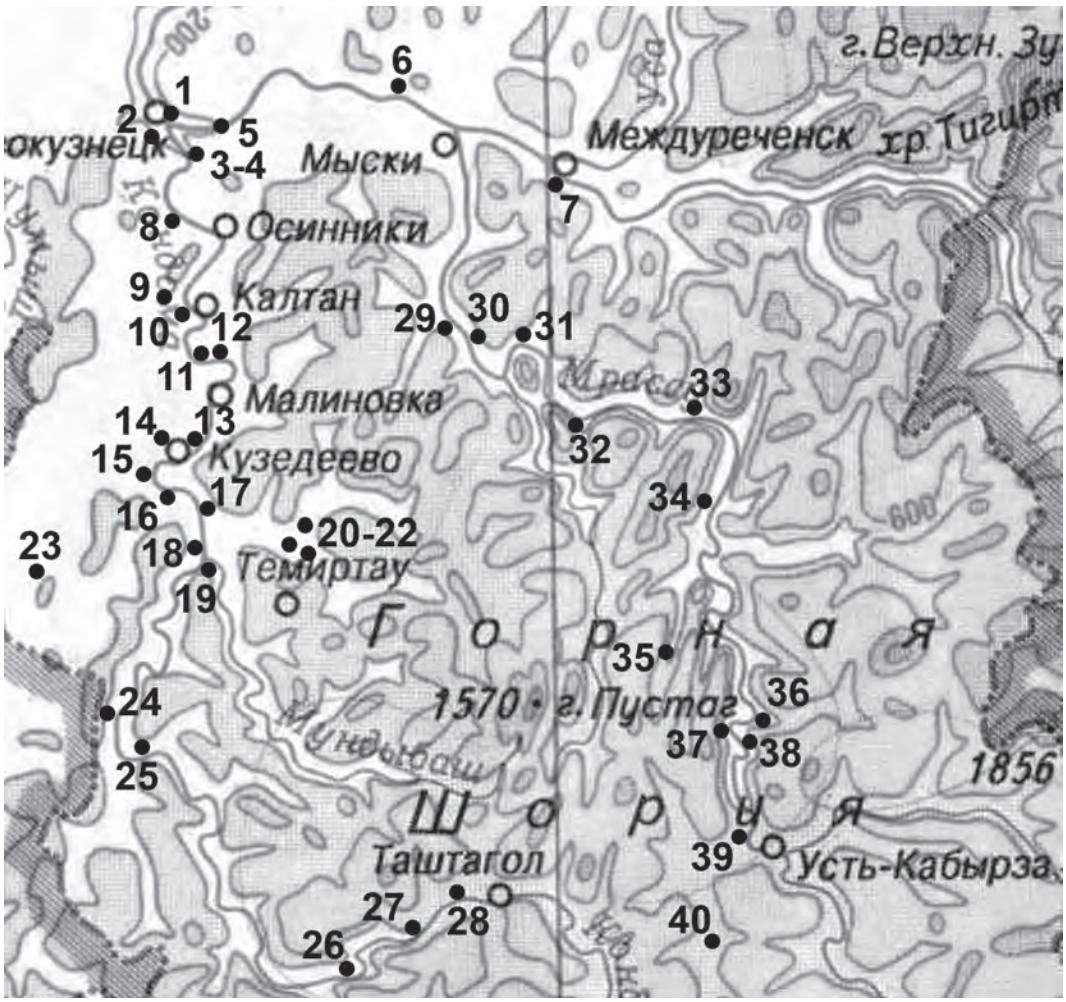
Таким образом, в истории изучения шорцев выделяется несколько этапов. Первый период включает в себя создание блока документов, связанных с продвижением русских по Притомью. Второй период начинается с научной обработки исторических документов, накопленных в процессе становления взаимоотношений между русским и аборигенным населением. На третьем этапе изучение «кузнецких инородцев» значительно усиливается. Это связано,

в первую очередь, с деятельностью РГО и Алтайской духовной миссии. Возникают первые обоснования и попытки конструирования единой этнической общности шорцев. Постепенно, к концу третьего этапа, происходит закрепление в литературе того времени представления о том, что шорцы – это «сумма» различных тюркоязычных народов горно-таёжного Притомья. Начиная с четвёртого, «советского» этапа происходит систематизация и планирование научных исследований, проводимых по инициативе АН СССР, появляются монографические описания шорцев, концепции их этногенеза и этнической истории.

На современном, ***пятом этапе*** изучение шорцев принимает разнонаправленный характер: этнолингвистические, этнологические, этносоциологические исследования, музееведческие, краеведческие и археологические изыскания. Работы по каждому из вышеперечисленных направлений по-своему дополнили фактический материал о шорцах, позволили сделать некоторые обобщающие выводы, но многие проблемы истории и этнографии шорцев ещё ждут своего решения. Сделать это можно только комплексно, путём объединения усилий специалистов разного профиля.

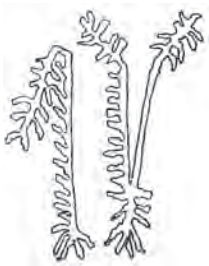
Дмитрий Владимирович Арзютов, этнолог, к.и.н., соискатель ученой степени PhD, сотрудник Отдела истории науки, технологии и окружающей среды Королевского технологического института (Стокгольм, Швеция), почётный научный сотрудник кафедры антропологии Университета г. Абердин (Великобритания).

Первая этнографическая экспедиция студентов кафедры этнографии ЛГУ. 1976 г. Пос. Усть-Анзас. Фото Л. Тортумашева.



Карта местонахождения остатков железоделательного производства XVII–XVIII вв. на территории проживания кузнецких татар

1 – городище Маяк; *2* – местонахождение Старая Кондома; *3* – поселение Малиновое-1; *4* – поселение Малиновое-2; *5* – местонахождение Кешев остров; *6* – поселение Старое Жильё; *7* – поселение Междуреченск; *8* – поселение Куртуково; *9* – городище Николаевка 3; *10* – поселение Усть-Кинерка; *11* – поселение Сарбала-4; *12* – поселение Сарбала-1; *13* – поселение Аил-1; *14* – поселение Тёш-5; *15* – поселение Юла; *16* – поселение Шартон; *17* – местонахождение Медная; *18* – поселение Луговушка; *19* – поселение Мундыбаш-1; *20* – местонахождение Тельбес-1; *21* – местонахождение Тельбес-2; *22* – местонахождение Тельбес-3; *23* – поселение Мунай-3; *24* – поселение Старососновское; *25* – местонахождение Широкий Луг-4; *26* – поселение Калташ; *27* – поселение Усть-Ганова; *28* – поселение Спасск; *29* – поселение Мзас-4; *30* – поселение Тоз-4; *31* – поселение Шодрова-2; *32* – поселение Земелье; *33* – поселение Тешев лог; *34* – поселение Колагас; *35* – местонахождение Усть-Шогалых; *36* – поселение Усть-Анзас; *37* – поселение Сайлынгол; *38* – поселение Комус; *39* – поселение Пызас-2; *40* – местонахождение Алзак.



Этноэкология и древности Горной Шории

Горная Шория по физико-географическим и геолого-геоморфологическим особенностям – среднегорная территория на юге Кузнецкой котловины, почти совпадающая с южными административными границами Кузбасса. На востоке она ограничивается Кузнецким Алатау, на западе – отрогами Салаирского кряжа, на юге – Алтайской гривой. Северная условная граница Горной Шории окончательно не определена. Северная граница Горно-Шорского национального района не совпадала с этнической территорией всех предков шорцев, и к северу от неё оказались родовые территории самой знатной этнической группы абинцев. Территория последних начиная с XVII в. стала плотно заселяться русскими старожилами и переселенцами. Центральная часть Горной Шории между р. Кондома и р. Мрассу занята Большим Шорским хребтом протяжённостью 100 км, состоящим из нескольких малых хребтов, таких как Пыхтун, Каратаг и другие. Наи-

высшая точка Шорского хребта – гора-голец Мустаг (по-шорски – *Пустаг*) высотой 1570 м, особо почитаемый сакральный объект природы для шорского народа всех поколений.

Между массивами лежат сравнительно неширокие долины с реками. Долины обычно с длинными и отлогими склонами и широким дном. Водораздельные пространства и склоны плотно задернованы, за исключением бассейна р. Антроп. Растительность в северной Шории представлена преимущественно осиной и берёзой, на юге преобладают пихта, ель, кедр, реже лиственница. Подлесок по берегам рек богат рябиной, черёмухой и ольхой, есть также смородина, шиповник и акация. По рекам М. Тешь, Тамала и Чёрный Мигаш вкраплены небольшие массивы липовых лесов. Травянистый покров представлен в основном папоротником, зонтичными, меньше злаковыми. Северная часть Горной Шории обладает значительными пашенными и сенокосными угодьями. Главные водные артерии региона – р. Томь с притоками с юга Кондомой и Мрассу, с севера – Бельсу и Усой [Шеметов, 1997, с. 111–132].

Бассейн реки Мрассу занимает всю юго-восточную часть Горной Шории. Условная площадь Горной Шории определяется в 18 500 км. Рельеф здесь среднегорный, сильно расчленённый, с высотой водоразделов от 900 до 1100 м. Климат бассейна реки Мрассу умеренно-континентальный со среднегодовой температурой 0,5 °С, средне-зимней – 22,3 °С и средне-летней всего +14,6 °С. Вегетативный период 130 дней, среднегодовое количество осадков – 760 мм.

Значительную часть этого района Горной Шории занимает Шорский национальный природный парк, образованный в 1990 г. Постановлением Совета Министров РСФСР от 27 де-

Река Мрассу выше порога у улуса Сага. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв.№15947–18

кабря 1989 г. № 386. Площадь парка составляет 413 843 га. На территории Шорского национального парка находятся более 25 гидрогеологических и геологических памятников природы.

Гидрография долины Мрассу – самого крупного и полноводного левого притока реки Томи – имеет свои уникальные особенности. Река Мрассу с притоками протекает по территории Таштагольского муниципального района, Мысковской и Междуреченской городских территорий и имеет длину 338 км с общей площадью бассейна 8 840 кв. км.

Реки ***Кабырза*** и ***Пызас*** образуют при впадении в Мрассу в районе пос. Усть-Кабырза своеобразное «трёхречье», давшее одноимённое название созданному в 2011 г. музею-заповеднику «Трёхречье». Река Кабырза, впадающая справа в Мрассу в центре посёлка, имеет длину 74 км, а разветвленная её гидрографическая сеть име-

Вид на реки Мрассу и Пызас. 2009 г. Фото В. М. Кимеева.

ет около 120 мелких притоков длиной не более 10 км. Вдоль её правого берега проходит грунтовая дорога до пос. Сензас и далее на пос. Ортон мимо горы Патын.

Известны несколько интерпретаций названия р. Кабырзы, высказанных начиная с экспедиции этнографа Н. П. Дыренковой в 1927 г.: «угольная река» из-за обилия находок древних плавилен по её берегам (Н. П. Дыренкова, В. Я. Бутанаев), «дикого лука» (А. А. Бонюхов), «река кобыйцев» (В. М. Шабалин), от термина кобар – вздуваться из-за сильных наводнений или от кепюр / кепир – пениться (Г. П. Старков). Примечательно, что на карте С. У. Ремезова (конец XVII в.) здесь обозначена река Кырмыс, название которой восходит к тюркскому кербес – невидимая [Ремезов, 2006].

Река Пызас (в верховьях – Чарах), впадающая в Мрассу слева в 2 км ниже устья р. Кабы-

рза, более извилиста, берёт начало с северных склонов горы Кубез (1555 м) и имеет длину 88 км. На Пызасе известны т. н. короткие Курланские пороги. Правые притоки Пызаса берут начало на склонах горы Куйтаг (в переводе на русский – «гора пещер»), где действительно имеются пещеры, включая широко известную Азасскую. В среднем течении разведано и готовилось к разработке Белкинское месторождение карстовых фосфоритов, но под влиянием шорской общественности оно было законсервировано. Река имеет многочисленные притоки: справа – Коптыгал, Талзак, Сайбынь, Анзас, Чилису, Алзак, Карагол, Азас; слева – Каменный Первый, Кабызак, Арчи, Табазак, Шурчак, Кайзас, Бол. Нымзас, Сурлум, Пурла, Кезес.

Среднее течение Мрассу длиной 112 км расположено между устьями рек Пызас и Ортон. Из наиболее значительных притоков можно назвать справа Кызас и Анзас, а слева – Малую и Большую Суету. Высокие отвесные скалы сменяются низкими поймами на излучинах, что придает реке живописный вид.

Река Кызас длиной 34 км берёт начало с с-з склона горы Патын и имеет перепад высот от истоков до устья 600 м. Река течёт в основном по известковым породам. Имеет левые притоки: Касар-Курле, Кагасунуг, Чучукгол, Чулчак. Вдоль берега реки идёт тропа на гору Патын.

Река Анзас (Онзас) длиной 15 км берёт начало с западного склона Абаканского хребта и имеет перепад высот от вершины до устья 400 м. Имеет несколько притоков справа: Сарыгол, Свечи, Атаягаш. В самом устье речки располагаются пос. Усть-Анзас и экомузей «Тазгол». По реке идет тропа на гору Патын через Патынские Бараки и на р. Базас через приток

Устье р. Анзас. Панорамный снимок п. Усть-Анзас. 1990 г. Фото В. М. Кимеева.

Караджан. Этимология названия от кетского *ан* – мать и *зас* – река (мать-река) [Косточаков, 1998 г., с. 149–152].

В 10 км ниже пос. Усть-Анзас, почти напротив устья р. Малая Суета, на правом берегу р. Мрассу возвышаются обрывистые розовые скалы с причудливой большой аркой «Царские ворота».

Река ***Малая Суета*** длиной 25 км и перепадом 269 м от вершины до устья берёт начало с западного склона горы Трантаг в составе Шорского хребта. Относительно этимологии гидронима Суета существует несколько версий. По одной из них (В. М. Шабалин), название образовалось от тюркского *суу* и кетского *тат* (Суу-тат). По другой версии (С. Д. Тивяков, А. А. Бонюхов), название восходит к телеутскому этнониму ютты с добавлением родового префикса Съ. Исходная форма «*Съ-ютты*» означает родовое подразделение телеутов. Возможно, это согласуется с телеутским происхождением обитавшего здесь сёока челей.

Река ***Большая Суета*** длиной 31 км с перепадом от вершины до устья 314 м берёт начало с горы Уштегей Большого Шорского хребта. Имеет свои притоки слева: Сверчак, Карасук, Шогалых, Азас, Тайзакзыг, Амзас.

Река ***Ортон*** длиной 76 км имеет площадь водосбора 1200 км^2. Имеет два крупных притока: правый – Колос и левый – Базас. Бассейн реки является золотоносным. Первые россыпи на р. Ортон были открыты ещё в XIX в., но затем были заброшены и сохраняется только промышленная заготовка и переработка древесины колонией-поселением учреждения ВД-30 в пос. Большой Ортон.

Этимология названия объясняется или шорским термином ортан – средний (Г. П. Старков), или кетским тон – река (В. М. Шабалин) с присоединением к нему термина ур – река (Ур-тон).

После устья Ташелги Мрассу поворачивает на северо-запад и слева в неё впадает самый длинный приток Большой Унзас. Многочисленные лесозаготовки оголили берега реки, а после впадения притока Мзас начинаются

Река Мрассу у устья р. Ортон.
Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ.

открытые угольные разработки Сибиргинского и Междуреченского разрезов.

Орографию бассейна Мрассу определяют вытянутые с севера на юг Кабырза-Ортонский, Кабырза-Узасский и Мрасско-Пызасский горные массивы, рассечённые речными долинами. Только отдельные горы превышают 100 м: Лысуха – 1648 м, Патын – 1630 м, Кубез (Ак-Кобез) – 1555 м, Мустаг (Пустаг) – 1570 м, Кайбынь – 1344 м, Каратаг – 1322 м, Огодун – 1320 м, Куйтаг – 1288 м, Калбук – 1278 м, Шаныштаг (Чёрная) – 1276 м, Кыин – 1255 м, Картыттаг – 1246, Саин – 1236 м, Куйлюм (Колим) – 1203 м, Трантаг – 1122 м, Полбынь – 1098 м, Уштегей – 1078 м, Айган – 967 м, Паян-тура – 523 м, Царские ворота (Утюнг-Кая) – 200 м и др.

Некоторые горы с пещерами и без них издавна почитаются шорцами как священные. Культ гор был широко распространён у шорцев. К горам и хозяевам гор алтайско-саянские тюрки обращаются в целом ряде случаев, призывая их в молитвах наряду с другими духами. Так, телеуты, перевозя приданое невесты, останавливаются по пути около гор, повязывают на ветки берёзы или тальника ленточки, совершают кропление и обращаются к ним с молитвами. Точно так же поступали и шорцы при переезде зятя в дом тестя после свадьбы.

Вход в Парлагольскую священную пещеру. Фото 1930-х гг.

Сакральные памятники природы Горной Шории

Памятники природы зоны охраняемого природного ландшафта экомузея «Тазгол» Усть-Анзасской сельской территории и Шорского национального парка представлены живописными объектами природы: Сагинским водопадом; живописными скалами Утунг-Кая (русское название Царские ворота), Хатыр-Кая, Чарых-Кая; пещерами у посёлков Сага, Чазы-Буг, Парушка, Шор-Тайга, Парлагол; Хомутовскими порогами. Сагинский водопад – уникальный для Горной Шории объект природы, расположенный в небольшом узком каньоне в 200 метрах от левого берега р. Мрассу [Старков, 2001, с. 137; Кимеев, 2018б, с. 238–243]. Уникальными памятниками природы, имеющими у шорцев

Освящение шаманского бубна на горе Мустаг. 1985 г. Фото В. М. Кимеева.

сакральное значение, являются также пещеры Горной Шории [Шаров, 2001, с. 94–96; Ширин, 2017а, с. 169–175]. Требуют охраны и рекреационного использования сакральные памятники природы бассейна среднего течения реки Кондомы.

По шорским легендам, в бассейне реки Мрассу от Усть-Кабырзы до Мрасских порогов особо почиталось несколько священных сакральных объектов природы. Самой старшей горой считается в Кузнецкой тайге гора ***Мустаг***, её обычно называют Адам-Пустаг, отец-Пустаг, она может приказать и другим горам давать пушнину, помогает людям и т. д. По этимологии хакасского этнографа В. Я. Бутанаева, название Мустаг означает «жертвенная гора», где, по легендам, происходили жертвоприношения животных, посвящение шаманских бубнов родов-сёоков

челей и *шор*, у которых она считалась родовой. После открытия горнолыжного курорта «Шерегеш» Мустаг стал испытывать ещё более высокую антропогенную нагрузку, что отрицательно сказывается на экологии этого сакрального для шорцев уникального памятника природы Горной Шории. Шорские шаманы при получении первого бубна получали от Мустага сведения о сроке камлания данным бубном и их количестве за всю земную жизнь шамана. Единственная инсценировка подобного обряда участниками шорского ансамбля «Чылтыс» в 1985 г. на вершине г. Мустаг в дальнейшем не прижилась.

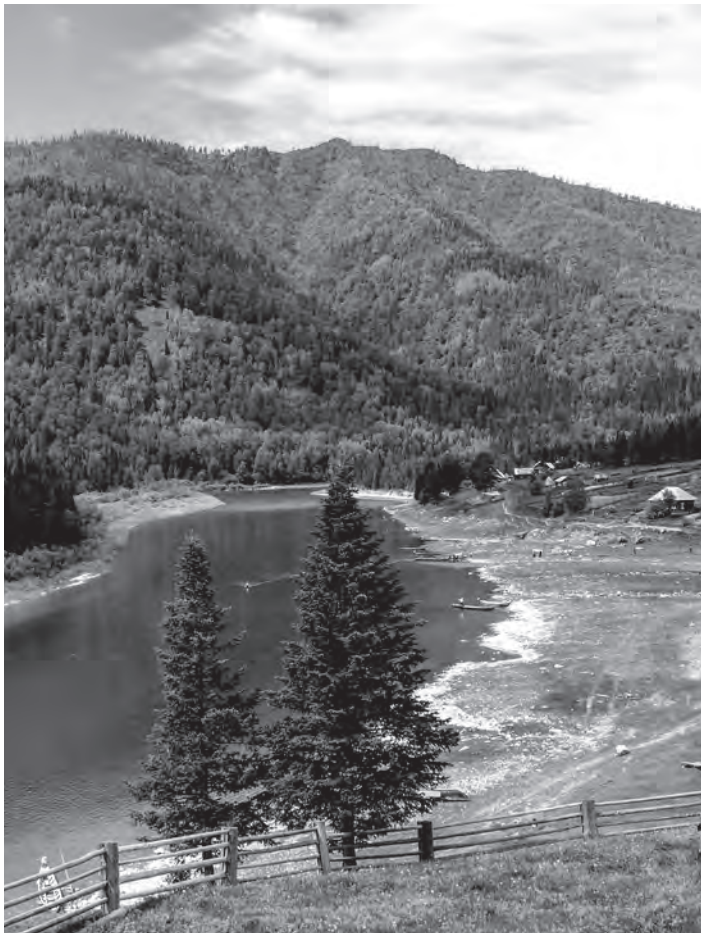
Роль старшей горы играла гора ***Каратаг*** в окрестностях посёлка Усть-Кабырза на правом берегу Мрассу. Этнограф В. Я. Бутанаев считает её родовой горой сёока *карга* и утверждает, что на вершине покоится плот каргинцев, на котором они спаслись от потопа. Имеется там и каменное седло, отчего гора называется также Изерташ. Переводится с шорского как «чёрная гора». В преданиях рода *карга* сообщается, что на горе Каратаг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель прежде видали, а теперь не могут увидеть её. Эта колыбель была колыбелью их отцов. По инициативе главы пос. Усть-Кабырза Валерия Топакова в 2011 г. участники Международной «гоминологической» экспедиции совершили восхождение на эту священную гору Каратаг, но на вершине ни ка-

Водопад с шаманским гротом у пос. Сага. 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.

менной колыбели, ни «снежного человека» обнаружить не удалось.

Сагинский водопад – *Суғдың сағаллы* (с шорского – борода реки) расположен на левом берегу реки Мрассу у пос. Сага, что находится на плоскогорье в 50 м выше водопада. Ручей Шолбычак, образующий круглый год водопад, разделял некогда этот старинный шорский улус на две части: Верхнюю и Нижнюю Сагу. На начало XXI в. в единственном сохранившемся доме посёлка проживала русская семья бывшего летчика из Новосибирска. Он содержал небольшое хозяйство – пасеку и кроликов и пытался создать у водопада турбазу и частный музей. Не встретив достойной поддержки со стороны местных властей и руководства Национального парка, его инициатива угасла.

Вид на священную гору Айган у пос. Усть-Анзас. 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.



Водопад, падающий с высоты 15 м, продолжает привлекать туристов, особенно его длинный каньон с озерцом, в который по склону падает поток воды, и грот, овеянный легендами о присутствии здесь духов-хранителей, требующих тишины при шуме падающей воды.

Священную и почитаемую ***гору Айган***, расположенную напротив посёлка Усть-Анзас, ныне разрезала грунтовая дорога из пос. Шерегеш, а на вершине у крытой беседки для туристов и священной берёзы с подвязанными на её ветвях лентами выкопана глубокая мусорная яма, что является кощунством для шорского мировоззрения. Сами шорцы на вершинах гор ветки на деревьях не подвязывали, кучи из камней не складывали, а только слезали с седла лошади, выкуривали трубку и кропили хозяину горы *тагези* абырткой и разбавленным водой талканом, что обязательно делают и сейчас, выйдя из машины на перевале у туристической беседке. По сведениям старожилов пос. Усть-Анзас, моление горе Айган устраивалось во время ледохода одновременно с обрядом *шачиг* на берегу Мрассу у священной берёзы. Осенью и зимой по дороге на промысел местные шорцы обязательно останавливались на тропе в вершине Айгана и кропили по сторонам света абырткой, костёр не разводили и ленты на ветвях берёзы не подвязывали, как это предлагают делать сейчас автоту-

Живописные скалы «Царские ворота». 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ.

Шаманская скала Чарых-Кая на р. Мрассу. Фото А. Трофимова.

ристам. Местному жителю Михаилу Никитичу Кискорову периодически приходят видения некой стеклянной двери, открывающейся перед сменой погоды. При этом из этой распахнутой двери якобы выходят звери, включая медведей.

Царские ворота или простреленная скала, по-шорски *Утюнг-Кая* (*Утья*), расположенная на правом берегу Мрассу в 3 км ниже от устья р. Малая Суета, стала излюбленным местом паломничества туристов и также испытывает большую антропогенную нагрузку. По легенде, гору Утью прострелил разгневанный младший сын Мустага – грубиян Кизей за изгнание его отцом и расспросы встреченной Утьи.

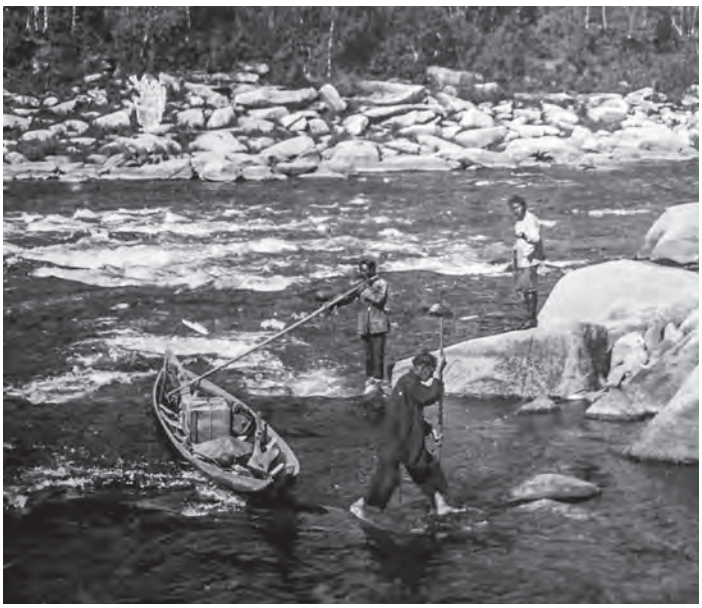
Ниже Царских ворот, напротив пос. Парушка, на левом берегу реки Мрассу находится расколотая ***скала Чарых-Кая*** или ***Шанчилык***, с которой связана другая легенда, и она почитается шорцами не менее Айгана. По легенде, Мустаг, оставив в вершине реки Солтона китаянку Тегди, сватался за дочь богатыря Шанчилыка. За отказ оскорблённый Мустаг отколол своей богатырской саблей большой кусок от Шанчилыка и взял его дочь силой. Этот отколок до сих пор стоит рядом с горой Шанчилык. По поверьям жителей Парушки, если долго бросать камни в скалу, то будет несчастье.

Паян-Тура – скала на левом берегу реки Мрассу, против устья реки Ортон, сложена гранитами и осадочными породами. Название, по одной версии, переводится как «стойбище богача», по другой – связана с названием бывшей Паянской (Ближнее-Каргинской) волости.

Мрасские или ***Хомутовские пороги*** *Қорумныҗ чер* расположены между устьями правых притоков Кизес и Ташелга с крутым падением русла, со скоростью течения до 20 км/час. Название получили от реки Хомутовки, правого

притока Мрассу на участке порогов. На порогах длиной почти 8 км вздымаются высокие волны, мешающие вместе с камнями проходу лодкам даже после взрыва геологами порога в 1960-х гг. Вдоль правого берега в 1930-х гг. для транспортировки колхозных грузов была пробита объездная дорога, которая сейчас завалена скальными обломками. Порог делится на несколько участков: первый длиной до 300 м с крупными валами до 1 м высотой, второй длиной до 250 м и шириной до 40 м образует валы до 1,5 метров, третий длиной до 1 км со средними валами. Каскад Хомутовских порогов заканчивается шиверой «подпорожкой» длиной до 300 метров. Хомутовские пороги воспеты во многих шорских легендах, повествующих о легендарных событиях прошлых лет, – гора *Кисмар*, старуха *Манак*, гора *Утунк-кая*. Шорцы до сих пор соблюдают традицию и обязательно кропят водкой духу воды сугези, которая изображается в рассказах красивой молодой женщиной с распущенными светлыми волосами. Шорскому национальному парку совместно с туристическими фирмами, организующими ежегодные летние сплавы по Мрассу, желательно разработать буклет с обозначенными на карте историко-культурными и воспетыми в легендах природными памятниками.

Спуск лодки через Хомутовские пороги на реке Мрассу. 1930-е гг. НКМ. КП 514. Л. 20. Ф 1.



Скалы Туралыг с пещерой в основании расположены в 10 км

Священные скалы Туралыг на р. Мрассу. Фото А. Трофимова.

ниже Хомутовских порогов на правом берегу Мрассу. По легенде, «чужеземный великан» пытался наслать оспу в образе двух змей на предков шорцев, но хозяин горы бросил в змей камни и прибил их к утёсу, отчего на скалах заметны двечёрные полосы. Тогда разгневанный великан ударил с правого берега реки копьём в основание скалы, пробив там пещеру. За своё спасение шорские шаманы почитают Туралыг камланием.

Утёс Панто-Гаязы расположен на правом берегу р. Кондома ниже современного аэропорта. По легенде, там жил легендарный богатырь Ольгудек из кара-шорского рода, который был пленен ойротами, но смог вернуться на родину. Легенда об этом была неоднократно записана миссионером В. И. Вербицким, этнографами А. В. Анохиным и Н. П. Дыренковой. По предложению одного из реальных потомков этого мифологического героя – Ю. К. Токмаша, с 1985 г. ежегодно стал отмечаться общешорский народный праздник «Ольгудек Пайрам», сначала на горе Мустаг, а затем в зоне отдыха на берегу Кондомы в окрестностях г. Таштагол [Записки миссионера…, 2008, с. 162].

Утёс Панто-Гаязы на р. Кондома легендарного богатыря *Ольгудека*. Фото А. Трофимова.

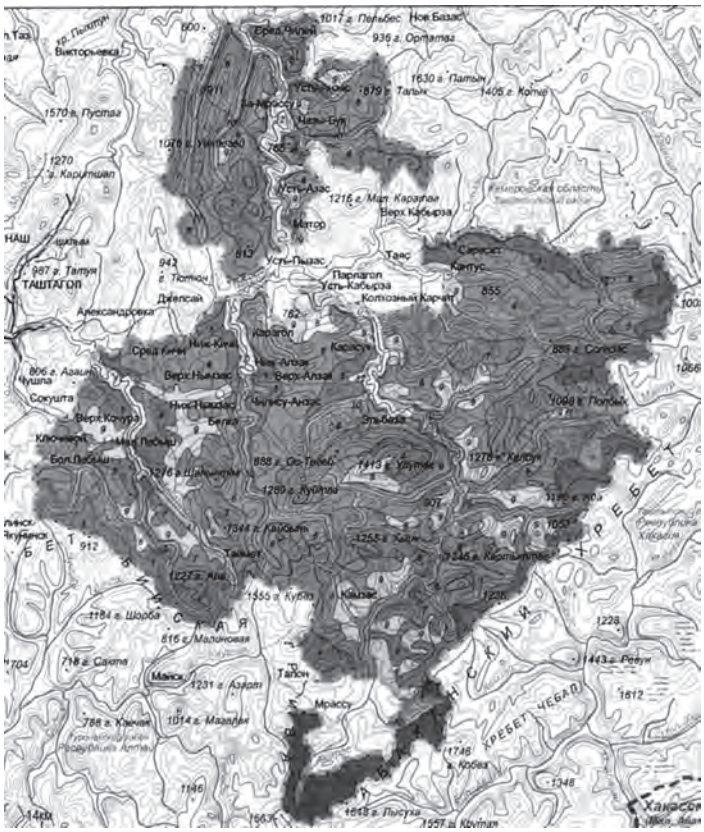
Спасские гранитные дворцы – живописные скалы-останцы отрогов Большого Шорского хребта, расположены в 6 км

от пос. Спасск Таштагольского района и достигают высоты более 900 м, со скальной вертикальной стеной около 40 м и протяженностью около 200 м. Хотя шорских преданий о дворцах не сохранилось, этот уникальный объект природы активно посещается в летний период туристами.

Бóльшая часть известных сакральных памятников природы и археологии Горной Шории расположена на территории Шорского национального парка. Природоохранное учреждение ФГБУ «Шорский национальный парк» был формально создан Решением Кемеровского областного Совета народных депутатов за № 298 от 05.09.88 г. [Беркутов, 2003, с. 4–13]. Общая площадь парка, на которой были проведены зонирование и этноэкологическая экспертиза, составила 413843 га [Герасимова, 2008, с. 167–172].

Фактически же, после долгих дебатов общественности, его оформление затянулось от Постановления Совета Министров РСФСР за № 386 от 27. 12. 89 г. до создания дирекции и назначения на конкурсной основе первого директора парка весной 1990 г. Главной целью создания парка, согласно Постановлению, было «…решение экологических вопросов, развитие традиционного природопользования, народных традиционных промыслов и ремесел, возрождение национальной культуры шорцев» на территории Таштагольского района Кемеровской области. После рассмотрения многочисленных вариантов зонирования парка было выделено несколько функциональных зон с различными режимами охраны

Живописные скалы «Спасские дворцы» у пос. Спасск Таштагольского района.



Карта территории Шорского национального парка

и природопользования [Шорский национальный природный парк, 2003]. Сотрудники парка провели комплексные научные изыскания и две научно-практические конференции, поднявшие престиж парка в Российской Федерации [Человек и природа…, 2017]. По берегам р. Мрассу было оборудовано несколько кордонов, организован туристический сплав и экскурсионное обслуживание. Осталось разработать систему утилизации бытовых отходов, оставленных туристами на площадках по берегам Мрассу. Именно там в 1990-х гг. были обследованы и зафиксированы многочисленные памятники археологии. Не проводится очистка от бытового мусора и прилегающих к посёлкам территорий, которые включены в границы парка [Кимеев, 2017б, с. 60].

Охрана и использование многочисленных археолого-этнографических памятников наследия аборигенов и русских старожилов, к сожалению, никогда не рассматривались дирекцией парка. Не интересен парку и созданный в 1990 г. единственный в Сибири экомузей «Тазгол» как национально-культурный и природно-рекреационный центр Горной Шории, так как он находится в ведении управления куль-

туры Таштагольского муниципального района. Томские культурологи ошибочно, по незнанию, включают в своих научных статьях экомузей в границы национального парка [Золотарева, 2013, с. 55].

Руководству парка целесообразно проверить кадастровые планы усадеб посёлков, оказавшихся в границах выделенных зон парка. Так, в пос. Усть-Анзас в границы парка попала часть ул. Мира с домами, построенными за последние годы местными жителями на месте прежних усадеб, существовавших здесь, по крайней мере, с начала XX в. Давно назрела необходимость разработки и издания большим тиражом туристского буклета с картой и описаниями уникальных памятников природного и этнокультурного наследия территории Шорского национального парка [Кимеев, 2016а, с. 56–62, 2018а, с. 216]

Пос. Усть-Анзас. 1990 г.
Фото В. М. Кимеева.

Археологические памятники древних эпох

Первые сведения об имеющихся на территории Горной Шории древних городищах, курганах и культовых местах были оставлены ещё военными инженерами в XVIII в. Так, в 1739–1743-х гг. геодезист Иван Шишков проводит подробное описание Томского и Кузнецкого уездов по специально подготовленной В. Н. Татищевым анкете [Миненко, 1980, с. 73–74]. В этом документе упоминаются и древние памятники. По берегам рек Горной Шории практически все удобные террасы заняты многослойными памятниками от эпохи неолита до этнографической современности. На многих таких местах расположены и старинные населённые пункты: пос. Усть-Кабырза, пос. Азас (Шор-Тайга), пос. Чазы-Бук, пос. Усть-Анзас, пос. Дальний Кезек, пос. Челей.

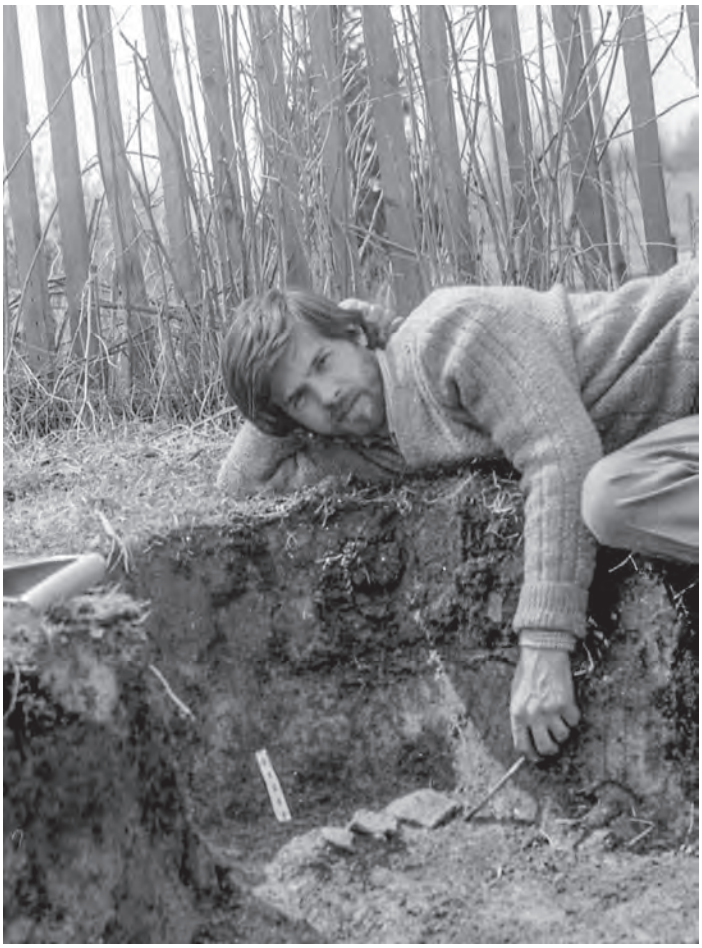
Павел Петрович Хороших (1890–1977), археолог, этнограф, к.и.н., засл. деятель науки и техники Бурятской АССР (1970), преподаватель ИркГУ.

В 1930-х гг. некоторые археологические памятники Горной Шории, прежде всего пещерные, были отмечены в работах П. П. Хороших [Хороших, 2007, с. 176–180]. Нужно учитывать, что до 1950-х гг. профессиональных кадров археологов в Кемеровской области не было. Во второй половине XX в. археологи всё чаще начинают посещать Горную Шорию. Информацию о древних памятниках продолжали собирать и геологи, но она была недоступна.

Горная Шория в пределах современного Таштагольского района – одна из локальных территорий Кемеровской области, которой современное антропогенное воздействие нанесло существенный урон. Нами отмечено, что к традиционным факторам разрушения древ-

них памятников, таким как эрозия береговых террас, усиливаемая лесосплавом и рудными разработками, в последнее время добавились многочисленные стихийно возникающие карьеры минеральных ресурсов местного значения, интенсивное дорожное строительство и частная застройка. О том, что памятники в ходе этих земляных работ уничтожаются, можно говорить вполне уверенно, так как освоению подвергаются наиболее удобные береговые террасы. При этом гибнут не только ранее неизвестные или вновь выявленные археологические памятники, но и те, которые давно состоят на охранном учете. Масштаб утрат древних памятников велик [Ширин, 2004б, с. 10–12]. Налаживание охраны и использование историко-культурного наследия является важной задачей Шорского национального парка и таштагольских муниципальных властей всех уровней.

Археолог Юрий Викторович Ширин в ходе археологической разведки на поселении Подстрелка-1. 1988 г. Фото А. Ю. Бобровского.



Памятники каменного века: палеолит и неолит

Алексей Павлович Окладников (1908–1981) – археолог, академик АН СССР, Герой Социалистического труда, открывший первые памятники палеолита Горной Шории.

Артур Леонидович Кунгуров, археолог, к.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АГУ.

Разнообразные таёжные ландшафты северо-алтайского низкогорья, в том числе и Горная Шория, к раннему голоцену уже были хорошо освоены древним человеком. Существует даже концепция о якобы единой неолитической культуре в Обь-Енисейской лесостепи. Конечно, здесь есть и позднеплейстоценовые памятники того периода, когда ландшафтные и климатические особенности местности существенно отличались и были близки современной приполярной лесотундре.

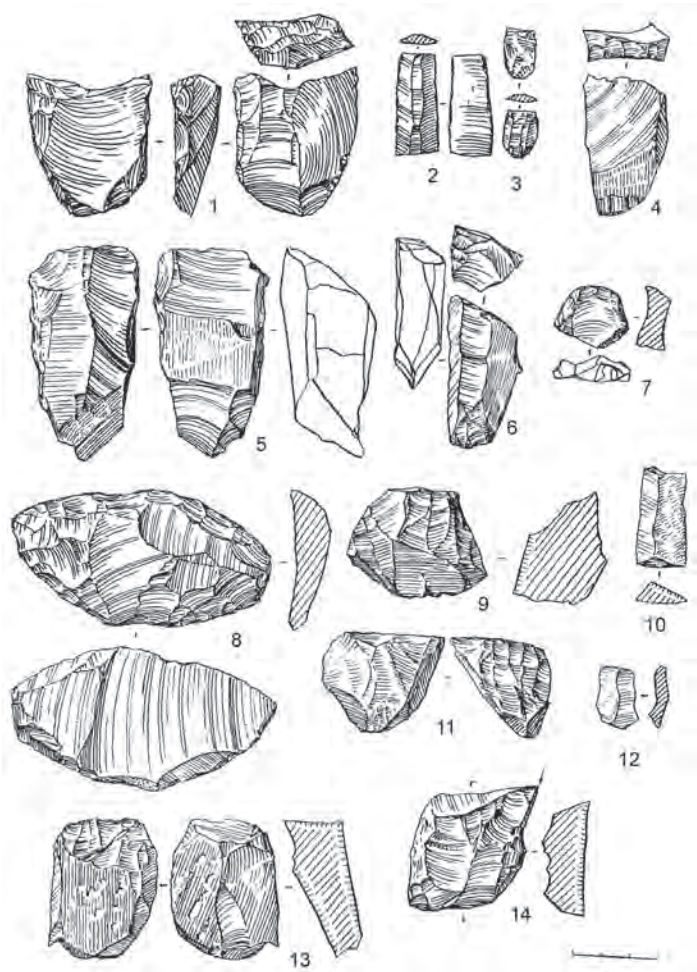
Камешок-1 – местонахождение расположено на левом приустьевом мысе высотой 10 м левого притока Мрассу – р. Камешек, в 19 км выше по течению реки Мрассу от её устья. Археологом Ю. В. Шириным в 1996 г. на месте бывшего шорского дома в пос. Камешок в шурфе на глубине 45 см было обнаружено 5 каменных артефактов из микрокварцита: 2 мелких отщепа, проксимальный фрагмент пластины с трапецевидным сечением, фрагментарная пластина с ретушью утилизации и торцевой нуклеус. Датируется верхним палеолитом – ранним голоценом.

Кедровка – местонахождение выявлено в 1979 г. А. Л. Кунгуровым на бечёвнике правого берега Антропа (левого притока Кондомы), в 12,3 км к юго-западу от с. Новотроицкое, против впадения в Антроп ручья Кедровки. Из 8 экземпляров находок выделяются 3 орудия: скребок концевой на пластине, окатанная пластина с двухсторонними ретушированными краями, отщепы и желваки с фасетками сколов и ре-

тушью. Датируется верхним палеолитом.

Кислогол – местонахождение выявлено в 1979 г. А. Л. Кунгуровым в 0,7 км ниже по течению Антропа от местонахождения Кологол, где река прорезает 20-метровую заросшую тайгой гриву. Среди развала обвалившегося галечника был найден хорошо окатанный чоппер. Датируется верхним палеолитом.

Кологол – местонахождение выявлено в 1979 г. А. Л. Кунгуровым в 1,6 км ниже по течению Антропа от Ульбы-2 при впадении в р. Антроп ручья Кологол. На бечёвниках были обнаружены каменные изделия: обломки с ретушью, технический скол, пластина, отщеп и пластина с ретушью. Датируется верхним палеолитом.



Каменный инвентарь поселений Горной Шории эпохи верхнего палеолита и раннего голоцена. Камешок (1-3), Усть-Ганова (4-7, 9-14), Широкий Луг (8). Рис. А. Л. Кунгурова.

Красная Горка-2 – местонахождение в 2 км к северо-востоку от д. Букина, на мысу коренной террасы. Высота площадки, где расположено местонахождение, над уровнем высокой поймы около 90 м. На пашне площадью около 500 кв. м были собраны 3 обломка крупных кремневых галек нуклеусовидной формы и несколько кремневых отщепов. Данное местона-

хождение можно отнести к верхнему палеолиту.

Кузедеево-5 – местным жителем на развилке грунтовой дороги к северо-западу от кладбища на высоте 115 м над поймой Кондомы, в 1,5 км к северо-западу от устья р. Колотовки, в 800 м от с. Кузедеево был случайно найден каменный топор из серо-зелёной твердой породы с оббитым скругленным обушком линзовидного сечения и со сколами кромки лезвия.

Кузнецк-1/3 – поселение находится на четвёртой террасе правого берега Томи, в 3 км к северо-западу от устья Кондомы, на территории Кузнецкой крепости. Исследовалось Ю. В. Шириным в 1998 г. Богатая коллекция каменных артефактов этого местонахождения представлена 359 экземплярами. Орудийный набор состоит из 55 экземпляров: 15 скребел, 1 проколка, 1 долотовидное орудие, 5 выемчатых орудий, 26 отщепов с ретушью, 1 пластина с ретушью. Датируется палеолитом.

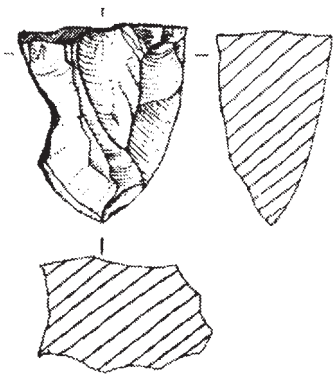
Куртуково-2 – местонахождение, обнаруженное Ю. В. Шириным в 1992 г. на левом берегу Кондомы, в 0,7 км выше по течению от с. Куртуково. На глубине 0,65 м от поверхности было найдено кремневое орудие, а в осыпях несколько кремневых отщепов и нуклеус. Датируется верхним палеолитом.

Куртуково-3 – местонахожение, открытое Ю. В. Шириным в 1996 г. на левом берегу Кондомы, на юго-восточной окраине с. Куртуково, представляет собой мыс, в 0,2 км от которого к востоку впадает безымянный ручей. На пашне, разрушившей памятник, были собраны каменные артефакты верхнепалеолитического облика.

Надтопольное – поселение, расположенное на правом берегу р. Томи в 500 м ниже по те-

чению от городища Маяк, на той же террасе. В разведочном раскопе на бровке террасы найдены многочисленные отщепы и орудия из различных пород камня – кремня, алевролита, кварцита и яшмы. Встречаются как миниатюрные скрёблышки, так и более крупные каменные орудия. Поселение датируется ранним голоценом.

Николаевка-2 – местонахождение на останце коренной террасы в виде бугра высотой 8–9 м и диаметром до 100 м, в левобережной пойме р. Кондома в 1,2 км к северу от русла его левого притока р. Кинерки и в 1,5 км к северо-востоку от д. Николаевка. В заложенном на вершине холма шурфе Ю. В. Шириным на глубине 32 см был обнаружен кварцитовый клиновидный нуклеус с негативами параллельного снятия. Датируется эпохой раннего голоцена.



Каменный клиновидный нуклеус с местонахождения Николаевка-2.

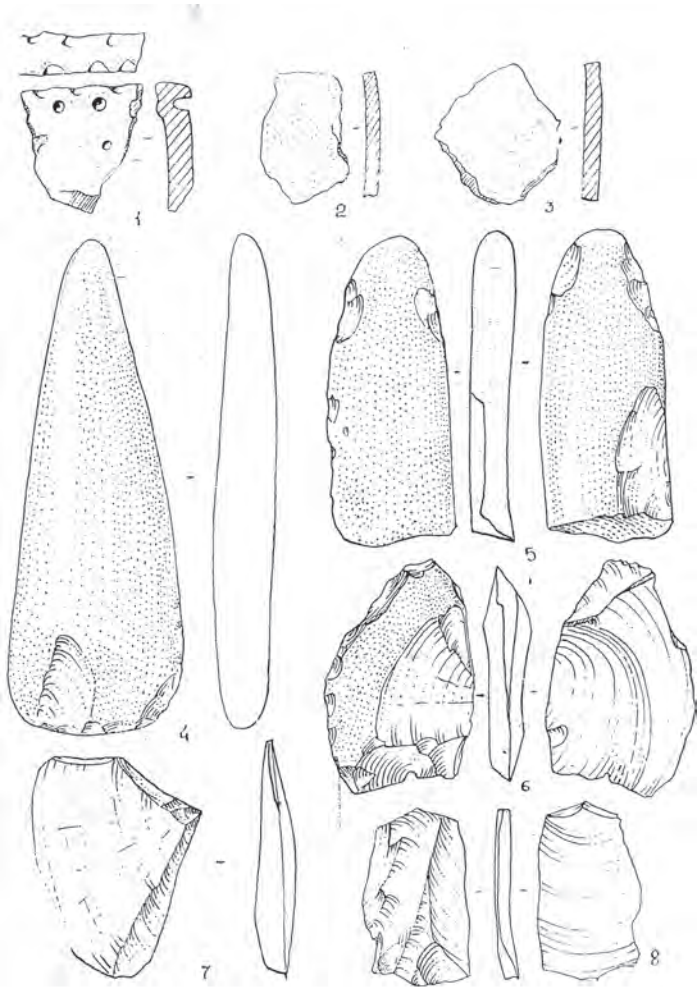
Печергол – поселение расположено на обширной надпойменной террасе высотой от 4 до 14 м вниз от устья ручья Печергол, правого притока р. Мрассу. Судя по фотографиям землеустроителя Г. И. Иванова и сообщениям щорцев, здесь до 1950-х гг. располагался шорский улус Печергол.

Впервые памятник был открыт в 1989 г. археологом В. М. Любченко и этнографом В. М. Кимеевым. При закладке шурфа были найдены отходы производства кремниевых орудий и несколько фрагментов керамики конца I тыс. н.э. Затем в 1990 г. археолог Ю. В. Ширин вторично произвел археологическую разведку, а в 1993 г. археологом В. В. Бобровым были произведены раскопки поселения. Они показали, что насыщенность культурного слоя средняя и что материалы отражают несколько периодов заселения: эпоху неолита или ещё более древнего времени – мезолита, поздней бронзы, раннего

железа, а также конца I тыс. н.э., который был связан с существованием в Среднем Притомье Лачиновской археологической культуры.

Археологи выделяют здесь четыре многослойных памятника: Печергол-1, Печергол-2, Печергол-3 и Печергол-4.

Подстрелка-2 – местонахождение на высокой чистой площадке в пойме левого берега р. Кондомы обнаружено Ю. В. Шириным. На глубине 30–50 см найдены отщепы и галечные обломки, датируемые ранним голоценом.



Материалы с поселения Печергол-1. Керамика (1-3); заготовка тесел (4,5). отщепы (6-8). Рис. В. В. Боброва

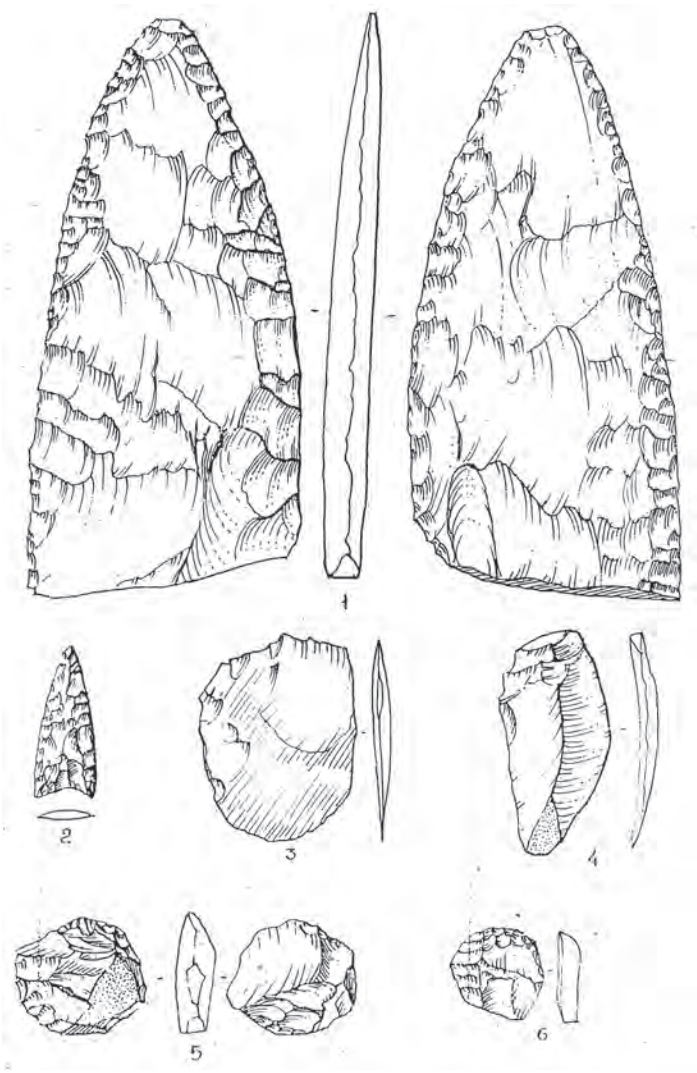
Прорва-2 – многослойное поселение, расположено на левом берегу р. Прорвы, в 150 м выше её устья и в 2 км к ю-в от д. Боровкова. Занимает вершину берегового бугра высотой до 6 м над руслом реки. На одном из разрушающихся участков в основании бурого слоя и в кровле глины, на уровне 50 см от современной поверхности найдены кремневые отщепы и пластины, призматические сколы, мелкие скребки, клиновидный торцевой нуклеус, обломки кремневых галек.

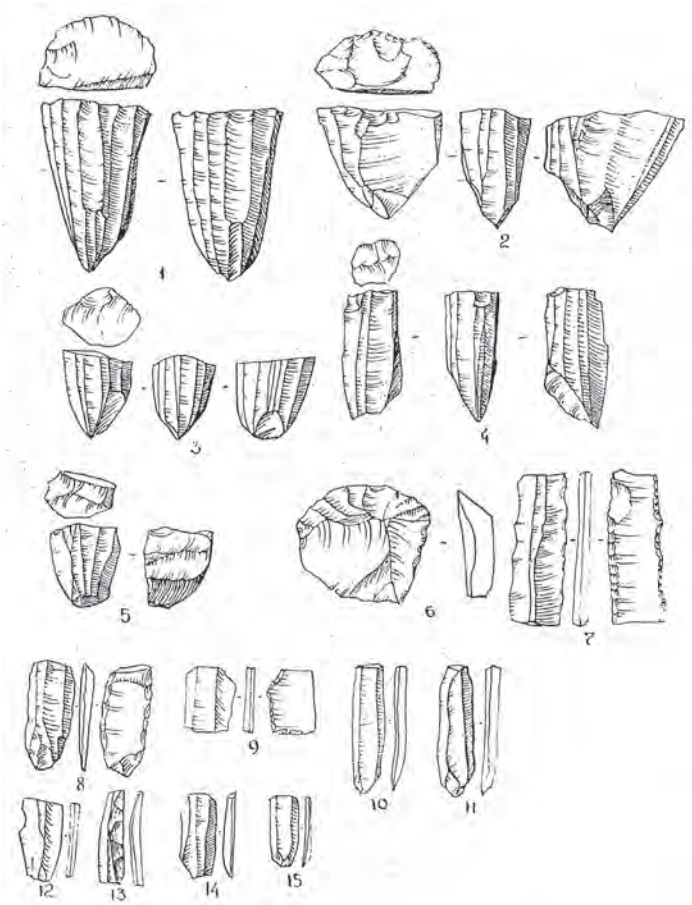
Эти находки нижнего слоя можно датировать ранним голоценом. На других полуразрушенных участках были найдены фрагменты керамики эпохи бронзы (сочетание ирменской и лугавской культур), а также отмечен материал деревни XIX–XX вв.

Сарбала-4 – поселение, расположенное на третьей надпойменной террасе в правобережье долины Кондомы, в 450 м к юго-востоку от ж/д платформы «422 км», в 2 км к западу от пос. Сарбала. При сборах на гребне террасы, возвышающейся на 45–50 м над уровнем первой надпойменной террасы, в отвалах траншеи были обнаружены отщепы и несколько орудий, обломки костей и зубов плейстоценовых животных. На глубине до 0,7 м было найдено скребло. Всего сборы составили 87 находок, из них, кроме отщепов, 2 нуклеуса, 5 скребков, 1 отщеп с ретушью, 1 пластина с ретушью. Датируется эпохой верхнего палеолита и раннего голоцена.

Сарбала-5 – местонахождение на первой террасе высотой

Материалы с поселения Печергол-2.
Кинжалы (1), наконечник стрелы (2), отщепы (3, 4), скребки (5, 6).
Рис. В. В. Боброва





Материалы с поселения Печергол-1. Нуклеусы (1-5), скребок (6), ножевидные пластины (1-15). Рис. В. В. Боброва.

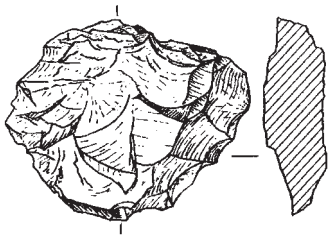
6 м правого берега р. Кондомы, в 250 м к ю-в от ж/д станции Сарбала. При зачистке на глубине 78 см были найдены многочисленные кремневые изделия: нуклеус, пластины, скребки, оббитые кремневые гальки, отщепы и сколы. Памятник датируется ранним голоценом и верхним палеолитом.

Соколиная Гора – местонахождение на наиболее высокой части увала «Соколиная Гора», ограничивающего с юга пойму р. Томи, а с юго-запада – пойму приустьевой части р. Кондомы. Максимальная высота горы от уровня высокой поймы около 210 м. Поселение расположено на несколько метров ниже максимальной отметки, на пологом склоне с юго-восточной экспозицией. Поверхность памятника распахана глубокими бороздами и засажена соснами. В колее грунтовой дороги были собраны кремневые отщепы, обломок одного орудия – лезвия скребка. Датируется верхним палеолитом.

Сосновка-2 – местонахождение, обнаруженное Ю. В. Шириным на левом берегу р. Сосновка, в районе лыжной базы, в 1,4 км к с-з от с. Сосновка, на южном распаханном склоне бугра,

напротив плотины, где были собраны многочисленные отщепы и нуклеусы эпохи верхнего палеолита.

Старокузнецкое-2 – местонахождение, выявленное в 1992 г. Ю. В. Шириным на четвёртой надпойменной террасе правого берега Томи, в 3 км к северо-западу от устья Кондомы, в 350 м к северо-западу от Кузнецкой крепости. В осыпи глиняного карьера были найдены кости бизона, а на глубине 2,8 м обнаружено скребло диагональное дорсальное выпуклое. Оформлено на нуклеусовидном изделии ретушью захватывающей, разнофасеточной, крутой. Рядом ещё одно скребло и прокал со скоплением древесного угля. Здесь найдены были кости бизона, а также несколько мелких отщепов и чешуек. Эти находки могут быть связаны со сборами А. П. Окладникова в 1962 г. на дне карьера после гидросмыва.

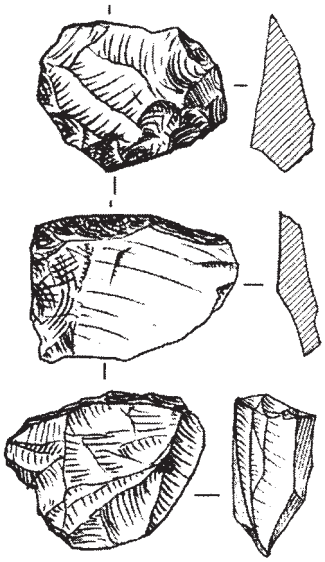


Кремниевый скребок с местонахождения Старокузнецкое-2.

Старокузнецкое-3 – местонахождение, открытое в 1993 г. Ю. В. Шириным, расположено на четвёртой террасе правого берега Томи, в 200 м к северо-западу от местонахождения Старокузнецкое-2. В осыпях были обнаружены крупный отщеп, нуклеус и пластина с ретушью. Монофронтальный однопластинчатый нуклеус оформлен на кварцитовой гальке.

Тайлеп-1 – местонахождение на левобережной коренной террасе р. Кондомы, в 50 м к юго-востоку от пруда на р. Малая Речка, на юго-восточной окраине пос. Тайлеп, на площадке высотой 12 м. Найдены обломки кремневых отщепов. Памятник датирован ранним голоценом.

Тайлеп-2 – местонахождение находится на левобережной террасе Кондомы в 400 м к юго-востоку от шорского пос. Тайлеп на высоте до 17 м над заболоченной поймой Кондо-



Кремниевые нуклеусы с поселения Тёш-6.

мы. В дренажной канаве на протяжении 40 м Ю. В. Шириным было прослежено два уровня залегания каменного материала. Собрано 94 экземпляра: отщепы, технические сколы, пластина, орудия в виде отщепов с ретушью и нож на реберчатом сколе.

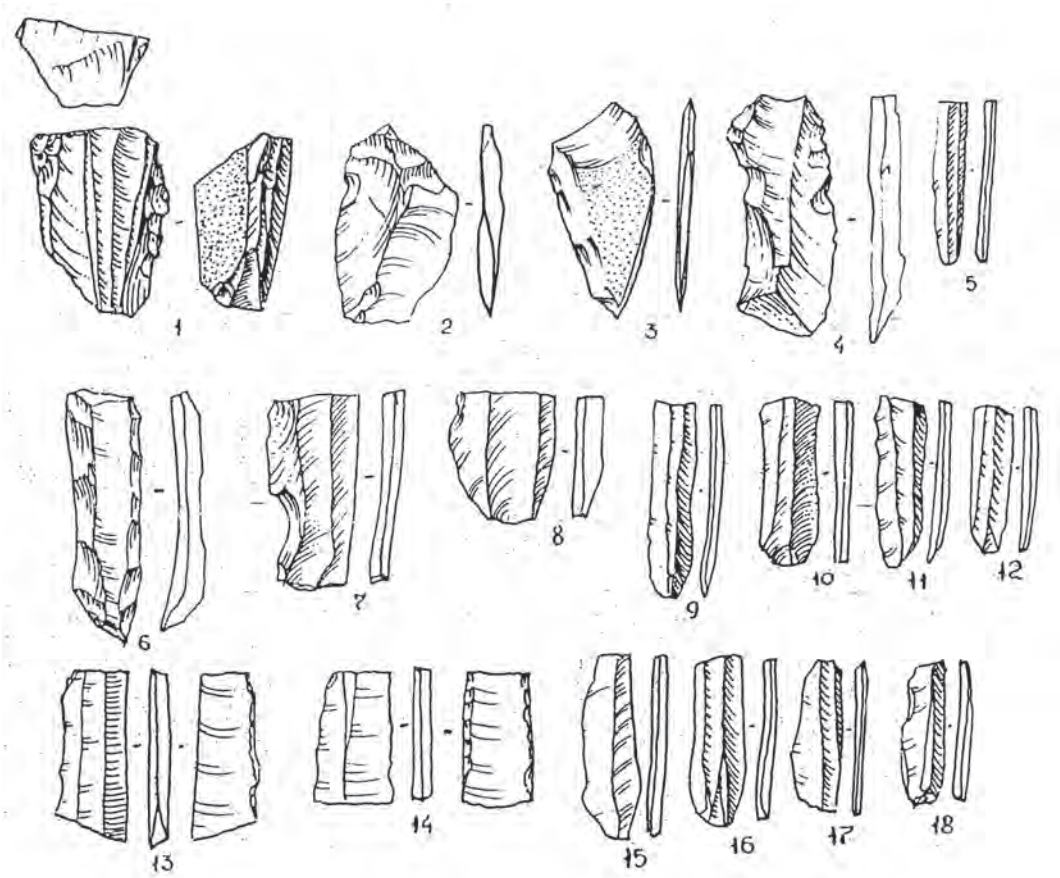
Тёш-6 – поселение найдено Ю. В. Шириным в 2005 г. на северной окраине с. Кузедеево, на левом берегу р. Тёш, в 2,5 км к северу от стадиона. В заложенном шурфе найдены обломки галек, отщепы, галечный отбойник, кремневый торцевой нуклеус, несколько скребков. Датировано ранним голоценом.

Турла-2 – местонахождение на одной из улиц шорского пос. Турла на южном склоне мысовидного участка левого коренного берега р. Турла – правого притока р. Кондома, открыто Ю. В. Шириным в 1998 г. Был найден всего один крупный кремневый отщеп.

Ульба-1 и ***Ульба-2*** – местонахождения, открытые в 1979 г. В. Б. Бородаевым и А. Л. Кунгуровым, представлены отщепами, рубящим орудием, нуклеусами, скребками. Датируются верхним палеолитом.

Усть-Ганова – местонахождение находится на мысе ручья, правого притока Кондомы, на месте бывшей шорской д. Усть-Ганово. На склоне мыса Ю. В. Шириным в 1988 и 2003 гг. в размытой колее старой дороги на глубине до 60 см было собрано около 85 экземпляров: отщепы, осколки разной величины, технические сколы, пластины, нуклеусы, орудия (скребки, резцы, отщепы с ретушью, отбойник). Датируется поздним палеолитом и ранним голоценом.

Усть-Унтруш – местонахождение, открытое в 1979 г. В. Б. Бородаевым в 2 км ниже по течению Антропа от местонахождения Кислогол



Матриалы с поселения Печергол-2.
Нуклеус (1), ножевидные пластины (2-17).
Рис. В. В. Боброва

в устье ручья Унтруш, левого притока Антропа. Найдены скребок и проксимальный фрагмент пластины. Датируется ранним голоценом.

Фёдоровка-2 – местонахождение расположено на левобережной террасе р. Шушталеп, левого притока Кондомы на юго-западной окраине с. Федоровка. В заложенном в 2003 г. Ю. В. Шириным шурфе найдены 33 экземпляра: отщепы, чешуйка. Датируется верхним палеолитом.

Швейник-1 – поселение расположено на холмообразном останце в левобережной пойме р. Томи, в 3,5 км к юго-востоку от с. Атаманова.

Находки с поселения Широкий Луг-2. Яшмовый полированный миниатюрный топорик, каменные наконечник стрелы и орудие на отщепе.

При осмотре примыкающего с востока песчаного карьера в осыпи были найдены обломки кремневых галек и отщепы. При зачистке обнажений определён возраст пойменного бугра – финал плейстоцена, не старше 8 тыс. лет. На уровне 30 см от современной поверхности в тёмном почвенном слое найдены кости животных, кремневые отщепы и призматический нуклеус. На уровне 38–40 см найдены крупные отщепы, обломки кварцитовых галек, мелкие кремневые скрёблышки, отщепы и обломки небольших нуклеусов. Поселение отнесено к нескольким периодам раннего голоцена.

Широкий Луг-2 – поселение находится на месте бывшей шорской д. Широкий Луг на правом берегу Кондомы, в 1,2 км вверх от устья её левого притока р. Антроп. На обрыве размытой надпойменной чистой ровной террасы высотой до 12 м Ю. В. Шириным в 1996 г. были произведены сборы: крупное орудие из двухсторонней оббитой гальки, а на береговой отмели – обработанное по периметру покрывающей ретушью скребло из окремнённого аргиллита, нуклеус с негативами параллельного снятия и отщеп с ретушью. Последующие сборы Ю. В. Ширина: обломок наконечника стрелы или вкладыша, 2 скребка из чёрного кремня и миниатюрный полированный яшмовый топорик 8×2,7×1,1 см овального поперечного сечения позволили ему датировать памятник эпохой раннего голоцена.

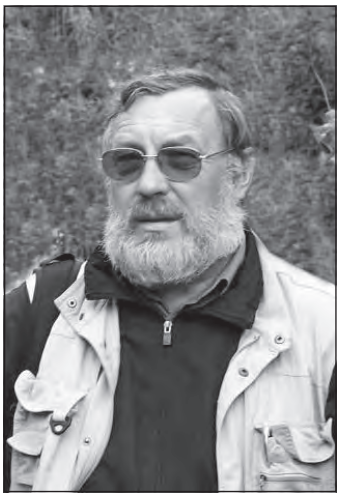
Эпоха бронзы

Выявленные за последние 20 лет на территории Горной Шории типологически разнородные керамические комплексы эпохи ранней бронзы не позволяют исключать наличия сложной культурной ситуации и в предшествующую эпоху. Наиболее активные этнокультурные связи древнего населения Горной Шории осуществлялись через бассейн р. Томи с Кузнецкой котловиной, а через бассейн р. Чумыш и притоки р. Бии – с Верхним Приобьем и Обь-Иртышским междуречьем. Население Горной Шории могло пополняться и выходцами из соседних предгорных районов Минусинской котловины, Западных Саян, северо-западной Тувы. Вполне вероятно, что через современную территорию Горной Шории могли проходить транзитные маршруты, связывающие Горный Алтай и Минусинскую котловину [Ширин, 2005б, с. 155–160].

Абагурское-2 – городище, открытое в 2009 г. Ю. В. Шириным, расположено на мысу коренной левобережной террасы р. Томи, в устье р. Мишкина, на юго-восточной окраине земель г. Новокузнецка. Датировано VIII–VII вв. до н.э.

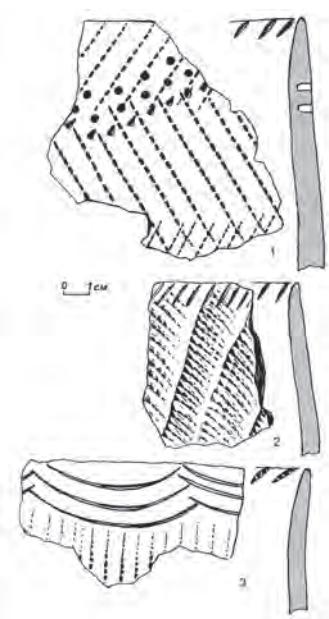
Акколь – поселение, найденное в 2000 г. Ю. В. Шириным на первой надпойменной террасе левого берега р. Томи в 200 м ниже по течению от устья р. Мрассу. В обнажении берега был выявлен слой поселения эпохи бронзы с фрагментами плоскодонного сосуда, украшенного прочерченными линиями и ямками.

Кузедеево-4 – многослойное поселение, впервые выявленное С. В. Маркиным в 1979 г., расположено на плоской чистой террасе высотой



Сергей Васильевич Маркин – археолог-палеолитчик, д.и.н., зав. сектором археологии палеолита ИАЭ СО РАН.

Клад топоров на поселении Луговушка.
Рис. Ю. В. Ширина



Керамика эпохи ранней бронзы поселения Мзас-5.
Рис. Ю. В. Ширина

6 м левого берега р. Кондома в 1,2 км севернее с. Кузедеево. С юга поселение ограничивается ручьём. При расчистке в одном из слоёв были найдены кремневые отщепы и развал крупного горшка эпохи поздней бронзы, украшенного резным геометрическим орнаментом.

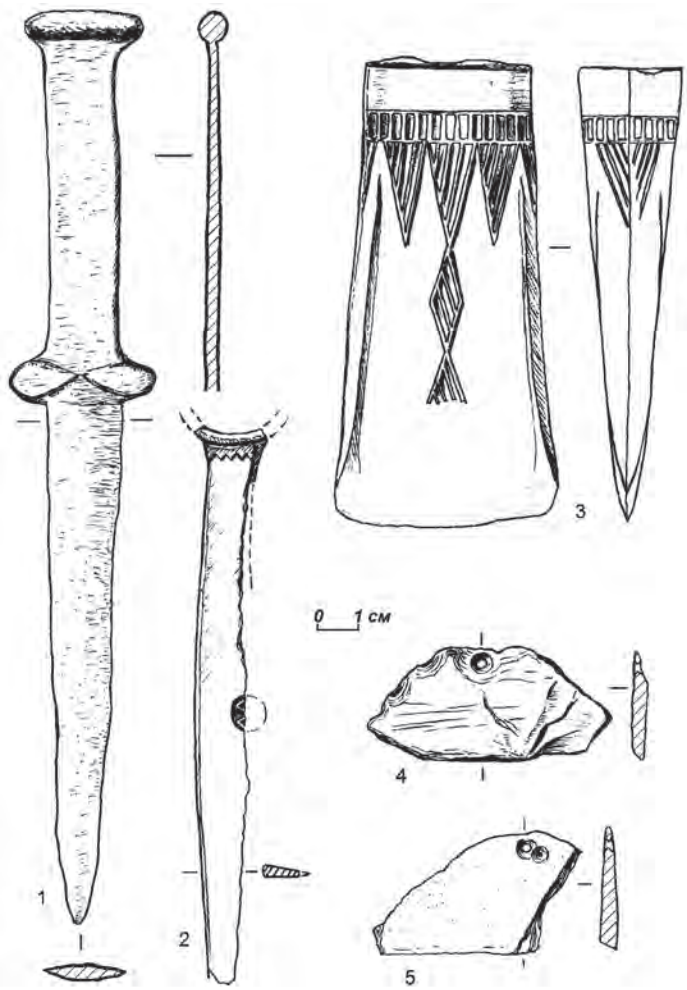
Луговушка – многослойное поселение на левом берегу р. Кондома, в 100 м ниже устья р. Мундыбаш. В размыве высокого пологого берега на уровне до 7 м Ю. В. Шириным были найдены 2 тесла: одно овальное в сечении из кремнистого песчаника серо-зелёного цвета 19,4×6,7 см удлинённой трапециевидной формы с выпуклым лезвием; другое 14,2×2,5 см трапециевидной формы и лезвие от этого тесла. На глубине 60 см в заложенном шурфе были расчищены ещё 3 тесла и одна заготовка для тесла – треугольная плитка с оббитой одной длинной гранью из слоистого девонского песчаника. Датируется эпохой ранней бронзы.

Малиновое-1 – поселение обнаружено Ю. В. Шириным в 1986 г. на высокой пойме правого берега р. Кондомы, в 1 км к ю-з от пос. Абагур, на восточном берегу оз. Малинового, и 3,8 км к ю-в от устья р. Кондома. Площадь сборов на распаханном участке составила примерно 600–700 кв. м. Многочисленный разновременный материал (фрагменты керамики) можно датировать эпохой ранней и развитой бронзы (самусьская культура, позднеирменская культура).

Мзас-5 – поселение расположено на левом берегу р. Мрассу в 1,8 км выше устья р. Мзас. Оно занимает площадку на краю террасы высотой 6-7 м. Терраса неоднократно затапливалась и культурный слой размывался. В шурфах найдены фрагменты керамики, осколки кварцита, обломки зернотерки из песчаника,

а также следы очагов. Основная площадь памятника занята поселением эпохи ранней бронзы. Керамика крохалевского типа встречалась на различной глубине — от 15 до 40 см. Только на юго-восточной периферии поселения отмечен еще и культурный слой эпохи раннего железа.

Мундыбаш-1 – поселение находится в пос. Мундыбаш в месте впадения в р. Кондома справа притока р. Мундыбаш. Впервые памятник был открыт и обследован С. В. Маркиным. Позднее Ю. В. Шириным на этом же приустьевом мысу и выше по течению р. Кондома на 30 м в 1988 г. были собраны многочисленные обломки толстостенной хрупкой керамики с орнаментом из ногтевых насечек и оттисков мелкозубой длинной гребёнки, кремневые отщепы и орудия, отбойник и плоский тёрочник из мелкозернистого песчаника, массивный каменный топор с поверхностью, обработанной точечной выбивкой. Кроме многочисленных фрагментов керамики эпохи бронзы найден бронзовый кельт самусьско-сейминского типа. Во втулке кельта сохранился кон-



Случайные находки на территории Горной Шории.
Кабук (1), Федоровка (2), Мундыбаш-1 (3-5).
Рис. Ю. В. Ширина

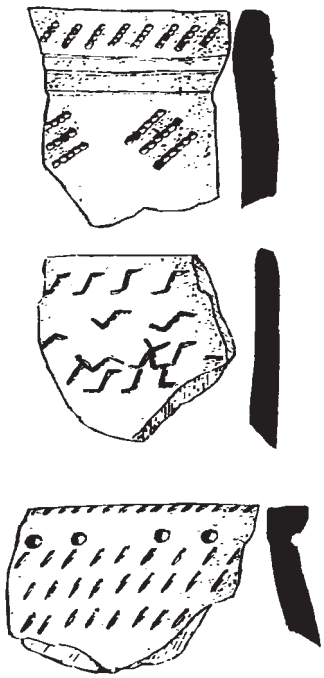
чик аккуратно затёсанного древка. На участке полуразрушенной площадки при строительстве опоры моста автомобильной дороги были собраны фрагменты керамики и несколько сланцевых полулунных подвесок, аналогичных комплексам самусьской культуры.

Мунжа – поселение расположено на правом берегу р. Кондома, напротив устья её левого притока р. Мунжа. При зачистке обнажения террасы 4 м высотой Ю. В. Шириным в 1988 г. в культурном слое были найдены древесные угольки и фрагменты орнаментированной керамики эпохи бронзы.

Печергол-1 – поселение находится на второй террасе, высота которой около 12–14 м. Склоновый участок террасы покрыт высоким травостоем и кустарниковой растительностью. В центральной части мыса была обнаружена слабо выраженная жилищная западина. Её границы прослеживаются достаточно отчётливо благодаря сохранившимся фрагментам каменной выкладки. Данная жилая конструкция, вероятно, относится к этнографической современности, т. к., по сообщениям старожилов, здесь находилось шорское поселение. Культурный слой насыщен неравномерно. Несмотря на то, что отдельные находки были зафиксированы сразу после снятия дерновины, бóльшая часть их находилась на уровне второго условного горизонта. На уровне первого условного горизонта были обнаружены кремневые отщепы и пластины.

Площадка многослойного поселения Печергол перед раскопками. 1990 г.

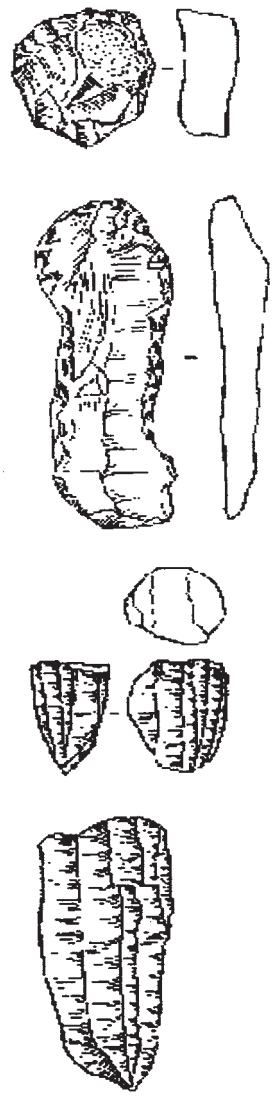
Бóльшая часть находок на площади раскопа была обнаружена в наиболее высокой его части. Особый интерес представляют найденные здесь обломки средневековой керамики и ошлакованные конструкции железоплавильной печи. На уровне второго условного горизонта насыщенность культурного слоя значительно возросла. Среди находок нужно отметить скопление кремневых отщепов, среди которых найдено несколько призматических нуклеусов. Наряду с орудиями и отходами производства на площади раскопа были обнаружены аморфные обломки тёмно-серой породы. Вероятно, они были принесены сюда древним населением, однако их назначение остается неясным. На уровне третьего условного горизонта были зафиксированы отщепы, ножевидная пластина, скребок. На остальной площади раскопа находки самостоятельных скоплений не формировали, а их концентрация была крайне незначительной. В материковой поверхности обнаружено незначительное количество кремневых отщепов, чешуек и ножевидных пластин.



Фрагменты керамики с поселения Печергол.

На поселении Печергол-1 найдены две заготовки тесловидных орудий. Одна из них, более массивная, изготовлена из продолговатой гальки, в более широкой своей части имеет следы подработки рабочего края в виде фасеток параллельной ретуши. Вторая заготовка также сделана на продолговатой гальке. В морфологическом отношении она характеризуется подработкой обушка. Рабочий край изделия обломлен.

Печергол-2 – поселение находится на высокой пойме высотой до 4 м над летним уровнем воды, справа от устья ручья Печергол, в 75 м к югу от поселения Печергол-1 и в 25 м к севе-



Кремневые орудия и нуклеусы с поселения Печергол

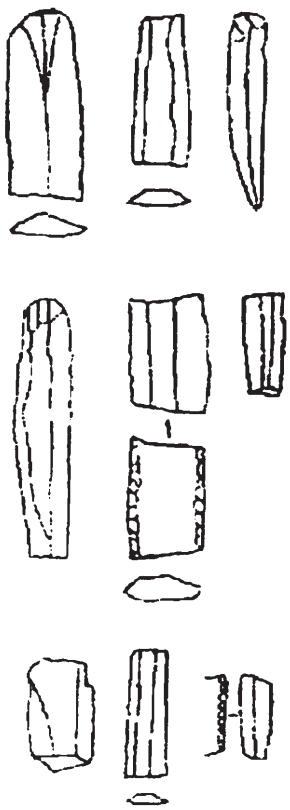
ро-западу от квартального столба, установленного в устье ручья Печергол. Предполагаемая площадь поселения занимает лишь незначительную часть обширной первой надпойменной террасы, круто переходящей в заливную пойму р. Мрассу. Луговая терраса равномерно понижается с северо-запада на юго-восток, покрыта высоким травостоем и кустарниковой растительностью.

На поселении, открытом в 1990 г. В. В. Бобровым, за 1991–1992, 1994 гг. было раскопано около 100 м^2. Выяснилось, что это стратифицированный археологический объект, содержащий несколько слоёв. Первый слой содержит смешанные материалы разных культур и хронологических периодов: поздней бронзы, раннего железа и средневековья. На уровне гумуса обнаружена каменная кладка от фундамента шорского дома и отдельные предметы материальной культуры периода этнографической современности. Нижний, второй слой, перекрытый аллювиальными отложениями, содержит материалы эпохи неолита. Культурный горизонт на контакте с этими отложениями отражает период заселения этого места в нач. II тыс. до н.э.

Культурный слой насыщен неравномерно. Несмотря на то, что отдельные находки были обнаружены сразу под дёрном, бóльшая их часть концентрировалась во втором культурном слое. На уровне первого условного горизонта были обнаружены кремневые отщепы и пластины, которые не составляли отчётливо выраженных скоплений.

На уровне второго условного горизонта концентрация находок значительно возросла. Их основная масса связана с прослойкой тёмно-серой супеси, которая располагалась сразу

под дёрном и продолжалась до уровня 0,4 м ниже дневной поверхности. Полученный материал представлен обломками ножевидных пластин и отщепами. Орудийный комплекс включает в себя концевые скребки на пластинах и круглые скребки на отщепах. Был найден частично повреждённый кремневый кинжал листовидной формы. Судя по сохранившемуся фрагменту, первоначальная длина орудия составляла 30–35 см. Изготовленный из светло-жёлтого кремня, дающего хороший раковистый излом, по всей поверхности он покрыт фасетками уплощающей ретуши. Рабочий край орудия оформлен с помощью приостряющей ретуши с целью получения режущей кромки. Функциональный диапазон вышеописанного орудия, вероятно, был достаточно широк. Орудия подобного типа широко использовались не только в качестве кинжалов, но и как наконечники копий для охоты на крупных копытных.



Ножевидные пластины с поселения Печергол.

Уровень третьего условного горизонта частично совпадал с прослойкой русловых отложений, которые культурных останков не содержали. Эта стерильная прослойка в профиле представлена тёмно-жёлтой супесью. Под ней находился ещё один слой тёмно-серой супеси. Обнаруженные в нём культурные останки по своим морфологическим и типологическим характеристикам были идентичны найденным на уровне второго условного горизонта. Среди них преобладали пластины и отщепы. Их концентрация была несколько меньшей, чем во втором условном горизонте.

На поселении Печергол-2 была сделана ещё одна интересная находка – кремневый наконечник стрелы. Оба вышеописанных орудия были найдены на одном стратиграфическом

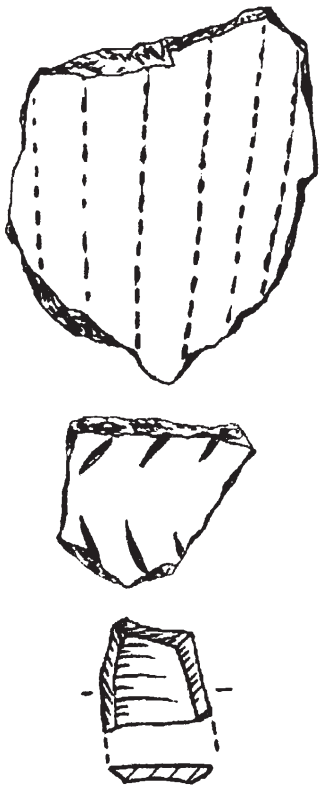
уровне и достаточно отчётливо характеризуют основные типы охотничьего оружия неолитического населения. Наконечник имеет в плане треугольную форму и выемку в основании. Его поверхность покрыта фасетками струйчатой ретуши, а кромка жала, пера и основания – приостряющей ретушью.

Стратиграфические наблюдения на памятнике позволяют утверждать существование двух этапов освоения территории поселения. Стратиграфически это выражено благодаря наличию стерильной прослойки русловых отложений. Светло-жёлтая супесь русловых отложений простилает мощный слой тёмно-серой супеси, в которой найдены культурные останки. Вместе с тем орудийный комплекс, как и весь материал, в целом достаточно однороден.

Печергол-3 – поселение расположено на первой надпойменной террасе высотой до 5 метров, слева от устья ручья Печергол. Открыто в 1990 г. В. В. Бобровым. В результате шурфовки здесь были обнаружены кремневые орудия и неорнаментированные фрагменты. Вероятно, поселение относится к эпохе неолита или ранней бронзы.

Печергол-4 – поселение расположено на первой надпойменной террасе в 20 м севернее поселения Печергол-2. Поселение открыто в 1994 г. В. В. Бобровым. В шурфе 2х2 м были обнаружены нуклеусы, отходы производства кремневых орудий и фрагменты керамики конца I тыс. до н.э.

Исследовательские работы в устье ручья Печергол позволили получить интересный археологический материал. Относительно небольшой объём раскопанной площади объективно свидетельствует о наличии хорошо сохранившихся культурных слоев, связанных с хозяйственной деятельностью древнего населения.



Фрагменты керамики с поселения Подобас-1.

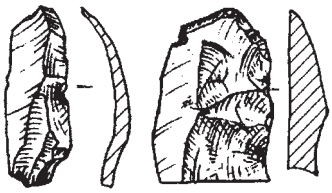
Исследуемый памятник даёт представление об этапах освоения Горной Шории в древности и средневековье, а также позволяет проследить эволюцию типов поселений вплоть до периода этнографической современности.

Подобас-1 – поселение, обнаруженное в 2005 г. Ю. В. Шириным в 350 м к западу от кладбища современного пос. Подобас, на кончике мысовидной стрелки первой террасы левого берега р. Томи. В обнажениях культурного слоя найдены мелкие фрагменты керамики и отщепы. Слабообожжённая керамика орнаментирована тонким длинным гребенчатым штампом, оставляющим пунктирные оттиски, а также ногтевыми насечками в виде разреженных горизонтальных строк (ёлочкой). Датируется эпохой бронзы (крохалёвский тип).

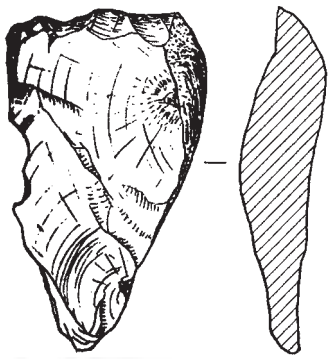
Подобас-2, 3, 4, 5 – четыре местонахождения, обследованные в 2005 г. Ю. В. Шириным к юго-западу от поселения Подобас-1. На нескольких распаханных террасовидных уступах левого берега р. Томи на большой площади собраны кремневые и алевролитовые отщепы, скрёбла на пластинах, обломки кремневых орудий и колотые кости. Находки датируются эпохой ранней бронзы.

Тельбес-Джелсай – поселение расположено у правого приустьевого участка р. Тельбес – притока Кондомы, на юго-восточной окраине г. Таштагола. Высота берега, где расположено поселение, около 3 м. Характер каменных орудий и орнаментация фрагментов керамики позволили Ю. В. Ширину предварительно датировать поселение Тельбес-Джелсай эпохой ранней бронзы.

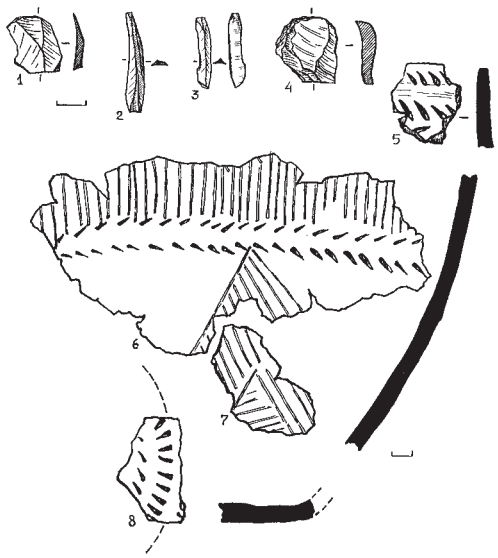
Усть-Анзас-1 – поселение находится на пойменной террасе правого берега р. Мрассу, высотой 4–5 м от уреза воды, в 100 м выше устья



Отщеп и обломок кремниевого орудия с поселения Подобас-2.



Кремниевые скрёбла с поселения Подобас-4.



Материалы эпохи ранней бронзы на поселении Усть-Анзас. Рис. Ю. В. Ширина.

правого притока р. Анзас. На поселении в 1990–1991-х годах были проведены сборы археологом В. В. Бобровым, а в 1995 г. – раскопки Ю. В. Шириным. На месте основной части поселения, где ныне стоит деревянный жилой дом, до 1930-х гг. находились православная миссионерская церковь и школа конца XIX в. Полученные материалы из разведочного шурфа на бровке террасы у дома предварительно датированы эпохой ранней бронзы, концом I тыс. н. э. и поздним средневековьем. В толще погребённой почвы найдены кварцитовые отщепы, некоторые со следами утилизации, и единичные изделия из чёрной кремнистой породы: две миниатюрные призматические пластины и скребок с крутой мелкочешуйчатой ретушью. Несмотря на небольшое количество, данные материалы демонстрируют определенное сходство с неолитическим и раннебронзовым комплексом поселения Печергол-2, расположенного в 10 км ниже по течению реки Мрассу.

На стыке поверхности погребённой почвы с перекрывающими её более светлыми русловыми отложениями расчищен развал крупного керамического сосуда. Это плоскодонный слабопрофилированный горшок. Венчик его прямой, с уплощённым срезом, орнаментирован горизонтальными рядами наклонных каплевидных наколов. Полностью орнаментальную композицию этого сосуда восстановить не удалось, так как развал состоял преимущественно из обломков стенок нижней части тулова. Их декор включал две орнаментальные зоны:

верхняя была заполнена вертикальными прочерченными полосами, нижняя – редкими крупными заштрихованными треугольниками. Зоны орнамента разделены горизонтальной ёлочкой из каплевидных наколов. Каплевидными наколами украшена и наружная поверхность плоского днища сосуда. Особенности орнаментации и технология изготовления сосуда позволяют отнести его к ранней бронзе.

Усть-Пызас-2 – это наиболее значимый из открытых и исследованных на реке Мрассу многослойных археологических памятников за последние 40 лет. Памятник, получивший второе условное название «Некрополь Кабырзинской принцессы», расположен на левом берегу р. Мрассу, в 200 м ниже по её течению от устья р. Пызас (левый приток р. Мрассу) на с-з окраине пос. Усть-Кабырза Таштагольского района. В этом месте в р. Мрассу слева впадает безымянный ручей, вытекающий из скал по узкой долине. Промыв рыхлые отложения на террасе, ручей по каменистому дну каскадом стекает в р. Мрассу. На правом приустьевом мысу ру-

Находки из погребения на памятнике Усть-Пызас-2. Бронзовое зеркало (1), аргиллитовые бусы (3–6), бронзовые украшения одежды (2, 6–8, 11, 12), бронзовый нож (10) и бронзовый каркас его ножен (9).
Фото Ю. В. Ширина

Мужское погребение на памятнике Усть-Пызас-2. 2009 г. Фото Ю. В. Ширина.

чья сохранился узкий участок первой террасы высотой около 7 м, прижатый к скальному борту левого берега р. Мрассу. Склон берега зарос кустарником, хвойными и лиственными деревьями, но площадка террасы чистая и, судя по остаткам костровищ, здесь часто останавливались туристы и рыбаки. Ширина ровного участка на этой площадке вглубь извилистого берега от 60 до 25 м, протяженность вдоль берега около 50 м.

В шурфе, заложенном Ю. В. Шириным в каменистом грунте этого мыса в августе 2008 г., был выявлен довольно насыщенный культурный слой. Раскопки в июле 2009 г. показали, что у памятника довольно серьёзно разрушен культурный слой тяжёлой техникой в ходе лесозаготовок в 1970-х гг.

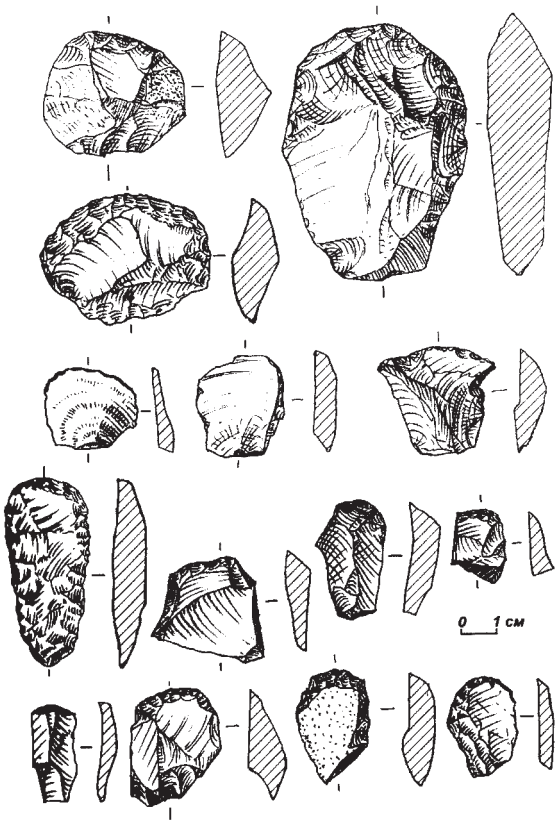
При снятии дёрна на краю террасы были найдены обломки костей ног человека, а рядом

две бронзовые бусины и 2 бронзовых ножа того типа, что делали примерно 2,5 тыс. лет тому назад. В верхнем уровне были найдены мелкие медные бляшки-нашивки, а при промывке грунта ещё и пряжка. Стало ясно, что при лесозаготовках здесь были разрушены не только культурные слои древних поселений, но и уникальный для данных мест могильник.

Орнаментированная керамика из нижних слоёв позволила уточнить возраст и культурный состав поселенческих слоёв – неолит (7–6 тыс. лет), а другие материалы – эпоха ранней бронзы (4 тыс. лет), поздней бронзы (3 тыс. лет), раннего железа (2,5 тыс. лет), раннего средневековья (1,2 тыс. лет) и позднего средневековья (нач. XVIII в.). Такое разнообразие и скопление материала позволили предполагать существование здесь регулярных стоянок небольших групп. В районе современного посёлка Усть-Кабырза в древности проходили основные и оживлённые дороги, связывающие Алтай и степи Среднего Енисея.

В одном из уцелевших погребений

Археолог Ю. В. Ширин разбирает одно из погребений на памятнике Усть-Пызас-2. 2009 г. Фото Л. Сулековой.



Каменные орудия и отщепы с поселения Усть-Пызас-2.

на краю террасы в скальном грунте были найдены останки человека и богатый погребальный инвентарь: глиняный орнаментированный сосуд, бронзовый нож, бронзовые пронизи, бронзовое тесло, каменные наконечники стрел. По времени это погребение может быть синхронно памятникам финала эпохи бронзы (лугавской культуры) и ранних этапов тагарской культуры в соседней Минусинской котловине (IX–VII вв. до н.э.). Сосуд из этой могилы и бронзовый инвентарь свидетельствуют о культурных связях с Минусинской котловиной, так как Горная Шория в культурном отношении не являлась географическим изолятом.

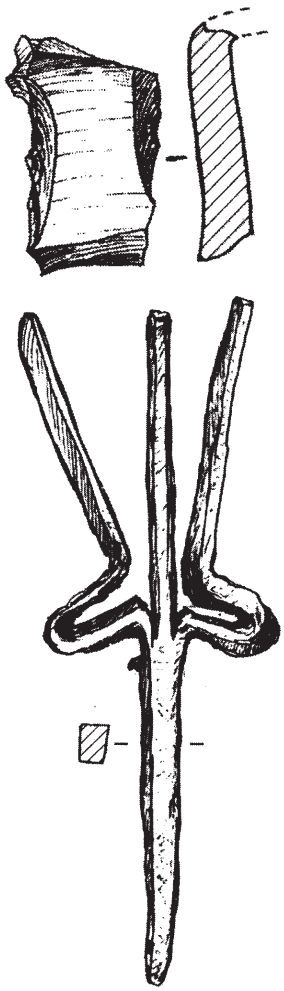
Черемза-1 – многослойное поселение и могильник, обследованные в 2011 г. Ю. В. Шириным в 2,5 км к западу от д. Берензас на правом берегу р. Черемзы, левого притока р. Томи. На останцевом бугре высотой около 10 м при раскопках на уровне материка были найдены галечные наброски диаметром около 1 м, а в связанном с ними слое – каменные орудия: наконечники стрел, полированные топоры, абразивы, скребки и отщепы, а также мелкие фрагменты глиняных сосудов баночных форм слабого обжига с гребенчатыми оттисками, два обломка глиняных бронзолитейных форм и кусочки ошлакованной глины. Находки датированы эпохой ранней бронзы.

Памятники эпохи железа и средневековья

Абрамовка – могильник обнаружен в 1932 г. при прокладке ж/д полотна у ст. Осман, где ранее, ещё в 1946 г. располагалось д. Абрамовка со смешанным шорско-русским населением. Выше находки до сих пор сохранилось действующее кладбище. В разрушенных полотном дороги шорских могилах с долблёными гробами или плетёнками из лыка находили горшки, курительные трубки, стрелы, мешочек с семечками. Датируется XVII–XVIII вв.

Аил-1 – поселение обнаружено Ю. В. Шириным в 1988 г. на левом берегу р. Кондомы на юго-восточной окраине с. Кузедеево, в 200 м ниже по течению от устья р. Тёш – левого при-

Раскопки поселения Сайлынгол на р. Мрассу, выше пос. Усть-Анзас. 1990 г. Фото М. Н. Кискорова.



Находки на поселении Аил-1: стеклянный скребок, железный светец.

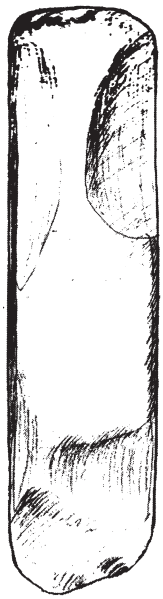
тока р. Кондомы. В кромке размытой высокой поймы обнаружились объекты, связанные с железоделательным производством кузнецких татар. В ямных зачистках найдены блюдцеобразные шлаки, лепная и гончарно-круговая керамика в виде осколков толстостенных горшков с уплощёнными срезами венчиков и с обозначенным на плечике ребром. Найден фрагмент кругового горшка с прямым горлышком и скруглённым венчиком, по плечику которого нанесён орнамент в виде полосы оттисков уголка лопатки. Найден был также полупрозрачный коричневый халцедон, использующийся в кремневом замке шомпольного ружья. Там же найдены ножевидные пластины, стеклянный скребок, галечные грузила, точильный брусок, обломок глиняного диска, орнаментированного розеткой из оттисков короткого гребенчатого штампа и резными полосами. В осыпи берега найден железный светец с тремя рожками, свёрнутый из жести фрагмент железной оковки, обломок литого стеклянного стакана с орнаментом в виде выпуклых фасеток. Предположительно эти предметы датируются XVIII в., а само поселение прорезало неолитический культурный слой, с которым связана призматическая кремневая пластинка.

Акколь – поселение, найденное в 1954 г. У. Э. Эрдниевым на первой надпойменной террасе протяжённостью более 100 м левого берега р. Томи в 200 м ниже по течению от устья р. Мрассу. Затем Ю. В. Шириным в 1990-х гг. в местах разрушений террасы были собраны монеты (от 1767 до 1832 гг.), три бронзовых перстня с псевдогеральдикой на щитках, железный наконечник корнекопалки, железная курительная трубка, варган с отломанным языч-

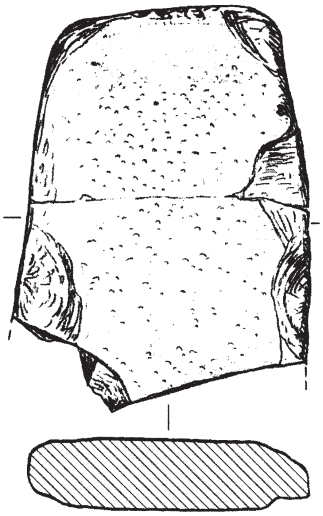
ком, медная шаровидная пуговица, обувные кованые гвоздики, отлитая свинцовая пуля, 3 нательных крестика разных типов, обломки чугунных котлов, железная пряжка, наконечник стрелы, шило, иголки, медный напёрсток, неопределённые мелкие железные предметы, часть в обломках, разнообразная лепная керамика XVIII–XIX вв. Из каменных предметов той же эпохи найдены грузила для сетей, куранты, кресальные кремни.

Блиновское-1 – поселение на правом берегу старицы бывшей Иванцевской протоки р. Томи в Старокузнецке. На месте раскопа общей площадью более 100 м^2 в 1987 г. в верхнем культурном слое, связанном с исторической застройкой Кузнецка XVII–XVIII вв. найдены русская гончарная керамика и фрагменты лепной керамики кузнецких татар с гребенчатым и прочерченным орнаментом, а также неорнаментированные фрагменты лепной керамики. В этом же слое найдены железные черешковые наконечники стрел, костяная застежка от лыжных креплений. В нижнем слое поселения расчищены прокалённые линзы очагов, возле которых найдены многочисленные развалы лепных плоскодонных сосудов, окатанные фрагменты глиняных бронзолитейных форм, оббитые кремневые гальки. Керамика из нижнего слоя поселения может быть отнесена к эпохе раннего железа.

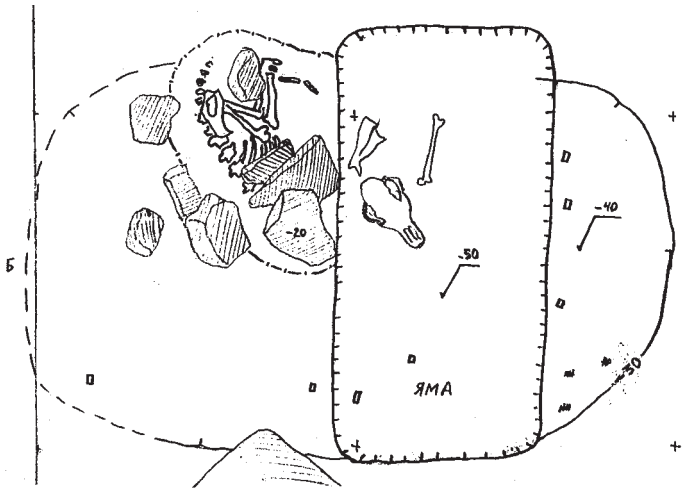
Букино-1 – поселение площадью около 1000 м^2 обследовано Ю. В. Шириным в 2005 г. на мысу левобережной террасы р. Кондома, в 400 м к юго-западу от д. Букино. С запада мыс ограничен оврагом, по дну которого протекает ключевой ручей. Здесь собран многочисленный подъёмный материал: фрагменты керамики без орнамента и с фигурно-штамповой



Точильный брусок с поселения Аил-1.



Обломок плиты зернотёрки с поселения Букино-1.



План раскопа и находок (скелет недавно закопанной собаки) археологического комплекса Кайчак.

орнаментацией фоминской культуры (III–IV вв. н.э.), обломок нижней плиты зернотёрки из песчаника, кусочки пережжённых косточек. При зачистке обнажения, на уровне 35–40 см от современной поверхности, найден развал крупного плоскодонного горшка баночной формы, орнаментированный в зоне шейки жемчужником, а также фрагменты аналогичных сосудов, орнаментированных жемчужником, с разделителем в виде оттисков палочки. Эта керамика датирована сер. I тыс. до н.э.

Александр Сергеевич Васютин (1948–2012 гг.), археолог, к.и.н., с.н.с. Кузбасской лаборатории археологии и этнографии КемГУ и ИАЭ СО РАН.

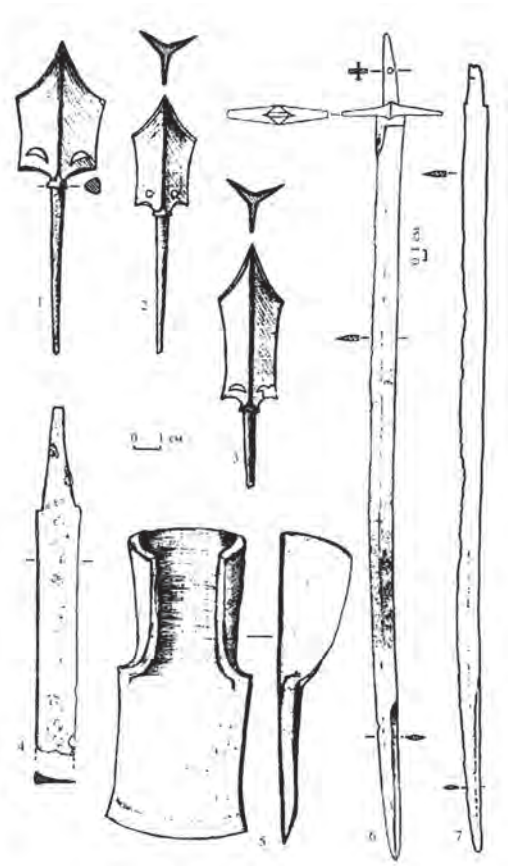
Драгунское – поселение, открытое в 1998 г. Ю. В. Шириным на террасе левого берега р. Томи в 500 м к северо-востоку от Драгунского водозабора. На распаханной площадке высотой над поймой до 6 м были обнаружены обломки костей, места прокалённого грунта, фрагменты лепной керамики, фрагменты горшков с вывернутыми наружу уплощёнными венчиками, у одного из которых обрез украшен пильчатой гребёнкой, а у другого – косой насечкой. Поселение датировано началом II тыс. н.э.

Кайчак – археологический комплекс памятников был случайно обнаружен в 1995 г. местными жителями при земляных работах на площадке второй надпойменной террасы р. Мрассу на залесённом участке горы Кайчак, в 230 м выше устья р. Анзас. Здесь было найдено скопление железных предметов (наконечники железных трёхлопастных стрел, желез-

ные тесло и нож). Археологические раскопки позволили установить, что эти находки относятся к захоронению по обряду трупосожжения IX–XI вв.

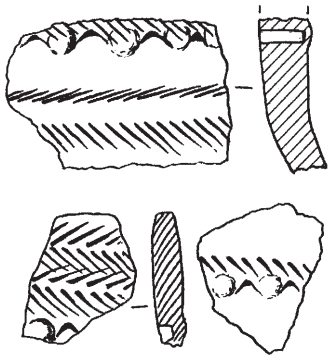
При дополнительном обследовании урочища, проведённом А. С. Васютиным, Ю. В. Шириным, Д. Г. Савиновым в 1996 г., было заложено несколько небольших раскопов. В одном из них обнаружено ещё одно скопление пережжённых костей с железными удилами XI–XII вв. В другом найдены остатки земляной плавильной печи, в третьем – зубы и кости ног лошади, скорее всего связанные с местом жертвоприношений типа алтайского святилища «Таелга».

Это открытие свидетельствует о сохранении тесных взаимоотношений населения Горной Шории с соседними скотоводами абаканских степей. Торговые и данническиe связи осуществлялись посредством троп и дорог, проложенных по долинам рек Ортон, Чулдугол, Кабырза, Пурла [Васютин, 1997, с. 184–190].



Находки из могильника Кайчак (1-5).
Сабля из окрестностей Новокузнецка (6). Сабля с р. Абашевой (7).
Рис. Ю. В. Ширина.

Калташ – поселение открыто Ю. В. Шириным в 1998 г. на террасе высотой 4 м правого берега р. Кондомы, в 500 м ниже по течению от переката у д. Усть-Калташ у пересохшего ручья. При зачистке террасы под дёрном до глубины 25 см был найден шлак, мелкие обломки воздуходувных металлургических сопел диаметром около 2 см, многочисленные кусочки дроблёной железной руды и древесные угли.



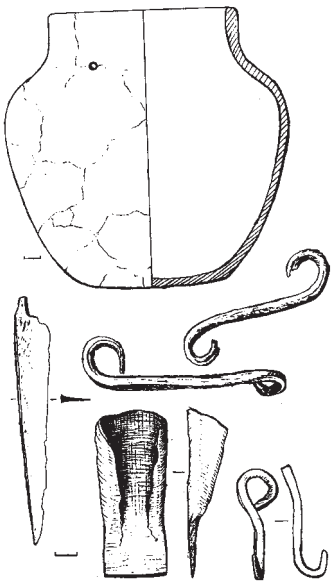
Фрагменты керамики с поселения Карлык-2.

Карлык-1 – поселение и могильник, обследованы в 1988 г. Ю. В. Шириным на кромке коренной террасы правого берега р. Томи в 550 м выше по течению от устья р. Абашевой. Материалы, найденные на этом многослойном распаханном и застроенном дачами участке,– раннего железа и нового времени. На площади поселения выявлено несколько могил по обряду кремации фоминской культуры.

Карлык-2 – поселение и могильник, обследованные в 1988 г. Ю. В. Шириным на правобережной террасе р. Томи в 650 м выше устья р. Абашевой и в 350 м ниже ж/д моста через р. Томь. На площадке 80 м^2 высотой около 25 м от уреза воды к северо-востоку от памятника расположено кладбище. В обнажении террасы, на глубине 15 см от дневной поверхности, обнаружен позднесредневековый железный черешковый наконечник стрелы с ассиметрично-ромбическим жалом и цилиндрическим упором при переходе к черешку. При зачистке обнажения на глубине 20–40 см попадались мелкие неорнаментированные фрагменты керамики переходного периода от эпохи поздней бронзы к железу. В шурфе обнаружен слой пережжённых костей, обломки глиняного сосуда и железные предметы. Эти материалы датированы второй четвертью – серединой I тыс. н. э.

В верхнем пахотном слое был найден фрагмент лепного толстостенного сосуда кузнецких татар XIX в. В культурном слое на уровне жжёных костей встречались обломки сосудов, орнаментированных жемчужником, с разделителем, ямками и насечником, датированные ранним железом. На северо-восточной кромке строительной канавы в 58 м от шурфа отмечены кусочки пережжённых косточек и древесные угольки от потревоженного погребения по обряду кремации.

Карлык-3 – поселение, обследованное в 1988 г. Ю. В. Шириным, находится на юго-восточной окраине с. Староабашево, на мысовидном выступе террасы над левобережной поймой р. Абашевки. В заложенном в центре площадки шурфе на глубине до 40 см обнаружены обширные развалы керамики – плоскодонные сосуды баночных форм, орнаментированные жемчужником, с разделителем в виде наколов, резной ёлочкой, оттисками палочки. Встречаются открытые чашевидные сосуды с ямочными наколами под обрезом венчика. Найдены также глиняный диск полусферической формы с 8 радиальными, слабо прочерченными полосками на плоской стороне и изделия из камня: скребок, отбойники, многочисленные кварцитовые обломки с забитыми гранями, прокал грунта от костра. Памятник отнесен к быстрянской культуре (середина I тыс. до н. э.).



Находки с могильника Карлык-2: глиняный кувшин, железные – нож, тесло, удила, колчанный крюк.

Кезес – поселение расположено на мысовидном участке, образованном устьем реки Кезес, правым притоком реки Мрассу. Данное поселение открыто в 1994 г. В. В. Бобровым. Слева от устья, ближе к склону горы, на пляже спланирована гравийная дорога на Ортон и Медуреченск, а на террасе находится служебный гостевой дом «Офицерская дача» учреждения ВД, используемый для стоянки туристов и рыбаков. Ниже по течению начинаются бурные Мрасские пороги протяжённостью 8 км.

Гостевой дом «Офицерская дача» в устье реки Кезес перед Хомутовскими порогами. 1995 г. Фото В. М. Кимеева.

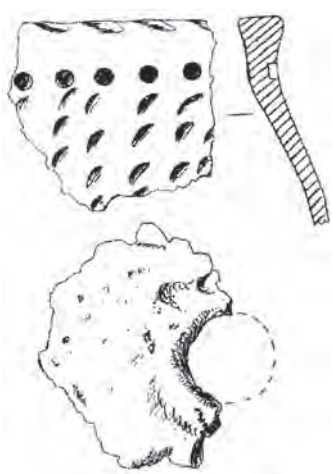
При зачистке берега под слоем дёрна было обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов лепных сосудов. Посуда светлого цвета, что свидетельствует об обжиге в восстановительном режиме и хорошем качестве фор-

мовочной массы. Данное поселение датируется эпохой раннего средневековья. Целесообразно устройство на месте поселения, завершающего водный туристский маршрут, выставочного павильона, где может быть представлена обобщённая информация в виде фотовыставки о всём маршруте от р. Кобырза, включая звуковые тексты легенд о Мрасских порогах.

Ниже Хомутовских порогов по берегам р. Мрассу также известно много археологических памятников. Но правый берег р. Мрассу от пос. Тоз до устья труднодоступен для обследования из-за угольных разрезов, отвалы которых иногда доходят до бровки террасы и поймы.

Колагас – поселение находится на первой надпойменной террасе справа от устья левого притока реки Мрассу ручья Колагас, расположенного между Мрасскими порогами и рекой Ортон. При зачистке берега обнаружены блюдцеобразные крицы железного шлака, свидетельствующие о металлургическом производстве на данном поселении. Скорее всего, памятник относится к периоду этнографической современности и связан с историческими предками местных шорцев XVII–XVIII. вв.

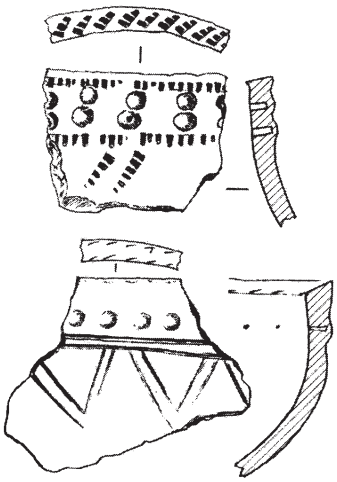
Колотовка-1 – памятник обнаружен Ю. В. Шириным в с. Кузедеево в 2003 г. на мысу левого притока р. Кондома речки Колотовки и сухим оврагом на террасе высотой около 17 м. В разведочном шурфе были обнаружены обломки керамики с фигурно-штамповой орнаментацией фоминской культуры III–V вв. н.э. и обломок нижней плиты зернотёрки. В разведочных шурфах на глубине до 25 см найдены многочисленные обломки глиняных горшков с ногтевыми насечками и круглыми ямками на шейке и остатки железоплавильной печи конца I тыс. н.э. В ошлакованной глиняной стенке сохрани-



Фрагмент керамики и обломок стенки кузнечного горна с поселения Колотовка-1..

лось воздуходувное отверстие диаметром 3 см. Поселение разрушается местными жителями, использующими его как глиняный карьер.

Колотовка-2 – впервые найдено в 1984 г. С. В. Маркиным и вторично обследовано Ю. В. Шириным в 1996 г. Находится на ровной площадке у устья реки Колотовки – левого притока Кондомы. При сборах на распаханном участке Ю. В. Шириным были собраны фрагменты керамики, орнаментированной ямками, жемчужником, прочерченными линиями, крупнозубой гребёнкой и ногтевыми насечками. Найден был также обломок неиспользованного конического глиняного тигля. Памятник датирован концом I тыс. н.э.



Фрагменты керамических сосудов с поселения Колотовка-2.

Комус-1 – поселение, обнаруженное в 1991 г. Ю. В. Шириным, находится на правом берегу р. Мрассу, напротив устья её левого притока ручья Комус-Иштэ. Памятник расположен на пологом склоне увала, на высоте около 20 м от уреза воды. В шурфе, заложенном на террасе, найдены три лепёшки железного шлака и обломок точила из мелкозернистого песчаника.

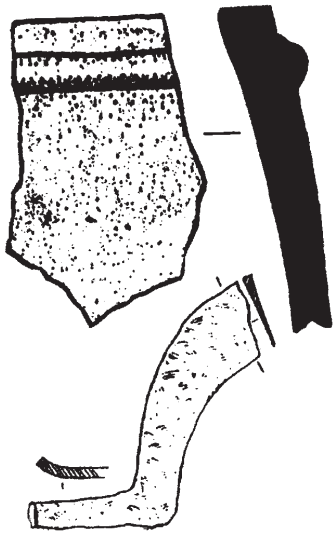
В 100 м к югу от поселения Комус-1, за небольшой заболоченной ложбиной, в 1994 г. археолог В. В. Бобров открыл второе поселение на площадке, используемой в то время под сенокос. Терраса высотой над уровнем воды около 5 м плавно повышается к востоку и переходит в предгорный увал, покрытый осинами и берёзами. При закладке шурфа в слое подзолистой супеси были найдены

Улус Комыс. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. №15947-11.

Раскопки поселения Комус-Иштэ. Выше пос. Усть-Анзас. 1995 г. Фото В. М. Кимеева.

неорнаментированный фрагмент глиняного сосуда и круглый глинистый диск, напоминающий пряслице с отверстием в центре и поперечными насечками по торцу. Одна из плоскостей пряслица не орнаментирована, а другая украшена желобком и семью кружочками вокруг отверстия, что придает изображению вид цветка.

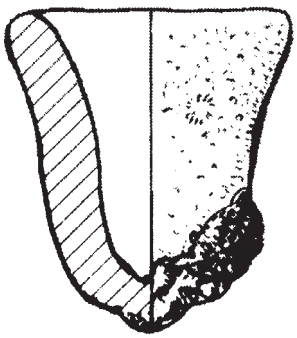
Косой порог – поселение, обнаруженное в 1954 г. У. Э. Эрдниевым, обследовано Ю. В. Шириным в 1989 г. Расположено на правом берегу р. Томи в 2,7 км выше устья р. Мрассу, на пойменной террасе, в 40 м к западу от фундамента построек бывшей турбазы «Косой порог». На галечнике под обнажением на участке более 50 м были собраны обломок железного серпа, обломок верхней части чугунного котла с полукруглой горизонтальной ручкой, фрагменты лепной толстостенной керамики, в том числе от баночного сосуда с налепным валиком под обрезом венчика. При зачистке были найдены каменное точило из гальки, фрагменты фаянсовой посуды без росписи, лепная керамика кузнецких татар. Находки относятся к остаткам бывшего улуса кузнецких татар XVII–XIX вв.



Фрагменты лепной керамики кузнецких татар и обломок железного серпа с поселения Косой Порог.

Крутая-2 – поселение расположено в 2,2 км к югу от с. Кузедеево, на левом берегу р. Кондома, на северной чистой подмытой террасе высотой около 8 м, в устье р. Крутая. Ю. В. Шириным в 2011 г. в осыпях были собраны многочисленные фрагменты керамики. При зачистке

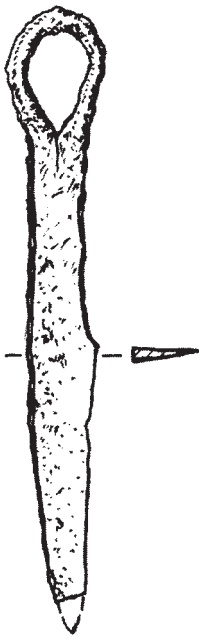
террасы на глубине 45–50 см выявлены также керамика и скопления древесных углей. Там же был обнаружен конический глиняный тигель с ошлакованными стенками и со следами плавки цветных металлов. Керамика представлена слабопрофилированными горшками и высокими мисками с утолщёнными венчиками с ногтевыми насечками, ямками, налепными остробедренными валиками. Только один горшок украшен гребенчатым орнаментом. Находки датируются эпохой раннего средневековья.



Глиняный тигель со следами плавки цветных металлов с поселения Крутая-2.

Кубун – поселение, расположенное на правом приустьевом участке ручья Кубун в 60 м от места впадения его справа в реку Мрассу, было открыто в 1994 г. археологом В. В. Бобровым. В заложенном шурфе на площадке высокой поймы, возвышающейся над летним уровнем воды до 4-х м и покрытой высоким травостоем, в сероватом подзоле на глубине 0,23–0,25 м были обнаружены три мелких неорнаментированных фрагмента глиняной посуды. Культурная принадлежность этой кратковременной стоянки по найденным находкам не прослеживается. Исходя из характера формовочной массы и технологии выделки сосуда памятник можно отнести к нач. I тыс. н. э.

Кузедеево-4 – многослойное поселение, впервые открыто С. В. Маркиным в 1979 г. и вторично обследовано в 1988 г. Ю. В. Шириным. При зачистке кромки террасы были найдены кремневые отщепы и керамика, включая плоскодонный сосуд баночной формы, украшенный в зоне шейки жемчужником, с разделителем в виде наколок палочкой, а в зоне плечика – резной косой сеткой. Здесь же найден железный нож 13×2×0,3 см с петлевым навершием на пластинчатой рукояти. Эти находки дати-



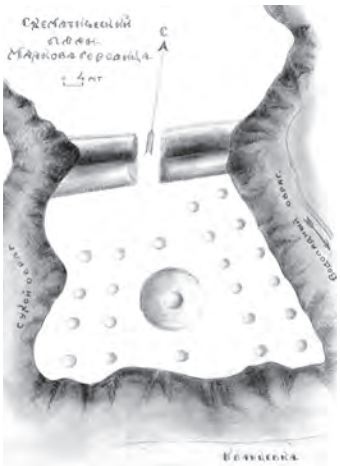
Железный нож с поселения Кузедеево-4.

рованы эпохой раннего железа (середина I тыс. до н.э.).

Куртуково-1 – поселение впервые было найдено А. И. Мартыновым в 1962 г. на левом берегу р. Кондома, в 600 м выше по течению от д. Куртуково. Расположено на длинном мысе высотой до 15 м, образованном впадающим в р. Кондома ручьём. Находки датируются переходным периодом от поздней бронзы к раннему железу (VII–VI вв. до н.э.).

Луговушка – многослойное поселение на левом берегу Кондомы в 100 м ниже устья р. Мундыбаш, открытое Ю. В. Шириным в 1988 г. В нижнем слое кроме тесел из кремнистого песчаника найден фрагмент керамики со слабочитаемым орнаментом, нанесённым гребенкой или палочкой. Верхний слой богат скоплением блюдцеобразных шлаков, приварившихся к обломкам глиняных стенок железоплавильной печи. На одной из стенок имеется отверстие диаметром около 2 см для сопел мехов.

Маяк – городище, находящееся на IV надпойменной коренной правобережной скалистой террасе р. Томь высотой более 25 м. Ограничено с востока оврагом, по дну которого протекает рч. Водопадный, с запада – сухим оврагом, с севера – глиняным карьером, с разработкой которого в конце 1950-х гг. памятник был почти полностью уничтожен. Поперек мыса в 45 м от кромки террасы от каньона ручья до сухого оврага до разрушения памятника был земляной вал и ров протяженностью 40 м с входным разрывом в средней части. Площадь культурного слоя городища составляла не менее 1600 м^2 и простиралось оно за пределы вала, вглубь берега на 50 м.

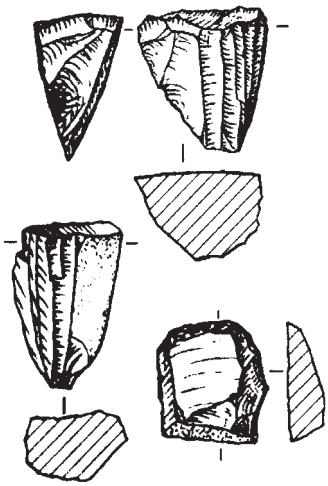


Схематический план городища Маяк. 1934 г. Рис. К. А. Евреинова.

Первые сборы на площадке городища были сделаны А. К. Ивановым и переданы в МАЭС ТГУ

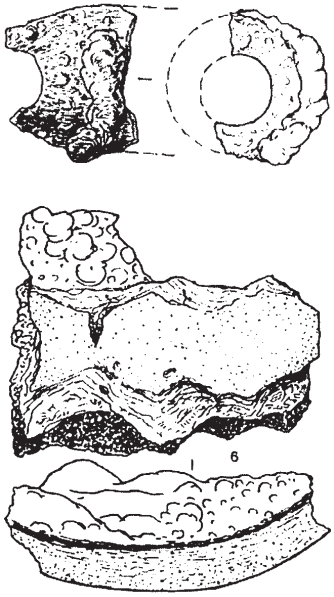
ещё в 1925 г., а в 1934 г. в Сталинский музей передал свои находки местный краевед и художник К. А. Евреинов, который также сделал описание и глазомерный план этого памятника. Раскопки городища впервые произвел сотрудник Сталинского пединститута У. Э. Эрдниев в 1950–1955 гг.

Раскопки сохранившихся участков были осуществлены в 1990 и 1997 гг. Ю. В. Шириным, который собрал кварцитовые отщепы и фрагменты керамики позднеирменского времени, раннего железа и развитого средневековья, а в нижнем слое – материалы эпохи неолита, представленные нуклеусами и призматическими пластинками. Он же предположил, что на этом многослойном поселении мог располагаться городок абинского князька Базаяка, в котором укрывались первые отряды русских.



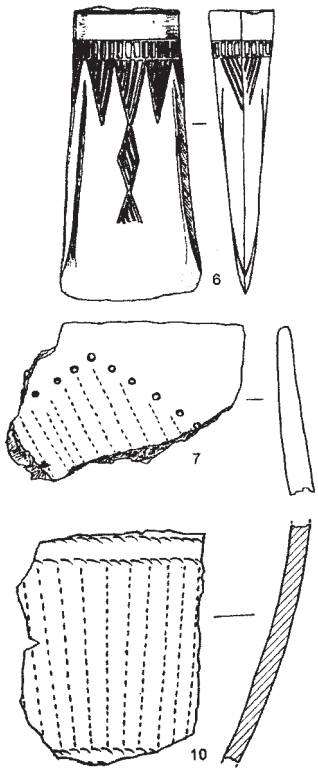
Каменные нуклеусы и скребок с многослойного городища Маяк.

Медная – поселение, открытое Ю. В. Шириным в 1988 г., находится на правом берегу р. Кондома, в 380 м ниже устья её левого притока – р. Медная. На галечнике, под размытой высокой поймой высотой 3–4 м, на участке около 80 м были собраны более 60 лепёшек железных шлаков (диаметром от 8 до18 см и толщиной 10 см), обломки воздуходувных сопел из белой глины (внутренним диаметром 2 см и внешним – 4,5 см) и ошлакованные конструктивы железоплавильных печей из красной глины с примесью песка. Датируется XVII–XVIII вв.



Фрагменты глиняного сопла и стенки железоплавильной печи с поселения Медная.

Междуреченск – поселение, открытое Ю. В. Шириным в 1989 г. на левом берегу р. Томь в 5,5 км выше по течению от устья её правого притока р. Уса. На террасе высотой 15 м от уреза воды найдены мелкие кусочки фрагмента глиняного горшка с вывернутым наружу венчиком, украшенным по обрезу оттисками гребёнки, линзовидные шлаки, фрагменты глиняных конструкций железоплавильных печей,



Бронзовый топор и фрагменты керамики с поселения Мундыбаш-1.

железное четырёхгранное шило. Находки датированы XVII–XVIII вв.

Мундыбаш-1 – многослойное поселение. В раскопе площадью 30 кв. м Ю. В. Шириным в 1988 г. были выявлены комплексы эпохи раннего и позднего средневековья. Верхние слои были богаты находками железоделательного производства кузнецких татар XVII–XVIII вв.: обломки глиняных конструкций железоделательных печей, железного шлака и воздуходувных сопел.

Нижний Анзак – поселение, расположенное на первой надпойменной террасе левого берега реки Мрассу, в устье реки Нижний Анзак, напротив острова Иегеным-Аргэ, было открыто в 1994 г. В. В. Бобровым. В шурфе, сразу под дёрном, в слое подзолистой почвы им были найдены 5 фрагментов стенки одного глиняного сосуда и железный черешковый нож. Обушок лезвия прямой, с орнаментом в виде зигзага из сгруппированных наклонных насечек. Вдоль обушка на лезвии расположено ребро. Лезвие имеет одностороннюю заточку.

Керамика с поселения тонкостенная, из хорошо выделанной формовочной массы, светло-коричневого цвета. Два фрагмента керамики орнаментированы мелкозубчатым штампом. Керамика и нож позволяют предполагать, что поселение относится к эпохе раннего средневековья.

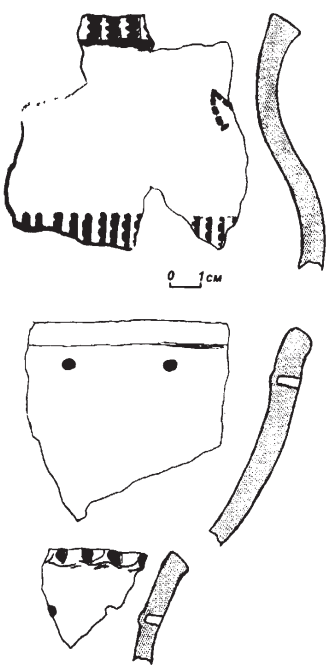
Николаевка-3 – многослойный памятник. Найден в 1989 г. Ю. В. Шириным в 2,3 км к северо-востоку от д. Николаевка на оползневом бугре коренной террасы левого берега р. Кондомы, на правом берегу безымянного ручья. На вершине бугра, при осмотре почти полностью разрушенной площадки, были найдены обломки ошлакованных глиняных конструк-

ций от железоплавильных печей и металлургические шлаки. На северном краю бугра обнаружены фрагменты глиняных сосудов эпохи раннего железа.

Подстрелка-1 – поселение впервые обнаружено С. В. Маркиным в 1979 г. и вторично обследовано Ю. В. Шириным в 1988 г. Расположено на левом берегу Кондомы в 100 м ниже по её течению от устья безымянного правого притока на террасе высотой до 6 м у ж/д платформы «Горное ущелье», где ранее была д. Подстрелка. При зачистке были найдены развалы горшка и миски диаметром около 30 см с ногтевым вдавливанием венчика, а также точило. Материалы датируются ранним средневековьем.

Прорва-1 – многослойный памятник, найденный в 2005 г. Ю. В. Шириным на левобережном участке устья р. Прорва, левого притока р. Томи. На распаханной террасе на поселении высотой до 5 м над уровнем Томи были собраны мелкие кварцитовые отщепы. В заложенном здесь шурфе найдены древесный уголь, бурый прокал от разрушенных очагов, обломки керамики с вывернутым наружу уплощённым венчиком горшка, орнаментированным оттисками ногтя, ямками и пильчатой гребёнкой. Керамика датируется первой половиной II тыс. н.э.

Прорва-3 – поселение открыто в 2005 г. Ю. В. Шириным на краю террасы высотой до 4 м над уровнем поймы левого берега р. Томь. В осыпях и обнажениях распахиваемой долгое время площадки были собраны мелкие фрагменты неорнаментированной керамики и колотые кремневые гальки, а также обломок венчика от лепного сосуда с уплощённым срезом. Вдоль обреза венчика нанесены жемчужины, под ними налеплен горизонтальный

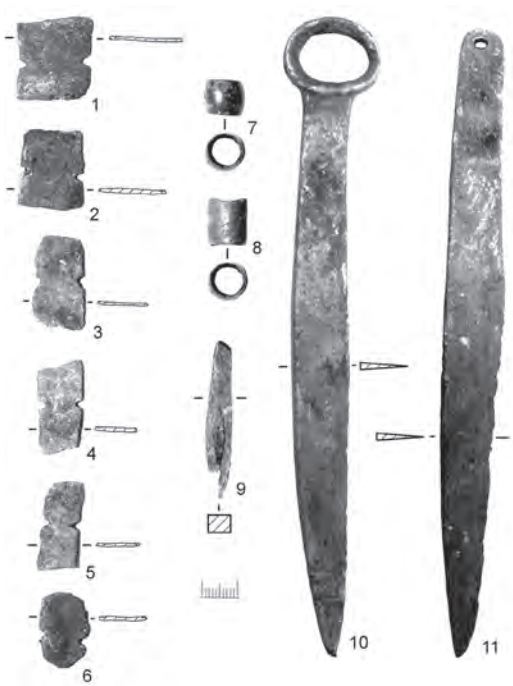


Фрагменты керамики с поселения Прорва-1.

широкий рассечённый валик, а зона шейки орнаментирована гладкими наклонными насечками в виде горизонтальной ёлочки. Поселение отнесено к памятникам быстрянской культуры эпохи раннего железа.

Пушкино – поселение обнаружено в 2003 г. Ю. В. Шириным в 200 м к северо-западу от д. Пушкино на гребне распаханной гривы, вдоль южного края грунтовой дороги. Здесь были найдены прокалённая глиняная обмазка печей, фрагменты лепной керамики с утолщённым венчиком сосуда с уплощённым срезом и ногтевыми насечками по его кромке, а в области шейки наколоты два ряда ямок. Поселение датируется концом I тыс. н.э.

Пызас-2 – в ходе раскопок в 2009 г. этого многослойного поселения Ю. В. Шириным была выделена группа керамики с налепными узкими острорёберными валиками. В Притомье самая ранняя керамика, украшенная такими валиками, появляется в раннесредневековых поселенческих комплексах (вторая половина I тыс. н.э.) лачиновской культуры, привнесённая из Енисейской лесостепи. Носители этой многозначительной миграционной волны раннесредневековых валиковых керамических комплексов освоили не только Горную Шорию, но и всё Притомье, а также проникли в подтаёжные районы Верхнего Приобья и Чумыша.



Находки из разрушенных погребений на могильнике Усть-Пызас-2. Фото Ю. В. Ширина.

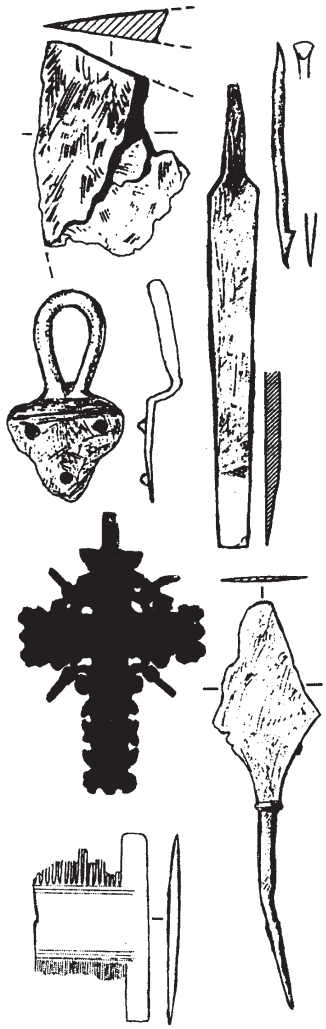
По керамике и сопутствующим материалам наиболее поздний поселенческий слой на памятнике Усть-Пызас-2 может быть датирован периодом позднего средневе-

ковья (первая половина XVIII в.). Это несколько развалов глиняных горшков с вывернутым наружу обрезом венчика, железные шлаки и обломок воздуходувного сопла внешним диаметром около 4,5 см, внутренним до 2,5 см. Вероятно, здесь располагалась всего одна железоделательная печь, оборудованная внутри жилища, как практиковали местные бирюсинцы в XVII–XVIII вв. К этому же времени можно отнести и несколько предметов, найденных в отложениях: бронзовую пряжку с железным язычком, каменный курант и гранитную нижнюю плиту зернотёрки.

Сайлынгол – поселение находится на левом берегу реки Мрассу в 1 км выше по течению от ручья Сайлынгол левого притока реки Мрассу. Мыс, на площадке которого расположено поселение, со стороны реки имеет вид холма с круто обрывающимся к реке склоном, а с юго-запада прикрытого горой.

Впервые поселение было обследовано С. В. Маркиным в 1981 г. Позже, в 1989 г., к шурфу С. В. Маркина прирезался В. М. Любченко. При раскопках поселения в 1990 г. Ю. В. Шириным на вскрытой площадке 6 х 4 м были обнаружены железные шлаки и обломки сопел железоплавильной печи. На глубине 30 см найдены обломки толстостенной глиняной конструкции от металлургической печи. При зачистке материка было выявлено овальное углистое пятно, по размерам и форме соответствующее реконструируемой по найденным обломкам крышке. Заполнение пятна – чёрная пережжённая земля, под ней глина прокалена. В заполнении мощностью 10–15 см встречаются обугленные ветки. В верхнем слое заполнения есть шлаки и проржавелые куски земли.

Находки на поселении Усть-Пызас-2: железные наконечники стрел и бронзовая пряжка.



Находки с поселения Староабашевское-2: обломок лезвия топора, петля от котла с заклёпками, долото, рыболовный крючок (всё – железо), бронзовый нательный крест, двухлопастный наконечник стрелы, обломок гребня из бивня мамонта.

Смирновка-1 – поселение, найденное Ю. В. Шириным в 1998 г. На кромке пойменной террасы, в разбитой дерновине обнаружены обломки железоплавильной печи и шлаки. Памятник датирован XVII–XVIII вв.

Смирновка-2 – поселение обследовано Ю. В. Шириным в 1998 г. на том же береговом участке протоки р. Кондомы, что и поселение Смирновка-1, в 100 м ниже по течению. В шурфе на уровне от подошвы дёрна до 40 см от дневной поверхности найдены дроблёные кости, железные шлаки, обломки неопределённых, сильно корродированных железных предметов, осколки воздуходувного сопла и лепной керамики. Памятник отнесён к поселениям кузнецких татар XVII–XVIII вв.

Староабашевское-2 – поселение, обследованое в 1996 г. Ю. В. Шириным, на восточной окраине с. Староабашево, на левом берегу р. Абашевой, в 45 м выше устья, на краю высокой поймы высотой до 3 м от уреза воды. В обнажении берега найдены обломки керамики: окатанный венчик горшка с прямой шейкой, украшенной двойным рядом ямок и уплощённым срезом с ногтевыми насечками по внешней кромке. Поселение отнесено к эпохе раннего средневековья.

Старое жилье – поселение, обследованое Ю. В. Шириным в 1989 г., на правом берегу р. Томь в 250 м выше по течению от устья её правого притока р. Баланзас. На ровной мысовидной площадке террасы высотой 9 м от уреза воды в заложенном раскопе были найдены обломки лепной керамики кузнецких татар XIX в., глазурованная гончарная керамика, осколки стеклянных бутылок с прямоугольными ёмкостями, фаянс, обломки чугунного котла. Один из обломков керамики орнамен-

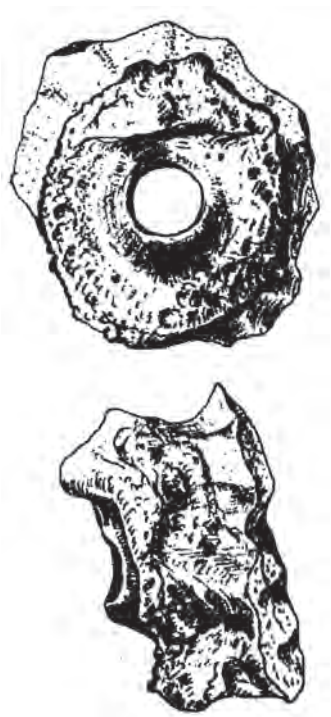
тирован гребёнкой в стиле кузнецких татар XVII–XVIII вв. Здесь же найдены металлургические шлаки и кусок магнетитовой руды, встречались каменные грузила и находки ружейных кремней. Предположительно на этом месте находился улус кузнецких татар XVII–XIX вв., что подтверждается архивными и картографическими документами.

Старососновка – местонахождение, открытое Ю. В. Шириным в 1988 г. на левом берегу р. Кондома, на правом приустьевом участке р. Сосновка, левого притока р. Кондома, на месте бывшей д. Сосновка. В осыпи террасы высотой 4–5 м им были собраны блюдцеобразные железные пористые шлаки диаметром 7–8 см и толщиной 3–4 см без следов остатков печей. Памятник связан с древней металлургией кузнецких татар XVII–XVIII вв.

Тайменка – поселение обнаружено в 1987 г. Ю. В. Шириным в 3 км к югу от д. Малово, на левой приустьевой террасе высотой около 4 м р. Тайменка – левого притока р. Кыргызаковой, также левого притока р. Кондома. Возле кромки террасы на площади около 60 м^2 собраны фрагменты керамики раннего железа и обломок зернотёрки. Памятник почти полностью уничтожен дачниками при строительстве усадеб.

Тельбес-1 – местонахождение было открыто Ю. В. Шириным в 2005 г. на правобережном берегу р. Тельбес в 220 м ниже устья её правого притока р. Тамала на окраине пос. Тельбес. Под размытой пойменной террасой им был найден фрагмент воздуходувного сопла от железоплавильной печи позднего средневековья.

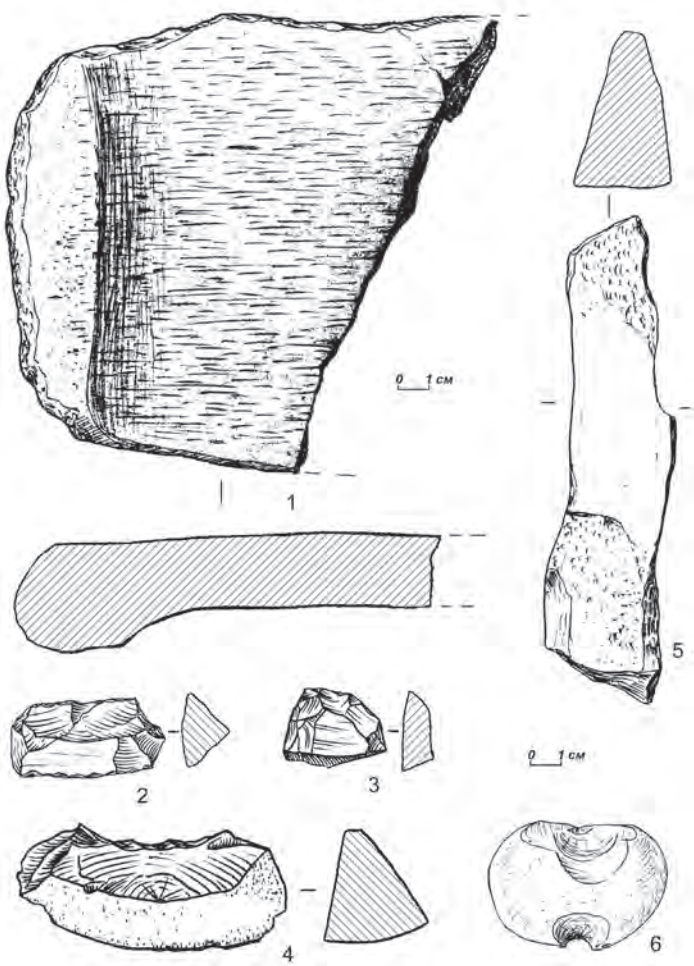
Тельбес-2 – местонахождение найдено Ю. В. Шириным в 2005 г. на пойменной узкой террасе, прижатой к крутому склону скалы пра-



Обломок глиняного сопла железоплавильной печи с местонахождения Тельбес-1.

вого берега р. Тельбес, в 300 м выше по течению от устья её правого притока р. Тамала, фактически на территории пос. Тельбес. При осмотре были собраны линзообразные железные шлаки, датируемые поздним средневековьем.

Тельбес-3 – местонахождение обнаружено Ю. В. Шириным в 2005 г. на правом берегу р. Тамала (правый приток р. Тельбес), в 300 м выше устья. Здесь в размытом берегу поймы им были собраны многочисленные куски железного шлака и обломки глиняных стенок железоплавильных печей позднего средневековья.



Матариалы с поселения Тёш-5.
1 – зернотёрка;
2–4 – кресальные кремни;
5 – точило;
6 – грузило для сети.
Рисунок Ю. В. Ширина.

Тельбес-4 – местонахождение было открыто Ю. В. Шириным в 2005 г. на правобережном берегу р. Тельбес в 2,2 км ниже устья её правого притока р. Тамала на окраине пос. Тельбес. Под размытой пойменной террасой им был найден фрагмент воздуходувного сопла от железоплавильной печи позднего средневековья.

Тёш-1 – многослойное поселение обнаружено Ю. В. Шириным в 1996 г. на выдающемся в пойму мысовидном участке левобережной террасы

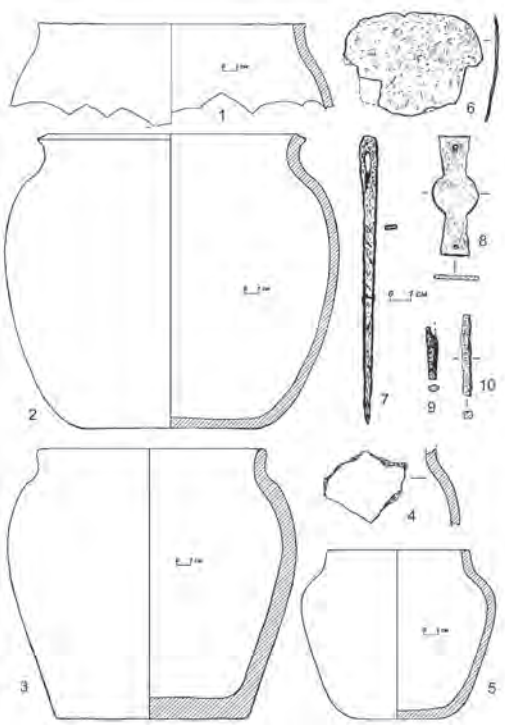
р. Тёш, в устье её левого притока р. Балабачиха, что в 1 км к северу от с. Кузедеево. В шурфе были найдены кварцитовые отщепы и мелкие обломки неорнаментированной керамики разного качества. На единственном орнаментированном фрагменте горшка с вывернутым наружу венчиком есть орнамент в виде оттисков двузубого штампа (галочкой) и ямочными наколками на шейке, что характерно для позднего средневековья.

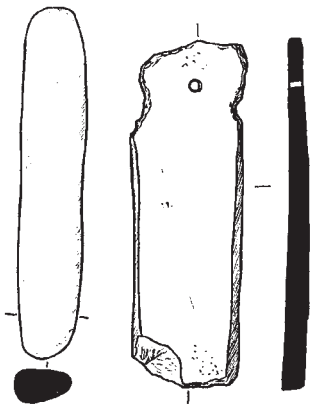
Тёш-2 – поселение обнаружено Ю. В. Шириным в 1996 г. на левом берегу р. Тёш в 800 м ниже по течению от поселения Тёш-1, на правом приустьевом участке безымянного её левого притока в 65 м выше от устья. В разведочном раскопе были найдены обломки горшка с короткой прямой шейкой и покатыми плечиками и венчиком, украшенным ногтевыми насечками. Под обрезом венчика снаружи были ямки, валики. Находки датированы второй половиной I тыс. н.э.

Тёш-3 – поселение обнаружено Ю. В. Шириным в 1996 г. в 380 м ниже по течению р. Тёш от поселения Тёш-2 на террасе, полого поднимающейся к северному увалу. В заложенном шурфе на глубине до 40 см были найдены обломки керамики валикового типа, датированные концом I тыс. н.э., и галечное грузило сети.

Тёш-4 – поселение открыто Ю. В. Шириным в 1996 г. на ровной чистой площадке мысовидного участка на краю террасы высотой 5 м над левобережной поймой р. Тёш. В заложенном шурфе на глубине до 60 см были найдены

Материалы с поселения Тёш-5.
1–5 – глиняные сосуды;
6–10 – железные предметы.
Рисунок Ю.В. Ширина.





Точильные камни с поселения Усть-Анзас-1.

куски прокалённой глины, шлаки и древесные угольки. Внешняя кромка венчика найденного горшка покрыта ногтевыми насечками, в зоне шейки сосуда наколоты круглые ямки, а на плечико нанесено два ряда оттисков кольцевого штампа. Находка датируется концом I тыс. н.э. Позднее на месте поселения располагалось поселение кузнецких татар, где на месте бывшего дома была обнаружена железная курительная трубка.

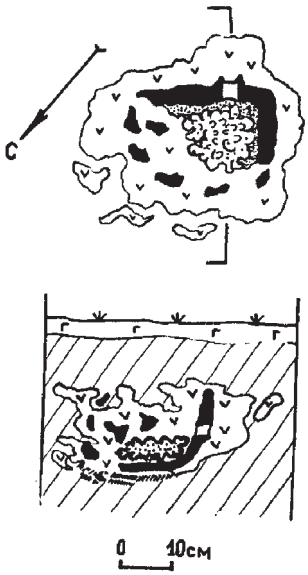
Тёш-5 – поселение открыто Ю. В. Шириным в 1996 г. в 1 км к северу от с. Кузедеево на правом берегу ручья Балабачихи, левого притока р. Тёш, в 160 м выше от его устья. В ходе раскопок получены многочисленные остатки развалов плавильных печей. Датировано второй половиной XVIII в.

Усть-Анзас-1 – поселение как многослойное, кроме находок эпохи бронзы, богато находками эпохи средневековья, которые распределены по всей толще с концентрацией в её нижней части. Найденная здесь Ю. В. Шириным керамика представлена в основном обломками средневековых сосудов так называемого «валикового типа», характерных для памятников Притомья и Горной Шории конца I тыс. н. э. Под обрезом венчика у такой керамики встречаются наколы ямок или жемчужник. К данной группе керамики следует причислить и сосуды, орнаментированные обычными для данного типа керамики ногтевыми вдавлениями и изредка – гребёнкой. Среди редко встречающихся на керамике валикового типа гребенчатых оттисков был отмечен необычный штамп, оставляющий ряд косых крестиков.

На поселении Усть-Анзас найден и сосуд, украшенный необычно исполненными налепами. Горизонтальный валик вертикальными

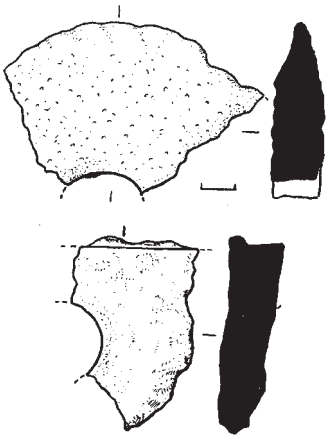
мазками пальца расчленен на своеобразные чешуйки. У этого же сосуда необычно утолщена шейка, и вдобавок вдоль неё налеплен массивный «витой» валик из того же теста, что и стенки сосуда (в то время налепы на стенках сосудов обычно изготовлялись из ангоба). Необычным было и использование данного сосуда. На его внутреннюю поверхность прикипел чёрный шлакообразный нагар. Это могло быть связано с длительным использованием сосуда, например, в качестве дымокура.

На этих материалах поселения Усть-Анзас-1 зафиксирована миграционная волна из тайги правобережного Енисея (предположительно с верховьев р. Туба), которую предварительно можно датировать X–XII вв. Мигранты могли проникнуть в Горную Шорию, а оттуда в Притомье, по традиционным путям, проложенным их предшественниками ещё в конце I тыс. н.э. Судя по особенностям выявляемых памятников, более поздние переселенцы, в отличие от первой миграционной волны раннего средневековья, были относительно немногочисленны.



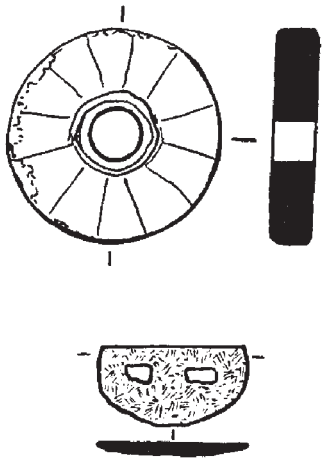
План и разрез кузнечного горна, найденного на поселении Усть-Анзас-1.

В подошве первого слоя и в верхней трети второго слоя найдено два развала средневековых глиняных сосудов иного типа, чем представленные основной массой керамики более глубоких уровней второго слоя. Это были обломки горшков с утолщёнными, сильно вывернутыми наружу венчиками с уплощённым срезом. По многочисленным аналогиям, данная керамика может быть отнесена ко II тыс. н.э.



Глиняные фрагменты горна с поселения Усть-Анзас-1.

В толще второго слоя, кроме керамики, расчищены каменные выкладки, возможно, от размытых паводками очагов, остатки металлургического производства, бытовой инвентарь, кости животных. Точила представлены



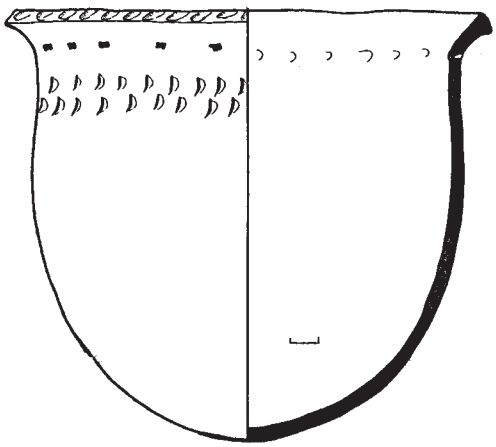
Каменное пряслице и железная накладка с поселения Усть-Анзас-1.

изделиями из удлинённых галек, в одном случае – из подпрямоугольной зелёной сланцевой пластинки. Последняя пластина имеет на гранях одного конца выбоины для крепёжного ремешка, и здесь же просверлено сквозное отверстие. Тонкозернистый сланцевый оселок использовался для правки очень острых лезвий.

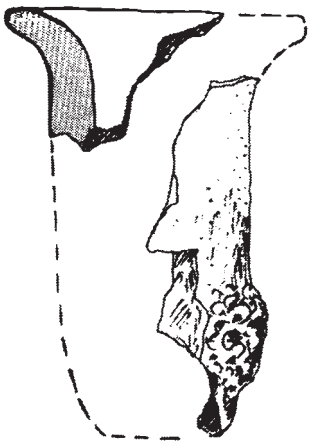
Во втором слое на уровне 35 см найдено пряслице, изготовленное из чёрного камня в виде заполированного диска с аккуратно просверленным в центре цилиндрическим отверстием. На одной из поверхностей пряслица выгравирован орнамент солярно-календарного типа – двойная концентрическая окружность вокруг отверстия и 12 радиальных лучей.

С металлургическим производством на поселении Усть-Анзас связаны многочисленные находки во втором слое железных шлаков. В этом же слое, в верхней трети, расчищена полуразрушенная железоплавильная печь, от которой сохранилась часть рабочей камеры в виде ямки, обмазанной глиной, с отверстием для вдувания воздуха. Рабочая камера металлургической печи имела в плане прямоугольную форму. Толщина обмазки стенок составляет 1–1,5 см, диаметр воздуходувного отверстия 2,5 см. Примерные размеры рабочей камеры 30×20×15 см. Воздуходувное отверстие устроено на 7 см выше дна. Возле воздуходувного отверстия грунт прокалился в радиусе до 10 см, вдоль стенок – меньше. Под обмазкой дна ямы была чёрная сажистая прослойка. На дне рабочей камеры печи, напротив воздуходувного отверстия, прикипела шлаковая лепёшка.

Поселение Усть-Анзас. Позднее Средневековье. Глиняный горшок. Рис. Ю. В. Ширина



Во втором слое найдено ещё несколько обломков стенок печей с воздуходувными отверстиями в них. Это позволяет говорить о многократной плавке железа на поселении во временных печах. После плавки железа печь разрушалась. В верхних частях второго слоя попадались железные стерженьки прямоугольного сечения. Но это могли быть и обломки кованых гвоздей от построек XIX–XIX вв. На некоторых участках второй слой был разрушен такими постройками и столбовыми ямами, так что часть фрагментов керамики из нижних слоёв (даже из третьего слоя) была перемещена в первый слой.

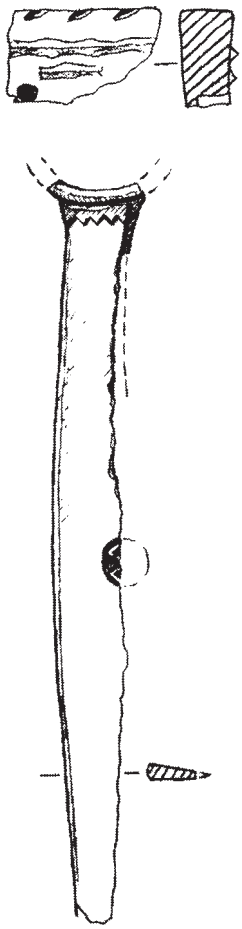


Фрагменты ошлакованного глиняного воздуходувного сопла плавильной печи с поселения Усть-Ганова.

Найденные во втором слое остатки металлургической печи более вероятно связывать с поздними керамическими комплексами XVII–XVIII вв. В пользу этого говорят как стратиграфические наблюдения, так и особенности конструкции печи. Печи такого типа характерны именно для поздних памятников Горной Шории.

Усть-Ганова – поселение открыто Ю. В. Шириным в 1988 г. на месте бывшего шорского улуса Усть-Ганова на правом берегу р. Кондома. На первой террасе, в колее грунтовой дороги, были найдены железные шлаки и обломок воздуходувного сопла, датированные эпохой позднего средневековья.

Усть-Кинерка – поселение в приустьевой части правого берега р. Кинерка, левого притока р. Кондома, в 1,4 ниже устья втекающего слева р. Тайлеп. На террасе высотой 5 м в шурфе глубиной 20 см Ю. В. Шириным в 1998 г. были найдены аморфные куски глиняной крышки от железоплавильной печи, обломки ошлакованных воздуходувных сопел и железные шлаки. Датируются поздним средневековьем.



Находки с поселения Фёдоровка-1: фрагмент керамики, бронзовый нож.

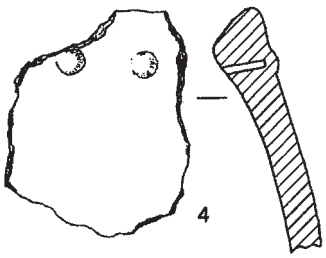
Усть-Ортон – поселение расположено в трёхстах метрах слева от места впадения правого притока р. Мрассу довольно бурной р. Ортон. Поселение было открыто в 1994 г. В. В. Бобровым.

На поселении были обнаружены фрагменты орнаментированной лепной посуды, представленные венчиками. Один сосуд украшен по венчику четырьмя рядами мелких полулунных вдавлений. Сосуд небольших размеров с немного утолщённым венчиком и выпуклым туловом. Другой фрагмент – от сосуда с утолщённым и отогнутым наружу венчиком. Эти материалы позволяют датировать поселение эпохой раннего средневековья.

Фёдоровка-1 – поселение обнаружено в 2000 г. Ю. В. Шириным на левом берегу р. Кондома в д. Фёдоровка, в 50 м ниже по течению от устья р. Шушталеп на ровной чистой площадке максимальной высотой 6 м. На глубине 20 см найдены фрагменты керамики с налепными острорёберными валиками и ногтевыми насечками по кромкам обреза венчика, а также фрагменты ошлакованных глиняных частей металлургической печи. Под обнажением в осыпи найдены оббитый камень, точило и галечное грузило для сети. Поселение датировано I тыс. н.э. Здесь на глубине 44 см в обрыве берега найден бронзовый нож с пластинчатой рукоятью и с кольцевым навершием. На ручке у кольца с обеих сторон есть поперечный ряд рельефных зубчиков, вдоль кромки ручки со стороны лезвия выделен узкий желобок, у перехода рукояти в лезвие отлит знак в виде отпечатка конского копыта. Нож датируется VI–V вв. до н.э.

Федоровка-2 – поселение на левобережной коренной террасе р. Кондома, на левом мысу

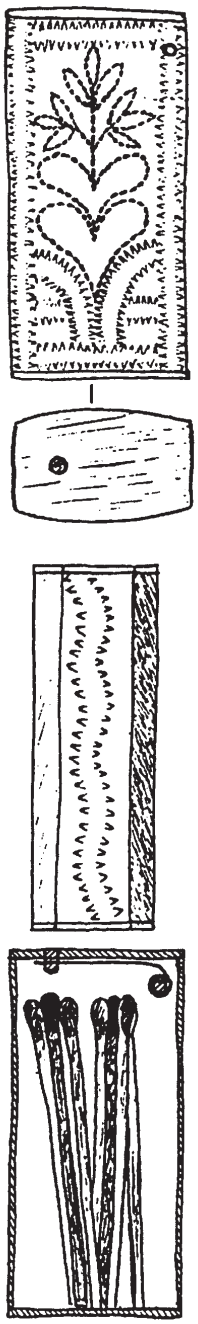
в устье р. Шушталеп, на юго-западной окраине д. Федоровка. В шурфе на террасе высотой 15 м на глубине 60 см от современной поверхности Ю. В. Шириным в 2003 г. были найдены кремневые отщепы и фрагменты лепной керамики, в том числе венчик сосуда баночной формы со скошенным вовнутрь обрезом, украшенным в зоне шейки рядом жемчужин, датируемый ранним железом (середина I тыс. н.э.).



Фрагмент керамического сосуда с поселения Фёдоровка-2.

Хатыр-Кая-1 – поселение, расположенное на правом берегу р. Мрассу, на террасе высотой около 6 м со скальным основанием, было открыто археологом Ю. В. Шириным в 1990 г. На поселении был заложен разведочный раскоп площадью чуть более 10 кв. м. Культурный слой мощностью вместе с дёрном 20–25 см представлял собой серую лесную почву, подстилаемую щебнем и скальными выходами. Все материалы залегали в основании дерновины. Из найденных материалов в культурном слое встречались кости животных и древесные угольки в скальных обломках. Среди плит выступающего скального основания найден тёрочник из обломка песчаника неправильной формы, галечный пест и обломок каменной наковальни диаметром более 35 см с выбоинами в центре. Здесь собраны фрагменты не менее 5 глиняных сосудов, обломки точил и отбойников. Часть керамики, по характерной орнаментации из ногтевых насечек, может быть датирована концом I тыс. н. э., остальное поздним средневековьем.

В 1995 г. Ю. В. Ширин со студентами КемГУ на южной кромке этой площадки заложили раскоп площадью около 20 м^2. В процессе работ было расчищено несколько скоплений речных галек и обломков песчаника, что может являться остатками очагов. Среди камней выделены



Спичечница со спичками с поселения Широкий Луг-1.

абразивные инструменты, обломки тёрочников, скребок и пест. В культурном слое также были найдены зубы и кости лошади, галечное грузило для сети, несколько фрагментов керамики от трёх сосудов. Судя по форме и бедности орнаментации, представленной только ямками под обрезом венчика, керамика относится к позднему средневековью. К этому же периоду, видимо, относится и обломок плоского наконечника стрелы, найденный в осыпи площадки. Другие найденные материалы этнографической современности и фотографии землеустроителя Г. И. Иванова, сделанные им во время своей экспедиции 1913 г., подтверждают существования здесь улуса Комус-Иште вплоть до начала XX в.

Поселение, видимо, связано как с периодом существования здесь перевалочного опорного пункта средневекового торгового пути, соединяющего абаканские и алтайские степи, так и с поздней историей шорцев. Вплоть до колхозов на этом месте располагался аил богатого шорского торговца «пай Степана», дом которого был перевезен в колхозный период в улус Усть-Анзас, а после реставрации включен в состав экомузея «Тазгол».

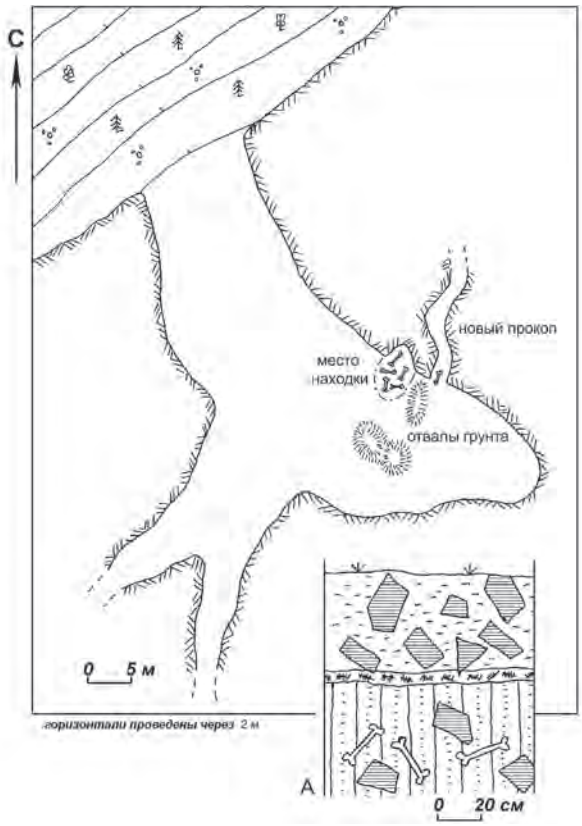
Черемза-1 – могильник, исследованный в 2011 г. Ю. В. Шириным в 2,5 км к западу от д. Берензас на правом берегу р. Черемза, левого притока р. Томь. На останцевом бугре высотой около 10 м при раскопках выявлены остатки сильно распаханного могильника по обряду кремации на стороне. Следы обжига прослеживаются почти на всех железных предметах, многие бронзовые предметы оплавлены, найдены мелкие кусочки пережжённых костей. Инвентарь погребально-поминального комплекса датируется нач. VII в. н.э.

Шартон – поселение на левом берегу р. Кондома в 450 м ниже по течению от местонахождения Осман, в устье р. Шартон (левого притока р. Кондома), на его левом приустьевом мысу высотой около 6 м. Ю. В. Шириным в 1988 г. в осыпи был найден железный шлак. В заложенном шурфе на левом приустьевом мысу были найдены многочисленные обломки глиняных крышек железоплавильных печей и воздуходувных сопел XVII–XVIII вв.

Широкий луг-1 – памятник находится на месте бывшего шорского улуса на правом берегу р. Кондома, на 1,25 км выше по течению от впадения её левого притока – р. Антроп. При зачистке Ю. В. Шириным в 1988 г. обнажения террасы высотой до 10 м, в слое заполнения ямы на глубине 50 см были найдены бронзовая коробочка со спичками-серянками длиной 5,2 см, выше – железная пуговица со вставкой из прозрачного тонкого стекла с проволочной петлёй на обороте, а также осколки фарфоровой и фаянсовой посуды. Находка левой боковой створки от бронзового трёхстворчатого складня с сюжетами «Сошествие во Ад» и «Вознесение» позволила Ю. В. Ширину предположить наличие здесь грунтового погребения или жилища. При дальнейшей разборке грунта были найдены обломки фаянса с точечным чёрным рисунком, 2 железных кованых гвоздика, осколок пуговицы из белого стекляруса, бронзовая булавка длиной 4,9 см, железные кованые гвозди. Датировка памятника – XIX в.

Широкий луг-4 – поселение находится в 400 м к северо-востоку от поселения Широкий луг-2, на краю первой правобережной террасы р. Кондома, к юго-западу от ручья. Ю. В. Шириным в 2003 г. в шурфе были найдены кусочки железных шлаков.

Находки с поселения Широкий Луг-1: пуговицы, кованый гвоздь, булавка, бронзовая створка складня с сюжетами «Сошествие во Ад» и «Вознесение».



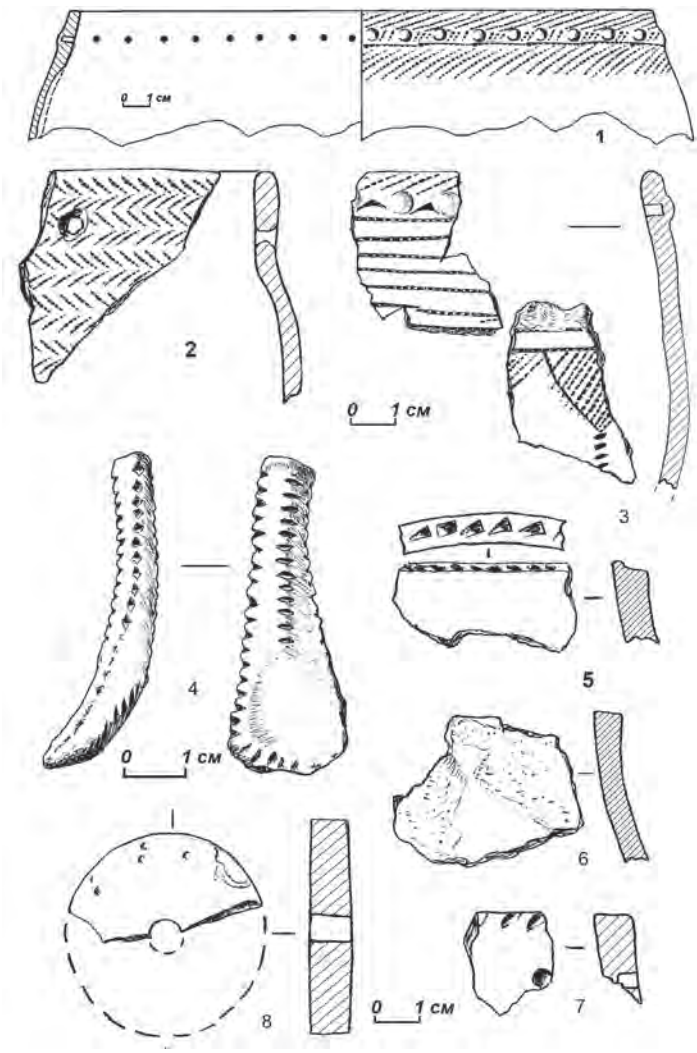
План пещеры Малиновой.
Рис. Ю. В. Ширина

Юла-1 – поселение расположено в 200 м к югу от с. Кузедеево на левобережной чистой террасе р. Кондома высотой до 8 м, в устье её левого притока – р. Юла. При первоначальном осмотре береговых обнажений был найден гранитный валун с выбоиной от проковки криц, а у валуна – железные шлаки и мелкие фрагменты воздуходувных сопел. В ходе зачистки были вскрыты остатки железоделательного горна с ямой подквадратной формы 15х15 см со скруглёнными углами. Внутри ямы над спёком шлаков и древесного угля находились остатки глиняной крышки, а также трёх воздуходувных сопел внешним диаметром 4,5 см, внутренним – 2,3 см. На том же уровне был найден кремнистый скол, фрагменты лепной керамики от горшка с вывернутым наружу уплощённым венчиком, украшенным оттисками трезубой пильчатой гребенки. Вертикальные оттиски нанесены горизонтальными полосами и по плечику сосуда, а в области шейки сделаны оттиски в виде крестов. Аналогичная керамика встречалась при раскопках городища Маяк, а также в материалах Кузнецка XVII в. и при раскопках сожжённых в тот же период ближайших деревень.

Археологические материалы разных эпох свидетельствуют, что задолго до прихода русских на территории будущего административного центра Кузнецкого уезда уже были социально-территориальные объединения, элита которых могла создать здесь стационарные укреплённые поселения, ставшие своеобразными «центрами власти». На территории и в окрестностях современного г. Новокузнецка исследовано не менее трёх таких пунктов – городище Маяк, городище Абагурское-2 и городище Чёрная речка [Ширин, 1993, с. 14–15]. Как считает Ю. В. Ширин, Кузнецк также возник не случайно на традиционном месте. Одним из условий, которые способствовали этому, была возможность стратегического контроля над важнейшими транспортными путями региона. Дороги через хребты Кузнецкого Алатау и тайгу современной Горной Шории частично зачахли после увода в 1703 г. кыргызов джунгарами, но ещё продолжали использоваться до начала XX в. для перегонов скота из верховьев Абакана в Кузнецкий уезд [Ширин, 2018, с. 25].

Находки в пещере Малиновой. 2004 г.

Данный путь также беспечивал культурные связи древнего населения Горной Шории с окружающими народами. Горные хребты Кузнецкого Алатау, Салаирского хребта, Бийской гривы и Западного Саяна воспринимались предками шорцев, хакасов и телеутов не как границы, а как центры



Находки из пещеры Спальный Грот в верховьях Мрассу. Рис. Ю. В. Ширина.

промысловой территории с культовой родовой горой. Миграции населения по долинам рек и древним торговым путям, пересекавшим горные хребты, считались в ту пору обычным делом. Сведения о них есть во многих русских исторических документах и записках путешественников. Так, академик П. С. Паллас подробно описал водный и два сухопутных пути из долины Абакана вдоль Томи и Мрассу до г. Кузнецка. Другой исследователь, А. В. Адрианов, в конце XIX в. лично проехал верхом по одному из этих путей от улуса Балыкса через р. Ортон на р. Мрассу и составил подробное описание его достопримечательностей. На первых сибирских картах С. У. Ремезова отмечена «Дорога в киргизы» [Паллас, 1788, с. 507; Адрианов, 1888б, с. 96; Ремезов, 2006].

Сохранение этнокультурного наследия

Учреждения культуры в городах и посёлках Таштагольского района, Мысковского, Междуреченского и Осинниковского городских поселений представлены музеями различного типа краеведческими и музеями-заповедниками.

Наиболее значимый в Таштагольском районе Музей этнографии и природы Горной Шории начал создаваться с середины 1980-х гг., когда партийное и советское руководство района одобрило инициативу ветерана «Сибруды» В. А. Смолиной, собравшей богатый материал по истории рудников Таштагольского района. В 1987 г. Таштагольский горком партии принял решение о создании музея промышленности, но с началом т. н. «возрождения шорского народа» тематика музея была значительно расширена. Три научно-практические конференции (март 1986 г., г. Таштагол; июнь 1989 г., пос. Усть-Кабырза; февраль 1993 г., пос. Шерегеш), проведённые при полной организационной поддержке властей в г. Таштаголе и в пос. Усть-Кабырза, рекомендовали в том числе «…решить вопрос об открытии Музея истории и культуры и его строительстве на спонсорских началах». Директором музея была назначена преподаватель истории, выпускница КемГУ Н. А. Шихалёва-Акчёлова, которая почти 30 лет продолжает им руководить. Председатель Таштагольского горисполкома Н. И. Шатилов передал под музей часть помеще-

Витрина «Кабырзинской принцессы». Музей этнографии и природы Горной Шории, г. Таштагол.

ния магазина по ул. 8 Марта [Шихалёва, 2004, с. 446–448].

Первоначально предполагались обычные для краеведческого музея экспозиции от «эпохи мамонтов» до последних достижений города, включая экспозицию о боевой и трудовой славе горожан. Однако остановились на комплексной археолого-этнографической и природной экспозиции, отражающей всё многообразие культурно-исторического наследия Горной Шории.

На этапе становления, в 1990–1994 гг., сотрудники музея провели свыше 20 музейных экспедиций по Горной Шории и в соседнюю Хакасию для сбора, главным образом, этнографических экспонатов. В фонды музея также были переданы археологические находки учёных КемГУ и НГПИ. При проектировании экспозиций был учтён опыт создания таковых в республиканских музеях Хакасии, Тувы и Горного Алтая. Научным консультантом выступал учёный-этнограф В. М. Кимеев, который помогал необходимой литературой и редкими фотографиями по этнографии.

Торжественное и театрализованное открытие Музея этнографии и природы Горной Шории состоялось 5 мая 1995 г. при большом скоплении жителей, учёных, музейщиков и других гостей со всей области и соседних регионов.

Таштагольский музей этнографии и природы Горной Шории уникален по оригинальности экспозиции и неповторим по содержанию фондов, чем существенно отличается не только от других музеев Кузбасса, но и от музеев России. Музей с самого начала создавался с претензиями на оригинальность.

Он оформлен в едином художественном стиле. Авторами проекта музейной экспозиции и интерьера помещения стали таштагольские

Диорама «Занятия шорцев». МЭПГШ. Фото В. М. Кимеева.

художники Николай Чебкасов и Владимир Новин. Качественно высокий художественный уровень оформления экспозиции обеспечили Николай Шихалёв – художник-оформитель, Анатолий Марков – таксидермист из г. Красноярска, Александр Покровский – ныне ректор Красноярского государственного художественного института, Валентин Теплов – профессор Красноярской художественной академии, Екатерина Чебкасова – в прошлом преподаватель Таштагольской художественной школы. В результате интерьер стал как бы частью и неотъемлемым продолжением экспозиции. Он дополняет её и развивает. Это несомненное достоинство музейного дизайна. При этом использовано образно-художественное решение экспозиций. Примером тому служат компози-

ции «Берёза и Крест», «Небесная земля Ульгеня», «Двуглавый орёл».

Нововведением в музее стал отдел природы и этнографии, где воедино слились две темы – растительный и животный мир Горной Шории и этнография: хозяйственные занятия, орудия труда, одежда шорцев на фоне природы в естественной среде обитания. Обычными в музее стали зародившиеся в середине 1990-х гг. театрализованные представления с угощением национальными блюдами во время экскурсий. Музей участвует в составлении и постановке сценариев театрализованных обрядов с привлечением актёров самодеятельных ансамблей.

В музее разработаны и проводятся несколько образовательных программ: «Археология и этнография Горной Шории», «История Алтайской духовной миссии и образования в Кузнецком уезде и Горно-Шорском национальном районе», «Традиционные религиозные верования шорцев», «Золото и горная промышленность», «Природа в традиционных представлениях шорцев», «Таштагол в годы Великой Отечественной войны», «Известные люди Горной Шории», «История Кузнецкого края с древнейших времен до наших дней».

Диорама «Шорские ремёсла». МЭПГШ. Фото В. М. Кимеева.

Витрина «Предметы культов». МЭПГШ. Фото В. М. Кимеева.

В преддверии 75-летия Кемеровской области и 55-летия образования г. Таштагола наиболее актуальной является популяризация истории Кузбасса и Горной Шории в форме музейных уроков и лекций. В школах района и в самом музее В. А. Байлагашевым были проведены занятия по истории Кузнецкого края по темам: «Религия хуннов», «Упадок державы хуннов», «Гибель хуннов», «Динлино-скифы», «Быт и хозяйственная деятельность», «Кыргызы. Происхождение, религия, искусство», «Кыргызский каганат», «Гибель Кыргызского каганата», «Древние тюрки», «Монголы», «Джунгарское ханство», «Вхождение в состав России», «Таштагольский район – истоки, становление и современность», «Из истории установления Советской власти в Горной Шории и Горно-Шорского национального района». Большое внимание уделялось культурно-образовательной деятельности путем проведения выездных выставок в школах и национальных праздников совместно с фольклорно-этнографическим ансамблем «Чылтыс». В строящемся музее совместно с НКУ «Кызыл-Шор» были организованы первые выставки, посвященные творчеству шорских художников Якова Пепелова, Любови Арбачаковой (Тудегешевой), Вадима Бекренева.

Сотрудники регулярно проводили театрализованные мероприятия в музее и на площадке перед музеем, организовали и провели 286 выставок в музее и 177 выставок вне музея из собственных фондов в различных учреждениях

Диорама «Старообрядцы Горной Шории». МЭПГШ. Фото В. М. Кимеева.

Таштагольского района, Кузбасса, в Горном Алтае, Хакасии, Новосибирске, Красноярске, Москве, а также в Турции, Монголии и США. В музее были представлены выставки музеев и художников Кемеровской области, Горного Алтая, Хакасии, Тувы, Томска, Оренбурга и даже Кипра.

Сотрудники принимали участие в международной выставке-форуме «Дары леса. Культура пользования» (Москва), «Дары лесов Горной Шории» на горе Зелёной в пос. Шерегеш, в Международной выставке-ярмарке «Северная цивилизация – 2008» (Москва). Заслуженной наградой музею стали две медали «Лауреат ВВЦ» и первое место в номинации «Резьба по дереву» за резное панно Я. Пепелова из собственных музейных фондов. В 1990–2002-х гг. музей проводил районные и областные национальные праздники, участвовал в городских молодежных мероприятиях, таких как КВН, конкурс красоты «Кен кыс» [Шихалёва, 1998, с. 58–61; 2013, с. 32–39].

В ходе социально-этнографической экспедиции 2006 г. в отдаленных посёлках Горной Шории были выявлены места проведения куль-

товых обрядов. Установленые там памятные знаки и отмечены на карте.

В 1997 г. директор музея Н. А. Шихалёва положила начало сувенирному делу в Горной Шории: при музее открылся художественный салон, где выставляются и продаются работы местных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства в этническом стиле, отражающие национальное своеобразие региона.

Сотрудники музея и ОО «Таглыг Шор» была реализовали идею территориально-общественного самоуправления шорцев: на сходах коренного населения (2006 г.) были выбраны паштыки. В целях их обучения коллектив музея и ОО «Таглыг Шор» при поддержке администрации Таштагольского района провел в августе 2007 г. семинар для паштыков с участием учёных КемГУ с последующим изданием сборника их докладов.

В 2005 г. сотрудники музея организовали конкурс по созданию гимна, флага и эмблемы ОО «Таглыг Шор». В 2015 г. музей выполнил важную миссию: совместно с Ассоциацией шорского народа был проведён конкурс по двум номинациям: «Национальный флаг Ассоциации шорского народа»; «Эмблема Ассоциации шорского народа». На конкурс было заявлено 35 работ. Победителем в в обеих номинациях стал Александр Владимирович Мортаев, преподаватель художественного училища города Красноярска. По итогам областного конкурса по созданию эмблемы и флага Ассоциации шорского народа Кемеровской области на X съезде шорского народа были утверждены эмблема и национальный флаг.

Научный сотрудник музея Г. П. Старков обобщил ранее известные материалы о гео-

графических названиях с привлечением собственных данных, и в 2001 г. был издан первый «Словарь по географии и топонимике Горной Шории». В 2010 г. музей провел региональную научно-практическую конференцию «Шорский этнос: вопросы сохранения и развития», посвященную 20-летию основания музея. Был издан сборник с аналогичным названием, отражающий комплексный подход к изучению вопросов сохранения и развития шорского этноса в различных областях науки и общественной жизни.

Музейные экспедиции 2012–2017 гг. и научно-исследовательская работа над проектом «Пещеры Горной Шории» принесли первые плоды. Приказом № 58 от 30 марта 2017 г. Комитета по охране объектов культурного наследия Кемеровской области в перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории Кемеровской области и обнаруженных в результате совместной работы музея-заповедника «Кузнецкая крепость» и МЭПГШ, включены пять объектов археологического наследия: 1) «Пещера Осиновая (Адыаксинская)» (раннее средневековье). 2) «Пещера Малиновая», (ранний железный век, раннее средневековье). 3) «Пещера Спальный Грот» (эпоха поздней бронзы, ранее средневековье). 4) «Поселение Кизас-1» (раннее

Макет шорской юрты с выставкой предметов. Фото В. М. Кимеева.

Выставка «Моя родина – Сибирь».
Фото В. М. Кимеева.

средневековье). 5) «Пещера Надежда» (раннее средневековье).

Проведена реконструкция стационарной экспозиции в залах духовной культуры и горной промышленности. Красной нитью через всю музейную экспозицию проходит идея цикличности любого явления, процесса как в обществе, так и в природе. Идея цикличности присутствует в отделе природы и этнографии, где хозяйственные занятия показаны по временам года, составляющим годовой цикл. В зале духовной культуры цикличность показана на примере эволюции религиозного сознания шорцев, а её этапы обозначены солярными знаками. Тот же цикл и в зале горной промышленности: рождение, развитие, зрелость, упадок, гибель и снова рождение. Оформлена витрина про мифического «снежного человека», диорама «Кабырзинская принцесса» с подлинными находками из памятника «Усть-Пызас-2», раскопанного в 2009 г.

Печать миссионера Алтайской Духовной миссии, случайно найденная в 1987 г. в пос. Дальний Кезек. МЭПГШ. КП ОФ 427.

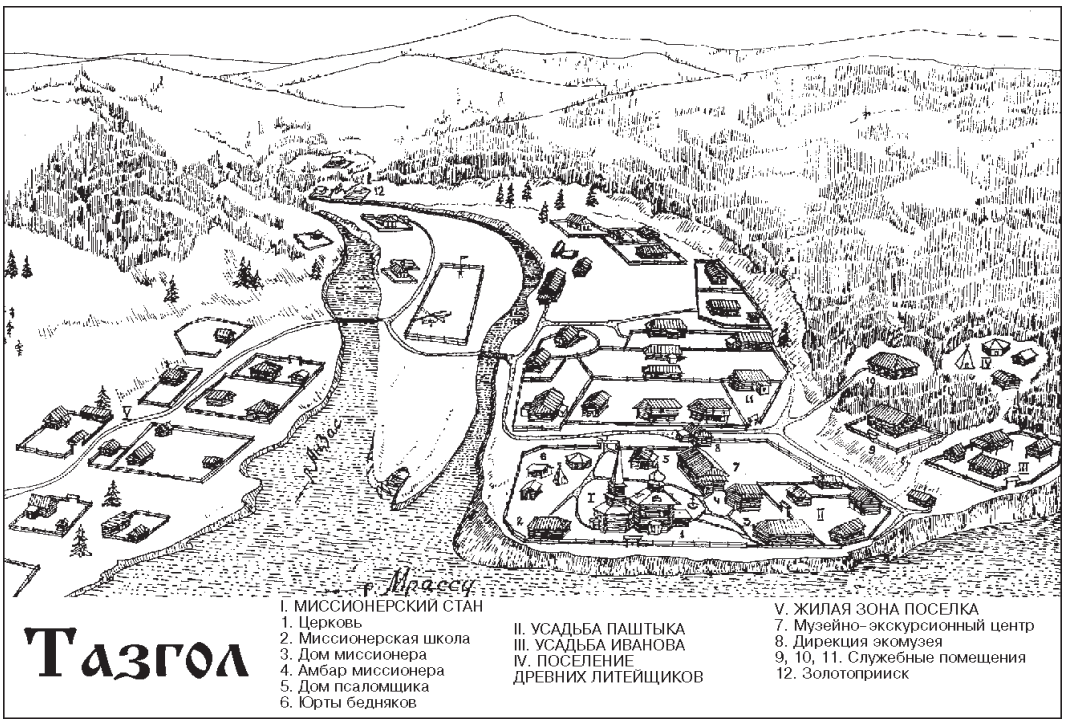
на окраине пос. Усть-Кабырза археологом Ю. В. Шириным.

Музейные фонды на 2018 г. насчитывают более 13 тыс. ед. хранения. Музейные коллекции составляют памятники материальной и духовной культуры шорцев, но есть и произведения декоративно-прикладного искусства, нумизматические, минералогические коллекции, чучела животных, предметы быта и культуры русских староверов. Гордостью всего музейного собрания следует назвать «Азбуку для обучения шорских инородческих детей Алтайского края», изданную в г. Томске в 1906 г. в типографии Епархиального братства и включающую шорский алфавит и тексты молитв на шорском языке; печать Мрасского отделения Алтайской Духовной миссии, переданную музею этнографом КемГУ В. М. Кимеевым. Уникальная коллекция предметов быта была передана сибирской отшельницей из семьи старообрядцев-беспоповцев Агафьей Карповной Лыковой, проживающей в лесном массиве Абаканского хребта Западных Саян (Хакасия).

МЭПГШ прилагает максимум усилий для достойного и яркого представления историко-культурного наследия Горной Шории, показа её этнической привлекательности и национального своеобразия. Тем самым музей вносит значительный вклад в укрепление положительного имиджа и авторитета Таштагольского района в глазах его жителей и гостей.

Воплощение в жизнь проектов перспективного развития музея повысит туристическую привлекательность, будет способствовать созданию позитивного культурного облика юга Кузбасса [Шихалёва, 2013, с. 32–39].

Экомузей «Тазгол». Этноэкологический музей-заповедник (экомузей) «Тазгол» стал создаваться в центре пос. Усть-Анзас Таштагольского района по просьбе местных властей и решению Кемеровского облисполкома № 85 от 16 марта 1990 г. вначале как филиал историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница». После разработки творческой группой известных московских архитекторов под руководством А. Г. Афанасьева и принятия в этом же году «Проекта зон охраны» и генерального плана экомузей становится самостоятельным муниципальным образованием [Кимеев, 1996, с. 117; Кимеев, 2007, с. 133–138]. Затем он был включен как филиал в состав муниципального музея-заповедника «Трёхречье», созданного в 2009 г. в пос. Усть-Кабырза Таштагольского района [Кимеев, 2013, с. 61–66].



Проектом экомузея «Тазгол», кроме восстановления и музеефикации памятников историко-культурного и природного наследия по р. Мрассу, предусматривалось восстановление инфраструктуры самого жилого пос. Усть-Анзас – строительство школы и нового магазина, установка пилорамы по переработке древесины, прокладка грунтовой дороги и ЛЭП из пос. Шерегеш, а также экологическое оздоровление окрестностей: очистка берегов Анзаса и прилегающих ручьев от бытовых отходов и горюче-смазочных материалов местной дизельной подстанции. Проект прошел требуемую экспертизу и был одобрен всеми местными жителями, получившими рабочие места в экомузее.

Сам посёлок расположен на живописном берегу р. Мрассу по обоим берегам от устья р. Анзас правого притока р. Мрассу. На противоположном левом берегу р. Мрассу возвышается поросшая пихтовым лесом и кустарником священная для местных жителей гора Айган высотой 989 м. Круглогодичными транспортными связями с внешним миром являются вертолетная линия Таштагол – Усть-Анзас и гравийная автодорога Шерегеш – Усть-Анзас протяженностью 60 км, включающая три перевала и семь капитальных мостов; в летний период действует водный маршрут Усть-Кабырза – Усть-Анзас.

Территория Усть-Анзасского лесничества Шорского национального природного парка частично включает окрестности Усть-Анзасской сельской территории и зоны охраняемого природного ландшафта экомузея «Тазгол». Кроме п. Усть-Анзас в долине Мрассу и по её притокам сохранилось ещё 7 небольших населённых пунктов: Верх-Анзас, Дальний Кезек, Ближний Кезек, Чазы-Буг, Челей, Суета, Сага. Причём жители пос. Суета больше ориентированы на пос.

Шерегеш, с которым его связывает гравийная дорога, обслуживаемая круглогодично [Кимеев, 1997а, с. 201–202].

Историческая часть улуса конца XIX – начала XX вв. сохранилась только на левом, пологом берегу у устья р. Анзас. На правом возвышенном берегу выделяются две группы жилых усадеб: Кабакташ (Весёлая гора) и Мочаколь

Вид на пос. Усть-Анзас с северо-востока. 1990 г. Фото В. М. Кимеева.

Вид на гору Кайчак и объекты экомузея «Тазгол». 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.

(Гнилое болото) середины XX в., и группируются они, в основном, вдоль высокой бровки береговой линии. Сохранившейся исторической трассой здесь является дорога к сельскому кладбищу от берега реки и дорога по центру бровки [Кимеев, 1996, с. 7]. С двух сторон к посёлку подступают горы, покрытые пихтовым и кедровым лесом, а также сенокосы. Самые обширные сенокосные угодья расположены за сельским кладбищем по долине р. Тазгол. До середины XX в. за горой Кабакташ располагался одноименный улус Тазгол, в память о котором экомузей и получил свое название.

Результаты многолетних археологических исследований многослойного поселения показали, что в устье р. Анзас существовал торгово-обменный пункт с жилищами и кузнечно-плавильными мастерскими [Кимеев, 1995а, с. 15]. По долине р. Мрассу и её притокам Анзасу, Суете и Ортону с древних времен проходил транзитный караванный путь «Улуг-Чол», связывающий степные и горно-таёжные районы Саяно-Алтая. По этому пути проходили все известные миграции средневековых тюркских народов, по нему перевозили основные транзитные грузы, чем стимулировали экономику предков шорцев, основой которой, кроме обслуживания караванной торговли, были выплавка и обработка железа, домашнее скотоводство, ручное земледелие и таёжные промыслы.

Воинское захоронение по обряду трупосожжения на площадке горы Кайчак, видимо, не случайно располагалось в улусе Усть-Анзас – крупном торгово-обменном пункте, возможно, охраняемом кыргызскими воинами. В таких перевалочных улусах, как Усть-Анзас и Усть-Кабырза, происходил обмен пушниной (соболиные, лисьи, беличьи и бобровые меха), изделиями из железа (посуда, украшения, орудия труда и оружие) местного производства, а также тканями, перевозимыми по караванным путям из Китая и Монголии через долину Абакана на юг Западной Сибири. Как свидетельствуют исторические документы, по этому пути в 1703 г. были «угнаны» джунгарами большинство енисейских кыргызов [Абдыкалыков, 1986, с. 83; Худяков, 1999, с. 78].

Реконструкция воинского захоронения на горе Кайчак. 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.

Историческая архитектурно-планировочная целостность посёлка со стороны р. Мрассу нарушена из-за утраты деревянного Троицкого храма в 1930-х гг. В то же время сохранился комплекс памятников архитектуры и быта Мрасского стана Алтайской духовной миссии: дом миссионера конца XIX в., дом плотника Иванова начала XX в., дом паштыка – сельского старосты начала XX в. (реставрированный бывший дом торговца «пай Степана»), хозяйственные амбары с традиционной утварью в одном из них. В устье и в среднем течении р. Анзас, а также по его левому притоку Шимтилыголу сохранились отвалы золотоприисков конца XIX – начала XX вв.

Вдоль надпойменной левобережной террасы р. Анзас сохрани-

лась трассировка прежней улицы Нахаловки, основанной в начале XX в. русскими золотоискателями. Там же расположена хозяйственная зона посёлка с дизельной установкой в деревянном сарае и несколькими цистернами, подлежащая выводу за пределы селитебной зоны. За хозяйственной зоной в отвалах золотоприиска расположена стихийная поселковая свалка бытового мусора, требующая рекультивации в ближайшее время.

Основой экспозиций под открытым небом экомузея «Тазгол» площадью 5 га является комплекс памятников наследия как шорского, так и русского населения в характерном для этих мест этнокультурном ландшафте. Территория экомузея включает несколько экспозиционных комплексов:

Первый. 1) Реконструкция подлинного погребения кыргызского воина обрядом кремации на могильнике «Кайчак» и жертвенника «Таелга». 2) Реконструкция охотничье-промыслового стана на соседней поляне. 3) Реконструкция в 1992 г. археологом Н. М. Зиняковым мастерской древних металлургов с плавильной печью, кузницей и каркасным жилищем-одагом на дальней по склону поляне по образцу раскопанного на Мрассу поселения Чулдугол. 4) Усадьба плотника Иванова с подлинным домом, реставрированными двумя амбарами нач. XX в. и баней-новоделом.

Реконструкция археологом Н. М. Зиняковым поселения древних литейщиков с каркасной мастерской (*одагом*) и бревенчатой кузницей в экомузее. 2005 г. Фото В. М. Кимеева.

Вид на миссионерский стан в улусе Усть-Анзас. Фото Н. П. Дыренковой. 1927. МАЭ. Колл. № 3646.

Второй. 1) Мрасский стан Алтайской духовной православной миссии с подлинными домами миссионера конца XIX в., псаломщика нач. XX в., церковно-приходской школой и амбаром нач. XX в. 2) Реконструированная усадьба торговца «пай Степана» с подлинным домом-пятистенком нач. XX в., двухярусным амбаром нач. XX в., а также с реконструкцией летней кухни *сенек*.

Третий. 1) Подлежащий реконструкции золотоприиск на р. Шимтилыгол. 2) Трассировка улицы Нахаловки вдоль левого берега реки Анзас с домами и хозпостройками XX вв. и огородами.

В настоящее время в отдельных домах посёлка шорские семьи ещё используют жестяные котлы *коргуш* для обжаривания ячменя, чашки *аяк*, изготовленные из капа (нароста на стволах берёз), сита *элек*, каменные жернова мельницы *тербен*, берестяные туеса, деревянные ложки *кажик*, кадки. Почти все они достались по наследству, так как в посёлке не осталось ни одного мастера. Среди традиционных орудий труда и охотничьего снаряжения у местных шорцев сохранились мотыги *абыл*, долота-тесла *адылга*, камусные лыжи *шана*, охотничьи нарты *шанагаш*, деревянные сёдла *езер*, ружья-дробовики *мылтык*, охотничьи ловушки. Большинство же предметов охоты и быта вывезены в музеи России экспедициями начиная с 1920-х гг.

Валерий Арсентьевич Топаков, глава Усть-Кабырзинской сельской территории.

Музей-заповедник «Трёхречье». Современный посёлок Усть-Кабырза, где в 2009 г. без архитектурного проекта был построен комплекс построек некоего «Гулага», располагается по обоим берегам реки Мрассу между устьями её левого притока Пызаса и правого притока Кабырзы, а также вдоль правого берега Кабырзы от её устья. Планировочная структура посёлка сформировалась в предыдущие 30 лет из нескольких бывших шорских улусов – Кабырзы, Усть-Пызаса, Таски, Парлагола и посёлка спецпоселенцев учреждения ВД-30/6, возникшего после 1958 г. вблизи построек бывшего колхоза «Начёл». Дата образования посёлка – 1670 г., приведённая в справке, выданной местной администрации, документально не подтверждена. В списках населённых мест Сибкрая указана другая дата – 1816 г. На каких документах основаны эти даты, неясно.

Русские исторические документы и карта С. У. Ремезова свидетельствуют, что на месте современного посёлка располагалось несколько разрозненных улусов из деревянных юрт. Улусы составляли волости, названные по имени рода-сёока: Кавинская (Кобинская, Коба) – сёок *кобый*, Кызылкарга (Кызылькая) – сёок *кызай*, Туранская (Туранаал) – название сёока не сохранилось [Бородаев, 2007, с. 52]. По данным Хакасского государственного архива, в XVIII в. (по ревизиям 1816, 1832, 1840 гг.) в этих местах фиксируются оседлые юртовские поселения Кызыльского и Кивинского родов, а в верховьях Мрассу

Улус Таска на р. Мрассу. 1950-е гг. НКМ, б.н.

Эскиз генплана музея-заповедника «Трёхречье». Архитектор В. Н. Усольцев.

– Кийского рода – сёок *кый* [ГАХАО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 149].

В 1930–1931 гг. организовались такие колхозы, как Шор-Тайга, Наа-Чёл, Наа-Чадыг, Кызыл-Шор-Анча, Парлагол. В 1939–1940-е гг. колхоз Шор-Тайга был переименован в колхоз им. Свердлова, Наа-Чадыг и Кызыл-Шор-Анчи – в колхоз «Путь к коммунизму», Парлагол – в им. 20 лет Октября. В самом пос. Усть-Кабырза до 1958 г. существовал колхоз «Кузбасс», реорганизованный затем в Кабырзинский коопзверпромхоз.

Архитектоника экспозиций музея-заповедника «Трёхречье», по проекту творческой группы (этнограф В. М. Кимеев, археолог Ю. В. Ширин, архитектор В. Н. Усольцев), состоит из нескольких комплексов с музеефицированными реконструкциями, главной из которых предполагалась реконструкция некрополя «Кабырзинской принцессы» на месте раскопок поселения «Усть-Пызас», представленная в виде двух могил с костяками и бронзовыми украшениями, накрытыми сверху оргстеклом. Над

некрополем сделан каркасный шатёр под тесовой крышей. Шатёр соединён крытой галереей с фотовыставкой материалов и раскопок с шестиугольной юртой. На соседнем с некрополем ручье предлагалось реконструировать охотничье-рыболовный стан и юрту древних металлургов с глиняной печью. Однако местные власти ограничились установкой двух деревянных резных фигур (вероятно, «принцессы» и «витязя») на месте раскопа [Кимеев, 2011б, с. 192–210].

Построенный и музеефицированный рядом с бывшей колонией-поселением комплекс посвящен периоду сталинских репрессий в Горной Шории – «Горшорлагу», преобразованному в 1947 г. в лесозаготовительный ИТЛ – «Южкузбасслаг», в число 15 лагерных отделений которого с 1958 г. входило и «Кабырзинское», состоящее из двух лагпунктов. Кроме того, в пос. Усть-Кабырза находилась контора Кабырзинского коопзверпромхоза.

Проектный эскиз некрополя «Кабырзинская принцесса» архитектора В. Н. Усольцева. 2010 г.

После преобразования в 1960-х гг. «Южкузбасслага» МВД СССР в учреждение ВД-30 системы исполнения наказания (ГУИН) на базе бывших лагпунктов в 1962 г. был образован Кабырзинский лесхоз Министерства лесного хозяйства, который в 1986 г. был передан отделению ВД 30/6 (ГУИН), закрытому по требованию шорской общественности в 1998 г. Часть жителей пос. Кабырза служила или работа-

ла лесосплавщиками в учреждении ВД-30/6, в том числе последний начальник Кабырзинского отделения Валерий Алексеевич Полетаев, ставший затем первым научным сотрудником музея-заповедника «Трёхречье».

Реконструкция лагеря заключённых «ГУЛАГ». Пос. Усть-Кабырза. 2011 г.

Музей-заповедник в пос. Усть-Кабырза Таштагольского района начал создаваться по Решению коллегии администрации Кемеровской области от 26.03.2009 г. № 287-р. Специалисты Кемеровского краеведческого музея в 2009 г. написали т. н. проект, но без проектной документации. В интерактивной зоне предполагался показ производственной деятельности лагерных пунктов: заготовка, трелёвка, распиловка леса, изготовление ширпотреба (гребёнки, пуговицы и т. п.). Быт заключённых наглядно демонстрировался через личные вещи, вещевое довольствие, нормы питания. Для туристов предполагались также фотографирование в экспозиции (видимо, с заключёнными в робе), обед в арестантской столовой, временное пребывание в камере, посещение бани по-чёрному, нанесение временных татуировок. При въез-

Экскурсия в музее «Гулаг».

Астроном-метеоролог Анатолий Витальевич Дьяков (1911–1985) наблюдает за пятнами на Солнце.

де в посёлок в этом же году начато строительство лесозаготовительного лагпункта с экспозициями, посвящёнными различным категориям узников ГУЛАГа.

До сих пор никто не объяснил, каким образом колония-поселение уголовно осуждённых, существовавшая в пос. Усть-Кабырза всего 40 лет, с 1958 по 1998 гг., связана со сталинскими репрессиями? Недоумение вызывает также предложение рабочей группы реконструировать на Горе любви, кроме часовни, обсерваторию А. В. Дьякова. Этот безусловно выдающийся учёный-астроном, «бог погоды», как его называли, никогда не был в пос. Усть-Кабырза. После освобождения из заключения по политической статье в 1930-х гг. он всю оставшуюся жизнь жил и работал в метеообсерватории пос. Темир-Тау, где и был похоронен на местном кладбище в 1984 г. Для увековечивания памяти А. В. Дьякова справедливей было бы реконструировать обсерваторию на прежнем месте на окраине посёлка и там открыть музейную экспозицию, посвящённую его жизни и трудовым достижениям в годы советской власти, которая наградила его за научные достижения в 1972 г. орденом Трудового Красного знамени.

Обсерватория А. В. Дьякова в пос. Темир-Тау.

Этногенез и этническая история шорцев

В научной литературе утвердилось мнение, что современные шорцы – тюркизированные потомки древних кетов, самодийцев и угров. Первые гипотезы о родстве предков шорцев (абинцев и бирюсинцев) с соседними телеутами были высказаны участниками Первой академической экспедиции [Георги, 2007, с. 267–270]. Начиная с сер. XIX в., вначале лингвистами, а затем историками, этнографами и антропологами неоднократно предпринимались попытки выявить «дотюркские» компоненты предков шорцев, используя в качестве сравнительного материала случайно отмеченные ими элементы культуры у отдельных шорских этнолокальных групп. Зачастую этнографические особенности одной группы механически переносились на всех шорцев, что не всегда было верно [Кимеев, 2014в, с. 54–66].

Фридрих Вильгельм (Владимир Владимирович) Радлов (1837–1918), востоковед-тюрколог, ориенталист, этнограф, археолог, академик, директор МАЭ (1894-1918).

Николай Александрович Аристов (1847-1910) историк-востоковед, этнограф, военный губернатор Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (1881-1889), действительный статский советник, действительный член ИРГО.

Проблема этногенеза аборигенов Горной Шории

Знаменитый тюрколог и этнограф В. В. Радлов первым предложил считать кузнецких татар отдельным народом Саяно-Алтая под этнонимом шорцы и относил их к потомкам «енисейско-остяцких» племен (предков современных кетов). В подтверждение своей гипотезы он приводил енисейскую топонимику в верховьях реки Томи, особенности антропологических признаков и умение шорцев, как и «кетоязычных аринов», добывать и обрабатывать железную руду при их оседлом образе жизни в отличие от соседних тюрок [Радлов, 1989, с. 94]. Подобной же точки зрения придерживался тюрколог Н. А. Аристов, отнесший шорцев вместе с другими группами северных алтайцев к «отюреченным енисейцам и самоедам» [Аристов, 1897, с. 277–456].

Среди современников В. В. Радлова в конце XIX в. было распространено и другое мнение. Так, миссионер Василий Вербицкий полагал, что «черневые татары» (куда он включал и предков шорцев) по происхождению «финские племена, но слились с народностью монгольской» или «чудские финские племена, к которым впоследствии примешались и тюркские элементы» [Вербицкий, 1870, с. 10]. «Финским племенем» называли черневых татар (включая и предков шорцев) географы-путешественники и сотрудники РГО, обратившие внимание на их отличительную внешность и одежду [Адрианов, 1884, с. 290; Швецов, 1903, с. 94]. Этнограф В. Г. Богораз считал шорцев реликтовым остатком древней культуры пеших охотников –

потомков отюреченных палеоазиатов [Богораз, 1927, с. 42].

Необычную гипотезу о происхождении шорцев высказал кузнецкий краевед Дмитрий Тимофеевич Ярославцев. Согласно легенде, записанной им в низовьях Мрассу, шорцы – это потомки богатыря Шуна, старшего сына первой жены царя Мол-кана с Тобола. Под давлением русских шорцы переселились на реки Мрассу и Кондому через верховья рек Томи, а также Ортона и Шоры. От последней реки они якобы и получили своё современное название. Впоследствии в результате разделения шорцев на отдельные роды, расселения их по Кузнецкой тайге и контактов с различными другими «народностями», у переселенцев оформились их лингвистические и антропологические локальные особенности [Ярославцев, 1994, с. 83].

Дмитрий Тимофеевич Ярослапвцев (1869–1927) – краевед, геолог, фольклорист, литератор, редактор газеты г. Кузнецка «Кузнецкий край», основатель Новокузнецкого краеведческого музея.

Ленинградский этнограф С. В. Иванов сближал рисунки на шорских бубнах и берестяной утвари из музейных коллекций с подобными изображениями у хакасов и телеутов. В то же время орнамент на предметах утвари, одежде (халаты, пояса и рукавицы) шорцев, по мнению автора, аналогичен орнаменту южных хантов, манси, нарымских селькупов и особенно кумандинцев, и был выделен им в единый тип [Иванов, 1961, с. 372]. Скульптура шорцев (деревянные лошади, лодки с вёслами, культовые куклы покровителей охоты из музейных собраний) имеет много общего с подобными изображениями у кумандинцев, челканцев, тубаларов. Культовая маска «кочо», употребляемая у некоторых групп шорцев и кумандинцев, сходна по форме с хантыйскими берестяными масками, а изображение на шорских бубнах человека, едущего на санях, аналогично изобра-

Сергей Васильевич Иванов (1895-1986) – этнограф и искусствовед, д.и.н., заведующий отделом Сибири МАЭ (1962-1971).

Алексей Павлович Уманский (1923–2005), археолог, историк, д.и.н., профессор АГПУ, заслуженный деятель науки РФ.

жению на селькупских бубнах [Иванов, 1954, с. 672].

В связи с развернувшейся с середины XX в. разработкой вопросов этногенеза народов Южной Сибири неоднократно высказывались разноплановые предположения о кыргызском (хакасском) и телеутском происхождении некоторых групп шорцев [Уманский, 1980, с. 282; Потапов, 1969, с. 86].

Антропологи и генетики, не вдаваясь в суть степени этничности и единства шорского этноса, рассматривали вопросы этногенеза шорцев весьма своеобразно. Согласно авторитетному А. И. Ярхо, шорцы вместе с другими народностями хакасской языковой группы имеют енисейско-остяцкое (т. е. кетское) происхождение [Ярхо, 1947, с. 15], что сближало его предположение с гипотезой В. В. Радлова и В. Г. Богораза [Богораз, 1927, с. 42].

Другой известный московский антрополог – В. П. Алексеев, изучая краниологический материал (16 черепов) из поздних погребений на якобы «шорских» кладбищах в бассейне реки Таштып, пришел к выводу, что шорцы оформились на основе этнических групп эпохи бронзы, населявших лесные районы Северного Алтая и «говоривших на самодийских и угорских языках». Тюркизация, как он полагал, не сопровождалась изменением физического типа предков шорцев, что являлось результатом культурных, а не брачных контактов их с тюрками [Алексеев, 1965, с. 86]. Примечательно, что сопоставление краниологических показателей среднемрасской группы шорцев с данными по другим народам Южной Сибири позволило антропологу А. Р. Киму утверждать о наибольшем сходстве шорцев с бачатскими телеутами и о существенном отличии от верх-

неабаканских хакасов, хотя другой антрополог, В. А. Алексеев, прежде утверждал обратное [Ким, 1984, с. 192].

Много общего находила в антропологии шорцев с ненцами и хантами генетик Л. О. Битадзе [Битадзе, 1994, с. 264]. Весьма любопытны, но расплывчаты и малопригодны для раскрытия этногенеза шорцев исследования современных кемеровских генетиков. Так, ими утверждается, что за три последних поколения «…произошло изменение популяционно-генетической структуры» и отмечается «…рост генетического разнообразия при снижении уровня инбридинга». Возникает вопрос, каким образом при проведении анализа шорских фамилий (список которых до сих пор никем точно не исследован и не опубликован) выявились некие тенденции, которые к тому же подтвердились «… в результатах исследования полиморфизма в шорской популяции по данным анализа истинных генетических маркеров» [Лавряшина, 2013, с. 142 143]. Неясным остаётся также, почему некие «горные шорцы Кемеровской области» и абаканские шорцы Республики Хакасии «… демонстрируют одно из самых небольших генетических расстояний друг относительно друга», хотя это противоречит выводам антрополога А. Р. Кима.

Лиана Отаровна Битадзе, антрополог, к.б.н., н.с. Института этнографии и антропологии РАН.

Определённый интерес представляют гипотезы об этногенезе шорцев, высказанные на основе археологических находок. В качестве доказательства близости древнего населения городища Маяк к шорцам У. Э. Эрдниевым приведено сходство орнамента глиняных сосудов городища и узоров на берестяной посуде шорцев, а также на воротниках шорских женских платьев. По мнению У. Э. Эрдниева, на этногенетическую связь в прошлом предков шорцев

Андрей Петрович Дульзон (1900-1973) – лингвист, этнограф, археолог, д. филол. наук, профессор Томского государственного педагогического института.

и хантов указывают однотипность их жилищ, а также комплексное, неспециализированное хозяйство, реконструируемые по материалам раскопок [Эрдниев, 1960, с. 63].

Много ценных выводов дало изучение этнонимики и топонимики Горной Шории. Так, согласно опубликованной А. П. Дульзоном карте топонимов, на территории современной Горной Шории самодийские названия наиболее распространены по реке Кондоме, а кетские – по Мрассу, Томи и верховьям Абакана. Тюркский пласт, как полагал А. П. Дульзон, наслоился в результате постепенной ассимиляции древнего кето-самодийского населения по всей территории Горной Шории [Дульзон, 1962, с. 78; 1964, с. 250). Известный археолог Л. Р. Кызласов, напротив, считал эти топонимы Горной Шории угорскими, а население, проживавшее по рекам Мрассу и Абакану, – отюреченными в VI–X вв. остатками древней угорской общности [Кызласов, 1959, с. 70–126]. Впрочем, гипотеза Л. Р. Кызласова была подвергнута серьёзной критике [Липский, 1966, с. 105–118].

Краевед-геолог Г. П. Старков считал гидроним шор/тор угорским и переводил его как «озеро». Весьма сомнительным выглядит «выявленное» автором сходство саамских и шорских бубнов, эстонского (шире – финского) музыкального инструмента «*варган*», названий божества удмуртов «*кереметь*» и шорцев «*кёрмёс*», кетского эпонима «*ольгыт/ульгет*» с именем шорского фольклорного богатыря Ольгудека. Сравниваются даже «тибетское» название напитка «*арак*» с шорским «*арака*» И уже совсем нелепым выглядят сравнения якобы тибето-бирманских этнонимов с формантом – *чин*, например, «тибетского племени писачи» с гидронимом *Песачсан* в бассейне реки Кондома,

или «тибето-бирманских» этнонимов *качин*, *куки-чин* с шорским этнонимом *кечин* и даже шорской фамилией Паучинов [Старков, 2013, с. 128].

Наибольшее признание в конце XX в. получили гипотезы лингвистов А. П. Дульзона, А. М. Абдрахманова, А. А. Бонюхова и Э. Ф. Чиспиякова, которые выделяли четыре субстратных пласта топонимов Горной Шории: кетский, южносамодийский, тюрко-монгольский и русский. Шорцы, по их общему мнению, – «дорусская народность», пришедшая «откуда-то со стороны» в места своего нынешнего обитания, где она стала проживать совместно с находившимися здесь «с древних времен» кетскими и южносамодийскими племенами. Причём переселенцы количественно не превышали кетские и южносамодийские племена, так как не сохранилось двойных названий подобно русско-шорским дублетам [Бонюхов, 1971, с. 152–155; Абдрахманов, 1966, с. 159–169].

Новокузнецкий лингвист Г. В. Косточаков бассейн реки Мрассу называет основной кетской территорией в Шории в древности. В низовьях Кондомы он выделяет только бассейны рек Амзас, Азас, двух Казасов, Таз, а верховьях – рек Базас, Сайзак, Тузас. В верховьях Томи, также основной территории расселения «древних кетов», кетскими по происхождению он считает все её правые притоки – Кунзас, Амзас, Бельсу, Уса, Тутуяс и все левые притоки до устья Мрассу – Майзас, Калиас, Кийзас и др. Потомков кетов он предлагает искать среди родоплеменных названий (эпонимов) современных мрасских шорцев [Косточаков, 2013а, с. 64–65]. Он первым предпринял попытку разобраться с этимологией шорских фамилий [Косточаков, 2005, с. 11].

Леонид Романович Кызласов (1924-2007), археолог-востоковед, д.и.н., профессор, заслуженный профессор МГУ, лауреат Государственной премии СССР и Ломоносовской премии МГУ, член Финно-угорского общества и Германского археологического института.

Владимир Иванович Васильев (1936-1993) этнограф, д.и.н., с.н.с. Института этнографии и антропологии РАН.

На самодийском материале пытался выяснить происхождение отдельных групп шорцев этнограф В. И. Васильев. Он сопоставил шорский эпоним *сайин* с северосамодийским *сойта* у тундровых энцев и с южносамодийским *сойён*, предположив, что с приходом тюрок на Северный Алтай (IX в.) «южносамодийский» род шор раскололся и частично откочевал в Саяны, а оттуда на север, где вошел в состав энцев. Оставшаяся на Алтае часть самодийских сородичей, утратив прежний язык и культуру, составила «костяк современной народности шорцев» [Васильев, 1974, с. 139, 155].

Ю. В. Ширин, на основании изученных археологических комплексов Горной Шории, высказал сомнение в выделении самостоятельного самодийского периода в этногенезе данного региона. Он отметил, что и анализ этнонимической и родовой структуры народов Южной Сибири позволяет говорить не о преобладании самодийцев в какой-либо этнической группе, а лишь о незначительном и дробном включении предположительно самодийских родов в их социальную структуру [Ширин, 2001б, с. 87].

Крупнейший исследователь народов Южной Сибири этнограф Л. П. Потапов, кроме самодийского, угорского и енисейского компонентов, выделял древнетюркский. Решающее значение тюркскому компоненту в формировании «шорской народности» придавал в своих работах хакасский этнограф В. Я. Бутанаев [Бутанаев, 1990, с. 45; 1992, с. 62]. Новокузнецкий лингвист Г. В. Косточаков считал Горную Шорию не менее, как колыбелью «древних тюркютов», ссылаясь на некую «тюркютскую легенду», «кузнечное мастерство» и способность «…изготовлять предметы войны и быта…» [Косточаков, 1998а, с. 36–37]. Он предполагал, что

тюркюты-теле принесли на Кондому особый диалект современного шорского языка, проникнув в Шорию тремя путями: с Алтая через «Спасский коридор», из абаканских степей через Июс, Ортон и Кабырзу, а также с низовьев Кондомы через Шорский хребет [Косточаков, 2013а, с. 65]

Весьма оригинальную гипотезу выдвинул в своё время новокузнецкий филолог Э. Ф. Чиспияков, который предположил, что древнейшими насельниками Горной Шории до кетов и самодийцев было некое «палеосибирское население», пришедшее сюда из соседних степей [Чиспияков, 1993, с. 97].

Если обобщить все эти многочисленные гипотезы о происхождении шорцев, то складывается причудливая и несколько расплывчатая картина.

К кетским элементам причисляют топонимику в бассейне Мрассу и Томи, некоторые приёмы охоты и охотничье снаряжение, формы шорских бубнов, ряд лексических особенностей шорского языка, обычай захоронения детей на деревьях и в пнях, элементы культа медведя, почитание берёзы в шаманстве. Кроме этого, о родстве кетов и шорцев свидетельствует якобы почитание у енисейских кетов божества Мать-Том и широкое развитие кузнечества.

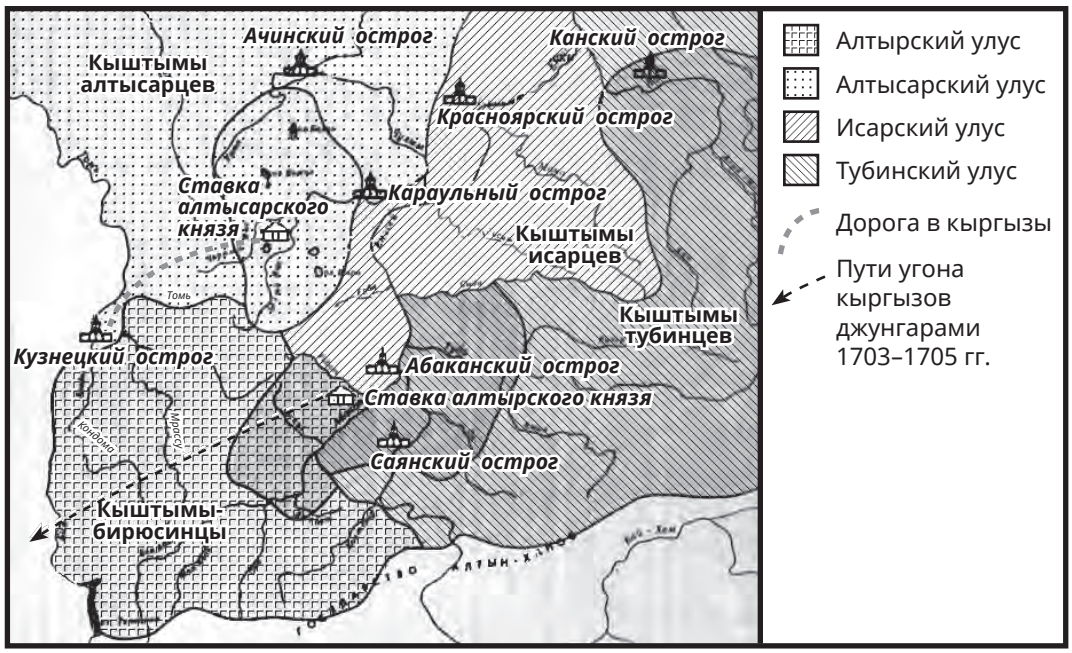
К самодийским по происхождению относят эпонимы *шор* и *сайин*, некоторые сюжеты рисунков на бубнах, топонимику в бассейне Кондомы.

К угорскому компоненту принято относить общие для шорцев и угров некоторые измерительные и описательные антропологические признаки, покрой и орнамент распашной мужской и женской одежды, домашний очаг с трубой из прутьев, обмазанных глиной, срубы-ам-

барчики на высоких столбах, криволинейный орнамент на глиняной посуде, а также изображение духов, предков на шаманских бубнах.

Общим выводом исследователей стало довольно обобщённое утверждение о том, что формирование шорцев происходило на территории верховьев Томи с населением разнообразного состава, где на протяжении многих веков менялись различные этнические волны. Современная территория расселения шорцев со второй половины I тыс. н. э. входила в область языкового, политического и культурного влияния мощных социальных объединений тюркоязычных народов раннего средневековья: древних тюрок, уйгуров, кыргызов. Не позднее начала II тыс. н. э. территория Притомья стала активно заселяться тюрками кыпчакской языковой группы, что привело к этнокультурной ассимиляции местных разноязычных групп. Монгольские завоевания не внесли радикаль-

Кыргызская землица. XVII – нач. XVIII вв.



ных изменений в этнокультурную ситуацию верховьев Томи. Наибольшее влияние на население Мрассу, Кондомы и верховьев Томи оказали енисейские кыргызы, а в низовьях Кондомы и ниже её устья по Томи – приобские телеуты.

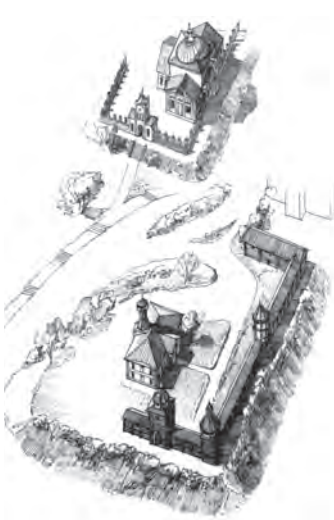
Очевидно, что дальнейшие попытки исследования этногенеза шорцев как единого этнического целого с подбором случайно отобранных «артефактов» обречены на неудачу. Правильнее было бы структурировать этнический состав и рассматривать проблему этногенеза по отдельным этнолокальным группам исторических предков шорцев, состоящим к началу XX в. из кровнородственных вторичных родов-сёоков и больших семей *тёлей*.

Принято считать, что в состав двух крупных этнотерриториальных групп предков шорцев в начале XX в. – горнотаёжных бирюсинцев (мрасская и верхнекондомская группы) и лесостепных абинцев и верхотомцев входило несколько этнолокальных групп со своим говором и особенностями традиционной культуры. Внутри этих групп и следует проследить расселение сёоков и тёлей, а через эпонимы – решать проблему формирования этноса.

Из всех эпонимов, отмеченных исследователями в конце XIX – начале XX вв. в верховьях реки Томи, а также по Мрассу и Кондоме, в состав шорского этноса можно включить только 14 (а не 17, как мною предполагалось прежде) наименований: 1) *шор* (с подразделениями *кара-шор, сары-шор, ак-шор*), 2) *таеш (таяш или узют-шор)*, 3) *кечин*, 4) *кый (кой)*, 5) *кобый*, 6) *кызай (кызыл-кая)*, 7) *карга (сунг-карга* и *танг-карга)*, 8) *челей (селей)*, 9) *чедибер (четтибер, итебер)*, 10) *калар*, 11) *аба (таг-аба* и *кара-аба)*, 12) *себи*, 13) *тарткын*, 14) *кереш*.

Формирование шорцев как самостоятельного этноса

К приходу отрядов русских казаков в начале XVII в. население таёжных и лесостепных районов Южного Притомья уже длительное время входило в ареал влияния тюркоязычных, а также монголоязычных кочевников. Одновременно в ряде мест сохранялись более древние культурные компоненты, включая языковой субстрат, что, в частности, проявлялось в диалектных особенностях формирующегося шорского языка [Чиспияков, 2004, с. 115]. До конца XVIII в. часть кузнецких татар находились на положении «многоданцев». Они стали платить ясак русскому царю, оставаясь отчасти кыштымами енисейских кыргызов, приобских телеутов и джунгар, а после разгрома последних – китайского амбыня Западной Монголии [Потапов, 1936, с. 32].

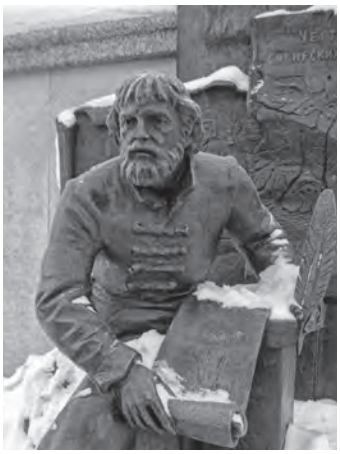


Эскизный проект реконструкции Томского кремля.
М. п. Чёрная. 2002, с.162.

Вплоть до первых академических экспедиций первой четверти XVIII в. отписки воевод и царские наказы были единственными письменными документами, в которых упоминались несколько названий этнотерриториальных групп кузнецких татар, имена и местообитание их двух князьков, в том числе и «городок» абинского князька Базаяка. Эти первые сведения о «..200 человек кузнецов» в восьми верхотомских волостях были получены в 1603 г. через толмачей-переводчиков от князьца еуштинских татар Нижнего Притомья Тояна, который явно преувеличил своё влияние на тюркские племена Верхнего Приобья и Приенисейского края [Кузнецкие акты…, 2002, с. 7–8].

Ещё в наказе Бориса Годунова от 25 марта 1604 г. о строительстве Томска требовалось отправить к кузнецким татарам отряды «добрых и присужих, а с ними толмачей з государевым царским жалованным словом, чтобы они были под государевой царской высокую рукою…» [Кузнецкие акты …, 2002, с. 22].

Укрепившись в Томском остроге, воеводы Василий Волынский и Михаил Новосильцов неоднократно в течение 1605–1616-х гг. посылали пешие отряды казаков: зимой – на лыжах, летом – верхом на конях или в лодках вверх по Томи вплоть до рек Кондомы, Мрассу, а также на Обь и Бию. Преодолевая сопротивление аборигенов, где хитростью и добром, а где и силой казакам удалось собрать первый ясак с «кузнецов» в 1607 г. Это сделал конный казак Гаврила Иванов – ермаковский ветеран, кото-



Памятник Семёну Ульяновичу Ремезову в Тюмени.

С. У. Ремезов.
Лист из Атласа Сибири.
Конец XVII в.

Сибирский казак в походе. Рисунок 1916 г.

рый вместе со всеми «сбил с куреня Кучума-царя» [Ширин, 2018, с. 11]. Далее, в ноябре 1608 г. другой отряд служилых людей во главе с конными казаками Баженкой Константиновым, Лёвкой Олпатовым и Ивашкой Шокуровым отправился на лыжах в «Кузнецкие волости» для сбора ясака, но, как следует из отписки томских воевод царю, «… и преже сего, государь, кузнецкие люди ясаку тебе государю платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца» [Миллер, 2005, с. 412; Емельянов, 1980, с. 23; Кузнецкие акты.., 2000, с. 29].

В конце лета 1609 г. для приведения кузнецких татар «к шерти» из Томска был отправлен сборный конно-пеший отряд служилых людей в количестве 40 чел. во главе с казачьим атаманом Иваном Павловым. Дойдя за неделю до устья Кондомы, казаки «осеклись в крепость» для защиты от внезапного нападения кыргызов. Казакам было велено «…с ясаком кузнецких людей взять в Томский город …». Но те «… в Томский город с твоим государевым ясаком не пошли, а живут не в послушании» и «…хотят твоих государевых служилых людей поморить голодом» [Кузнецкие акты.., 2000, с. 31]. После тщетных попыток взять сполна ясак с ближайших групп кузнецких татар, измученные бескормицей казаки вынуждены были к началу февраля 1610 г. вернуться в Томск ни с чем [Миллер, 2005, с. 319, 423–425].

Неудачными были и все последующие рейды в «кузнецкие волости» из-за противодействия

местных паштыков и военного противостояния кыргызских и телеутских князей. Отряду сборщиков ясака во главе с десятником конных казаков Иваном Тиханьковым и стрелецким десятником Сидором Саламатовым в середине февраля 1611 г., вновь было приказано построить в Абинской волости у Базаяка укрепление, в надежде, «что он… государю прямит» и чтобы «кузнецкие люди, с киргискими людьми соединясь, служилых людей не побили» [Кузнецкие акты…, 2000, с. 33]. Служилые люди узнали от Базаяка, что накануне в кузнецкие волости приходили «киргиские мужики» и подговаривали «кузнецов» убивать русских. Ввиду этого Тиханьков и Саламатов направили за ясаком «бозояковых мужиков», а сами «сели в осаде»

Раскопки городища Маяк. 2013 г. Фото Ю. В. Ширина.

Сибирские казаки XIX в.

в укрепленном зимовье [Кузнецкие акты…, 2000, с. 35]

Следующим рейдом зимой 1614–1615 гг. карательный отряд из 200 человек во главе со стрелецким сотником Иваном Пущиным и казачьим атаманом Баженом Костентиновым, разделившись на группы, смог «повоевать» улус Абинский (с паштыком-изменником Базаяком). Отдельная группа из 50 служилых людей и 30 томских татар захватила в верховьях Кондомы и «улус Сарачеры», а последнего паштыка Кузгу пленила. Затем весь отряд русских был осаждён в укрепленном острожке объединённым войском кузнецких татар, кыргызов и чёрных калмыков (джунгаров), белых калмыков (телеутов) и кучугутов (предков тувинцев) общей численностью более 5000 человек. После 10-недельной осады, истощённые голодом русские отчаянным броском сумели пробить кольцо окружения и добраться до Томского острога, захватив с собой знатных пленников [Миллер, 2005, с. 433–434; Кузнецкие акты.., 2000, с. 36–37; Огурцов, 1994, с. 10]. Это реальное событие сохранилось в преданиях, записанных в конце XIX в. – начале XX вв. историками и краеведами, что «…на месте Кузнецкого острога было укрепление абинцев – Аба-тура, которое русские, отчаявшись взять приступом, взяли подкопом» [Конюхов, 1995, с. 128; Костров, 1884, с. 203; Потапов, 1936, с. 13]. Археолог Ю. В. Ширин допускает существование такого укреплённого абинского городка Бызаяка на месте разрушенной площадки памятника «Маяково городище» за ручьем Водопадным к западу от Кузнецкой крепости [Ширин, 2018, с. 12, 17].

Это оказало сильное воздействие на кузнецких татар, некоторые паштыки которых в 1615 г. сполна внесли ясак конному казаку Ва-

ське Ананьину: «…и кузнецкие, государь, люди тобе государю шертовали и ясак с собя дали, и тебе государю нынечи кузнецкие люди служат и прямят и ясак государю дают» [Миллер, 2005, с. 436; Кузнецкие акты…, 2000, с. 41–42]. Однако из отписки другого казачьего атамана Ивана Теплинского, посланного в 1616 г. в «…Тюлюберскую, да в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, в Елескую, да в Каргу, да в Ковы ко князьком и к лутчим людем…», следует, что «…кузнецкие, государь, князьки и лутчие люди тебе, государю ясак не дали и не шертовали и меня, государь, холопа твоего ограбили, и платье поснимали, и санапал и саблю отняли…» [Миллер, 2005, с. 437].

Чтобы окончательно укрепиться в верховьях Томи и обеспечить регулярный сбор ясака, решено было создать постоянное укрытие казакам-годовальщикам. Объединённый отряд из сибирских городов Тюмени, Верхотурья и Томска, собранный по грамоте старшего Тобольского воеводы князя Ивана Куракина, но от царского имени, был отправлен в верховья Томи осенью 1617 г. Возглавил отряд вместо задержавшегося в Верхотурье племянника томского воеводы Тимофея Боборыкина сын боярский Остафий Харламов. Однако из-за непогоды отряд зазимовал в устье Нижней Терси – право-

Кузнецкий острог. Рисунок из 3-го издания Н. Витзена. 1785 г.

Сдача ясака воеводе.
Художник О. В. Фёдоров.

го притока Томи, в Тюлюберской волости, где она показана на карте С. У. Ремезова [Ремезов, 2006. Л. 14 (25)]. Вместе с высланной в феврале 1618 г. к ним на помощь из Томска дополнительной группой конных казаков во главе с казачьим головой Молчаном Лавровым и татарским головой Осипом Кокоревым служилые всё же добрались к весне до устья Кондомы, где не позднее 3 мая возвели укрепления в виде забора-частокола и срубную избу-казарму. Первый Кузнецкий острог располагался предположительно недалеко от прежнего городка абинского князька Базаяка, упоминание о котором исчезло из русских документов [Миллер, 2005, с. 443–444; Кузнецкие акты…, 2000, с. 55–56; Добжанский, 2002, с. 221; Огурцов, 2005, с. 97]. Первым воеводой острога остаётся Остафий Харламов, которого вскоре сменяют сын боярский Бажен Карташёв и татарский голова Осип Кокорев с 8 годовальщиками [Ширин, 2018, с. 13].

При кузнецком воеводе Авдокиме Баскакове к концу первой четверти XVII в. постепенно формируется самостоятельный Кузнецкий уезд. Первоначально его территория ограничивалась прилегавшими к острогу заимками с пашнями служилых людей, а с 1648 г. – землями Христорождественского монастыря. Номинально под власть кузнецких воевод попали и ясачные волости окрестных абинцев, верхне-кондомских и мрасских бирюсинцев. Однако реально далеко не все волости «иноземцев» признавали новую власть кузнецких воевод,

отчего долгое время не было чёткого представления ни о численности ясачных, ни о границах уезда. Так, согласно отписок кузнецкого воеводы Голенищева-Кутузова, только в 1627 г. были объясачены некоторые Кондомские волости и «Киченская земля» в верховьях Мрассу, а остальные мрасские «захребетники» так и не дали в тот год ясака [Кузнецкие акты…, 2000, с. 122]. Больше всего от карательных рейдов служилых русских людей пострадали ближайшие абинцы, а последний из упомянутых в документах их князьков был некий Урушпайка, юрты которого стояли по речке Рушпайка, протекавшей вблизи Кузнецкого острога в черте современного г. Новокузнецка. При перестройке острога в 1620 г. этот непокорный Урушпайка был пленён и впоследствии сгинул, многие его люди были убиты, а «…жон и детей в полон поимали». Та же участь постигла сына князька Етеберской волости – Базарака, а также многих его воинов, «…жон их и детей» [Добжанский, 2013, с. 107].

Вероятнее всего, к 1622 г. абинцы окончательно присягают русскому царю и платят ясак кузнецким воеводам, а их большие семьи – тёли с паштыками и старейшинами стараются поселиться поближе к Кузнецкому острогу. Воеводы за освобождение от уплаты ясака определили их на «подводную гоньбу», а некоторые из способных мужчин стали участвовать за небольшое вознаграждение в совместных с казаками боевых операциях

Казачий рейд на стругах для покорения аборигенов.

как томские татары-еуштинцы. Однако только с 1652 г. абинцы числом в 20 человек начинают упоминаться в численном составе кузнецкого гарнизона [Кауфман, 2007, с. 149]. Наиболее дальновидные абинцы крестятся, а крещёные и миловидные молодые абинки охотно создают семьи с «осевшими на пашню» русскими служилыми людьми.

Со всех сторон Кузнецкий уезд был окружен «немирными землицами» джунгарских кыштымов – енисейских кыргызов и приобских телеутов. Долгое время Кузнецк сообщался с Томским городом в лодках по р. Томи или конно-пешим путем по долинам и водоразделам рек Ускат, Бачат, Иня и Искитим. Зачастую в первые годы после строительства острога происходили «измены» ясачных волостей. Так, в отписке кузнецкого воеводы Ивана

Карта Кузнецкого уезда. 1736 г.

Схватка казаков с кочевниками.

Волконского за 1629 г. указывается, что кондомские волости «все отложились, а твоего государева ясаку на нынешний год не хотят дати» [Кузнецкие акты…, 2000, с. 144]. Окончательно территория Кузнецкого уезда оформилась после угона енисейских кыргызов джунгарами в 1703 г. из долины Абакана через долины рек Ортон, Мрассу и Кондома. Стараниями участников Академической экспедиции и военных инженеров-геодезистов были определены топографические границы Кузнецкого уезда, намечена трасса Томско-Кузнецкого тракта [Абдыкалыков, 1986, с. 85; Огурцов, 2005, с. 78–79].

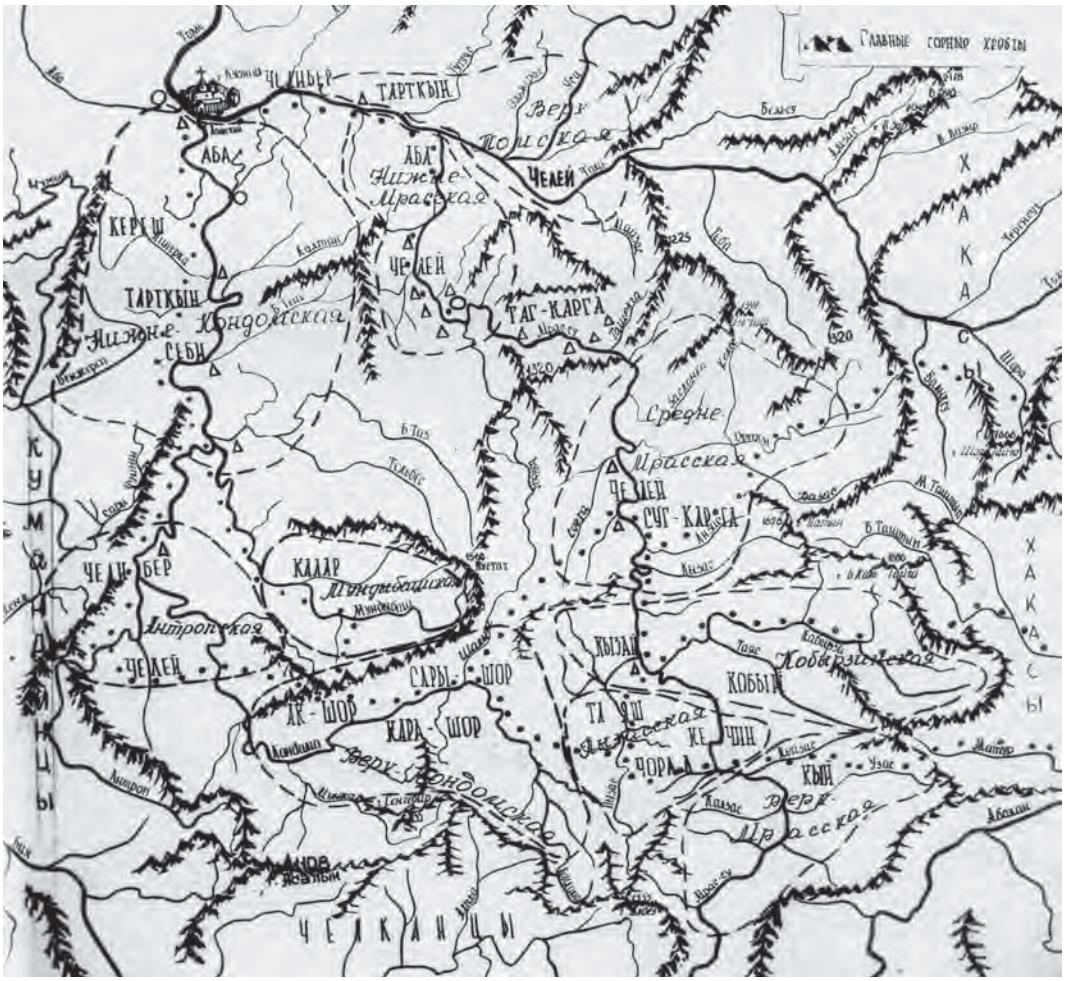
С появлением русских деревень Кузнецкий уезд состоял из острога и приписанных к ним ясачных улусов и волостей. Волости были созданы для облегчения сбора ясака у аборигенов Притомья и являлись податными, а не территориальными единицами. Приводимая к «шерти» для уплаты ясака новая кровнородственная группа кузнецких татар заносилась в официальные списки по названию своего рода-сёока, как, например, волости Карга и Ковы или по имени старейшины группы больших семей – «*тёлей*»: улус Бежбояков, Едеев и др. [Долгих, 1960, с. 104]. Во главе образованной волости и улуса назначался или избирался паштык (глава), или, как его чаще называли источники XVII в., «князец», который ежегодно сообщал

царским служилым людям о количестве своих плательщиков ясака. Во внутреннюю жизнь волостей и улусов воеводы обычно не вмешивались, ограничиваясь контролем за сдачей ясака и учётом ясачных. Некоторые ясачные волости считались «многоданцами»: ясак платили русскому царю, а алман – кыргызам, телеутам и джунгарам [Шерстова, 2005, с. 89–90, 104 и др; Каменецкий, 2005, с. 67 и др].

Русская колонизация сопровождалась активным проникновением в Западное Притомье с 1620-х гг. «выезжих на государево имя» небольших групп «белых калмыков» или приобских телеутов, добровольно принимавших подданство русскому государству [Уманский, 1980, с. 187; Томилов, 1992, с. 66]. Это привело к ассимиляции местных оседлых тюркоязычных «томско-кузнецких татар» – тогулов, тюльберов, ач-кыштымов и части абинцев. Выезжие телеуты также внесли вклад и в формирование новых этнических образований Притомья: бачатских телеутов, татар-калмаков и исторических предков современных шорцев.

Кроме официальных названий волостей (а впоследствии – и управ) употреблялись и народные, образованные от названий входивших в управу сёоков. Например, Таяжская волость, где преобладал сёок *таяш*, официально называлась Мрасско-Изушерской; Каларская волость называлась Кондомо-Итеберо-Шерогашевой. Были названия волостей, отражающие их местонахождение: Осиновская – от улуса Осинники, официально же она называлась Кондомо-Барсиатская [Записки миссионера…, 2008, с. 77–91].

В 1745 г. инженер-капитан Сергей Плаутин был командирован командованием Сибирского корпуса для проведения полевых военно-ин-



Карта расселения шорских родов-сёоков XVII–XVIII вв. Рис. Е. В. Попова.

женерных исследований и экспертных работ по обустройству новой пограничной линии от Кузедеевского форпоста до Телецкого озера и далее до Саянской крепости Красноярского уезда. В составленных им описаниях и картах новых территорий содержатся редкие сведения по административному устройству Кузнецкого уезда и хозяйственных занятиях предков современных шорцев – кузнецких татар [Огурцов, 2008, с. 161–162].

От г. Кузнецка по тракту в сторону Телецкого озера первая «татарская» волость Кузнецкого ведомства – Барсояцкая (Кондомо-Барсиатская в XIX в.) располагалась в 68 верстах по обоим берегам Кондомы (в районе современного г. Осинники). Ясак барсиатцы в количестве 37 душ м. п. платили исправно только русским властям в Кузнецк. Занимались хлебопашеством, высевая на плодородных землях в небольших количествах ячмень, пшеницу, рожь, ярицу, а остальной хлеб докупали у русских крестьян Кузнецкого уезда. Несмотря на удобные пастбища, разводили только лошадей. Главным занятием была охота.

Вторая Тагавская (точнее, Тагабская – *авт.*) располагалась в 45 верстах от ставки паштыка Барсиацкой волости по обоим берегам левого притока Кондомы – реки Сары-Чумыш и составляла 39 плательщиков мужского пола, платят ясак также только русским властям. В небольших количествах высевают яровой хлеб: ячмень, пшеницу, ярицу, остальное покупают у русских крестьян. Занимаются коневодством, но главным занятием считается охота.

Неясным остается название третьей волости – Баштинской, отмеченной по обоим берегам Кондомы в 35 верстах от Барсиатской, с которой сообщались летом лодками по реке или конными тропами, для чего разводят небольшое количество лошадей, а зимой передвигаются только на лыжах. Лошадей используют также для доставки продовольствия на охотничьи станы. Ярового хлеба – ячменя, ржи, ярицы из-за каменистой почвы высевают очень мало, у русских крестьян не докупают, а питаются в основном «одним звериным мясом». Эти группы кузнецких татар оставались двоеданцами – платили ясак в Кузнецк с 34 душ

мужского пола (д.м.п.) и «алман Зенгорскому владельцу». Вероятно, это Бежбоякова волость.

Далее вверх по обоим берегам Кондомы в 37 верстах от Бежбояковой располагалась четвертая, также двоеданческая Елейская волость в составе 31 д.м.п., жители которой «судом и расправой больше ведают к России. Из-за каменистой почвы хлебопашество и коневодство развиты были слабо. Сеют один ячмень, который и то плохо созревает, отчего питаются в основном «одним звериным промыслом». Сообщение и доставка груза летом – лодками или «верховой ездой вьюками».

Пятая, также двоеданческая Шерская (точнее, Шорская – *авт.*) волость находилась в 70 верстах от Елейской, до которой можно добраться летом из-за мелководья «токмо верховой ездой, зимой на лыжах». Местные татары-шорцы в количестве 75 д.м.п. «судом и расправою больше ведают к России». Из-за каменистой почвы хлебопашество (сеяли только ячмень, который и не всегда вызревает) и коневодство развито слабо, а развит только «звериный промысел».

В сторону Саянской крепости от Кузедеевского форпоста по обоим берегам Кондомы и её правому притоку Тильбесу (точнее, Тельбесу – *авт.*) располагалась Катунская волость (в районе улуса Подкатунского XIX в., ныне станция Подкатунь). Местные жители в количестве 30 д. м. п. платили ясак только в Кузнецк, отдалённый от Катунской волости на 50 верст. Занимались хлебопашеством, высевая яровые: ячмень, пшеницу, рожь ярицу, но более покупают его у подгородних русских крестьян. Занимались коневодством, но более охоой. Примечательно, что только про них С. Плаутин отметил, что

они «…имеют у себя довольно руд железных и сами оную плавят».

Далее в 32 верстах от Катунской волости по обоим берегам правого притока Кондомы – Мандамашу (точнее, Мундыбашу – *авт.*) располагалась двоеданческая Четтиберская (Етиберо-Шерогашева в XIX в.) волость, жители которой «судом и расправою больше ведают к России». Алман платят «зенгорскому владельцу» выплавленным железом, а в Кузнецк сдают ясак пушниной. Из-за гористой местности сеют только ячмень, который и то часто не вызревает. Хлеба у русских крестьян не докупают и питаются «звериным мясом». Связь с соседними волостями летом «токмо верховой ездой и зимой пешей на лыжах».

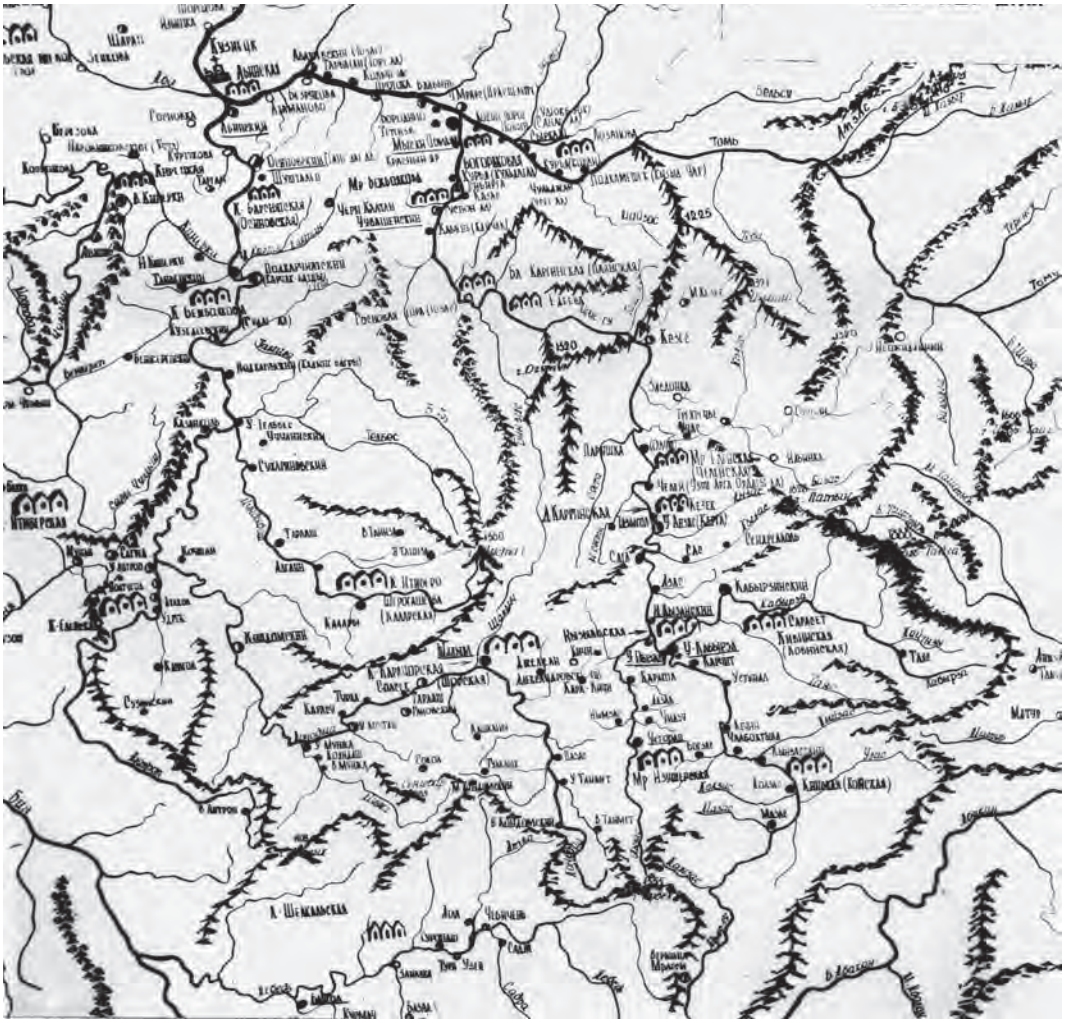
За ранее описанной Шерской волостью по обоим берегам реки Мрассу обитали татары «двоеданные» Мрасской волости в количестве 45 д. м. п., которые «судом и расправою больше ведают к России». На каменистой почве сеют яровой хлеб: ячмень, пшеницу «самое малое число», да и то они «более на горах позябают». Дополнительно хлеба не докупают ни в Кузнецком, ни в Красноярском уезде, а «более питаются звериным мясом». Сообщение с волостью «токмо верховой ездой, а зимой на лыжах».

Последняя, где проживали исторические предки современных верхнеабаканских шорцев, Бельтирская волость располагалась по обоим берегам реки Таштып, а её жители в количестве 50 д. м. п. хотя и платили ясак как в Кузнецк, так и «алман Зенгорскому владельцу», но «судом и расправою больше ведают к России». На каменистой почве умудрялись выращивать «самое малое число» ярового хлеба: ячмень, пшеницу, которые «более на горах позябают». Хлеба как у соседних степных сагай-

цев, так и у русских крестьян не докупали, а питались «более звериным мясом». Занимались также коневодством и овцеводством.

После преобразования волостей в управы в XIX в. количество последних уменьшилось. Так, например, в состав образованной Карачерской управы вошли Карачерская и Сарачерская волости, в состав Мрасско-Бежбояковой управы – волости Кузнетеева и Изнерчева, обозначенные на карте С. У. Ремезова в низовьях Мрас-

Карта шорских волостей Кузнецкого уезда конца XIX – начала XX вв. Рис. Е. В. Попова.



су. Названия остальных управ в большинстве совпадали с прежними названиями вошедших в них волостей. Управы, как и прежние волости, были административными единицами, к которым приписывалось родственное население из нескольких сёоков во главе с паштыком (от слова *паш* – голова), выбираемым из самого многочисленного сёока или наиболее влиятельных семей. Через паштыка все сородичи, где бы они ни проживали, должны были платить ясак в управу, к которой были приписаны. Паштык только этой управы мог решать их судебные дела [Записки миссионера…, 2008, с. 154–155].

Ещё в XVIII в. паштык выполнял обязанности предводителя при облавной коллективной охоте, в отражении набегов кочевников и карательных рейдов русских казаков. Переход кузнецких татар к пушной индивидуальной охоте

Шорские паштыки (со знаком на груди). Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15947-66.

в XIX в. по мере повышения спроса со стороны царской администрации и требования сдачи ясака пушниной выборная должность паштыка постепенно стала наследственной. Развитие пушной охоты и сосредоточение в его руках ясачной пушнины способствовало накоплению относительных богатств в отдельных семьях, из которых обычно и выбирался паштык [Кимеев, 2014б, с. 75].

Наиболее влиятельные и преданные власти паштыки были отмечены наградами, а защищавших интересы только своей общины и религиозных традиций преследовали. Так, царь Алексей Михайлович Романов в 1651 г. пожаловал»…Кузнецкого уезду, Мраские волости князцу, Кунестейку Изерекову да улускому человеку Карачайку Ишлычакову, за их к нам службы и за радение, в их улусе князцу Кунестейку лутчим человеком князцом, а улускому Карачайку в улусе улусным яскулом» [Потапов, 1936, с. 233]. В конце XVIII в. император Павел I жаловал большую золотую медаль на Анненской ленте за верную 30-летнюю службу «князцу» Токмашу – деду шорского паштыка Эбиске, в крещении Илье Васильевичу Токмашеву [Записки миссионера…, 2008, с. 194].

После отмены наследственности паштыков многие из них путём подкупа царских чиновников, угощения и агитацией своих сородичей противостоять русским смогли сохранить свои должности. Действующий паштык и претенденты разъезжали перед выборами по улусам, обильно угощали мужчин, уговаривая голосовать на выборах именно за них. Историческая практика показывает, что обычно паштыки избирались из одного и того же, самого влиятельного тёля: к примеру, жители Ковинской волости (сёок кобый) избирали паштыков из тёля

Николай Васильевич Торчаков. Председатель Усть-Анзасского сельсовета (1950–1963 гг.)
Фото из личного архива Л. П. Отургашевой.

Дмитрий Николаевич Торчаков – председатель сельсовета и глава Усть-Анзасской сельской территории (1963–2003) с семьёй.

Василий Петрович Отургашев – глава Усть-Анзасской сельской территории (2003–2015 гг.) Фото В. М. Кимеева. 2005 г.

Шулбаевых. Примечательно, что эта практика сохраняется до сих пор. Так, в посёлке Усть-Анзас на смену ушедшему на пенсию Дмитрию Николаевичу Торчакову из сёока челей был избран его родственник (муж племянницы) Василий Петрович Отургашев из сёока карга, предки которого до советской эпохи всегда избирались паштыками Дальне-Каргинской волости.

В начале XX в. на выборном собрании «паштык тутарга кылыг» т. е. на «собрании держать паштыка» присутствовать могли только взрослые мужчины и юноши, которые предварительно на общественные деньги варили мясо, выгоняли самогонку-араку, угощая ими всех выборщиков в течение двух-трёх дней. Паштык также не скупился на угощение за свой счёт, понимая, что все расходы окупятся. По традиции все присутствующие тут же клали на бочку деньги – каждый по достатку [Потапов, 1936, с. 234].

По должности паштык раскладывал по плательщикам ясак на общем собрании и ежегодно собирал его после охотничьего сезона, вёл судебные разбирательства мелких дел членов своего чона, организовывал транспорт и поездки чиновников и миссионеров по улусам. При этом сам паштык освобождался от всяких податей и повинностей, от наказания розгами. Он не получал за службу никакого жалованья, компенсируя упущенную выгоду взятками, махинациями при сборе и доставке пушнины в Кузнецк, где по прибытии сбывал качественные шкурки торговцам, закупая у них низкосортицу и сдавал в казначейство. Разница после закупки нужных товаров обычно пропивалась на пирушках с паштыками из других чонов или с «лутчими людьми».

В начале XX в. так называемую «добавку» паштык извлекал, занижая возрастную нижнюю планку юношам, подлежащим сдаче ясака, с 18 до 16 лет, взимая с них шкурки стоимостью от минимума – 30 коп. до полной подати в 2 руб. Помимо этого паштык не гнушался разовыми взятками деньгами, пушниной, орехами, мёдом, хлебом, самогоном, золотом, самодельным или покупным товаром [Потапов, 1936, с. 235]. В выполнении другой обязанности – переписке на русском языке с полицейским управлением и другими ведомствами – неграмотным паштыкам и есаулам (помощникам паштыка) в XIX – начале XX вв. обычно помогали православные миссионеры [Кимеев, 2016б, с. 62–64].

Судебные заседания проводились паштыком в таёжных улусах в присутствии 5–6 стариков-сородичей (паштык тынаргыштар). В больших улусах, особенно вблизи Кузнецка, при паштыке были выборные от управы судьи в количестве 12 наиболее уважаемых и деловых сородичей. Такая своеобразная судебная коллегия восседала за столом, летом во дворе дома паштыка, зимой – в избе, вынося приговор большинством голосов, хотя иногда это мог решать и сам паштык единолично. Наказывали штрафом или поркой розгами, хотя любой мог этого избежать за определенную взятку «сый», которую за неимущих могли заплатить родственники или зажиточные соседи за отработку. При отягчающей ситуации размер взятки доходил до 200 руб., часть из которых паштык передавал уряднику. Наказание (до 25 ударов розгами) осуществлял специальный «шорский экзекутор» – *сазол*.

Фёдор Иванович Кадымаев – глава Усть-Анзасской сельской территории с 2017 г.

Паштык на общественные деньги нанимал работников из числа бедных сородичей для обслуживания своего хозяйства, мотивируя это

собственной занятостью «общественными» делами, и фактически превращал их в батраков или домашнюю прислугу. Некоторые паштыки не гнушались давать деньги в рост под проценты («парыш» т. е. барыш). Нажить же большое богатство при таком лихоимстве паштыкам мешало банальное коллективное пьянство во время многочисленных встреч и праздников [Потапов, 1936, с. 36].

Паштыку принято было оказывать своеобразные почести: во время визита к нему посетитель снимал картуз или шляпу, клал её подмышку и стоял у дверей, пока паштык не приглашал его пройти к столу. Неуважением считалось пересечь ему дорогу, нелестно о нём отзываться, осуждать его приговоры и раскладку им ясака. Верховские, таёжные шорцы неоднократно рассказывали советскому этнографу Л. П. Потапову о жестокости и самодурстве некоторых паштыков, как, например, Сандры

Сход в улусе Усть-Анзас. Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15947-67.

Кусургашева с верховьев Мрассу или Кучигешева из Тетензы, которые предпочитали передвигаться зимой по замерзшей Мрассу сидя в нартах, которые тащили несколько подданных [Потапов, 1936, с. 237].

Подобно описывал личность паштыков и А. В. Адрианов: «…башлык потерял прежние прерогативы и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа» [Адрианов, 1884, с. 294].

По сравнению с этими свидетельствами странными выглядят публикации в прессе и научных сборниках современных представителей местной национально-политической элиты о «героической и гуманитарной» роли паштыков в истории шорского народа. Возрожденный ныне институт шорских паштыков мало чем отличается от лидеров национально-культурных центров или фольклорных ансамблей и существует формально.

После административной реформы в Кузнецком уезде в 1912–1913-х гг. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости с «оседлыми инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых и территориальных связей, потере локальной этничности и ассимиляции в окружении увеличивающегося по численности русского населения в процессе переселен-

Сельский сход с землеустроителями. Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15866-45.

ческой политики российского государства. Институт паштыков был упразднен, а с ним и старая форма сбора налогов, традиционное самоуправление и организация системы судопроизводства. Семьи кузнецких «татаро-шорцев» были административно прикреплены по месту проживания, что улучшило систему учёта и сбор налогов. Тем самым было окончательно устранено препятствие для проникновения капиталистических отношений к коренному населению Кузнецкой тайги, что ускорило процесс расслоения шорцев на нищих промысловиков и зажиточных торговцев – танышей. С тех пор в населённых пунктах, особенно с преобладанием русских, стала проявляться межэтническая напряженность. [Садовой, 2003, с. 140]

В результате реформ были образованы: Томская волость (волостное правление в улусе Балбынь), с охватом земель и населения верховьев Томи и вверх по Мрассу до Хомутовских порогов; Мрасская (правление в улусе Усть-Анзас) и Верхне-Кондомская (правление в Кондомском стане) волости, включавшие все улусы с преобладанием «инородческого» крещёного населения верховьев реки Кондомы. С 1915 г. в рамках образованных сельских обществ на основе приговоров шло формирование органов самоуправления, выборы должностных лиц и судей из представителей как русских крестьян, так и «татаро-шорцев».

Локальные группы предков шорцев в конце XIX – начале XX вв.

Сопоставление лингвистических, этнографических и антропологических данных о «кузнецких инородцах» конца XIX – начала XX вв., собранных в местах компактного проживания отдельных сёоков и тёлей XVIII–XIX вв., позволяет нам выделить следующие этнолокальные группы кузнецких татар, слившиеся уже в советский период в составе Горно-Шорского национального района в единый шорский этнос.

БИРЮСИНСКАЯ ОБЩНОСТЬ подразделялась на 4 мрасские этнолокальные группы выше Хомутовских порогов и 1 верхнекондомскую группу южнее современного Большого шорского хребта.

1. ***Среднемрасская группа*** наиболее компактно сосредоточилась в живописной долине реки Мрассу и по её крупным притокам – Ортону, Суете, Анзасу, Казасу. Состояла она из двух сёоков – *карга* и *челей* и, видимо, отдельных семей сёока *сайин*. Потомки первых сёоков до сих пор сохраняют особый среднемрасский говор и наибольшую однородность антропологических признаков. Среди множества мелких аилов и улусов заметно выделялся улус Усть-Анзас – древний этнокультурный центр мрасских шорцев-бирюсинцев. Под влиянием Мрасского отделения Алтайской православной духовной миссии и семей русских приискателей «бергалов» к началу XX в. здесь стали строить избы-пятистенки и амбары, пользоваться железной и глиняной утварью, носить одежду

Карта локальных групп шорцев. Конец XIX – начала XX в.

фабричного производства [Записки миссионера…, 2008, с. 88]. В праздничной одежде мужчин появился сюртук, шёлковый кушак, бархатный картуз, высокие сапоги с красными отворотами и кисточками. Большинство местного населения к началу XX в. приняло христианство, что коренным образом изменило их мировоззрение. В миссионерской школе улуса Усть-Анзас начиная с 1883 г. ежедневно обучались от 15 до 20 человек.

Название *карга* служило эпонимом большей части тюркоязычного населения, обитавшего в среднем течении Мрассу, от порогов до устья реки Кызас. В конце XIX в. сёок *карга* подразделялся на два кровнородственных – *танг-карга*

(горные карга) и *сунг-карга* (водяные карга), каждый из которых составлял отдельную волость: первый – Ближне-Каргинскую (т. е. ближнюю от г. Кузнецка), называемую ещё неофициально Паянской, второй – Дальне-Каргинскую, иногда называемую просто Каргинской. Юрты паштыка Дальне-Каргинской волости находились в улусе Усть-Анзас (старое название «Ангыс-Пелтре» или Карга). Месторасположение ставки паштыка Ближне-Каргинской волости в документах не отмечено, но основная часть населения волости располагалась в XVII–XVIII вв. по реке Ортон – правому притоку реки Мрассу, а в XIX в. – в улусе Сосновая Гора (Тозас) и в улусе Казас на правом берегу низовьев Мрассу [Вербицкий, 1871, с. 244]. Часть семей сёока *танг-карга*, по данным С. К. Патканова, отселилась ещё в XVIII–XIX вв. в улус Усть-Танчульский верховьев Абакана. В списке населённых мест Томской губернии на 1911 г. Ближне-Каргинская волость уже не числилась [Патканов, 1911б, с. 278].

Ясачные Дальне-Каргинской волости жили в улусах смешанно с тёлями сёока челей Мрасско-Елейской волости, а Ближне-Каргинской – с тёлями сёоков *челей*, *чедибер* и *аба* Мрасско-Елейской, Мрасско-Бежбояковой и Едеевой волостей низовьев Мрассу. Значительная часть сёоков *танг-карга* и *сунг-карга* в XIX в. обитала по рекам Таштып и Есь – притокам верховьев Абакана, где они составляли Дальне- и Ближне-Каргинские административные роды Степной думы соединённых разнородных племен Минусинского уезда [Потапов, 1957, с. 261].

В настоящее время потомки этих переселенцев помнят о своей прежней родине на Мрассу, но осознают себя уже частью хакасского этноса. Мрасскими каргинцами считают себя

Отургашевы, Мортаевы, Кирсановы, Кадымаевы. Выявленные нами в верховьях Кондомы потомки кондомского сёока *карга* – Курдаковы и Чудековы назвали свой этноним «*куванды*», то есть кумандинцы. Причём большая часть этих фамилий, по данным наших информаторов, сейчас фиксируется в Алтайском крае. Поэтому правильнее их считать частью кумандинского этноса.

Происхождение входивших в этнолокальную группу сёоков, вероятно, различное. Принято считать, что название сёока *карга* имеет тотемное происхождение и переводится как «ворона». Примечательно, что жители посёлка Усть-Анзас, считающие себя потомками каргинцев, в отличие от других шорцев до сих пор

Молодые женщины с детьми. 1927 г. Фото Н.П. Дыренковой. МАЭ. Колл. №3662-88

называют ворону «*кара-тан*», то есть «чёрная галка». Э. Ф. Чиспияков, не приводя веских доказательств, утверждал, что мрасский род карга кондомского происхождения, хотя и преобладал по численности на Мрассу [Чиспияков, 2004, с. 53, 118]. Но Г. В. Косточаков считает, что среднемрасский род *карга* – древнекетского происхождения. Вместе с другими мрасскими родами – *кобый, кызай, кый, кечин* – сёок *карга* восходит к древнему кетскому этнониму, существовавшему в нескольких фонетических вариантах – *кыйо // койо // коб (кыб)* [Косточаков, 2013а, с. 66].

Родовые охотничьи угодья и древняя родовая территория мрасских каргинцев находились у горы Шор-Тайга и по реке Теренсу в верховьях Томи, для ближней охоты использовалась тайга вблизи их родовой горы Патын по водоразделу Мрассу и Абакана [Потапов, 1936, с. 134; Потапов, 1947б, с. 115–116]. Это подтверждают сагайские предания, в одном из которых говорится, что «…колена горных и водяных каргинцев» пришли к сагайцам с горных речек Кузнецкой тайги». Из других преданий также следует, что абаканские «…каргинцы прежде жили по реке Мрассу и занимались охотой, а после разделения Сибири на Восточную и Западную одна часть каргинцев стала подчиняться г. Кузнецку Томской губернии, а другая – г. Минусинску Красноярской губернии», и также что «…водяные Карга живут ныне по рекам Тея, Есь, а прежде жили у хребта Колим на берегу Мрассу. Горные Карга, живущие теперь по рекам Бур, Таштып и Есь, жили раньше у хребта Кара-Таг на берегу Мрассу» [Катанов, 1909, с. 272].

Ещё в одном предании сообщается: «Против хребта Колим, на другой стороне Мрасса есть ещё одна гора, называемая Кара-Таг. Соб-

ственно имя Кара-Таг носят ещё две горы, это – горы, у которых жили предки горных каргинцев. Часть нашего народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы своим тестем, а наши здешние тестем не называют. Наши шаманы во время камлания упоминают эти горы. Говорят, что на той мрасской горе Кара-таг есть каменная колыбель. Эту колыбель видели прежде, а теперь не могут видеть её. Эта колыбель была колыбелью прежних наших отцов».

В следующем предании повествуется: «В ту сторону, на берегу Мрасса есть ещё один хребет, по имени Колим. Водяные Карга называют его горою, у которой жили их предки. Они приглашают шаманов камлать на этой горе и приносят ей жертву. Но женщины не считают эти горы своим тестем». И, наконец, в последнем предании, записанном тем же Н. Ф. Катановым, сообщается: «Наши водяные каргинцы пришли с речки Мрасс, спустившись с чёрных гор. Предками их были два брата, которые, деля перья орла, рассорились и разошлись: один брат сделался водяным каргинцем, а другой – горным каргинцем. Потомки братьев этих каргинцев и теперь живут по Кабир-Сугу и Мрассу» [Потапов, 1957, с. 261–262].

Этнограф Н. П. Дыренкова записала в улусе Карчит на реке Анзас подобную легенду, только там сообщается о трёх братьях: «Прежде три брата на реке Мрассу жили. Три брата (там живут), крылья лебедя не могли разделить, спорили между собой, поссорясь, разошлись. Три брата на три стороны разошлись. Один из них – водяной Карга, один из них – горный Карга, один из них – саин Карга. (Так) жить стали» [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122–123; 2012, с. 33].

Все эти легенды, подкреплённые такими данными этнографии, как, например, употреблением абаканцами-скотоводами при молениях родовой горе Патын в качестве жертвы характерной для таёжных шорцев растительной пищи и рыбы, а не мяса домашних животных, позволили Л. П. Потапову утверждать о «шорском» происхождении сёоков *танг-карга* и *сунг-карга* [Потапов, 1957, с. 264–265].

Однако существует противоположное, тоже основанное на материалах фольклора, мнение о «бирюсинском» и «кыргызском» происхождении каргинцев. По легенде, записанной В. Я. Бутанаевым от сагайца Карсе Боргоякова аила Халар, следует, что «…подразделение каргинцев – *Сунг-Харгазы* (Ближне-Каргинский род) является исконно «кыргызским родом». Другая группа каргинцев – *Танг-Харгазы* (Дальне-Каргинский род) своей прародиной считала долину Мрассу, где находилась их родовая гора

Мрасские шорцы-каргинцы. Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15866-26.

Харатаг, давшая название роду *харга*» [Бутанаев, 1983, с. 71]. Родовой горой Карадаг являлась также и для мрасского сёока *кызай*, обитавшего в устье реки Пызас.

Вероятно, все эти предания в какой-то мере отражают события, связанные с миграциями каргинцев, однако в них нигде не говорится о принадлежности этих сёоков к шорцам, сагайцам или бельтирам. Что же касается местонахождения родовых охотничьих территорий и гор для обеих частей сёока карга, то они располагались не на территории современной Шории и Хакасии, а в пограничье между ними, в Кузнецком Алатау. Поэтому утверждения о «шорском» или «хакасском» происхождении каргинцев равнозначны.

Родство каргинцам соседнего сёока сайин подтверждается легендой о трёх братьях, записанной Н. П. Дыренковой [Дыренкова, 1940, с. 309]. Потомки этого «шорского», по Л. П. Потапову, сёока *сайин* до сих пор сохранились среди хакасов [Потапов, 1957, с. 395]. Примечательно, что последнее обстоятельство, а также легенды, лично записанные у хакасов, позволили этнографу В. Я. Бутанаеву назвать *сайин* сёоком местного древнехакасского происхождения [Бутанаев, 1983, с. 70]. Не вдаваясь в полемику, можно утверждать, что большинство сайинцев всё же отселилось в верховья Абакана, и называть этот род «шорским» нет никаких оснований, так как только отдельные оставшиеся семьи могли вместе с каргинцами войти в состав формирующегося шорского этноса. Подтверждением тому может служить факт полного отсутствия потомков – фамилий этого сёока среди современных шорцев. Поэтому и рассуждения о наличии в родовом составе народов Саяно-Алтая «самодийского сёока сайин»

[Васильев, 1974, с. 140] могут быть справедливы только в отношении хакасов.

Третий сёок – *челей*, входивший в состав среднемрасской этнолокальной группы зафиксирован всеми исследователями как в низовьях Мрассу, так и в среднем течении Кондомы. Юрты паштыка Мрасско-Елейской волости находились в улусе Ордагыаал (*Узун-арга* или Средний Челей) [Вербицкий, 1871, с. 244]. Юрты паштыка другой, Кондомо-Елейской волости находились в низовьях левого притока Кондомы – р. Антроп. Такой характер расселения челейцев наблюдался с XVII в., исключая нижнемрасских, которые проникли сюда, по утверждению Л. П. Потапова, в середине XVII в. [Потапов, 1969, с. 140]. Действительно, на карте С. У. Ремезова Елейская волость нанесена в среднем течении Мрассу и по реке Кондома [Бородаев, 2007, с. 53].

Дети мрасских челейцев. Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15866-11.

Из хакасской легенды следует, что челейцы верховьев Томи переселились из Сагайской степи [Боргояков, 1973, с. 143]. Л. П. Потапов считал сёок челей телеутским по происхождению [Потапов, 1969, с. 40]. В подтверждение своей гипотезы он отмечал сходство «многих» элементов духовной культуры телеутов и кондомских челейцев, а также факт наличия «телеутских Кучуковых юрт» на реке Томи ниже современного г. Кемерово. Кучуковы – одна из современных фамилий потомков шорско-кондомских челейцев. Своеобразную этимологию эпонима *челей* предложил новокузнецкий лингвист Г. В. Косточаков [Косточаков, 1998в, с. 42–47].

Проникновение челейцев в горно-таёжные районы началось, видимо, ещё до прихода русских и происходило в несколько этапов. Одна из групп вначале заселила среднее течение Кондомы и оттуда продвинулась на реку Чумыш, в то время как другая через долину Суеты вышла к реке Мрассу. Заселение верховьев Томи могло происходить из Сагайских степей какой-то третьей группой челейцев. Примечательно, что потомки каждой из этих групп имеют особый набор фамилий.

Неясной остаётся причина раскола челейцев и изменение традиционного хозяйства мрасской и верхнекондомской групп после переселения из лесостепных районов. Так, в конце XIX в. две южные группы превратились в настоящих пеших таёжных охотников, имевших в пределах своей новой родовой промысловой территории культовую гору Мустаг.

К среднемрасским челейцам относят себя Торчаковы, Тортумашевы, Кискоровы, Топаковы, смешавшиеся с каргинцами Усть-Анзасской сельской территории Шерегешского городского поселения.

Часть потомков челейцев по реке Кондоме – Камзараковы, Пилины, Сурбашевы, Сулековы, Чебаковы, Эмековы были записаны в паспорте шорцами, но причисляли себя к кумандинцам. По их сообщениям, в Алтайском крае проживают их близкие родственники с такими же фамилиями, но они были записаны в паспортах кумандинцами, а их дети и сейчас сохраняют кумандинское самосознание. Более того, родители некоторых представителей этих шести шорских фамилий ранее также были записаны кумандинцами. В своих дневниках этнограф Н. П. Дыренкова также утверждала, что «земли по Антропу всегда считались чуждыми шорцам» [Дыренкова, 2012, с. 36].

2. ***Кабырзинская группа*** включала сёоки *кобый* и *кызай* и занимала долину реки Мрас-

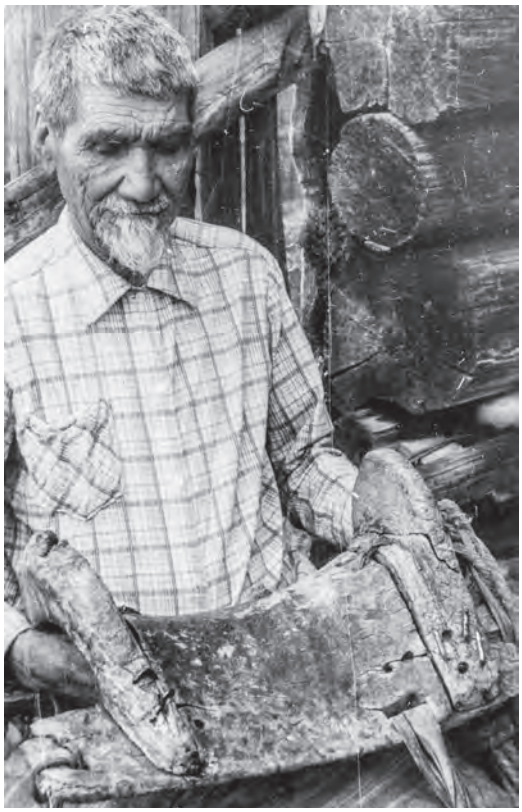
Молодежь у летней юрты. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Инв. № 3662-40.

су от улуса Сага до устья реки Кабырзы, а также вверх по реке Кабырзе до самых верховьев. Местные жители говорили на особом кабырзинском говоре мрасского диалекта и имели некоторые отличительные внешние признаки. Занимались охотой, рыболовством и лишь некоторые семьи кызайцев – пчеловодством и скотоводством. До начала XX в. в жилище преобладали традиционные юрты и одаги. У мужчин-охотников на голове был повязан платок [Вербицкий, 1871, с. 242].

Это родовое название есть во всех известных списках родового состава шорцев. Сёок кобый в середине XIX в. составлял отдельную Кивийскую или Кобыйскую волость (45 различных фамилий), аилы которой располагались по реке Кабырзе и её притокам. К концу XIX в. характер поселений меняется. Вместо восемнадцати мелких аилов переписью 1897 г. зафиксировано два улуса Кивинской волости по реке Кабырзе, третий – по её левому притоку Таясу, четвёртый – по реке Анчуль, притоку Абакана. Кроме того, отдельные семьи кобыйцев (*хобый* по-хакасски) жили в улусах по рекам Таштып и Сея Аскизской инородческой управы.

После 1912 г. потомки кобыйцев оказались в Кобуйском и Кабырзинском обществах Мрасской волости и с тех пор проживали в основном в Усть-Кабырзинском сельсовете, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинском сельском поселении.

В настоящее время семьи Шулбаевых, Шишканаковых, Сосканаковых, причисляющие себя к сёоку кобый, продолжают составлять основную часть шорского населения Усть-Кабырзинской сельской территории, а также проживают в г. Таштагол, посёлках Шерегеш, Спасск и Калары.



Верхнеабаканский шорец Петр Шулбаев с деревянным седлом *езер*. 1985 г. Фото В.М. Кимеева.

Промысловая территория находилась, как и у сёока *кызай*, для большой, дальней охоты, – в верховьях Томи и по её притокам – Козуголу, Тузак-сугу, Кый-сугу, Кызыл-ашу, а для ближней охоты – по правому притоку Кабырзы – Сензасу. Отдельные кобыйцы промышляли на территории своих родственников сёока *кызай* [Потапов, 1947б, с. 134]. По сообщению нашего информатора Шулбаева Петра Ептисовича, 1905 г. рождения, шорца из посёлка Анчуль, основные охотничьи угодья сёока *хобый* находились в истоках Абакана по Абаканскому хребту. Угодья для ближней охоты, по данным Л. П. Потапова, располагались у своей родовой горы Кёль-тайга и родовой горы кызайцев Кара-таг в бассейне реки Мрассу и её водораздела с рекой Таштып [Потапов, 1936, с. 134; Потапов, 1957, с. 256]. Хакасский этнограф В. Я. Бутанаев уточняет расположение горы Кёль-тайга восточнее – в верховьях левого притока Абакана Таштыпа.

Первые упоминания об этом сёоке относятся к 1616 г. В это время в составе Мрасских волостей числилась Кобинская волость (Коба – по другим документам), платившая дань енисейским кыргызам. Однако уже с 1629 г. от населения этой волости начинает регулярно поступать ясак также и в Кузнецкий острог [Долгих, 1960, с. 115]. Под названием Кавинской эта волость отмечена на карте С. Ремезова в верховьях Мрассу, против устья её притока Пызас. В XVIII в. местоположение волости

осталось прежним, но название поменялось на Кивинскую или Ковинскую.

О происхождении сёока *кобый* нет единого мнения. Академик И. Г. Георги относил «Кобанское колено» к бирюсинцам, кочевавшим «в прежние времена по реке Бирюсе», откочевавшим вначале в верховья Кондомы, а к концу XVIII в. – в верховья Абакана «возле качинцев» [Георги, 2007, с. 270]. П. С. Паллас прежнее местожительство абаканских кобыйцев – «кобынское поколение, состоящее из 53 луков» определяет в горах, где они занимались исключительно охотой, а после переселения в степные долины реки Абакан освоили также полукочевое скотоводство [Паллас, 1788, с. 507]. Е. Пестерев более конкретно пишет, что представители «Кабинской волости» перекочевали на реку Абакан с «…Мрассы реки и из других мест Кузнецкого уезда» в середине XVIII в. [Пестерев, 1973, с. 9].

Семья шорцев у срубной юрты. Улус Комыс. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. №15866-33.

Так, например, о кобыйцах П. С. Паллас сообщает, что жили они раньше в горах и занимались «звероловством», а после переселения на реки Томь и Абакан «…разбогатели скотом, не покидая при этом и промыслов». Из жилищ ими использовались жердчатые юрты, покрытые сшитыми вместе берестяными пластинами и «бараньим войлоком». Остальные «поколения» к «хлебопашеству не имеют способного случаю и скотом очень скудны» и «всё их пропитание состоит из диких кореньев» [Паллас, 1788, с. 515]. Исторические документы XVII – начала XVIII вв. подтверждают переселение ясачных Кивинской волости в верховья Абакана к енисейским кыргызам, где, видимо, уже обитала какая-то часть их сородичей.

После разграничения Томской и Енисейской губерний в 1836 г. постепенно стала происходить ассимиляция абаканских хобый сагайцами в составе Сагайской степной думы Минусинского округа [Бутанаев, 1983, с. 72]. Эти сообщения, связанные с распадом сёока кобый на мрасскую (кабырзинскую) и абаканскую части, нашли отражение в шорском фольклоре [Дыренкова, 1940, с. 305]. Во время экспедиции 1985 г. встреченные мною в посёлках Таштып, Матур и Анчуль большинство представителей сёока хобый осознавали себя уже частью хакасского народа, но в 2017–2018-х гг. стали доказывать в судах своё «шорское» происхождение для включения их в состав коренного малочисленного народа шорцев согласно закону Республики Хакасия от 16.11. 2009 г. №125-ЗРХ (изменен 31.05.2011 г. №53-ЗРХ) для получения соответствующих льгот [Кимеев, 2017а, с. 69–74].

О сёоке *кобый* существует ряд различных преданий. Так, А. В. Анохин со слов учителя-хакаса Коринакова в 1916 г. в улусе Тлачек запи-

сал легенду, согласно которой «в древние времена» по реке Кабырзе жила только одна семья инородца Кобыя. Затем к ней пришли «какие-то люди», которые через 20 лет оттуда откочевали, а через некоторое время вновь пришли и привели с собой других людей, с которыми прочно поселились на реке Кабырзе. От семьи Кобыя и пришельцев размножился народ, который заселил тайгу и стал заниматься охотой и ручным земледелием. Приблизительно в середине XVII в. (по легенде, 250 лет назад) из-за гибели посевов начался сильный голод, и многие кобыйцы отселились в Абаканскую долину на реку Таштып, где стали называться «сагай-кижи» [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84]. Тесные родственные связи с мрасскими сородичами абаканские кобыйцы сохраняли вплоть до разделения Томской и Енисейской губерний в 1836 г.

По легенде, записанной Н. П. Дыренковой в 1920-х гг. в посёлке Анчуль, предками сёока

Усадьба верхнеабаканских шорцев. п. Матур. 1930-е гг. Фото Л. П. Потапова.

хобый были Алаш и Параш, вышедшие из горы Ордо [Дыренкова, 1940, с. 311]. Местонахождение этой горы-прародительницы неизвестно. Л. П. Потаповым в разное время было записано несколько легенд, в которых говорится о «шорском» (конкретно – мрасском) происхождении сёока *кобый*. В одной из них их предками называются два брата Тебир-криш и Кола-криш, живших оседло в устье реки Таяс, левого притока Кабырзы. Они занимались земледелием и передали эти навыки соседним кызайцам, от которых сами заимствовали секрет добывания огня [Потапов, 1936, с. 165]. В другом предании, записанном у Кабонга Боргоякова, абаканского кобыйца, говорится, что их прародиной является река Мрассу в Кузнецкой тайге [Потапов, 1947б, с. 110].

Своё предположение о «шорском» происхождении кобыйцев Л. П. Потапов подкрепляет рядом этнографических материалов и исторических документов о переселении части ясачных Кивинской (Кобыйской) волости с реки Мрассу на реку Абакан [Потапов, 1957, с. 130; Потапов, 1947б, с. 112]. По его мнению, отселение «бирюсинцев-скотоводов» с реки Абакан на реку Кабырзу было невозможно из-за отсутствия в тайге удобных пастбищ для скота [Потапов, 1957, с. 258]. Вслед за Г. Е. Грум-Гржимайло он сравнил название Кивинской волости с этнонимом древних теле «*Киби*», предполагая его древнетюркское происхождение [Грум-Гржимайло, 1927, с. 247; Потапов, 1956, с. 493].

Антрополог В. П. Алексеев, обследовавший несколько черепов из старых могил абаканских кобыйцев, пришел к выводу, что тюркизация последних могла происходить только путем культурных, а не брачных контактов, так как кобыйцы сохранили в чистоте уральский

расовый тип, характерный для самодийских и уральских народов [Алексеев, 1965, с. 100].

Этнограф Б. О. Долгих вообще полагал, что сёок *кобый* «сравнительно молодое образование и, возможно, «отделился от какого-либо основного рода или переселился откуда-то со стороны» незадолго до появления русских в верховьях Томи [Долгих, 1960, с. 111].

О таких переселениях повествует легенда, по которой предком кобыйцев был Хобый Алас, живший некоторое время в устье реки Матур после побега из Джунгарии при угоне кыргызов в 1703 г., а потом переселившийся в долину реки Таштып. Часть образованного им сёока откочевала затем на реку Кабырзу и составила Кивинский род Кузнецкого округа. Всех бирюсинцев вместе с сёоком хобый В. Я. Бутанаев называет потомками общего покровителя из народа Кыргыз [Бутанаев, 1983, с. 68]. Сомнительным в этой легенде, пожалуй, является время переселения сёока кобый на Кабырзу – после «угона в 1703 г. енисейских кыргызов» джунгарами. Дело в том, что Кивинская волость была в составе Мрасских волостей ещё в начале XVII в., хотя, возможно, такие угоны могли быть и до 1703 г.

В. Г. Карцев поместил Кивинскую волость в районе максимального сближения верховьев рек Абакан и Мрассу и утверждал о возможности свободного переселения части сёока *кобый* по долинам этих двух рек [Карцов, 1970, с. 151]. О существовании постоянных торговых путей, соединявших долину Мрассу с долиной Абакана, неоднократно упоминалось в литературе [Паллас, 1788, с. 514; Адрианов, 1888б, с. 110]. По этому пути Улуг-Чол перевозились товары, перегонялся скот из Абаканских степей к реке Бие, проходили военные отряды кыргызов

и джунгар для сбора ясака с кыштымских волостей и набегов на Кузнецкий острог. Во время голода часть мрасских татар спорадически отселялась по древней конной тропе Улуг-чол в верховья Абакана к своим сородичам, как некогда, вероятно, откочевала оттуда. По этим же путям была угнана джунгарами и возвратилась обратно часть сбежавших енисейских кыргызов [Копкоев, 1965, с. 69; Абдыкалыков, 1986, с. 81].

Из всего сказанного можно заключить, что формирование сёока *кобый* могло происходить на его древней родовой территории по водоразделам рек Томь, Мрассу, Кабырза и Таштып. В центре этой территории возвышаются горы, связывавшие некогда воедино все части сёока, разбросанные по долинам окрестных рек. Родовым горам регулярно совершались большие моления, причём не только абаканскими, но и мрасскими кобыйцами. Отдельные сёоки временами мигрировали в пределах родовой территории по этим долинам и торговым путям, что и нашло отражение в легендах и исторических документах. После окончательного разделения Томской и Енисейской губерний в 1836 г. стали отчётливо проявляться этнографические особенности мрасских и абаканских кобыйцев. Последние, как мы убедились во время экспедиции 1985 г., осознавали себя хакасами, в то время как мрасские стали частью шорского этноса.

Мрасские шорцы. 1927 г. Фото Н.П. Дыренковой. МАЭ. Инв. №3662-63.

Сёок *кызай* был отмечен всеми исследователями конца XIX – начала XX вв. и обитал в то время в среднем течении Мрассу, в райо-

не устьев её притоков – Кабырзы, Пызаса и Кызаса. Сёок *кызай* составлял в XIX в. отдельную Кызыльскую волость, которая под различными названиями (в XVII в. – Кызылкарга, в XVIII в. – Карга-кызыл, Кызылкаргинская, Кызылгаева, Кызылкаинская) всегда располагалась в районе устьев рек Пызаса и Кабырзы [ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 131. Л. 207]. Ставка паштыка этой волости находилась в улусе Усть-Кабырза, где проживало большинство сородичей, остальные – в улусах Усть-Пызас, Нижне-Кызайский, Карчит, Улун-Гол. После 1912 г. эти улусы отошли в состав Кабырзинского общества Мрасской волости, впоследствии в Усть-Кабырзинский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинское сельское поселение. Сейчас потомки кызайцев – Адыяковы, Арбачаковы, Кушаковы, Судочаковы, Ундучековы – широко расселились по Таштагольскому району. Их много в г. Таштагол и посёлке Шерегеш, но основная часть проживает в Усть-Кабырзинском сельском поселении.

Женщина переносит ребёнка в деревянной колыбели за спиной. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. №3662-60.

Из исторических документов следует, что ещё в XVIII в. часть сёока кызай переселилась в «Киргизскую землицу» в верховья рек Таштып, Тёя и Большая Есь, где они стали именоваться *хызыл-хая* в составе Кы-

зыльского рода (13 различных фамилий) [Долгих, 1960, с. 108; Бутанаев, 1992, с. 58]. К настоящему времени эти абаканские потомки сёока *хызыл-хая* частично расселились по всей Хакасии и считают себя частью хакасского этноса.

В отношении происхождения сёока *кызай* в этнографической литературе высказывались различные противоречивые гипотезы. Л. П. Потапов, опираясь на записанную им в 1934 г. легенду, где прародиной сёока называется устье реки Кабырзы, утверждал о шорском происхождении этого сёока [Потапов, 1957, с. 267]. Охотничьи угодья сёока *кызай* находились, согласно Л. П. Потапову, также в «Шории», в местности «Шор-тайга», в верховьях Томи и по её притокам Кайтырыг, Палыгтыг, Шор-суг, а также в местности «Сарыг-тайга» по реке Тюльбер, а кедровники – в верховьях рек Саим, Порлуг и на горе Кара-таг [Потапов, 1936, с. 134].

Этнограф Н. П. Дыренкова, напротив, называет сёок *кызай* «пришлым из сагайских степей» [Дыренкова, 1940, с. 15]. Позднее хакасский этнограф В. Я. Бутанаев высказал аналогичную гипотезу, в подтверждение которой использовал материалы исторического фольклора. По записанной им у хакасов легенде, сёок *хызыл-хая* получил своё название от родовой горы Хызыл хая (Красная скала) в верховьях Томи, где в древности жили два брата: Хызыл-хая и Хобый-алас. Впоследствии образованные этими братьями сёоки спустились на плотах по Томи до устья Мрассу, затем поднялись вверх по последней до устья левого её притока – Пызаса, где и обосновались, сменив название на *кызай*. Спустя некоторое время часть сёока *кызай* отселилась в верховья Таштыпа и Большой Еси, где вошла в состав сагайцев-хакасов и стала именоваться *кызыл-гая*, оставшаяся часть обра-

зовала самостоятельную Кызыльскую волость Кузнецкого уезда [Бутанаев, 1983, с. 71]. В другой работе указанного автора предком сёока хызыл-хая «считался один мальчик, выросший в пещере этой родовой горы» (Хызыл хая) [Бутанаев, 1992, с. 58].

Не исключено, что эти легенды в какой-то мере отражают реальные события, происходившие задолго до появления русских. Формирование сёока *кызай* вполне могло происходить в верховьях Томи на его древней промысловой территории. Отсюда по каким-то причинам он переселился в верховья Мрассу, где долго не мог поделить землю с сёоком *кый* (*кой*) [Потапов, 1936, с. 165]. Отсутствие свободных угодий вынуждало людей охотиться на своей прежней промысловой территории в верховьях Томи. Отдельные семьи кызайцев из-за голода откочевали к р. Таштып на освободившиеся после угона джунгарами енисейских кыргызов земли.

3. ***Пызасская группа*** объединяла сёоки *таеш* или *узут-шор*, *чорал* и *кечин*, обитавшие по реке Пызас в местности Чегорал, а также в верховьях Мрассу в районе устья реки Бугзас. Здесь был распространён особый переходный говор и проявлялись своеобразные антропологические признаки [Ярхо, 1947, с. 15]. Преобладало комплексное хозяйство (охота, земледелие, пчеловодство, рыболовство, собирательство). Скотоводство из-за отсутствия удобных пастбищ и традиционных навыков было незначительным. Отдельные предприимчивые торговцы стали обзаводиться жильём, одеждой, утварью на манер русских крестьян [Адрианов, 1888а, с. 195].

Шорский сёок *чегорал*, упоминающийся в списке А. В. Адрианова, в начале XX в. стал

именоваться чорал, а его две фамилии – Ачёловы и Тенешевы – встречаются сейчас, кроме города Таштагола и посёлков Шерегеш и Спасск, в деревнях Кызыл-Шорской и Усть-Кабырзинской сельских территорий. Скорее всего, это не сёок, а производный эпоним (родовое имя) местности Чегорал. Здесь в конце XIX в. обитало два сёока – *таеш* и *кечин*. А. В. Адрианов, посетивший в 1881 г. эти места, заметил, что представители сёока *узют-шор* скрывали своё самоназвание, так как «*узют*» обозначает покойницкую кость и что «Таяши… они же и Узут-Шорву» [Адрианова, 1888а, с. 195]. Всё это позволяет нам предполагать, что представители сёока *узют-шор* на рубеже XX столетия

Семья зажиточного шорца-торговца. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Колл. № 3662-66.

сменили своё прежнее название и стали причислять себя к сёоку *таеш*.

Новокузнецкий лингвист Г. В. Косточаков предполагает родство шорцев сёока *узют-шор* (*узут-шор*) восточным огузам, называющим себя Узы (Уз), отселившимся некогда в таёжные районы бассейна Мрассу и и-за сакральности термина «узют» (т. е. дух умершего) сменившим свой эпоним на *таеш* [Косточаков, 2000, с. 57–59].

Территория расселения сёока *узют-шор* и таеш по сравнению с XIX в. сейчас значительно расширилась, и, кроме побережий реки Пызас, его потомки проживают в г. Таштагол, посёлках Шерегеш и Спасск и населённых пунктах Кызыл-Шорской и Усть-Кабырзинской сельской территории. Представители сёока *узют-шор* оказались в составе Чилису-Анзасского общества Мрасской волости (затем Челису-Анзасского сельсовета, а после 2006 г. – Усть-Кабырзинского сельского поселения) и причисляли себя уже к сёоку *таеш*.

Кроме шорцев, сёок *таеш* в зафиксирован в Сагайской степи в составе Изушерского рода в форме таяс (20 различных фамилий с подразделениями: *ах-таяс* – белый таяс и *хара-таяс* – чёрный таяс [Бутанаев, 1994, с. 60]. О происхождении хакасской части сёока *таеш* существует легенда, записанная впервые Н. Ф. Катановым [Катанов, 1963, с. 117] и впоследствии неоднократно опубликованная в других работах [Потапов, 1953, с. 124; Патканов, 1911а, с. 133]. Согласно этой легенде, три брата из рода таяс – Кок-Тос, Маныс и Анийн жили в лесу. Боясь нападения соседних саянцев, они обратились к князю бельтиров Ептису с просьбой о покровительстве. Он переселил их поближе к себе в верховья Монока. Произошло это не ранее се-

редины XVIII в., так как именно тогда, в восьми верстах к югу от устья реки Аскиз, князя Ептиса встретил на своём пути академик П. С. Паллас [Паллас, 1788, с. 497]. Опираясь на эту легенду и архивные материалы, Л. П. Потапов, К. М. Патачаков и В. Я. Бутанаев считают хакасский сёок таяс частью шорского сёока *таеш*, откочевавшего с реки Пызас, куда впадает река Онзас с притоком Таяш Кузнецкой тайги [Потапов, 1957, с. 268; Патачаков, 1959, с. 133; Бутанаев, 1992, с. 60; Бутанаев, 1994, с. 20]. Это подтверждается и картой С. У. Ремезова, на которой в этих местах обозначены юрты «Тазаши» [Бородаев, 2007, с. 52], хотя в ясачных списках XVII–XVIII вв. такой волости не числилось.

Раскуривание трубок женщинами у юрты. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-61.

Лингвист М. Н. Боргояков, напротив, называет его кыргызским и «всегда обитавшим на реке Пызас». В подтверждение им используется исторический документ, где говорится о разгроме в 1704 г. отрядом казаков во главе с П. Собанским и Ф. Сорокиным нескольких кыргызских юрт на реке Пызас [Боргояков, 1974, с. 129]. Действительно, такое событие имело место, но оно было связано с бегством части енисей-

ских кыргызов от принудительного переселения в Джунгарию [Копкоев, 1965, с. 76]. Беглые кыргызы скрывались не только на реке Пызас, но также и в волостях вдоль торгового пути Улуг-Чол, соединявшего Абаканские степи с Алтаем [Адрианов, 1888, с. 110].

Можно предположить, что в начале XVIII в. произошло включение части сбежавших от джунгар кыргызов в Мрасско-Изушерскую и Карачерскую волости. Вполне вероятно, эти кыргызы могли быть из рода таеш, так как их охотничьи территории до начала XX в. были в верховьях Абакана и Лебеди.

Третий сёок – *кечин* из Пызасской этнолокальной группы составлял до 1635 г. самостоятельную Киченскую волость, а затем вошёл в состав Мрасско-Изушерской. Это был один из самых малочисленных родов, обитавших в верховьях Мрассу [Долгих, 1960, с. 107].

После 1912 г. основная часть потомков сёока *кечин* составляла Кечинское общество Мрасской волости, с образованием Горно-Шорского национального района вошла в Чилису-Анзасский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинское сельское поселение.

По сведениям Л. П. Потапова, сёок *кечин* раньше состоял из трёх фамилий Ептегешевы, Шипеевы и Тиингешевы, основателями которых, согласно легенде, были три брата: Ептеш, Шипей и Тиин. Первые два брата положили начало сёоку *кечин*, а третий – Тиин вошел в сёок *таеш* [Потапов, 1957, с. 165, 178]. По нашим данным, фамилия Ептегешевых у шорцев в настоящее время не встречается, а к сёоку *кечин*, кроме Шипеевых, относят себя также Башевы. Возможно, что последние семьи – отделившаяся часть семей Пашевых сёока *акшор*. Произойти это могло не ранее середины

XIX в., так как фамилия Башевых числилась в 1832 г. только в составе Карачерского рода [ГАРХ. Ф. И-2. Оп. И-2. Оп. 1. Д. 140.].

В настоящее время потомки этого сёока – семьи Башевых и Шипеевых – широко расселились по Таштагольскому району и проживают, кроме реки Пызас и верховьев Мрассу, в г. Таштагол, п.г.т. Шерегеш и Спасск, а также в населённых пунктах Усть-Кабырзинского сельского поселения.

Сформировался сёок *кечин*, скорее всего, ещё задолго до прихода русских в верховья Мрассу, где находилась его родовая гора Тенгри-тау

Шорские дети. 1913 г.
Фото Г. И. Иванова.
АГКМ. Инв. №15866-10.

и где осталась большая часть его потомков [Потапов, 1947б, с. 134].

4. ***Верхнемрасская группа*** состояла из одного сёока *кый* (*кой*), семьи которого широко расселились в небольших аилах верховьев Мрассу и её притоков – Колзасу, Узасу, Кыйзасу и отличались особым верхнемрасским говором. Но для соблюдения экзогамии в этой этнолокальной группе должен быть присутствовать ещё один сёок.

Основным занятием местных кыйцев были охота и рыболовство, некоторые практиковали пчеловодство, переняв его у соседних русских старообрядцев и приискателей. Как и соседние кобыйцы, они проживали в бревенчатых прямоугольных в плане юртах.

Эпоним *кый* встречается во всех списках родового состава шорцев. Кроме того, в списке В. В. Радлова и Н. П. Дыренковой числятся дополнительно сёоки *койы* и *кой*, которые

Вешало для просушки мешков у избы. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б/н.

Л. П. Потапов считает различными вариантами одного и того же эпонима *кый* или *кой* [Потапов, 1936, с. 17].

Сёок *кый (кой)* в конце XIX в. составлял отдельную Кийскую или Койскую волость, располагавшуюся в верховьях Мрассу и по её притоку Кыйзас, где находилась ставка паштыка. Другая часть сёока под названием *хый* (13 различных фамилий) расселилась по рекам Таштып, Тея, Есь, Сея, Анчуль, Большой и Малый Сыр и входила там с XVIII в. в Кийский (Койский, Кийско-Кивинский или просто Кивинский) административный род Минусинского округа [Катанов, 1963, с. 95; Бутанаев, 1994, с. 18]. После административной реформы 1912 г. мрасские кыйцы вошли в состав Кийского общества Мрасской волости, затем в Усть-Колзасский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинское сельское поселение.

В настоящее время шорскими потомками этого сёока считают себя Кусургашевы и Шельтрековы. В начале 1960-х гг. в связи с реорганизацией колхозов они покинули свою этническую территорию и расселились частично по рекам Бугзасс и Кабырза в Чилису-Анзасском и Усть-Кабырзинском сельсоветах, частично в посёлках Мрассу и Камзас Усть-Колзасского сельсовета (сейчас Усть-Кабырзинское и Кызыл-Шорское сельские поселения). Отдельные семьи потомков кыйцев живут в г. Таштагол и п.г.т. Спасск.

Первые сведения о сёоке *кый* (Кувинской и Кизинской волости по реке Мрассу) дают русские исторические документы 1629 г. [Паллас, 1788, с. 408]. На карте С. У. Ремезова в тех же местах обозначена Кавинская волость. В XVIII в. сёок *кый* частично обитал в верховьях Мрассу и составлял Кивинскую волость [Потапов, 1957,

с. 132], частично – в верховьях Абакана, где образовал «Каинское поколение бирюсинцев» [Паллас, 1788, с. 507, 515; Георги, 2007, с. 270; Пестерев, 1773, с. 9].

О происхождении сёока *кый* сведения противоречивы. Б. О. Долгих считал его молодым образованием, переселившимся «со стороны» в верховья Мрассу вместе с другими «бирюсинцами» сёоками *кобый*, *кызай*, *карга* [Долгих, 1960, с. 111]. Л. П. Потапов, опираясь на записанную им легенду о переселении сёока *кый* с реки Мрассу на реки Абакан, Таштып, Матур, напротив, принимал его за коренной «шорский» сёок [Потапов, 1947б, с. 121].

Очевидно, формирование сёока *кый*, как и предыдущего – *кобый*, происходило до прихода русских в пределах своей древней охотничьей территории в верховьях Абакана, по рекам Итыл, Тардаш, Кызас. Впоследствии кыйцы расселились в верховьях Мрассу и по левым притокам верховьев Абакана и свободно могли мигрировать друг к другу.

Название сёока, согласно Н. М. Боргоякову происходит от гидронима Хый (река Кия) [Боргояков, 1973, с. 142], который, по А. П. Дульзону, является кетским по происхождению [Дульзон, 1964, с. 250]. Однако всё это сомнительно, так как сёок *кый*, по крайней мере, с XVII в. жил на многие сотни километров к югу от реки Кии и не имел там никогда охотничьих угодий. В то же время сёок располагался в долинах рек Кыйзас (Хыйзас по хакасски) и Матур, по водоразделу которых возвышалась родовая гора Пустаг [Бутанаев, 1992, с. 58]. Поэтому правильнее будет увязать эпоним *кый* с гидронимом Кыйзас и считать его кетским по этногенезу, учитывая, что окончание «-зас» аналогично кетскому слову *сас* или *сес* – река [Бутанаев, 1992, с. 58;

Бутанаев, 1994, с. 18]. Лингвист Г. В. Косточаков считает, что все шорские этнонимы на Мрассу (*кобый, кызай, кый, кечин, карга*) кетского происхождения [Косточаков, 2013, с. 66].

5. ***Верхнекондомская группа*** в конце XIX в. состояла из сёоков а*к-шор, кара-шор, сары-шор, челей*, расселявшихся от верховьев реки Кондомы до с. Кондомского. Их объединял особый верхнекондомский говор кондомского диалекта [Чиспияков, 2004], общность форм хозяйства: охота, ручное земледелие и пчеловодство, рыболовство и сбор кедрового ореха [Швецов, 1903, с. 21]. Среди них было значительным влияние русской материальной культуры и христианства со стороны приискателей Спасска и миссионеров.

Этнограф Л. П. Потапов предлагал включить в состав основного рода *шор* сёок *кызыл-шор*, представителей которого – семью Тепчегешевых – он встретил в начале 1930-х гг. на реках Колзас и Узас – левых притоках верховьев Мрассу (бывший Усть-Колзасский сельсовет). Он же

Летняя юрта. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б.н.

сообщал, что этот сёок имел спорные с челканцами охотничьи угодья в верховьях Абакана, по его притоку Кара-суг [Потапов, 1936, с. 134]. По данным Н. П. Дыренковой, Тепчегешевы проживали примерно в те же годы ещё и в верховьях Кондомы в Кызыл-Шорском сельсовете, а отдельными семьями – в Усть-Кабырзинском сельсовете [Дыренкова, 1940]. Из наших полевых материалов следует, что большинство Тепчегешевых в настоящее время проживают в населённых пунктах Кызыл-Шорского и Кабырзинского сельских поселений, то есть там, где когда-то обитал сёок *сары-шор*. Отдельные семьи с этой фамилией переселились в конце 1950-х гг. в г. Таштагол, посёлки Шерегеш и Спасск.

Правильнее будет полагать, что фамилия Тепчегешевых ранее принадлежала к сёоку *сары-шор*, а сёок *кызыл-шор* вообще не существовал. Часть семей сёока *сары-шор* в 1930-е гг. вполне могла отселиться в верховья Мрассу

Ребёнок в деревянной колыбели. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-70.

(Усть-Колзасский сельсовет), где их обнаружил и принял за самостоятельный род этнограф Л. П. Потапов. Поэтому у Тепчегешевых не появилось новой родовой территории, и промышляли они, как и прежде, на охотничьей территории своего прежнего сёока *сары-шор*.

Не совсем ясным остается вопрос относительно фамилий Пашевых, Шуткариных, Тунековых, представители которых, по нашим данным 1980-х гг., причисляли себя к сёоку *ак-шор*. Прежнюю охотничью территорию этого рода шорцы нам называли в верховьях Кондомы по Бийской Гриве. Как в 1930-х гг., так и в настоящее время большинство этих фамилий встречается в посёлках по правобережью верховьев Кондомы. В 1950–1960-е гг. часть семей переселилась из посёлков Коуринского сельсовета в г. Таштагол, п. г. т. Шерегеш и Спасск. Можно предположить, что эти семьи – отделившаяся часть соседнего сёока *кара-шор*, хотя нельзя исключать возможность существования в начале XX в. самостоятельного сёока *ак-шор*, кровнородственного трём соседним – *кара-шор, сары-шор, узют-шор или таеш*.

После административной реформы 1912 г. большинство потомков сёоков *кара-шор* и *сары-шор* составили около восьми обществ Верхнекондомской волости, впоследствии Кызыл-Шорского, Тугунского, Спасского сельсоветов, а после 2006 г. – Кызыл-Шорского сельского поселения.

Происхождение сёока *шор* остается невыясненным. Е. Пестерев и П. С. Паллас, посетившие «шорских татар» в верховьях Абакана в середине XVIII в., считали их потомками бирюсинцев, переселившихся первоначально с реки Бирюсы в верховья Кондомы, а потом, в начале XVIII в.,

возвратившихся на реку Абакан [Пестерев, 1773, с. 9; Палас, 1788, с. 50].

Н. П. Дыренкова в улусе Акколь, что в верховьях Томи, чуть ниже устья реки Мрассу, записала легенду о набегах воинственного «народца Шот» и столкновениях его с родами *кызай, кобый, кый, таеш* [Дыренкова, 1940, с. 309]. Исходя из текста легенды можно предполагать степное происхождение этого народа, хотя сама Н. П. Дыренкова не определяла его этническую принадлежность. Позднее Л. П. Потапов сравнил название «Шот» с этнонимом *чода* или *чоды* – самодийской родоплеменной группы, растворившейся среди карагасов, тувинцев-тоджинцев, кумандинцев и тубаларов [Потапов, 1956, с. 493]. Как бы продолжая развивать гипотезу о самодийском происхождении сёока *шор*, этнограф В. И. Васильев сопоставил шорский эпоним чор (*шор*) с северосамодийским *чор* у ненцев [Васильев, 1974, с. 155–156].

Свою точку зрения высказал исследователь этнографии хакасов В. Я. Бутанаев, который считает, что «*шот*» – это шорское произношение русского термина «*чудь*». Хакасы термином шот или чуут, чоот называют народ Ах-хорат, т. е. «белоглазый», который, согласно историческим преданиям, проживал в долине Среднего Енисея.

Оригинальный вариант этимологизации эпонима *шор* предложил Э. Ф. Чиспияков. Он выделил в тюркских языках группу близких по значению слов, из которых мог быть заимствован один из семантических типов этнонимов – «человек», «люди». Для сравнения им выбраны слова: кирг. *чор* – «низкий раб», *чору* – «служанка»; кераим. *чора* – «работник»; тув. *чура* – «раб», «рабыня», «невольник», «холоп», «слуга»; узбек. *чури* – «рабыня»; уйг. *чори* – «ра-

быня, пленница». Все эти слова, как полагал Э. Ф. Чиспияков, восходят к одному иранскому корню [Чиспияков, 2004, с. 37].

Со времен А. Н. Аристова существует мнение, что этноним *шор* исходит от названия реки Шора – левого притока Томи (ныне – территория Хакасии) [Аристов, 1897. С. 69; Боргояков, 1973, с. 143]. Интересен и тот факт, что в верховьях реки Шоры есть гора Шор-тайга.

АБИНСКАЯ ОБЩНОСТЬ подразделялась на четыре этнолокальные группы.

1. ***Нижнекондомская группа***, наиболее смешанная в этническом и этноязыковом отношении, состояла из потомков сёоков *аба*,

Низовские шорцы. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б/н.

себи, *тарткын*, *кереш*, которые к началу XX в. под сильным влиянием русских уже утратили многие элементы традиционной культуры. Отдельные семьи в улусах Томазак (Мыски) и Тагды-аал (Осинники), занимаясь торговлей и скупкой мехов, мёда, ореха, наживали большие состояния и имели крестовые двухэтажные дома [Адрианов, 1888а, с. 174]. Жители улуса Абинцы (потомки абинцев XVII–XVIII вв.) вместе с русскими из соседних деревень занимались извозом – доставкой по Томи, Мрассу и Кондоме на лодках-долблёнках муки и других грузов на прииски и в отдалённые улусы. Основным занятием большинства шорцев нижнекондомских улусов под влиянием русских крестьян стало пашенное земледелие, стойловое скотоводство и пчеловодство. Только некоторые бедные мелкие семьи продолжали существовать за счёт охоты, рыболовства

Составление поимённых списков домохозяев работником экспедиции на сельском сходе. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15947-70.

и собирательства [Швецов, 1903, с. 631]. Почти все местные мужчины носили одежду русского типа: фабричные шаровары, сатиновую рубаху, суконное пальто, картуз или фетровую шляпу, кожаные сапоги, зимой – овчинную шубу и шапку. Женщины шили платья из покупной материи и халаты из чёрного сукна. Кое-где ещё сохранялись старинные телеутские женские платья со стоячим, обшитым гарусными нитками воротником «чага». Этническое окружение русских крестьян и особенно Кузедеевский стан Алтайской православной духовной миссии привели к быстрой этнокультурной ассимиляции большинства населения низовьев Кондомы.

2. ***Мундыбашская группа*** состояла преимущественно из представителей сёоков *калар* и *чедибер*, которые имели особый говор [Чиспияков, 2004, с. 39]. Основой их хозяйства были охота, земледелие и отчасти пчеловодство. Скотоводство и рыболовство у жителей небольших аилов долины Мундыбаша были развиты очень слабо [Адрианов, 1883, с. 936]. Проживали каларцы в бревенчатых юртах, мужчины одевались в домотканые халаты, штаны, а женщины носили платья, из обуви те и другие использовали кожаные сапоги.

В настоящее время потомки этой группы – тёли проживают в населённых пунктах Каларского сельского и Мундыбашского городского поселений.

О происхождении сёока *чедибер* существует несколько противоречивых гипотез. Так, краевед-геолог Г. П. Старков, переводя этноним *чедибер/четтибер/йеттибер* с древнетюркского, как «семь волков», сравнивает его с самодийским *йоты/юты/чоду* + финальный формант *пер* и предполагает, что это название «легендар-

ного народа рудокопов и металлургов – чуди» [Старков, 2013, с. 130].

3. ***Антропская группа*** состояла из сёоков *челей* и *чедибер*, включая отдельные кумандинские семьи. Все они вследствие длительного совместного проживания имели особый антропский говор. У чедиберов главным источником жизнеобеспечения в конце XIX в. была охота, у челейцев – пчеловодство [Вербицкий, 1870, с. 75]. Земледелие не обеспечивало потребностей, и мука дополнительно закупалась на Спасском прииске у кумандинцев и русских торговцев. Местные жилища были разнообразны – от русских изб до срубных юрт с засыпанной сверху землёй жердчатой крышей [Записки миссионера…, 2008, с. 82]. Близкое соседство с кумандинцами привело к заимствованию у последних некоторых элементов одежды: вязаных носков, кушаков с вышитыми на них геометрическими узорами [Анохин. АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84]. Влияние Кондомского отделения Алтайской православной духовной миссии привело к постепенному изменению мировоззрения и обрядов у населения.

Юрты паштыка Кондомо-Елейской волости в XIX в. находились, как уже отмечалось, в низовьях левого притока Кондомы – реки Антроп. В настоящее время к шорским потомкам кондомских челейцев причисляют себя Ачулаковы, Каташевы, Кунгушевы, Кучуковы, Полчановы, Чепсораковы, Шурлачаковы, которые проживают в основном в г. Таштагол, п.г.т. Шерегеш и Спасск, а также в населённых пунктах Кызыл-Шорского и Коуринского сельских поселений

4. ***Верхотомско-нижнемрасская группа*** имела особый говор, ставший основой современного шорского литературного языка. Со-

стояла она из потомков сёоков *аба, челей, тарткын*, которые имели своеобразный антропологический тип, «резко отличающийся от монголоидного» [Чиспияков, 2004, с. 147–148]. Население нижнемрасских улусов Красный яр, Мыски было социально неоднородным. Значительная часть семей занималась скупкой ореха и пушнины у верховских шорцев с перепродажей товара по завышенным ценам на рынках Сибири, отчего и получила кличку «садыгчелары», т. е. «торгаши». Высокоразвиты были скотоводство и рыболовство, имевшие к началу XX в. товарный характер [Швецов, 1903; Сувэйздис, 1900, с. 190]. Основным жилищем были русские избы, у богатых – крестовые дома. Бревенчатые юрты использовались только летом у бедняков.

Бай-торговец (*садыгче*) Фёдор Молтояков (в центре) с помошниками-*танышами*. Улус Чульджан. Начало XX в. НКМ. КП 7003-6. № 1466.

Потомками нижнемрасских и верхнетомских челейцев являются шорские семьи Акуляковых, Акушаковых, Апанаевых, Бекреневых, Мижаковых, Мойнаковых, Мойтаковых, Чульджановых, проживающие в посёлках Чувашка, Подобасс, Безруково Мысковского городского поселения, а также в городах Мыски и Междуреченск [Косточаков, 2005].

После административной реформы 1912 г. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости уже с «оседлым инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых связей, потере локальной этничности и ассимиляции среди уве-

личивающегося русского населения в процессе переселенческой политики российского государства. Институт паштыков был упразднён, а с ним старая форма сбора налогов, традиционное самоуправление и организация системы судопроизводства. Кузнецкие инородцы были прикреплены по месту проживания, что улучшило систему учёта и сбор налогов. В то же время возникла межэтническая напряжённость, особенно в населённых пунктах с преобладанием русского населения [Садовой, 2003, с. 140].

В советский период в границах Горно-Шорского национального района завершился процесс этногенеза шорцев, хотя многие десятилетия продолжался процесс локализации прежних этнотерриториальных групп в границах образованных сельских советов. При этом в состав шорцев вошли местные группы кумандинцев, челканцев, сагайцев и телеутов. В послевоенный период активного промышленного освоения территории реорганизованного в 1939 г. национального района и ликвидации колхозов начался необратимый процесс миграции шорских семей из разных сёоков в города и крупные посёлки, что привело к началу XXI в. к значительной урбанизации (до 90%) населения. Молодое поколение современных городских шорцев не знает родного языка, не сохранило предметов традиционно-бытовой культуры и имеет смутное представление о своём этногенезе и этнической истории. А это значит – этнос находится на стадии необратимой полной ассимиляции, несмотря на усилия властей и представителей шорской национально-политической элиты внести элементы этнокультурного неотрадиционализма.

Национально-государственное самоопределение шорцев

После разрушения имперской российской государственности начался активный процесс национально-государственного самоопределения «инородцев» Саяно-Алтая, в том числе и этнотерриториальных групп кузнецких татар. По различным проектам, выдвигавшимся с 1917 г. областниками и представителями молодой национально-политической элиты из абинцев и бирюсинцев, «татаро-шорцы» первоначально включались в республику Ойрат вместе с «минусинскими татарами» и «алтайскими инородцами».

Василий Иванович Анучин с семьёй.
В. И. Анучин (1875–1943) – археолог, этнограф-сибириевед, общественно-политический деятель, томский областник, профессор Казанского и Самаркандского университетов.

На съезде «инородческих» делегатов Бийского и Кузнецкого уездов, проходившем 1–6 июля 1917 г. в г. Бийске по инициативе Томского губернского собрания, было принято решение ходатайствовать перед Временным правительством о создании самостоятельной национально-административной единицы в рамках земства. Одновременно был образован временный национальный исполнительный орган – Алтайская Горная дума – во главе с коганом – томским этнографом Василием Ивановичем Анучиным [Мамышева, 2010, с. 100–103].

На съезде уполномоченных аилов 28–30 июля 1917 г. был создан Кузнецкий отдел Алтайской

Чорос (Григорий Иванович) Гуркин (1870–1937), алтайский художник, глава управы Каракорум-Алтайского округа. 1918 г.

Горной Думы – первый национально-государственный орган кузнецких татар, возглавляемый бывшим выпускником миссионерского училища, выходцем из абинцев – Сары-Сепом Конзычаковым. В четырёх «национально-обособленных» волостях – Мрасской, Кондомской, Верхнекондомской и Томской – вводился налог на нужды самоуправления и запрет на заселение волостей русскими крестьянами. 6–12 марта 1918 г. на Учредительном съезде инородческих и крестьянских Советов в Улале создается особая административная единица – Каракорум-Алтайский округ с исполнительным органом – Каракорумской управой. Всё это, однако, никак не отразилось на основной массе «кузнецких инородцев» указанных волостей, у которых из-за нарушения прежних территориально-экономических связей в условиях отсутствия твёрдой власти и гражданской войны хозяйство пришло в полный упадок. Спасаясь от холода и террора со стороны анархистских бандитских формирований из числа бывших старателей с золотых приисков или шорских торговцев, таких как Гордей Тудегешев с реки Пызас, жители целыми семьями убегали в богатые земледельческие степные районы Минусинского и Бийского уездов [Кимеев, 1995б, с. 17–19; 2017 г., с. 136–142]. Волостные старшины уже не владели ситуацией, а другой законной власти просто не существовало [ГАТО, Ф. Р. 480. Оп. 1. Д. 1. Л. 14].

Границы предполагаемой Республики Ойрат.

Миссионерское селение Улала, в котором прошёл учредительный съезд Каракорум-Алтайского округа.

Только после восстановления советской власти на юге Сибири появились реальные условия для национального самоопределения кузнецких татар-шорцев. Уже весной 1920 г. при Сибревкоме в г. Новониколаевске создаётся отдел по делам национальностей, который не смог приступить к работе из-за вспышки повстанческого движения в Алтайской и Томской губерниях. Только после подавления крестьянского мятежа в составе Томского губернского подотдела 18 января 1921 г. образуется Кузнецкий уездный подотдел с секцией татар-шорцев во главе с Побызаковым [ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 16. Л. 1]. В июле 1921 г. по инициативе отдела по делам национальностей в г. Томске созывается совещание представителей коренного тюркоязычного населения Бийского, Ачинского и Кузнецкого уездов для рассмотрения национального вопроса.

Сары-Сеп (Леонид Алексеевич) Конзычаков, занимающий в те годы пост заместителя «Алтгубнаца», предложил образовать в составе РСФСР автономную республику Ойрат, куда бы вошли все тюркоязычные народы Саяно-Алтая. Основанием для этого он считал якобы этническое единство всех групп Саяно-Алтая. Это предложение вызвало много споров и было передано для окончательного решения в Наркомнац [Белозёрова, 2004, с. 42; Кимеев, 2017в, с. 138].

В то время как советские органы практически решали вопросы экономического подъёма края, бывшие члены упразднённой Каракорумской управы, как самые грамотные из «инородцев», пробившихся в руководство «Алтгубнаца», продолжали добиваться создания республики

Ойрат. В Москве 5 сентября 1921 г. на коллегии Наркомнаца Сары-Сеп Конзычаков вновь выступил с докладом об этническом единстве народов Саяно-Алтая и необходимости выделения их в единую республику. Коллегия Наркомнаца, несмотря на его красноречие, запросила мнение Сиббюро ЦК РКП (б). Партийный орган признал создание такой республики нецелесообразным, поскольку «такое объединение не составило бы целого ни в географическом, ни в экономическом отношении». Сам же проект был назван «совершенно нежизненным и политически опасным» в силу его неспособности обеспечить политическую устойчивость южной границы Сибири. «Прочность Советской власти, – отмечало Сиббюро, – в этом обширном районе может быть достигнута не моральным удовлетворением кучки националистически настроенной части населения, а классовой сплочённостью трудящихся промышленного и земледельческого населения края». Это заключение Сиббюро было заслушано 10 ноября 1921 г. на коллегии Наркомнаца, и Сары-Сеп Конзычаков получил согласие только на образование автономной Ойрат-Хакасской области. Он сразу же обратился с письмом к И. В. Сталину с просьбой выдать ему «надлежащее отношение» в Сиббюро ЦК РКП(б) о содействии в подготовке выделения такой автономной области и получил положительную резолюцию [Потапов, 1948, с. 461].

Шорцы, мобилизованные на окопные работы Первой мировой войны. Гомель. 09.01.1917 г. МИЭМ. б/н.

15 ноября 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) вновь были рассмотрены предложение Сары-Сепа Конзычакова и заключение Сиббюро и Наркомнаца. Проект Ойрат-Хакасской автономной области был окончательно отвергнут, хотя сама идея образования национальной автономии на Алтае не исключалась, но только после ликвидации там националистических банд Кайгородова. В январе 1922 г. с обсуждения статьи Сары-Сепа Конзычакова, опубликованной в газете «Жизнь национальностей» и в журнале «Сибирские огни» началась подготовка к съезду «инородческих» представителей Бийского и Кузнецкого уездов. Так, он утверждал, что «Алтай, Джунгария и Урянхай населены тюрками, говорящими на одном и том же языке, имеющими одинаковые обычаи, право и религию, говоря вообще одинаковую культуру. Они не знают государственных границ, не считают нужным с ними считаться и до сих пор, можно сказать, живут в двойном подданстве» [Конзычаков Сары-Сеп, 1922, с. 110].

Знатный шорец – участник Первой мировой войны. НКМ. КП 7003-5. № 1465.

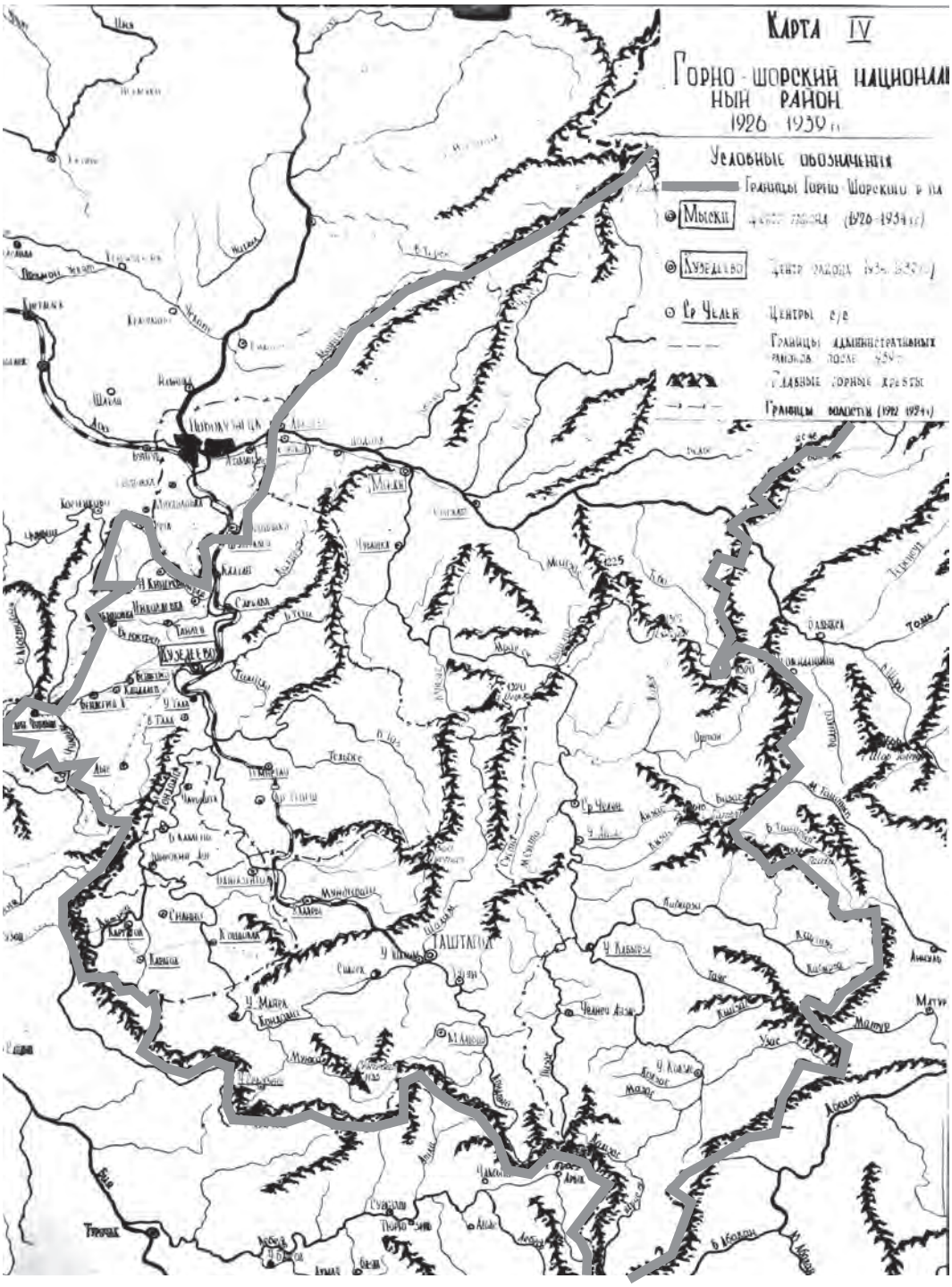
Однако при окончательном обсуждении проекта автономии 18 марта 1922 г., вопреки предложению Сары-Сепа Конзычакова, Сибревком вновь был против включения кузнецких татар-шорцев в создаваемую автономию «вплоть до выяснения их этнографического состава и экономического тяготения» [ГАТО. Ф.317. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–10]. ВЦИК РСФСР 1 июня 1922 г. издал постановление об образовании Ойротской

Г. И. Напазаков (справа). МЭИМ. ОФ-001.

автономной области (без включения в нее волостей Кузнецкого уезда) [Мамет, 1994, с. 128]. Затем, в начале 1924 г., был создан Хакасский уезд, а затем, в 1930 г., Хакасская автономная область, чем была окончательно похоронена идея создания единой тюркской республики Ойрат [Очерки истории Хакасии…, 2008, с. 480].

В 1923–1924 гг. Кондомская, Верхнекондомская и Мрасская волости объединились в единый Кондомский район Кузнецкого округа с центром в с. Кондомском (77 % татаро-шорцев). Одновременно в составе района были организованы 8 сельсоветов, включая и Суронаш-Байголский на р. Лебедь (хотя ранее, с 1912 г. эта территория Кондомо-Шельканской волости числилась в Бийском округе). При создании сельсоветов было учтено этноэкономическое единство абинцев и бирюсинцев внутри вышеуказанных этнотерриториальных групп. Именовались сельсоветы по названию самого крупного центрального улуса: Усть-Анзасский, Средне-Челейский, Усть-Кабырзинский, Челису-Анзасский, Усть-Колзасский, Тугунский, Кондомский, Верхне-Кондомский. Волости со смешанным населением – Кузнецкая, Томская, Кузедеевская – отошли к Кузнецкому району Кузнецкого округа.

В то же время, в 1923–1924 гг., при районировании бывшей Томской губернии Томский губисполком дважды возвращался к вопросу о включении татаро-шорцев в состав Ойротской автономной области. В очередной доклад-


Карта IV
Горно-шорский национальный район
1926 1939 г.
Условные обозначения
Границы Горно-Шорского р-на
Мыски
Кузедеево
Ср. Челен
Центры с/с
Границы административных районов после 1939 г.
Главные горные хребты
Границы волостей (1912 1924 г.)
Кузедеево
Таштагол

Шорцы-начальники.
1920-е годы.
НКМ. КП7003-1. № 1461.

ной записке Сары-Сеп Конзычаков вновь предлагал передать из состава Томской губернии Кондомскую, Верхнекондомскую, Мрасскую и Томскую волости с численностью шорцев на 1920 г. 11008 чел., что составляло 78% от всего татаро-шорского населения Кузнецкого уезда (14109 чел.). Созданная специальная комиссия отнеслась к этой идее отрицательно, посчитав, что «кузнецкие инородцы татаро-шорцы экономически тяготеют к Томской губернии, с Ойротской автономной областью у них нет удобных путей сообщения и бытовой связи, а две из четырёх намеченных к передаче волостей на 47% населены русскими». К тому же, как обоснованно полагала комиссия, «…это выделение нарушит хозяйственную целостность богатого полезными ископаемыми Кузнецкого бассейна». Одновременно комиссией было рекомендовано при волостном районировании Кузнецкого округа объединить и выделить татар-шорцев в самостоятельную особую административную единицу [ГАТО. Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 1. Л. 15].

Позже, в июле – августе 1925 г., проверяя эту официальную точку зрения у руководства Ойротского облисполкома, ленинградский этнограф Н. П. Дыренкова, направленная в Шорию Комитетом содействия северным народностям Сибири с заданием ознакомиться с экономическим бытом «инородцев», чтобы подробно описать их материальные условия и совместно с местными совработниками обсудить и наме-

тить план, по которому должен действовать Комитет, пришла к неоднозначным выводам. Она писала, что «…одна Шория мала для самостоятельного существования, поэтому Комитетом на нас возложена задача, нельзя ли её объединить с Ойротской областью или туземцами Енисейского края, смотря по тому, есть ли у шорцев с ними общие точки соприкосновения» [АМАЭ РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 247. ЛЛ. 1, 2].

Официальный ответ председателя Ойротского облисполкома т. Алагызова указывал: «1. Ойротская область не хочет никаких соединений с Шорией, ссылаясь на отсутствие путей сообщения, т. к. путь через верховья Мрассы и Лебеди лишь верховой и мало удобный, путь через Антроп и Сузоп также считается неудобным, хотя и колёсный. Так что сообщаться пришлось бы через Новониколаевск и Кузнецк. 2. На отсутствие культурных сил. Ойротская область считает, что у них нет даже достаточного количества культурных работников для своей области. 3. На отсутствие вообще экономического тяготения к Шории у Ойратской области и взаимно и у Шории к ним». Однако большинство опрошенных Н. П. Дыренковой алтайцев были убеждены в необходимости присоединения к ним Шории [АМАЭ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 46. Л. 1]. Кондомский РИК, напротив, единодушно был за независимость от Ойротской области и предлагал перенести центр нового объединённого района в с. Мыски или в улус

Съезд председателей сельсоветов Горно-Шорского района. 1927 г. НКМ. ИФ-1698-55.

Кабырза на р. Мрассу [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8 об].

Согласно постановлению Президиума Томского губисполкома от 22 июня 1924 г. за № 27 в селе Кузедеево 5–9 августа 1924 г. состоялся «Татаро-шорцевский горно-районный съезд» Кузнецкого уезда с представительством учителей, волостных исполкомов и недавно организованных сельсоветов (всего 43 делегата, из них 40 кузнецких татар-шорцев). Перед началом съезда вопрос о создании какого-либо национального района в повестке не значился. Но по настоянию абинских шорцев Федора Кузьмича Тельгерекова и Федора Токмашева было принято решение организовать единый Татаро-Шорцевский горный район с правами и привилегиями округа. В состав района намечалось включить существующий Кондомский район полностью, а также частично Томскую и Кузедеевскую волости Кузнецкого района. Граница предполагаемого горного района намечалась от улуса Абашево, включая на севере посёлки Подобас, Протоку, Осинники Петраковской волости. Предлагалось также организовать три вспомогательных подрайисполкома: в Осинниках, Кондоме, Верх-Кондоме с правами прежних райисполкомов. Представитель Томского губисполкома татарин З. С. Гайсин заявил, что при опросе «нацмены» Томской волости изъявили желание присоединиться не к Кондомскому, а

Шорцы-студенты Института народов Севера в Ленинграде с друзьями. 1927 г. НКМ. КП 2072

Воспитанники школы-интерната.
Пос. Усть-Кабырза. 1920-е гг.
НКМ. КП 514. Л. 23. Ф 4.

к Кузнецкому району. Однако ему возразили, что «малограмотные верхнетомские татары не думали тогда, что можно образовать национальный район» и что «русские нас давят…», и «мы по-русски плохо понимаем и не можем понять, что делает сельсовет». [ГАТО. Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 1. Л. 70; Белозёрова, 2003, с. 145]. Курьёзом можно считать утверждение М. В. Белозёровой, что съезд велся на шорском языке (на каком из диалектов, ведь общешорского литературного ещё не было!?), почему русских делегатов якобы даже отпустили со съезда. И интересно, на каком тогда языке общался с «шорскими» делегатами представитель Томского губисполкома татарин тов. З. С. Гайсин [Белозёрова, 2004, с. 62].

Материалы съезда после утверждения их президиумом Кузнецкого исполкома от 19 августа 1924 г. дошли до Томского губисполкома

только в октябре 1924 г. [ГАТО. Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 2. Л. 54–71]. Но пока готовились материалы прошедшего съезда (опять же неясно, кто и на каком языке готовил эти материалы?), в Томский губисполком 5 августа 1924 г. пришёл запрос от Сибревкома с настоятельным требованием вновь рассмотреть предложения Ойротского облисполкома от 1923 г. о присоединении части территории Кузнецкого уезда, населённой татаро-шорцами, к Ойротии. Президиум Томского губисполкома постановлением от 20 августа 1924 г. признал возможным передать Ойротской автономной области только один Кондомский район, как «тяготеющий экономически к Бийску и имеющий сходные природные условия». Бывшая Томская волость, экономически связанная с Кузнецком, оставалась в Кузнецком районе Кузнецкого уезда Томской области. Это означало, что только половина из всех татар-шорцев могла отойти к Ойротии. 23 августа 1924 г. это постановление было отправлено в Сибревком и Наркомнац. Однако после получения решений Татаро-шорцевского

Комсомольский семинар при райкоме ВЛКСМ. с. Кузедеево. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-24.

съезда и вывода из состава Ойротского облисполкома Сары-Сепа Конзычакова за его «тёмное прошлое» и других националистов события стали развиваться по-другому [Кимеев, 2005в, с. 17–25].

На заседании Президиума Кондомского РИКа от 31 июля 1925 г. было принято решение ходатайствовать перед Томским губернским Комитетом содействия туземным народностям о включении шорцев «ввиду сходства образа жизни таковых с северными туземцами» в состав обслуживаемых Комитетом. Кроме того, предполагалось открыть шорское отделение при Кондомском РИКе и культбазу и просить Кольчугинский окрисполком добиться от центрального Комитета Севера организовать при будущем Кузнецком округе местный шорский комитет. Это ходатайство, как следует из документов, было удовлетворено, хотя Кузнецкий комитет так и не образовали.

Фёдор Кузьмич Тельгереков, первый председатель Горно-Шорского национального района.

25 августа 1925 г. Сибревком, имея на руках материалы Татаро-шорского съезда и постановление ВЦИК СССР, принял решение ускорить образование в южной части Томской губернии национального района с центром в улусе Мыски и избрать для этих целей ревком в составе трёх человек: председателя Ф. К. Тельгерекова, членов ревкома Л. А. Иванова, Ф. М. Токмашева. Согласно этому постановлению Сибревкома, из Кузнецкого района должны были отойти к Горно-Шорскому району Мысковский сельсовет Томской волости и часть Кузедеевской и Петраковской волостей [Галаганов, 2003, с. 3; Борина, 2013, с. 210].

Под руководством Кузнецкого РК ВКП(б) с 1–8 октября 1925 г. (по З. П. Галаганову, 25 сентября 1925 г.) в улусе Мыски прошел Первый съезд Советов Горной Шории. На нём был избран

Полина Тимофеевна Кусургашева, студентка Коммунистического университета трудящихся Востока. Москва. 1926 г. МИЭМ. ОФ-861.

Горно-Шорцевский районный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (председатель – из абинцев, Ф. К. Тельгереков; секретарь – из бирюсинских каргинцев, сын священника-мисионера Николай Павлович Кадымаев) и выработаны программы национального строительства и социалистического переустройства всей социально-экономической и культурной жизни района [ГАКО. Ф. Р-64, справка. С.2; Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 1. Л. 49]. Этнограф Н. П. Дыренкова так описывает обстановку на съезде после беседы с делегаткой – учительницей из пос. Усть-Анзас: «Она ни слова не понимала по-русски. Съезд проходил 8 дней, но она нам так ничего и не могла сообщить, ничего не поняла за 8 дней. Знала только, что был Тельгереков и ещё какой-то «казак-кижи» (т. е. русский – *авт.*) и больше ничего» [АМАЭ РАН, Ф. 3. Оп. 1. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1].

Всего за период существования Горно-Шорского национального района было проведено шесть таких съездов, последний из которых был в ноябре 1936 г. Последним председателем Горно-Шорского райисполкома 10 июля 1938 г. был избран Николай Петрович Кусургашев [ГАТО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 380. № 45].

Сразу после съезда 9 октября 1925 г. для обсуждения вопроса «О состоянии Горно-Шорского района» было проведено заседание бюро Кузнецкого райкома ВКП (б), на котором присутствовали: с решающим голосом – Уткин,

Амосов, Тельгереков и с совещательным – Кожевникова, Козлов, Прокудин, Маликов, Михайлов. Было обсуждено состояние доходной базы будущего района и составлено ходатайство об освобождении шорских охотников от государственного сбора. При этом в протоколе отмечалось кризисное состояние охотхозяйства и необходимость организации на территории района заказника [Галаганов, 2003, с. 4]. Кроме этого, обсуждались вопросы реорганизации изб-читален под школы, открытия кустарных мастерских, развития пчеловодства и скотоводства как двух основных в те годы отраслей хозяйства, стимулирования в оплате технических работников исполкома, выезжающих в отдалённые улусы.

Началось создание районных органов власти под контролем коммунистов. 3 ноября 1925 г. был организован суд с 10 судебными участками и выездными сессиями. 5 ноября 1925 г. была проведена Первая партийная конференция Горно-Шорцевского района. На ней присутствовало 12 человек с совещательным голосом и 7 – с решающим. В первый состав райкома ВКП (б) были выбраны: Шафигула Аглеулин, Ульяна Иванова, Федор Тельгереков (единственный шорец из абинцев), Федор Моисеев, Хорин Кузьма и Щербаков. На партийном совещании по вопросам советского строительства 1 апреля 1926 г. рассматривались варианты организации 4 сельских исполкомов – Кондомского, Кузедеевского, Усть-Кабырзинского, Мысковского [ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 3; Д. 36. Л. 3]. 14 мая 1926 г. в улусе Мыски прошла Вторая партконференция, на которой и был образован Горно-Шорцевский РК ВКП(б).

Максим Горький и Полина Кусургашева. 1930-е гг. МЭИМ. ОФ 86-7.

Фёдор Степанович Чиспияков (в центре) во время учёбы на рабфаке ТГУ. 1927 г. НКМ. КП № 2074.

Под непосредственным руководством райкома партии было создано 13 ячеек ВЛКСМ, пять пионерских и две профсоюзных организации. Во всех ячейках преобладали и главенствовали в основном русские [ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 3]. Начался длительный процесс формирования современного шорского этноса.

Декретом Всероссийского Центрального исполкома «Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибкрая национального Горно-Шорского района» от 12 апреля 1926 г. законодательно было закреплено и национальное самоопределение шорского народа [Собрание Узаконений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 23. С. 179. Отд. 1]. На собрании актива района 27 апреля 1927 г. председателем райисполкома избирается Ф. М. Токмашев. Также формируется новый состав народного суда под председательством Агни Кусургашева и секретаря Н. А. Топакова, а также прокуратура и районный отдел НКВД. Центром Горно-Шорского района становится с. Кузедеево [Мамышева, 2011, с. 103–106].

Общая площадь образованного района, по данным З. П. Галаганова, составила 30 тыс. кв. км (49 тыс. кв. верст), по данным М. В. Белозёровой – 52 тыс. кв. км [Галаганов, 2003, с. 4; Белозёрова, 2004, с. 65]. По своей сути этот национальный район был одной из первичных форм советской национальной государственности малых народностей РСФСР, имеющих свою этническую территорию, компактность в расселении, экономическую целостность хозяйства и формирующийся единый шорский язык.

Данные о численности населения Горно-Шорского района и доли в нём шорцев крайне противоречивы. Согласно М. В. Белозёровой, сравнившей несколько источников, динамика численности шорцев в общем объёме населения района выглядит следующим образом: 1926 г. – 11591 чел. (из всего населения 21800–25012 чел. – в среднем официальная цифра 24419 чел.), 1927 г. – 12206 (46.1 % из 26499 чел.). Кроме шорцев в 1927 г. (в основном на северо-западе района) проживали: русские – 11545 чел. (43,6 %), мордва – 2312 чел. (8,7 %), украинцы – 259 чел. (0,98 %), чуваши – 72 чел. (0,3 %), коми-зыряне – 62 чел. (0,2 %), татары казанские – 17 чел. (0, 06 %), поляки – 13 чел. (0, 05 %). латыши – 6 чел. (0, 02 %), прочие (хакасы, корейцы и др.) – 7 чел. (0,02 %). Численность основного населения района в 1928 г. составила: русских – 11853, шорцев 11723; в 1929 г.: русских – 11853, шорцев 11591 [Галаганов, 2003, с. 14].

В 1931 г. шорцев стало 11680 чел. (33,6 % из 34767 чел. всего населения района); в 1932 г. – 12672 чел. (из 68125 чел.); в 1935 г. шорцев – 12861 (из 89176 чел.), русских – 66098 чел., однако при разделении Горно-Шорского района на три административных в них соответственно оказалось: в Кузедеевском – 28084 чел., Таштагольском – 14660 чел., Мысковском – 3812 чел., т. е. всего – 46556 чел. [Белозёрова, 2004, с. 68–74].

Шорская секция рабфака ТГУ с представителями РИКа. 1935. МИЗМ. ОФ 008.

В 1940-е гг., по подсчетам Л. П. Потапова, шорцев насчитыва-

Полина Тимофеевна Кусургашева (2-й ряд слева), Федор Тимофеевич Кусургашев (5-й слева в верхнем ряду). 18.04.1928 г. НКМ. КП 2346-2; ИФ 8527.

лось: в Таштагольском районе – 6626 чел., Мысковском районе – 2297 чел., в Кузедеевском районе около 1 тыс. и не более 1 тыс. проживало в г. Сталинске и г. Осинники. То есть в целом всего чуть более 10000 тыс. во всей Кемеровской области [Потапов, 1956, с. 519].

До 1930 г. Горно-Шорский райисполком подчинялся Кузнецкому окрисполкому и состоял из пяти отделов – административного, финансово-налогового, земельного, военного, общего и секретариата и 5 секций – административно-правовой, с/х, торгово-кооперативной, финансово-налоговой, здравоохранения). Руководство текущей работой по координации деятельности всех подведомственных исполкому предприятий осуществлял избранный исполкомом из своего состава президиум из пяти человек.

В районе, объединявшем 323 населённых пункта, первоначально было образовано 33 сельсовета, во главу которых зачастую назначались представители русского этноса из-за малограмотности подавляющего числа шорцев и недоверия к малочисленным воспитанникам православных миссионерских школ и Бийского катехизаторского училища. Чисто шорскими сельсоветами были Средне-Челейский и Чувашенский, исключительно русскими – Бенжерепский, Кандалепский, Верхне-Талинский.

В обязанности председателей шорских национальных сельсоветов входило выполнение по-

становлений и указов ВКП(б) и правительства, сбор налогов, статистический учет населения и хозяйств, организация выборов в Советы различного уровня, работа по ликвидации неграмотности, улучшению социальной структуры населённых пунктов, организация колхозов и контроль за выполнением планов. С 1926 г. председатели и секретари сельсоветов из числа зажиточных шорцев стараниями коммунистов стали вытесняться малограмотными бедняками. Большинство их не справлялось с работой, что приводило к постоянной текучке кадров. Председатели подбирались по профессиональному и национальному признакам: в национальных сельсоветах главенствовали шорцы – в большинстве своём из более грамотных «низовских», в остальных – русские из числа крестьян-земледельцев. Секретарями обычно были грамотные русские, но зачастую они совсем не знали диалекты шорского языка.

Яков Петрович Кирсанов, редактор газеты Алтайского прииска. Пос. Спасск. 1934 г.

Для исправления положения проводились курсы повышения квалификации и «коренизации» аппарата (ведение делопроизводства, судопроизводства на родном национальном языке, подготовка кандидатов из национального актива, введение служащих – представителей национальных меньшинств в государственный, советский и партийный аппараты) [Белозёрова, 2003, с. 147]. Осенью 1930 г. переписка между национальными сельсоветами и райисполкомом, судопроизводство стали вестись на литературном шорском языке, хотя в архивах почему-то сохранились документы за этот период только на русском [ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 20; Д. 31. Л. 46–47; Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 1, 4, 12, 19]. За год, с октября 1930 г. по август 1931 г., количество работников сельсоветов из числа шорцев увеличилось с 67 до 127

Рабочий типографии с. Кузедеево. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-19.

чел. Из 16 членов президиума Горно-Шорского райисполкома 13 были шорцы. В составе исполкомов сельских советов из 191 чел. 140 – шорцы [ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 47, 48]. И тем не менее, ключевые и ответственные посты в банке, суде, прокуратуре, милиции, НКВД, а также в ряде отделов РИКа (райфо, коммунальный отдел) продолжали занимать в основном русские или украинцы [ГАКО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 45. Л. 19].

Существует два противоречивых мнения относительно степени национального самоопределения шорцев. В массовом сознании современной национально-политической шорской элиты бытует мнение, что создание Горно-Шорского района определялось необходимостью формирования системы национального самоуправления. Историки же считают, что «…сложившаяся система территориальных связей и этническая специфика систем жизнеобеспечения при административно-территориальном переустройстве Горной Шории не прослеживается» [Белозёрова, 2003, с. 148], что «…Горно-Шорский национальный район создан под давлением шорского народа» и что «…образование Горно-Шорского национального района являлось формой проявления нацио-

нального сепаратизма шорцев ...» [Белозёрова, 2004, с. 62, 63].

Власть председателей национальных сельсоветов всегда (вплоть до современных глав территорий) была ограничена различными инструкциями и циркулярами. В их полномочия не входили важнейшие для местных жителей вопросы распределения промысловых территорий и регуляции поземельных отношений.

Заметную помощь неокрепшему национальному району оказал созданный в Кузнецком окрисполкоме Совет национальных меньшинств. На первом совещании в г. Щегловске 25 сентября 1927 г. среди прочих присутствовало 8 делегатов от Горно-Шорского района. Большое внимание на совещании уделялось подготовке национальных кадров, для чего планировалось открытие краевого педтехникума для обучения шорцев, хакасов, ойрот-алтайцев.

Сразу после организации района стали высказываться предложения о его реорганизации из-за дисбаланса русского и шорского населения, особенно в «северных» сельсоветах. Председатель исполкома А. Кусургашев предлагал разделить Горно-Шорский район на части, а центр района «исходатайствовать с правом округа и сделать четыре подрайона с правами РИКов» [Галаганов, 2003, с. 8]. На собрании актива Горно-Шорского района ВКП(б)

Политбеседа с работниками типографии с. Кузедеево. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-15.

27 апреля 1926 г. Ф. К. Тельгереков был обвинен Ильинским в «националистическом уклоне» за его призыв уделять в районе больше внимания именно шорскому населению. Осуждалось также предложение о реорганизации района в чисто национальный в составе Мрасской и Томской волостей. Но столицей района предлагалось избрать почему-то с. Осинниковское (в окрестностях которого предполагалось тогда строительство Тельбесского завода) или с. Кузедеевское. Население бывшей Кузедеевской волости, где преобладали русские, требовало перевода их обратно в Кузнецкий район. Высказывались также мнения о разделении района и присоединении его по частям к Бийскому уезду, Ойротии или Хакасии. В результате было принято решение о переводе резиденции района в улус Осинниковский (*Тагды-аал*). Однако на краевом совещании в Новосибирске в 1927 г. центром района было определено с. Кузедеевское.

Постановлением Кузнецкого окрисполкома за № 92 от 26 октября 1928 г. было решено организовать в Горно-Шорском районе два «аймачных» исполнительных комитета с правами волостных исполкомов и с непосредственным подчинением их Горно-Шорскому райисполкому: Усть-Кабырзинский из 7 сельских советов с населением 4726 чел. и Кондомский – также из 7 сельских советов с населением 5630 чел. К этому времени РИК

Районные курсы педагогов. п. Кузедеево. 1930-е гг. НКМ. КП 2219-87.

окончательно признал, что само название «национальный» не соответствует сложившейся ситуации, которая постоянно прогрессирует [ГАКО. Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 76. ЛЛ. 11, 12].

Паровоз на разгрузочной площадке в г. Таштагол. МЭПГШ. № НВФ 629.2.

На 1929 г. планировалась передача Кузнецкому району территории Горно-Шорского района от улуса Мыски до села Кузедеево с 12 сельсоветами, где преобладало русское население. По другому варианту, принятому III пленумом Горно-Шорского райисполкома в мае 1929 г., предлагалось разделить Горно-Шорский район на два района: собственно Горно-Шорский из 14 шорских сельских советов с центром в улусе Усть-Кабырза и Тельбесский – тоже из 14 сельсоветов с центром в с. Кузедеево. В среде алтайской и хакасской интеллигенции продолжал дискутироваться вопрос о присоединении Шории к Ойротии или к Хакасии. Поступали подобные предложения, имевшие цель укрепить национальную государственность шорцев, и в Сибрайисполком, однако поддержки они не получили [ГАКО. Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 7. Л. 249].

С началом промышленного освоения края наибольшее развитие получила горнорудная, деревообрабатывающая и золотодобывающая промышленность. Рудники Горной Шории обеспечивали сырьём КМК на 90%, деревообрабатывающая промышленность за одну только пятилетку увеличила заготовку древесины на 287%. Строительство железной дороги Куз-

нецк–Таштагол повлекло за собой появление крупных посёлков – Тельбес, Мундыбаш, Осинники и др. Так, если в 1931 г. рабочие-шорцы составляли 5,4% от общего числа всех рабочих района, то к 1949 г. рабочих-шорцев в одной только горнорудной промышленности насчитывалось 28% [Потапов, 1956, с. 128].

В указанное время всё активнее стали протекать процессы этнической ассимиляции шорцев. Численность их значительно уменьшилась относительно всего населения района. Если к началу 1930-х гг. в планируемом Тельбесском районе шорцев было 5,5 тыс. из 26 тыс. (21%) всего населения, в Горно-Шорском соответственно 9 тыс. из 13 тыс. (70%), то к 1949 г. в целом по всему национальному району шорцев оставалось немногим более 10%. Большой урон в эти годы в результате необоснованных репрессий 1930-х гг. понесла сложившаяся шорская национально-политическая элита. По обвинению в контрреволюционном националистическом заговоре были уничтожены почти все её наиболее видные представители.

Эти обстоятельства, а также необходимость изменения административных границ в связи с промышленным освоением и нарушением экономической целостности района, послужили причиной реорганизации национального района в три чисто административных – Кузедеевский, Мысковский, Таштагольский. Такое решение принял Новосибирский облисполком 29 сентября 1938 г. [ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 16. Л. 324–325. Копия. Машинопись], которое было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1939 г. [ГАКО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 66; АИАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 232. Л. 66].

В столовой райцентра. Село Кузедеево. 1934 г. НКМ. КП 514. Л. 27. Ф. 1.

В то время под влиянием известного определения нации, данного И. В. Сталиным, главное внимание стало уделяться компактно расселенным крупным национальностям, а дисперсные национальные группы, в том числе и шорцы, оказались вне поля зрения. Распространённое же тогда мнение об успешном решении к концу 1930-х гг. в СССР национального вопроса не учитывало того, что, в отличие от классовых противоречий, ликвидация фактического неравенства, в котором ещё находились малочисленные народы по отношению к нациям, процесс довольно длительный. Всего к 1934 г. на территории СССР таких национальных районов, образованных решением высших органов, было 97. В целом таких национальных районов и сельсоветов было около 5 тыс., Причём 458 национальных

районов только в РСФСР. И все они, выполнившие, как тогда считалось, основную задачу «подъёма экономики и культуры малых народов и национальных групп до уровня всего населения СССР», были ликвидированы. Так что шорцы здесь не составили исключения.

После административного разделения демографическая ситуация выглядела следующим образом:

Кузедеевский р-н – 147829 га, 63162 жит., 23 с/с и 3 п/с, 388 н.п., 126 колхозов с числом дворов 4030, 13947 га посевы, 16418 га сенокосов;

Таштагольский р-н – 88143 га, 44294 жит., 17 с/с и 4 п/с, 550 н.п., 74 колхозов из 2188 дворов, 4667 га посевы, 11238 га сенокосов;

Мысковский р-н – 37995 га, 14661 жит., 7 с/с, 76 н.п., 24 колх. и 783 дворов, 3334 посевы, 6537 сенокосов [Галаганов, 2005, с. 3].

После ликвидации национального района этническое развитие шорцев стало замедляться и принимать новые формы. Ещё некоторое время продолжалось преподавание в начальных классах родного языка, выпускалась литература на шорском языке, продолжали сохраняться фольклорные коллективы, проводились слёты сказителей, однако необходимых реальных условий для дальнейшего развития общешорской национальной культуры уже не было. Был за-

Шорские кайчи. 1930-е гг.

Известный шорский сказитель *кайчи* Владимир Егорович Таннагашев (1932–2007). Пос. Чувашка.

крыт педагогический техникум, в школах преподавание стало вестись на русском языке, прекратились публикации литературы на шорском языке. Без поддержки со стороны государства ещё до конца не консолидированный малочисленный шорский народ в условиях прогрессирующей ассимиляции самостоятельно развиваться не мог. Уцелевшие после репрессий шорские учителя и другие представители интеллигенции большей частью погибли на фронтах Великой Отечественной войны, что явилось невосполнимой утратой. За годы войны на фронтах погибло белее 2 тыс. человек. В послевоенный период главной задачей стало развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития сельских районов Горной Шории отошли на второй план.

Постановлением Совмина РСФСР № 859 от 08.06.1960 г. и решением Кемеровского облисполкома № 522 от 20 июня 1960 г. «О ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» окончательно были уничтожены все организационные формы хозяйства в сельских районах Горной Шории. Причём в южных таёжных районах взамен ничего другого не было предусмотрено и создано, что резко осложнило социально-экономическую ситуацию в Таштагольском районе. Более двух третей трудоспособного населения сельских районов переселились в города (Междуреченск, Новокузнецк

Николай Геннадьевич Кискоров (1958-2007) на молодёжном вечере. Тренер по боксу, составитель Книги Памяти шорского народа.

и др.) и крупные посёлки. Из оставшихся 3252 шорцев сельской местности Таштагольского района на 1987 г. – всего 1127 работающих (20% всего трудоспособного населения района, из которых 823 рабочих и 304 служащих, и 1000 пенсионеров. В общем наблюдалась тенденция уменьшения численности шорцев сельских населённых пунктов из-за миграций в города. К настоящему времени более 90% всех шорцев – это городские жители Южного Кузбасса, по образу жизни и культуре мало чем отличающиеся от горожан других национальностей.

На руководящих должностях шорцев к концу 1980-х гг. было не более 30 человек, из них 12 – это офицеры ГОВД. В руководстве горкома КПСС и горисполкома шорцев не было с упразднением Горно-Шорского района. Работали они в основном на стройке и промышленных предприятиях, в торговле, на предприятиях бытового обслуживания, в органах здравоохранения (где было 5 дипломированных врачей). В сельской местности стали закрываться школы из-за отсутствия детей, плохо были налажены снабжение и работа магазинов. По числу нарушений трудовой дисциплины на число работающих шорцы стабильно занимали в Таштагольском районе первое место, повсеместно было распространено бытовое пьянство.

В результате необоснованных хищнических вырубок лесных массивов и молевого сплава леса (в основном колонии-поселения уголовно осужденных учреждения ВД-30) в 1970–1980-е гг. резко сократилось количество кедровников, промыслового зверя и рыбы – основы традиционного природопользования таёжных шорцев. К середине 1980-х гг. было полностью вырублено 3 из 12 тыс. кв. км лесных угодий. Полностью уничтожены леса Амзасского, Чугунашского,

Алтамашского, Шалымского лесничеств, оголены берега рек Мунжа, Кубань, Калтарак, Сагала, Шерек и др. На весь Таштагольский район оставалось только 60 штатных охотников. Сельское население в поисках работы стало перебираться в города и крупные посёлки, а оставшееся постепенно деградировало.

Прекратилось новое строительство, дома, школы, клубы, магазины постепенно ветшали, а единственную стандартную автомобильную трассу до Новокузнецка построили только к началу XXI века. Повсеместно в малых посёлках стали закрываться школы из-за отсутствия детей: родители старались отправить их в интернаты городов Таштагола, Новокузнецка и Междуреченска. К концу 1980-х гг. из 13 клубов (на 85 населённых пунктов Таштагольского района) четыре были в аварийном состоянии, а пять требовали капитального ремонта.

В особенно бедственном положении находились жители Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского сельсоветов, где никогда не было постоянного электрического освещения, автомобильных дорог, достойного снабжения товарами первой необходимости. В Усть-Анзасском сельсовете было трудоустроено только 55 из 430 трудоспособных человек, в Чилису-Анзасском – 90 из 360.

Когда в Кузбассе ещё царила види-

На пайраме. Таштагол. 1990 г. Фото А. Трофимова.

Фольклорный ансамбль «Чылтыс» на горе Мустаг. Июль 1985 г.

мость межнациональной идиллии, а тюркоязычные народы «строили социализм», заместитель председателя Кемеровского облисполкома Г. В. Корницкий в 1986 г. обратился к этнографам КемГУ с просьбой дать объективную оценку этнической ситуации в Горной Шории и предложить меры по улучшению социально-экономической ситуации.

Главная роль в возрождении шорской национальной культуры отводилась фольклорно-этнографическому ансамблю «Чылтыс» г. Таштагола. Ещё весной 1985 г. этнографы Кемеровского госуниверситета вместе с лидерами шорского движения Н. А. Шихалёвой, Ю. К. Токмашевым, В. С. Курдаковой и другими, с одобрения местных властей и при активной помощи заведующей отделом культуры Таштагольского горисполкома Н. М. Нежниковой образовали ядро этого коллектива. В июле этого же 1985 г. ансамбль провел первый шорский национальный праздник *Ольгудек-пайрам*, ставший с тех пор традиционным.

Валентина Степановна Курдакова – одна из основателей ансамбля «Чылтыс» и шорского праздника *Ольгудек-пайрам.*

Постепенно к решению шорских проблем стали подключаться областные власти Кузбасса. Вначале 11 февраля 1988 г. было принято Решение облисполкома № 37 «О мерах по улучшению социально-экономического развития Таштагольского района». Намечено строительство автомобильных дорог до пос. Белка через пос. Ключевой, дороги до пос. Кабырза

и подсобного хозяйства Шерегешского рудоуправления в устье реки Малая Суета. Одновременно силами мехлесхоза и Шерегешского рудоуправления начали строиться подсобные хозяйства с крупнорогатым скотом, лошадьми и пасеками. Уже тогда планировалось превратить Горную Шорию в туристский центр, для чего открыть 5–7 конно-водных маршрутов, построить на реке Мрассу у пп. Кабырза, Усть-Анзас, М. Суета туристские кемпинги, в пос. Шерегеш – турбазу горнолыжников.

Межнациональную идиллию нарушил юрист В. И. Ачелов, написавший и отправивший в июне 1988 г. вместе с Н. А. Шихалёвой и А. И. Чудояковым письмо в ЦК КПСС о бедственном положении своих земляков и высказавший предложение восстановить упразднённый в 1938 г. Горно-Шорский национальный район. Для проверки письма, как это тогда было принято, Кемеровский обком КПСС и облисполком в июле 1988 г. снарядили в Горную Шорию комиссию, включив в её состав учёных КемГУ и НГПИ. По результатам работы комиссией были предложены такие меры, как восстановление Горно-Шорского района в границах Таштагольского, создание национальных сельсоветов в местах компактного проживания шорцев. Была намечена широкая образовательная программа – издание букваря, словарей, учебных пособий,

В фельдшерском пункте пос. Усть-Анзас. 1982 г. Фото В. М. Кимеева.

Конференция, посвящённая 10-летию Ассоциации шорского народа. Крайний слева – Василий Иванович Ачёлов.

книг по краеведению. Предлагалось ввести льготы для шорской молодежи при поступлении в вузы, а также улучшить работу учреждений культуры. Все государственные учреждения и организации на местах получили от властей указания способствовать возрождению экономики и культуры шорского народа.

Осенью 1988 г. для координации действий была создана специальная комиссия Кемеровского облисполкома, куда включили представителей шорской интеллигенции, учёных КемГУ и НГПИ. По предложению комиссии принимается ещё одно решение облисполкома от 21 ноября 1988 г. № 392 «О дополнительных мерах по возрождению шорской народности». Намечалось открытие при средних школах кружков по изучению языка, издание учебников, подготовка преподавателей-шорцев в Новокузнецком пединституте [Кимеев, 1997, с. 62–65].

С 1989 г. к национальному движению активно подключились представители шорской национально-политической элиты городов Новокузнецка, Мысков, Междуреченска. В феврале этого года в Новокузнецке прошло первое заседание Координационного совета различных общественно-политических групп шорцев, где был выбран руководящий орган во главе с председателем В. И. Ачеловым. Координационный совет предложил заслушать на февральском заседании комиссии по национальным вопросам

руководителей облисполкома о ходе выполнения решения от 21. 11. 1988 г. № 392, а также включить в «Программу возрождения шорских деревень» вопросы создания национального парка, прекращения разработки Белкинского фосфоритного месторождения, создания единого избирательного округа на юге Кузбасса, предоставления льгот нарождающимся кооперативам.

Представители шорской национально-политической элиты в это время готовились к проведению съезда шорского народа, который и должен был, по их замыслу, выработать новую стратегию национального движения. Основной целью было названо восстановление «государственности в форме Горно-Шорского национального округа в границах национального района 1939 г.».

На Первом съезде шорского народа, состоявшемся 17–18 марта 1990 г. в г. Новокузнецке, бывший сотрудник КГБ М. А. Тодышев выступил с основным докладом. Он и намечался в президенты созданной на съезде Ассоциации шорского народа, однако при голосовании простым большинством победил заместитель председателя Таштагольского горисполкома Георгий Челбогашев. Съезд принял резолюции «О восстановлении национальной государственности» как основное направление дальнейшей стратегии, и «О сохранении природы Горной Шории»

Первый съезд шорского народа. 1990 г. Выступает председатель президиума съезда Николай Яковлевич Чудояков. Фото А. Трофимова.

Георгий Георгиевич Челбогашев, первый президент Ассоциации шорского народа

как первоочередную задачу, направленную на спасение среды обитания этноса. Выдвигалось также требование отнести шорцев к числу малочисленных народов Севера, начать издание национальной и учебной литературы, организовать подготовку национальных кадров, обеспечить охрану территорий традиционного природопользования шорского народа. Впоследствии, вплоть до своей трагической гибели в автокатастрофе, первый президент Ассоциации Георгий Челбогашев сыграл существенную роль в возрождении шорских традиций и улучшении социально-экономической ситуации Таштагольского района.

В октябре 1990 г. в г. Кемерово прошла конференция национальных обществ и представителей национальностей Кузбасса, организованная комиссией по национальным вопросам и управлением культуры облисполкома совместно с Ассоциацией шорского народа и национально-культурными центрами (НКЦ) других аборигенов Кузбасса. На конференции представители НКЦ высказали очередное оригинальное предложение – создать в отдалённых таёжных шорских деревнях Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского сельсоветов резервации, куда должен быть ограничен доступ лиц нешорской национальности. В последующие 1992–1993-е годы шорское национальное движение окончательно принимает политическую окраску в реализации главной цели – восстановлении шорской автономии, но уже не в форме восстановления национального района, а в форме Шорского автономного округа.

Стремясь несколько погасить национальный запал, облисполком ещё 28 сентября 1990 г. принимает очередное решение № 101 «О первоочередных мерах по возрождению шорско-

го народа», где, кроме прочих мероприятий по возрождению экономики и культуры шорцев, намечалось разработать концепцию восстановления национально-территориальной автономии шорского народа, создание национальных сельсоветов. Специально созданной группой под руководством юриста В. И. Ачелова было разработано «Временное положение о национальных сельсоветах», утверждённое решением областного Совета от 20 ноября 1991 г. Однако это положение из-за противоречий отдельных его пунктов законодательству РФ изначально не могло быть реализовано в местах компактного проживания шорцев в Усть-Анзасском, Чилису-Анзасском, Чувашенском сельсоветах. По тем же причинам остались невыполненными многие пункты решения областного Совета и исполкома от 1990 г. №101 [Кимеев, 1997, с. 304].

В марте 1991 г. полностью взявшая в свои руки руководство национальным движением тюркоязычных народов Кузбасса Ассоциация шорского народа организовала и провела в г. Новокузнецке Первый съезд коренных народов Южной Сибири, пригласив представителей телеутов, калмаков, хакасов, алтайцев, кумандинцев, тофаларов. На съезде создали Ассоциацию тюркоязычных народов Южной Сибири с президентом Г. Н. Куюковым – шорцем из г. Новокузнецка, приняли Устав и резолюцию. Вскоре из-за разногласий в этом движении Ассоциация коренных народов Южной Сибири распалась, и никто более о ней не вспоминал.

В марте 1992 г. в г. Таштаголе проводится Второй съезд шорского народа, на котором М. А. Тодышев избирается председателем Ассоциации шорского народа. Было принято обращение к Верховному Совету и Правительству России,

Юрий Кириллович Токмаш – первый шорский неопаштык. Таштагол. 2011 г.

Участники II съезда шорского народа. 1992 г. Таштагол.

«…завоевавшей Горную Шорию, как и всю Сибирь в XVII в.», с требованием предоставить шорскому народу ежегодную компенсацию за «…выкачанные миллионы тонн угля, железной руды, золота, вырубленные миллионы кубометров леса и несметное количество пушнины». Принята резолюция «О территориях традиционного природопользования» с требованием не допустить передачи шорской земли в частные руки. В другой резолюции появилось требование ратифицировать Конвенцию МОТ «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и включить шорцев в список народов Севера. В главной резолюции – «О восстановлении автономии шорского народа» – выдвигалось требование внести в предстоящую повестку сессии Верховного Совета РФ этот вопрос.

По результатам шорских съездов и III научно-практической конференции 24 февраля 1993 г. вышло постановление Совета Национальностей ВС РФ «Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера». Постановлением Правительства РФ от 07.10.93 № 997 в перечень районов проживания малочисленных народов Севера были включены места компактного проживания сельских шорцев юга Кузбасса, а также с. Балыкса Аскызского района, сёла Матур и Анчуль

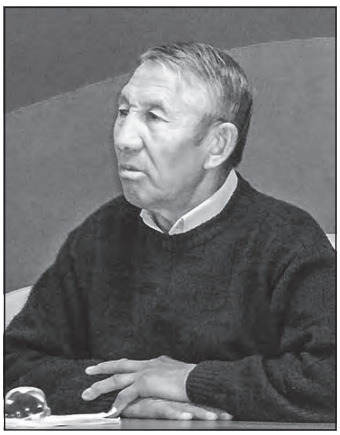
Таштыпского района Республики Хакасия [Байкалова, 2008, с. 400; Кимеев, 2013а, с. 190–193].

Требования шорских съездов не остались без внимания в Администрации Кемеровской области. В конце 1991 г. создается Комитет по национальным вопросам, который стал координировать подготовку и выпуск учебно-методической литературы, выполнение многих решений социально-экономического плана в местах компактного проживания тюркоязычных народов Кузбасса. Был обеспечен льготный прием в вузы абитуриентов из числа шорцев, татар-калмаков и телеутов. По инициативе Комитета были профинансированы многие научные исследования по проблемам возрождения аборигенных народов и проведён целый ряд мероприятий, связанных с национально-культурным возрождением шорского народа.

Президент Ассоциации шорского народа Михаил Анатольевич Тодышев (1992–1995), почётный член Совета старейшин шорского народа.

Недальновидностью руководства Ассоциации шорского народа можно объяснить решения внеочередного III съезда, на котором в г. Междуреченске 10 октября 1993 г. явочным порядком было провозглашено восстановление автономии шорского народа в форме Горно-Шорского автономного округа, причём в прежних нечётких границах. Решение съезда никто так и не признал, и оно осталось незамеченным.

Этноцентризм части шорской молодежи обострил трения между ними и русскими старожилами пос. Чулеш Таштагольского района из-за территорий природопользования, ухудшилось отношение к туристам на территории Шорского национального парка. Дошло до того, что в марте 1994 г. группа шорской общественности выразила протест против создания в г. Таштагол другой общественно-культурной организации – общины русских казаков, что,



Президент Ассоциации шорского народа Егор Александрович Бекренёв (2001–2003, 2007–2011).

в свою очередь, ещё более обострило этнополитическую ситуацию на юге Кузбасса.

С 1997 г. намеченные программы по сохранению национально-культурного и природного наследия в интересах комплексного социально-экономического развития территории Горной Шории успешно реализуются под руководством главы Таштагольского района В. Н. Макуты. Наиболее ценными особенностями Горной Шории являются её природные богатства, красота природных ландшафтов, экологическая чистота, национальный колорит населения, сохраняющего в сельской местности традиционные формы природопользования. Объединяющим началом для городского шорского населения, которое составляет более 85 % всех шорцев и постоянно увеличивается из-за притока молодежи из таёжных посёлков, продолжают оставаться национально-культурные центры и местные органы власти, а не структуры Ассоциации шорского народа.

Что касается Кемеровской региональной общественной организации «Ассоциация шорского народа», созданной в 1990 г., то её деятельность главным образом направлена на сохранение шорского этноса, защиту его прав и интересов, возрождение, выбор своего пути развития, самоуправление и право собственности на свою землю, сохранение и развитие языка, самобытной

Глава Таштагольского района В. Н. Макута с директором музея Н. А. Шихалёвой. г. Таштагол. 2003.

культуры, традиций и обычаев, традиционного природопользования в среде обитания, рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей природной среды. Постоянно действующим органом Ассоциации между съездами является Совет, в который избираются самые влиятельные представители шорской общественности, творческой и научной интеллигенции. Заседание Совета проходит не реже одного раза в квартал в разных городах Горной Шории.

Ансамбль Чылтыс, слева паштык *Таглыг Шор* Мария Ахрановна Идигешева.

За время своей 25-летней деятельности Советом Ассоциации было организовано и проведено 11 съездов шорского народа: I съезд шорского народа (18–19.03.1990, Новокузнецк), председателем избран Георгий Георгиевич Челбогашев; II съезд шорского народа (28–29.03.1992, Таштагол), председатель Михаил Анатольевич Тодышев; III внеочередной съезд шорского народа (10.10.1993, Междуреченск), председатель Михаил Анатольевич Тодышев; IV съезд шорского народа (25.02.1995, Мыски), председатель Надежда Николаевна Курпешко; V съезд шорского народа (22.03.1997, Междуреченск), президент Павел Павлович Акуляков; VI съезд шорского народа (03.03.2001, Осинники), президент Егор Александрович Бекренев; VII съезд шорского народа (22.03.2003, Новокузнецк), президент Михаил Петрович Тунеков; VIII съезд шорского народа (06.04.2007, Междуреченск), президент Егор Александрович Бекренев; IX съезд шорского народа (09.04.2011, Междуреченск), президент Михаил Петрович Тунеков; X съезд шорского народа (04.04.2015,

Никита Макарович Шулбаев, президент Ассоциации шорского народа с 2018 г.

На VII съезде шорского народа. Новокузнецк. 2003 г. Фото А. Рудакова

Таштагол), президент Светлана Михайловна Дудкина (Коныштарова); XI съезд шорского народа (16.06.2018), президент Никита Макарович Шулбаев.

Ассоциация шорского народа в настоящее время объединяет пять общественных организаций: 1) Новокузнецкая городская общественная организация «Шория», создана 18.01.1990 г., бессменный председатель Печенина Надежда Михайловна. 2) Таштагольская общественная организация шорского народа «Таглыг Шор», создана 19.10.2002 г., паштык (глава) Гафнер Надежда Гавриловна (2002–2005 гг.), Шихалёва Надежда Алексеевна (2005–2008 гг.), Идимешев Игорь Анатольевич (2008–2010 гг.), Идигешева Мария Ахрановна (2010 – н. в.). 3) Общественное движение «Междуреченское общество коренного населения «Алтын Шор», создано в январе 1989 г., бессменный председатель Первакова Евгения Николаевна. 4) Мысковское городское общественное движение «Шория» председатель Акуляков Сергей Трофимович, Кастараков Юрий Николаевич (с 2015). 5) Осинниковская городская общественная организация «Общество Шория-*Тагтагал*», создана 9.09.1999 г., председатель Камзычакова Валентина Ивановна, Шелбогашев Владимир Васильевич. Была также Калтанская общественная организация шорского народа «Общество «*Пай Кондум*», председатель Антонов Петр Сергеевич, но она была упразднена.

Игорь Анатольевич Идимешев – паштык *Таглыг Шор* (2008–2010).

По оценке активных членов Совета Ассоциации, усилиями Асссоциации шорского народа и её региональных общественных организаций при поддержке Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации шорцы были включены в список народов Севера, а затем в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255.

При активном участии Ассоциации шорского народа в разных городах юга Кузбасса ежегодно проводятся областные национальные мероприятия: праздник «Пайрам», Спартакиада коренных малочисленных народов Кузбасса, «*Чыл-Пажи*» (шорский Новый год), конкурс шорских красавиц «*Кен-кыс*», детский фестиваль «*Элим*», «Торбоковские чтения», детская языковая деревня «*Каратаг*». Кроме этого, при поддержке Ассоциации шорского народа и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на территории Кузбасса реализовано три проекта, получивших грант Общественной палаты России по распоряжению президента Российской Федерации: «Информационное обеспечение и защита прав шорского народа» (2008), «Шорские национальные игры и виды спорта» (2009), «Правовое просвещение коренного населения Горной Шории в области развития общественного территориального самоуправления» (2009).

Информационный центр «Шория», созданный в 2007 г. на базе Новокузнецкой городской общественной организации «Шория», с привлечением волонтёров издаёт шорский информационный бюллетень «Темнер» («Времена»)

Надежда Михайловна Печенина – общественный деятель, член правления и соучредитель городского общества «Шория», области. Депутат Законодательного собрания Кемеровской области I-II созывов (1994–2000).

Президиум XI съезда шорского народа: Ю. Н. Кастараков, П. П. Акуляков, Н. М. Шулбаев (избранный президент). Фото Л. П. Кирсановой. Таштагол. 2018 г.

и информационные сайты. Возглавляет редакционную коллегию Н. М. Печенина. На средства гранта американского фонда «За демократию и развитие» (1996), а также гранта от посольства Нидерландов в России (1999) в г. Междуреченске стал издаваться информационный бюллетень «Туган Чер» (руков. проекта Л. И. Чульжанова).

Многолетнюю работу по возрождению шорской национальной культуры осуществляет И. А. Идимешев – зам. главы Шерегешского поселкового управления. Он умело использует свои незаурядные организаторские способности для создания достойного образа жизни всего населения туристического п. Шерегеш, а также с помощью всеми признанного шаманского дара от предков умело регулирует межнациональные отношения в этом сложном регионе.

Первый голос за нового президента. Заместитель главы района по национальным вопросам Сергей Владимирович Адыяков.

Традиционно-бытовая культура шорцев

Основные занятия и промыслы, домашние ремесла

Охота. Мясо-пушная индивидуальная охота как основа жизнеобеспечения была главным занятием всех локальных групп исторических предков шорцев. С охотой связано множество фольклорных сюжетов, например, в шорском героическом эпосе образами реальной жизни героев являются охотничьи шалаши. В конце XIX – начале XX вв. у шорцев сформировался охотничий комплекс с его чётким разделением на пассивную (с использованием стационарных самоловов), активную (с помощью собаки и лука, а впоследствии – ружья) и промежуточную (с собакой и сетью-обмётом) охоту. Соотношение этих взаимодополняющих видов

Охота на белку.
Пос. Дальний Кезек. 2004 г.
Фото Р. Салихова.

менялось в зависимости от видового состава фауны, среды обитания и социально-экономического положения самих охотников. Безусловно, что в процессе реформ царской, советской и современной российской административных систем формы охоты эволюционировали. Однако, несмотря на модернизацию современной жизни, значение её сохранилось до сих именно как определяющий фактор идентификации у сельских и у городских шорцев.

Согласно описаниям охотоведов, путешественников и этнографов, в конце XIX – начале XX вв. зимний сезон начинался с закреплением снежного покрова в середине ноября и длился до конца декабря. До снега верхом на лошадях в перемётных кожаных мешках завозили в балаган охотничьи припасы и продукты для артели. Уходили на промысел *харыг* артелями из 5–6 человек, в состав которой брали молодого парня и сказочника, которые следили за балаганом, варили на костре ужин, помогали снимать шкуры с добычи, рассказывали перед сном сказки под аккомпанемент струнного *комуса*. По возвращении в улус охотники пережидали самое холодное время, отмечали зимний праздник *кочо-кан* и уже поодиночке в феврале уходили на полтора-два месяца. Осенний сезон для ближней охоты длился с августа до начала ноября, а зимний – периодически по нескольку недель до середины февраля в зависимости от погоды.

Весной, сразу после схода в тайге снега и начала тока (игры) глухарей, *селей ойн*, опять на неделю уходят на промысел под руководством выборного, самого опытного старейшины *баштыры*, который определяет места охоты и производит делёж *улеш* добычи.

Из пушных зверей в начале XX в. добывали более всего бурундука *керюк* (более 60%), затем шли белка *сакил* (более 30%), заяц *козан* (более 2%), серая крыса *арлен* (более 2%), колонок *сарас* (около 2%), горностай *аккузулук* (0,4%), хорёк *шарлак* (0,36%). В незначительных количествах добывали летягу *табырган*, лисицу *тюркю*, крота *кускок*, барсука *морсук*, соболя *албуга*, выдру *кандус*, рысь *ус*, росомаху *кунуджак*. Из копытных для личных нужд в небольшом количестве добывали марала *сын*, оленя *акик*, лося (сохатого) *план*, козулю (кабарга) *киик*. Иногда убивали медведя *апшак*, стараясь сохранить это в тайне. При этом обязательно совершали обряд искупления вины. Из птиц добывали в основном тетеревов, глухарей и уток [*Хлопина*, 1992, с. 112].

Основным орудием охоты на крупного и пушного зверя вначале являлся черёмуховый лук, укреплённый в средней части костяными или деревянными накладками с тетивой из сухожилий или скруток из верёвки. Поражали животное деревянными стрелами *соган* без оперения с деревянным, костяным или кованым железным

Сборы на охоту.
Пос. Дальний Кезек. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

Шорцы-охотники. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Колл. № 662-1

двух- и трёхгранным наконечником *окча* различных форм: листовой, ромбовидной и обратнотреугольной. На мелких зверьков и птицу использовали «свистящие» стрелы *сыгырткаш* с цилиндрическим, коническим или овальным наконечником, вырезанным воедино с древком. Стрелы носили у пояса в колчанах *саадак*, вырезанных из дерева и сужающихся книзу, обтянутых снаружи кожей и украшенных вдоль края кожаной бахромой.

С середины XIX в. в обиход (посредством торговцев и кооперативов) стали активно внедряться пистонные ружья ижевских заводов, сначала шомпольные, а со второй четверти XX в. «переломки или берданки» *мылтык*. Мелких зверьков (бурундука, белку) продолжали добывать выпущенной из лука с роговой обкладкой стрелами-свистульками с утолщением на конце, чтобы не портить шкурку. На бурундука использовали волосяную петлю, подвешенную на длинном пруте, подманивая его свистом. На птиц и мелких пушных зверей устанавливали разнообразные силки: *селей кылы* – силок на глухаря, *сыыма кылы* – силок

на рябчика, *туглу кылы* – силок на лисицу, *тиин кылы* – силок на белку [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 1, с. 95–97]. Крота добывали летом с помощью придавливающих жердяных конструкций *кулёмок* или проволочных ловушек *капкан.* На зайцев обычно ставили петли *кыл*, птиц приманивают свистками. Наряду с традиционными орудиями лова в настоящее время используют и современные проволочные кротоловки.

На копытных устраивали засады, заранее рассыпая в определенных местах соль, рыли маскировочные ямы с кольями или ставили самоловки-удавки, сети, самострелы, последние с 1920-х гг. были повсеместно запрещены. Из давящих орудий использовали плашку *басмак/пасмак* из двух массивных досок или полубрёвен, которая полностью накрывали тело зверька и не повреждая шкурку. На белку настораживали плашку на дереве, на горностая – на земле. Медвежья кулёма состояла из двух бревенчатых стен, укрепленных вбитыми в землю кольями и давка из толстого бревна. Для заячьей кулёмы ставился круглый дворик из жёрдочек, при этом жерди втаптывались в снег. На колонка использовали дуплянку *сокпа,* состоящую из полого обрубка с полукруглым отверстием в боку и давка в виде меньшего по диаметру деревянного цилиндра со сторожком. Устанавливали дуплянку, приставляя её вертикально отверстием к норе. Ловили колонка и сетью-рукавом *пара*,

Охотничья избушка и лабаз. Реконструкция Василия Карпушкина. Экомузей «Тазгол». Фото В. М. Кимеева. 1992 г.

Детские игры в охотников. Пос. Средний Бугзас. 1984 г. Фото. В. М. Кимеева.

также приставленной к норе в дупле дерева, по которому били колотушкой. На выдру также ставили сети *пара* или тальниковые морды *сугэн.* Но самыми распространёнными были вильчатые, порожковые, лопаточные и рамочные черканы *шергей,* а также кротовый *черкан* с деревянной трубой, не имеющий аналогов у других народов Сибири. Большинство типов шорских ловушек – кляпцы, ставные луки-самострелы, кулёмы на зайца, силки на птицу имели довольно широкий ареал распространения, включая Евразию и Северную Америку, и не были самобытными.

Иногда в осенний период подманивали крупных зверей с помощью кедровой конусовидной трубы-манка *сыын пыргазы* из двух выдолбленных кедровых половинок, скрепленных кишками домашних животных, издающей крик самки, призыв самца на поединок или крик детеныша [Потапов, 1936, с. 43; Бутанаев, 1989, с. 129]. Сейчас на них в основном ставят петли *тузак,* силки *кыл* или бьют из ружья и карабина. Крота перестали добывать из-за отсутствия спроса. Остаются в употреблении железные кованые дуговые капканы, приобретённые в разные времена на ярмарках у торговцев или в магазинах заготовительных организаций. Соболя ловили в распадках длинными сетями, закреплёнными на кольях, окружая ими место засевшего зверька. Нижний край сети

обкладывался камнями и присыпался снегом, по верхней кромки сети подвешивались колокольчики. Внутри образуемого сетью круга разводили несколько небольших костров, от дыма которых соболь покидал нору и метался, пока не запутывался в сети [Потапов, 1936, с. 50].

Вся добыча делилась поровну между членами артели и доставлялась в улус на прямокопыльных, двухполозных черёмуховых или тальниковых нартах *шанак* с верёвочными лямками или в волокушах *сюртка* из стянутой веревочным шнуром шкуры лошади, реже – переносилась в кожаных мешках за спиной [Потапов, 1949, с. 18]. Сами охотники передвигались на широких черёмуховых лыжах саяно-алтайского типа *шана* с полозьями, обитыми *камусом* (полосками прочного меха снятого с голени лошади). Тормозом и рулём при спуске с горы служила универсальная деревянная лопатка *каёк*, которая использовалась также для разгребания снега при постройке охотничьего балагана и установки капкана на тропе.

Охотничьи кресала.

Охотничье снаряжение, кроме ружья, состояло из переброшенной через левое плечо сумки *арчемак* из кожи или барсучьего меха для добытой пушнины и ремня-портупеи *натруски* через правое плечо с набором охотничьих принадлежностей (пороховницей *мюс* из коровьего рога, кожаным мешочком *лапшик* для дроби и пистонов, костяными мерками и металлическими отвёртками для ремонта ружья). Исследователи полагают, что натруска была заимствована у русских охотников вместе с покупными шомпольными ружьями [Кимеева, 2007, с. 16]. С появлением ружей-переломок *натруска* в снаряжении охотника была заменена на патронташ. На втором поясном ремне *кушак* висели холщовый кисет *нанчик* или берестяная

Охотничий пояс-натруска. КМАЭЭС, б/н.

Сборы на охоту. Охотничья волокуша – *сюртка*. Пос. Усть-Ортон. 1982 г. Фото В. М. Кимеева

табакерка, курительная трубка *канза* и нож *пычах* в ножнах *калып*. Сзади за пояс затыкался топор *малтыг* с железным обухом в кожаном чехле.

Промысловая одежда состояла из куртки *кендырь-шабыр*, сшитой из домотканого полотна, поверх неё надевалась вторая – войлочная, простёганная, с барсучьим воротником; домотканых штанов, заправленных в кожаные сапоги. Носки заменяла трава *азагат*. На голову надевали холщовую шапку или, или как у кабырзинцев, – платок, на руки – рукавицы из кожи или кендырной ткани.

Для незапланированного ночлега строили временный жердчатый *балаган одаг* из невысоких пихт, приставляя их к раскидистому кедру. Землю внутри балагана, очищенную от снега

лопаткой *каек*, прогревали костром и застилали потухшие угли хвойными ветками. Сверху балаган для сохранения тепла закидывали снегом.

Стационарную охотничью юрту рубили из тонких пихтовых стволов у ручья на промысловой территории. Вокруг неё каждое лето со стволов близко растущих деревьев снималась кора, после чего они засыхали и служили хорошим топливом. Рядом строили бревенчатый лабаз *тастак* для провианта и охотничьего инвентаря. На ночь охотники располагались в балагане, разваливаясь по старшинству на шкурах копытных у костра, сложенного от входа до противоположной стены [Потапов, 1936, с. 31].

Охотник с нартами и посохом из пос. Эльбезе. 1984 г. Фото В. М. Кимеева.

Перед отправлением на охоту шорцы совершали жертвоприношение, которое повторялось в течение всего промысла. По дороге к месту охоты шорцы останавливались около каждой чем-либо выдающейся горы или дерева, кропили абырткой и обращались с просьбой дать зверя со словами: «Если выслеживающему зверя, вспотевшему человеку из зверей твоих одного-двух покажешь, благодарение воздаем». Поэтому при следовании по тропе экскурсовод делает остановки, кропит из чашки брагой и рассказывает легенды.

Ловля бурундуков петлёй. Пос. Дальний Кезек. 1981 г. Фото В. М. Кимеева

После обрядов у очага в охотничьей избушке сказитель-шорец исполняет охотничьи песни, играя на щипковом *комусе* с двумя струнами. В избушку является женщина-шорка, символизирующая хозяйку горы «*Таг-еези*» с угощениями и совершает ряд обрядов, описанных в следующих легендах:

Особенно часто охотникам-мужчинам являлись хозяева горы в образе женщины. Это или сама хозяйка горы, или дочь хозяина горы, или мать хозяина горы. Явившись к охотнику в избушку, она говорила ему: «*Мен тагäзі Кызы мын*» – «Я хозяина горы дочь есть». Она подзывает к себе охотника, называя его по имени. Если же он откликается, то заболевает и сходит с ума. Обычно она предлагает себя в жёны охотнику: «*Мен саҕа парарҕ санапчам*» – «Я хочу

за тебя выйти замуж», говорит она ему. Или подходит к нему со словами: «*Сен мені ал*» «Ты меня возьми» и обещает, что если охотник согласится, он добудет много зверей и богатство. Обычно шорцы говорят, что хозяйка горы душу мужчин ловит/схватывает, чтобы сделать своим мужем. Когда хозяйка горы отбирает душу у человека, он сходит с ума, поёт, камлает, ничего не ест, ходит по лесу и всё повторяет: «В гору пойду».

По мнению всех алтае-саянских тюрок, видеть во сне, что общаешься с женщиной, значит иметь удачу на охоте. Перед отправлением на промысел запрещается иметь половое общение с женой. Если жена изменит охотнику, промысел его будет неудачен и т. д. Несравненно реже хозяин горы вступает в общение с земной женщиной. Женщинам мало приходится иметь дело с лесом и горами. Вот почему из всей массы легенд о сексуальном общении хозяев горы с людьми только сагайская рассказывает, как однажды девушка с реки Аскыса пасла овец и услышала голос в горах. Она откликнулась. Пошла искать, кто её кричал, – никого не было. С тех пор её всё время тянет к обрыву горы. Стала себя неспокойно чувствовать. Во сне постоянно видела, будто она беременна. Шаман камлал и объявил, что хозяин горы взял её себе в жены, имел с ней общение, от него она и беременна. Теперь эта девушка вышла замуж, но до сих пор не совсем нормальная. По-прежнему видит всё тот же сон.

На промысле. 1996 г.
Пос. Верхний Лабыш.
Фото Д. Коробейникова.

Звери составляют собственность хозяина тайги. Только с разрешения хозяина тайги охотник может поймать зверя. Звери называются скотом хозяина горы; шорцы и сагайцы просят в молитве, чтоб он дал им свой скот. Явившись ночью к охотнику-шорцу, горный дух горевал о пропавшей у него собаке, а наутро охотник нашел в сетях соболя. Убить пожалел и привязал его. К нему явилась хозяйка горы и спросила: «Зачем ты поймал мою собаку?».

У шорского рода *кый* в верховьях Мрассу существовала примета: если охотник увидит во сне, что ему подарили жеребца или он украл жеребца, то он, наверное, убьёт оленя. Хозяин горы и его дети распускают зверей по тайге, посылают их к охотникам, а рассердившись, запирают их в горе и тогда прекращается удача на промысле. Убив ценного зверя, охотники-шорцы размахивали им и благодарили хозяина, за то, что послал его. Непременно жертвуют часть добычи духу.

При неудаче на промысле, при болезни охотника или когда увидят во сне, что хозяин бьёт их или толкает, при нестихающих бурях они устраивают специальное угощение хозяину тайги и просят о помиловании, будучи уверенными, что прогневали его чем-либо.

Охотничья артель колхоза Наа-Чадых. 1930-е гг. НКМ. КП 514. Л. 31. Ф. 3.

Загонный способ охоты на копытных назывался *хорыг*, точно так же назывался и сам промысел в целом. Весь охотничий

комплекс у шорцев складывался с учётом опыта соседних тюркских народов Саяно-Алтая и русских сибиряков, ориентируясь с конца XIX в. в основном на товарный характер пушного промысла с увеличением спроса со стороны государства и частных скупщиков из числа шорских купцов.

Охотник В. Е. Тотышев. 1940 г.
НКМ. КП 7002. №1456.

После массового изъятия у шорцев всех охотничьих ружей во время военного положения после окончания Гражданской войны, с 1922 г. советские карательные органы взяли под жёсткий контроль регистрацию охотников, возвращение старого и приобретаемого ими нового оружия, определяя нормы огнестрельных припасов для промысла, правила ведения охоты и объём возможной получаемой продукции. На отдельные промысловые виды диких животных был установлен запрет [ГАТО. Ф. Р-28. Оп.1. Д. 1281. Л. 22]. Заготовители из числа бывших скупщиков из мысковских торгующих шорцев – «садыгчей», несмотря на заверения новой власти об отмене прежних недоимок, втайне сохранили старые долговые расписки, систему кредита и прямого товарообмена пушнины на спиртное. Причём кредиты предоставлялись не индивидуальным хозяйствам, а интегральным объединениям.

Основными скупщиками пушнины после вытеснения частных скупщиков стали отделения Губсоюза (1921–1923-х гг.) и фактории Хлебопродукта (1923–1924 гг.), позднее преобразованного в Кузнецкий Госторг. Их конкурентами были агенты Бийского Госторга, Центрального

товарищества Москвы (ЦАТО), Русского Акционерного общества (РАКО), Акционерного общества «Сырьё», Охотсоюза, сбивавшие цены на продукцию и нередко предоставлявшие в качестве кредита спиртное [Дыренкова, 1994, с. 121; Янушевич, 1994, с. 115]. Экономическое тяготение шорских хозяйств стало ориентироваться в сторону Бийска, а не Кузнецка, как до советской власти. Для преодоления этого, по проекту уполномоченного Сибревкома Гайсина, в составе РИКа было создано бюро в составе Ф. К. Тельгерекова, М. В. Чудоякова, С. А. Тодыякова, назначались уполномоченные от трёх волостей для активной пропаганды идей потребкооперации, вербовки пайщиков и получения кредитов [ГАТО. Ф. 480. Оп. 1. Л. 65]. Акцент был сделан на создание интегралкооперативов как самостоятельных юридических лиц, которые занимались снабжением, сбытом продукции, кредитованием, мероприятиями по улучшению промысловых участков и имели основной, запасной и специальный капиталы. При активном содействии таких кооперативов обустраивались лечебницы, столовые, школы, клубы.

Перед началом коллективизации осталось только две организации – «Сибторг» с шестью факториями и «Охотсоюз», объединивший интегральные дотационные кооперативы и акционерное общество «Сырьё», общества потребителей, а также одиннадцать отделений охотничьего товарищества [Белозёрова, 2003, с. 151]. Ежегодно для изъятия недоимок на места направлялись члены РИКа, которые при невозможности уплаты изымали и распродавали имущество должников соседям. При этом процветало массовое укрывательство добычи в тайге на охотничьих заимках. В целом вся си-

стема организации торговли, как и в досоветский период, способствовала распаду родового принципа организации охотопромысловых артелей, исчезновению имевшихся форм родовой взаимопомощи. Материалы научно-промысловой экспедиции 1928–1929-х гг. показывают, что у взрослого мужского населения улусов Горной Шории более четверти годового календарного времени уходило на занятие охотничьим промыслом.

Маркел Михайлович Молтояков. Улус Чульджан. 1932 г.
НКМ. КП 7003-9. № 1489

В конце 1920-х гг., перед началом коллективизации, хозяйственная жизнеобеспечивающая модель коренного населения Горной Шории была завязана на охотничий промысел. Одинаково высоко были развиты оба направления охоты: пушное, товарное по своему характеру, и мясное, носившее семейный потребительский характер. Охота давала местному населению мех и шкуры, которые шли на пошив и отделку одежды.

Государственные мероприятия второй половины 1920-х гг., выразившиеся в создании на местах Туземных советов, в упорядочении системы заготовок пушнины и поставок потребительских товаров через кооперацию, позволили преодолеть кризисные явления в охотничьем промысле, имевшие место в начале 1920-х гг. Охотоустроительные работы 1930–1940-х гг. по расселению соболя и нового для Горной Шории зверька норки позволили увеличить добычу этих ценных зверьков в последующие десятилетия.

Просушка шкур.
1925 г.
Фото И. Д. Старынкевич.

Начавшаяся в 1930-х гг. коллективизация сломала традиционную жизнеобеспечивающую модель шорцев. Активно продвигались полеводство и огородничество даже там, где этому не способствовали природно-климатические условия. Сократились сроки пребывания промысловиков в тайге. Великая Отечественная война оттянула значительную часть мужского населения от участия в охотничьем промысле. В настоящее время в Горной Шории наблюдаются процессы, характерные и для других таёжных районов Сибири. Потери мужского населения в годы войны, отток молодёжи в послевоенные годы на горнорудные, металлургические предприятия Таштагола и Кузбасса, укрупнение колхозов, вызвавшее ликвидацию «неперспективных» посёлков, – всё

это привело к резкому сокращению той части шорского населения, которая некогда активно занималась охотничьим промыслом. Плачевное положение охотничье-промыслового хозяйства в Горной Шории усугубляется нерегулируемыми хищническими лесопорубками, приводящими край в запустение.

Несмотря на имеющиеся трудности, профессия охотника по сей день остается престижной. У шорского сельского населения сохраняются традиционные промысловые навыки. Большинство охотников-шорцев умеет изготовить и подогнать охотничье снаряжение, самоловные снаряды с учетом местных традиций и природных условий. Формирование охотничьих навыков у подростков старшим поколением в семье заканчивается к 10–12 годам, а с 14–16 лет они, как и прежде, уже настоящие охотники. Подросткам передавалась вся сумма знаний в области рационального природопользования (ряд запретов на сроки, на посещение в тайге мест, где нагуливался зверь). Соблюдение норм обычного права, свято поддерживаемого старшими членами семьи, рода («старики закон держали» – Д. В. Кискоров, пос. Б. Кезек, 1987 г.), позволяло относительно безболезненно регулировать конфликтные ситуации, возникавшие между артелями охотников из разных посёлков при освоении промысловых угодий [Бычков, 1994, с. 183].

Снаряжение охотника с лыжами.
Пос. Усть-Кабырза.
1970-е гг.
КМАЭЭС. Инв. № б/н.

Рыболовство. Несмотря на то, что большинство улусов и аилов исторических предков как северных (абинцев), так и южных горнотаёжных (бирюсинцев) шорцев обычно располагались по берегам богатыми рыбой рек Мрассу, Кондомы и Томи с многочисленными притоками, рыболовство до сих пор носит подсобный и сезонный характер, а улов в основном идёт для внутреннего потребления. Только жители низовьев Мрассу вывозили на продажу в г. Кузнецк в летне-осеннее время хариуса, налима, тайменя, щуку, в остальных местах потребляли сразу после промысла. Добычей мелких рыб (чебака и пескаря) занимались исключительно молодёжь, женщины и старики – неводом или сачком. Из орудий промыслового рыболовства использовали длинные (до 50 м) сети *энгме* из кендырных нитей, плетёные из тонких ивовых прутьев конические мордушки *суген* или *скочен*, заколки *агаш суген*, экраны *уске*, удочки, закидушки, а в 1980-х гг. под влиянием переселившейся на р. Мрассу семьи челканцев стали внедряться «кораблики».

На мелких речках в центральный проём «заездку» из камней, кольев и прутьев в виде

Ловля рыбы руками. Пос. Усть-Анзас. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-9.

направленного по течению реки угла приставляют сплетённый из ивовых прутьев прямоугольный ящик *ашпар* длиной до трёх и шириной до одного метра с приподнятой над водой противоположной стенкой [Потапов, 1956, с. 503; Кимеев, 1989, с. 91]. Осенью или после летних дождей мусор забивал щели плотины, уровень воды повышался, и спускающаяся вниз по реке рыба скапливалась в «заездке» и устремлялась в ящик, попадая по инерции в его сухую возвышенную часть, и там погибала [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84].

Ящик *ашпар* для ловли рыбы.
Пос. Усть-Анзас. 2015 г.

Осенью «лучили» крупную рыбу, высвечивая её на дне реки факелом, а в наше время – бензогенератором с осветительной фарой, установленной в носовой части лодки, затаившихся крупных тайменей, налимов и щук, накалывая их острогой – четырёх-пятизубцем на древке или однозубым гарпуном-крючком, прикреплённым к борту лодки. Иногда крупных рыб днём стреляли из лука деревянными стрелами. Из крючковых орудий пользовались удочками и перёметами. Крючки выковывались местными кузнецами или были покупными. Осенью ставили сети *энгме* с привязанными к верхнему краю деревянными или берестяными поплавками и грузилами по нижнему из оббитой гальки. Для этого окружали участок реки и, заплывая в образованный круг на лодке, шестами загоняли в сеть рыбу. Раньше у шорцев были и комбинированные сети *камнык ачи*, специальное устройство ячеек которых позволяло

Ловля рыбы бреднем.
Фото Н. П. Дыренковой.
1927 г. МАЭ. Колл. № 3662-5.

использовать их для ловли рыбы разной величины. Кроме сетей, рыбу ловили с помощью бредней и тягловых неводов [Шорцы. Каталог.., 1999, с. 139].

До начала XX в. сохранялся архаичный способ ловли крупной рыбы с помощью затягивающейся петли из конского волоса, прикреплённой к концу длинной жерди [Потапов, 1936, с. 87]. Крупную рыбу (тайменя, налима, щуку) также накалывали кованой острогой (гарпуном-однозубцем, а также четырёх- и пятизубцем), стреляли из лука деревянными заострёнными стрелами, а мелкую иногда ловили сачком из кендырных ниток или нитчатым рукавом *пара*, суживающимся с одного конца и имеющим обруч на другом. Сачком в виде сплетённого из ниток конического мешка, укреплённого на деревянном ободе с длинной ручкой, ловили рыбу в мутной воде. Один из рыбаков опускает его на дно мелкой речки, а второй ворошит камни палкой или ногами, поднимая муть, которая привлекает целые стайки мелкой рыбы [Кимеева, 2002б, с. 124–133].

Шорские рыбаки самостоятельно плели сети из конского волоса, крапивных и кендырных нитей. Более всего ценились сети из конского волоса, отличающегося прочностью, он не преет и быстро не высыхает. Для плетения пользовались мерками для измерения ячеек сети и иг-

лой для наматывания нитей. Прямоугольные удлинённые деревянные мерки употреблялись для плетения сетей из длинных нитей. Были также иглы в виде узкой длинной палочки с прорезью в средней утолщённой части [Попов, 1955, с. 96].

Ремонт сети Я. Н. Улагашевым. Пос. Абагур. 1956 г. НКМ. КП 3467-55.

Свидетельством древности рыболовства у предков шорцев являются легенды, где богатыри строят в реке загородки для рыбы, вколачивая колья в реку при помощи толстых деревянных колотушек [*Потапов*, 1936, с. 85]. Только шорцы вместо морды устраивали ящики – *ашпар/колта/таштaлба.* У них также до начала XX в. практиковался архаичный способ ловли рыбы петлёй и бытовал локальный вариант игл для плетения сетей [Кимеева, 2002б, с. 131].

Однозначным выводом является то, что рыболовство шорцев всегда носило в основном потребительский характер и развивалось с учётом накопленного опыта. От соседей были заимствованы: корчага/корчажка, железные рыболовные крючки и уды, отдельные виды сетей, способ рыбной ловли «лучением», возможно, некоторые характерные для русских приемы рыбной ловли с помощью заездка, сооружаемого из камней и кольев.

Особо почитался у рыболовов водный дух *суг-ези* и его активность во время ледохода. Персонаж хозяина реки присутствует в рассказах, относящихся к весеннему ледоходу.

Плетение мордушек.
НКМ. КП 2338 ИФ 8298

«Когда остановилась вода (образовался затор на реке), – пишет миссионер В. Вербицкий, – инородцы (шорцы) объяснили, что *суг-ези*, трудившийся своими зубами взломать лёд, на своих же шайтанских плечах и попёр его вниз. Поэтому ему заблагорассудилось у горы Катуни напиться чаю, а у Стрельного камня (название горы) позавтракать». В записках много легенд шорцев, которые объясняют образование заторов на реке тем, что хозяин реки втыкает свой посох и этим сразу останавливает лёд, или же тем, что хозяин горы засыпает, обычно подвыпив водки, лёд не продвигается, и нагромождаются груды льда. В последнем случае необходимо спешно совершать особое камлание, чтобы шаман разбудил хозяина, иначе вода затопит окрестные улусы. Легенда шорцев рассказывает: «Когда хозяин реки весною двинулся во время ледохода вниз по реке, он по пути отправился в гости. Напившись у него пьяным, заснул.

Ловля мелкой рыбы сачком.
Пос. Усть-Анзас. 1984 г.
Фото В. М. Кимеева.

Ледоход в тот же момент остановился, вода поднялась и стала затапливать улусы. Напуганные жители пригласили шамана и устроили камлание. Шаман во время обряда отправился в жилище горного хозяина. Войдя через горные двери

в его жилище, он увидел спящего хозяина воды. Боясь разбудить его, он насыпал ему за шиворот муравьёв. Вернувшись, шаман объявил присутствующим, что лёд скоро двинется. Действительно, от укусов муравьёв хозяин реки проснулся и зашевелился – сразу же пошла река, и в тот же момент двинулся и лёд».

Выдающийся улов. МКМ, б/н.

Хозяин реки мыслится особенно часто в женском образе. В рассказах говорится то о хозяине реки, то о дочери хозяина воды. Это девица с длинными рыжими волосами, «*сарыт шаштыт кыс*». Она сидит на берегу и расчёсывает их гребнем. Она утягивает в реку мужчин. Если испугать хозяйку воды в то время, когда она расчёсывает волосы, она бросает гребень через плечо на землю. Тот юноша, который сумеет поймать этот гребень, непременно утонет, если даже он будет всячески избегать воды. «Такому человеку лучше к воде не подходить», говорят шорцы. Достаточно того, чтобы такой юноша подошёл напиться к маленькому ручейку или чтоб его конь оступился в рытвине или яме, *суг-ези* затягивает человека. Юношу, увидевшего хоть раз, как хозяйка воды расчёсывает волосы, неудержимо будет тянуть к воде.

Запреты во время рыбной ловли. Рыбаки во время ловли рыбы должны соблюдать ряд запретов. Им запрещается смеяться, ругаться, громко кричать, а тем более говорить что-либо оскорбительное или насмешливое по отношению к хозяину реки. Старики-шорцы рассказывают, что при случайной и неожиданной

Зимняя рыбалка.
Пос. Усть-Анзас. 2004 г.
Фото Р. Салихова.

встрече с хозяином реки на рыбной ловле надо не теряться, а сразу снять шапку, поклониться ему и просить его «отдать людям его рыбу». Говорить с ним надо на его языке. Слова эти знают лишь старые рыбаки и хранят их в тайне, иначе слова потеряют свою силу. Прежде чем приступить к рыбной ловле, старики-шорцы иногда совершают кропление вином хозяину реки. Алтайцы привязывают ленточки на дерево около места рыбалки. Карагасы перед тем, как ловить рыбу, привязывают к дереву лоскутки или рубаху, возле дерева жгут богородскую траву, брызгают чай, молоко, жир, масло. Передаётся пища хозяину воды посредством огня, её бросают не в воду, а кладут в огонь.

Запреты и жертвоприношения во время ледохода. В момент вскрытия и замерзания реки, когда хозяин волен затопить улусы, унести детей скот и т. п., стараются его всячески задобрить. «Шорцы, живущие по р. Кондоме, пишет В. И. Вербицкий, – когда пошла вода от мала до велика толпились на берегу и умывались сами и детей с верою быть здоровыми в продолжении целого года, обводили вокруг головы 3 раза куском хлеба и бросали в реку, брызгали вверх водку в честь хозяина воды». Старики-шорцы на р. Мрассу и её протоках выходят весною и осенью на берег реки около своих юрт, брызгают водку и позо (брагу) в воду и почтительно кланяются реке.

Собирательство. В мае-июне в Горной Шории начинается сезон активного сбора черемши (колбы), в июле – ягод, грибов, а с конца августа – добыча кедрового ореха. Чернику собирали скребками-бралочками, а грибы срезали и укладывали в берестяной короб, подве-

шенный через плечо на ремне [Записки миссионера…, 2008, с. 98].

Недостаток продуктов питания шорцы восполняли сбором корней кандыка и сараны, пиона, колбы, лука, чеснока, дягиля, борщевика и различных ягод. Они называли месяц май *пес айы*, т. е. месяц кандыка, съедобные корни которого являлись серьёзным подспорьем в их питании. Для выкапывания корней кандыка и сараны пользовались корнекопалкой *озуп* с изогнутым черенком длиной до 60 см с поперечной перекладиной для ноги и железным наконечником. Съедобные корни складывали в прикреплённый к поясу берестяной короб *нанда*. Собранные корни кандыка слегка разваривали и нанизывали на тонкую деревянную полоску, которую затем сгибали в кольцо и сушили. Такие связки обменивали у хакасов на молочные продукты. Кроме того, кандык издавна использовали для приготовления браги – *абыртки*. Клубни высушенных кандыка, пиона и сараны растирали на плоских каменных зернотёрках и пекли из полученной крупы лепёшки или варили кашицу, нередко добавляя *талкан* из поджаренных и размолотых на каменных жерновах зёрен ячменя [Потапов, 1983, с. 63, 77].

Летом собирали дикий лук и чеснок, борщевик, полевой хвощ, ревень, золотарник, корни пиона. Значительную долю в рас-

Выкапывание корней кандыка озупом. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № б.н.

Заготовка бересты. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. НКМ, б/н.

тительной пище составляли ягоды. Чай заменяли листья малины и смородины, белоголовник, гнилая древесина берёзы и пихтовая кора [Потапов, 1936, с. 28, 78–80].

Для плетения корзин и сшивания берестяных изделий зимой заготавливали черёмуховую кору *сарга*, снимая черёмуховые ленты с прутьев ножом, а затем протягивали через особое углубление на черенке ножа, чтобы их выпрямить. Хранили такой сшивной материал свёрнутым в кольцо, при использовании заваривали кипятком, что возвращало сарге гибкость.

Сбор кедрового ореха всегда считался прибыльным занятием у шорцев, хотя им занималось всего 35 % населения. Урожай случался один раз в три года. В урожайный год с одного хорошего кедра можно добыть до 30 кг ореха, но обычно добывали не больше 10 кг. За день один человек мог набить и снести к стану несколько мешков шишек (до 32 кг). Всего за сезон одна артель добывала не более 500 кг (30 пудов) чистого ореха. Кедровники делились на «кондовые» или «нелазовые» со стройными стволами без ветвей от корней и «таёжные» – с низкими, суковатыми и толстыми ветвями. Последние давали в три раза больше ореха, но с более мелкими зёрнами. Кроме того, различались ближние кедровники, находящиеся в общем пользовании, и дальние, закреплённые в арендную собственность за отдельными семьями. До недавнего времени такие кедровники передавались в се-

мье по наследству и использовались обычно сообща группой близких родственников.

К промысловому сезону готовились заранее, сооружая с лета в центре кедрача у родника орехо-промысловый стан. Состав построек был произвольным, но обязательно строились из брёвен, жердей и веток жилище *одаг* и орехозапасный бревенчатый амбар. Обработка ореха усовершенствовалась с заимствованием от русских станка для размалывания шишек в виде мясорубки, но с деревянным валом с вбитыми железными пластинами и двумя рукоятками для его вращения. Раньше для этих целей использовали исключительно деревянную тёрку *паспак* с рукоятью и зазубринами на рабочей плоскости и полубревно с подобными насечками. Над станком стали сооружать навес из желобов на столбах-опорах.

Промысел обычно начинался в конце августа, когда шишки «дозревали». Артель завозила на верховых лошадях тёрки, мешки, берестяные короба *тергеш* для переноски ореха. Берестяные сита *элек* с крупными ячейками для просеивания ореха из раздавленных шишек, ручные веялки *саргаш* и провиант. Хранили снаряжение и припасы в срубных орехозапасных небольших амбарах или в каркасном балагане на высоких «стульях» по углам сруба. С собой брали ружья, боеприпасы и собак. Случайная добыча – хорошее подспорье для промысловика.

Орехо-промысловый стан. 1986 г. Фото В. М. Кимеева.

Кедровые орехи добывали несколь-

Сбор шишек.
2005 г. Фото А. Рудакова.

кими способами: «лазанием» с помощью прогона; с помощью «барса» или «колота»; сбор опавших шишек *тушкин* после сильного ветра. В первом случае – «лазанием» карабкались к ветвям с шишками по бревенчатой лестнице *тапты* в виде срубленной и наклонённой верхушкой к голому стволу кедра невысокой пихты. Сбитые ударами по ветвям деревянной колотушкой или ногой шишки собирали в траве молодые члены семьи. Затем шишкам давали несколько дней «дойти» в бревенчатых закромах, чтобы отошла смола, после чего разминали их с помощью деревянных тёрок с насечками пабрык и полубревна, просеивали в берестяных ситах *элек* с крупными ячейками, провеивали на ручных веялках *саргаш* или кидали деревянными лопатками *пехлом* на растянутый между кольями холст, до которого сор и пустой орех не долетали. Транспортировали орех в берестяных коробах *тергеш* или кожаных мешках *аннык кааба* партиями на вьючных лошадях или зимой гужевым транспортом на санях. Для облегчения погрузки ореха на круп лошадей рядом с амбаром обычно сооружали бревенчатую эстакаду. Дома его сушили на поду русской печи в котлах на малом огне или на холстинах по амбарам и чердакам изб [Бычков, 1998, с. 215; ГАТО. Ф. 240. Оп. 5. Д. 46. Л. 219].

При втором способе поздней осенью с силой били по стволу обычно «нелазового» кедра тяжёлым деревянным молотом с длинной рукояткой. В 1980-х гг. лесозаготовители, в том числе и шорцы, использовали в этих целях трелевочный трактор, нещадно тараня им стволы.

Самые большие сборы были после штормового ветра, которые часто случаются в осенний период, особенно после дождей. Вся артель в такое время в течение всех световых дней собирает в мешки «падалицу» *тушкин*, соперничая друг с другом, а также с птицами, белками, бурундуками и другими грызунами. Ссыпали шишки в большие закрома-накопители и даже рядом с ним в кучи.

По вечерам на стане женщины варили еду, мужчины давили на тёрках шишки, сеяли и провеивали орех. Иногда для ускорения размягчения шишек их помещали в горячую золу костра. Делали всё это при свете костра молча, без сказок и песен. Добытый кедровый орех толкли вместе со скорлупой, прибавляли в него *талкан* (ячменную муку), иногда ещё и меда, и приготовляли из этой массы лакомство – колобки *токцок* [Потапов, 1936, с. 81].

Сбор кедрового ореха к началу XX в. приобрел исключительно товарный характер. Сезон начинался обычно в середине августа и продолжался до первого снега. Каждая семья имела промысловый участок тайги, где сооружался у ручья балаган, в котором хранили круглый год орудия промысла: тёрки *паспак*, вальки с поперечными насечками *пабрык*, молотки-колотушки *токпак*, сита *элек*, веялки *саргаш*, короба для транспортировки ореха *тергеш*, лопатки *пехло*. Шишковали 28,2 % шорских хозяйств по Кондоме и 33,5 % по Мрассу, а в отдельных волостях, как, например, в Кон-

домо-Барсоятской до 70% [Швецов, 1903, с. 28]. С этого времени с увеличением объёма ореходобычи молотильные машины совершенствуются. Для интенсивности перемалывания в её конструкции используют подшипники и металлическую ось, в поверхность деревянного барабана забивают гвозди. Раздробленные шишки *курингу* просеивали на решётах из листового железа размером 75 × 100 см, подвешивая их на перекладинах под навесом [Арбачаков, 2009, с. 110–112].

Сам промысел расцвёл в эпоху русской колонизации, а значит, есть основания предположить, что орехо-промысловый стан, рассчитанный на переработку большого количества ореха, мог быть заимствован аборигенами у русских. Самодельные деревянные «молотильные машины» в виде больших мясорубок появились в Западной Сибири в начале 1920-х гг. Изобретение этого приспособления приписывают крестьянину из деревни Балахниной Томской губернии [Бычков, 1998, с. 214]. Вращением ручек приводился в движение утыканный железными зубьями вал, расположенный внутри корыта из досок, в которое можно было сразу засыпать половину куля шишек.

Перемалывание шишек. Пос. Дальний Кезек. 2005 г. Фото А. Рудакова.

Одно из древнейших занятий таёжных охотников – собирательство, служившее серьёзным подспорьем в обеспечении пропитанием и снабжении необходимым техническим сырьём. У шор-

Ручная молотилка *пабрык*. Пос. Дальний Кезек. 2005 г. Фото А. Рудакова.

цев сохраняются древние традиции собирательства, а эволюция его происходила в результате приспособления их к новым социально-экономическим условиям и включения этого вида промысла в систему товарно-денежных отношений. Так, долгое время сохранялось архаичное орудие заготовки корней дикорастущих растений – корнекопалка *озуп* в виде изогнутого рычага с перекладиной для упора стопы и железным наконечником.

Большинство шорских семей не только в деревнях, но и в городах практикуют до сих пор засаливание колбы на зиму и приготовление из неё супов. Сохранилась традиция употребления в пищу съедобных грибов, различных ягод, трав. Вместо чая или наряду с кирпичным покупным чаем шорцы научились у русских заваривать *бадан* – горное растение с сильным тонизирующим и вяжущим действием, весьма распространенное в Горной Шории и предгорьях Саяно-Алтая. Сочные зелёные листья бадана, перезимовавшие под снегом, проходят естественную ферментацию. Почерневшие после зимы листья собирали «по камням» на горных склонах. Заваривали также малину, шиповник, землянику. Весной, когда пробуждались деревья, запасали берёзовый сок и пили его как квас.

С развитием торговли в собирательской деятельности аборигенов появляется немало русских заимствований, обеспечивающих более эффективный результат сбора дикорастущих растений. Для сбора черники, например, стали использовать специальный совок с зубьями на дне, называемый у русских крестьян бралочкой [Потапов, 1936, с. 36, 76].

Домашнее скотоводство. Этот вид занятий у шорцев по сравнению с другими народами Южной Сибири был развит относительно слабо. Об этом писали и миссионер В. И. Вербицкий, отмечая жалкое состояние их скотоводства и птицеводства, и тюрколог В. В. Радлов, сообщая, с каким трудом ему удавалось доставать молоко во время путешествия. Около 9,4% всех шорских хозяйств не имело лошадей, а 18,9% – коров [Швецов, 1903, с. 25]. Главной причиной этого являлось отсутствие удобных пастбищ и хороших лугов для сенокоса. Наиболее удобной для этих целей была долина низовьев реки Кондомы, однако лучшие земли здесь к началу XX в. уже были заняты русскими переселенцами или сданы в аренду приискам. Шорцам оставались средние и худшие участки по опушкам леса.

Скученность скота на этих прогалинах приводила к быстрому вытаптыванию и гибели растительности. Усложняло развитие скотоводства и отсутствие сочных питательных трав среди густой растительности и недостаток соли. Изнуряюще действовали также и тучи комаров, мошек, слепней, спасением от которых мог быть только дым костра.

Дойка коров.
Пос. Усть-Анзас. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

Долгая зима требовала больших запасов сена, чего весьма сложно было достичь в горно-таёжной местности. Весной скот от голода ел ветки, что приводило к прободению кишок и болезням [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп.1. Д. 84].

Стайка с загоном для скота. Пос. Дальний Кезек. 2004 г. Фото Р. Салихова.

Несмотря на неблагоприятные условия, даже в самых глухих местах к началу XX в. шорцы разводили лошадей крупной породы и низкорослых коров. На одного жителя в среднем приходилось по две лошади и столько же крупного рогатого скота. В отдельных семьях их содержалось до 10–20 голов. А вот овец обычно было не более 2–3-х.

Зимой животные содержались в открытом загоне или под навесом, на крыше которого складывалась часть сена. Иногда такой навес имел жердчатые стены для защиты от ветра. Кормили скот два раза в день – утром и вечером. В снежные зимы скот часто подгоняли к стогам, при этом значительная часть корма вытаптывалась.

Поскотина колхоза у села Кузедеева. НКМ. КП 5636-34..

Скотоводство таёжных шорцев в конце XIX – начале XX вв. было оседлым, русского крестьянского типа, но меньше по размерам и более примитивное по технологии. Держали лошадей в основном для верховой езды и перевозки грузов [Потапов, 1936, с. 97]. Снаряжение верхового коня аналогично таковому у других народов Северного Алтая. Во время пастьбы ноги

лошадей спутывали плетёной петлей *тужак*, на шею подвешивали, как и русские, железные ботала *потал*. В состав упряжи верхового коня входила узда *чуген* из узких кожаных ремешков. В начале XX в. такая узда использовалась зажиточными шорцами. Бедняки довольствовались недоуздком из сыромятных ремней, либо плетёным из конского волоса.

Основу седла *эзер* – ленчик – шорцы мастерили целиком из дерева с невысокими передней и задней луками, с изогнутыми по форме спины лошади полками. Существовали и составные деревянные сёдла, луки которых соединялись с основой кожаными ремешками. Сверху седло иногда обшивали кожей, под седло подкладывали войлочный потник и с помощью подпруги, сплетённой из кендырных нитей, седло притягивали к конскому крупу.

В правой руке всадник держал плётку *камчы* из кожаных ремешков и рукоятью из дерева, кости или оленьего рога. В отверстие на конце рукояти продёргивалась петля для надевания на запястье. Рукояти из кости и рога орнаментировали косыми крестами, полукругами, фигурками из ломаных линий, ромбами, треугольниками, прямыми линиями, кружками с точкой в центре.

Забой барана.
Пос. Усть-Ортон. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

Типология предметов конского снаряжения позволяет предположить, что происхождение конно-верхового транспорта у шорцев связано с культурой центрально-азиатских кочевников, гужево-

го – с русским влиянием.

Развитие скотоводства у таёжных шорцев следует относить к эпохе русской колонизации. На протяжении XVIII в. происходил постоянный обмен с телеутами и сагайцами железных изделий на лошадей для пополнения мясного запаса. В дальнейшем скот пополнялся поставками русских крестьян. Начинали его заводить в первую очередь шорцы-торговцы [Кимеев, 2008а, с. 133–136].

С детства в седле. Пос. Эльбезе. 1984 г. Фото В. М. Кимеева.

Что касается лошадей, то шорцы не освоили их так, как соседи, – кочевники-скотоводы. С`дла, служащие предметом постоянных забот и внимания последних, у шорцев – составные деревяшки без мягкой подушки, с одной подпругой из верёвки и стременами, но без украшений.

Шорцы, проживающие близ городов и крупных посёлков, где имелись подходящие дороги, пользовались гужевым транспортом, переняв у русских крестьян технику изготовления упряжи. Зимой лошадь запрягали в сани, а летом – в телегу. Упряжь при этом ничем не отличалась от таковой у русских-сибиряков, сохранивших традицию европейской России. В состав упряжи входил хомут из двух подвижных деревянных клещей, обшитых кожей, подбитых войлоком и стянутых супонью. В кожаные петли гужи по бокам хомута вставлялись вначале оглобли и закреплялись дугой. На голову на-

Михаил Кискоров (Король) со своим любимым конем. Пос. Усть-Анзас. 2004 г. Фото Р. Салихова.

девалась кожаная узда с железными псалиями, к концам которых крючками крепились вожжи. На спину гужевой лошади накладывали седёлку, закрепляя на животе подпругой. Через кольцо седёлки пропускали ременный чресседельник для крепления оглоблей.

Лошадь стала использоваться в хозяйствах также для перевозки сена на волокушах. В горно-таёжной местности из-за отсутствия дорог для перевозки грузов служили двухполозовые деревянные волокуши, в которые лошадь впрягалась с использованием русской дуги и хомута. При транспортировке груза на волокуше человек сидел верхом на лошади или вёл её за собой за узду. В горно-таёжных шорских посёлках волокушу и сегодня используют для бытовых целей – перевоза бревен, тяжёлой поклажи.

В летний период при свободном выпасе скота шорцы привязывали ему на шею колоко-

лец – ботало, по всей вероятности, заимствованный у русских. Передние ноги лошадям связывали скрученными в виде верёвки или сотканными в виде узкой полосы из кендырных нитей путами – *тужак*. Вероятно, этот термин, как и спутывание коней, шорцы заимствовали у телеутов, скребки для чистки лошадей – у русских.

Исследователи XVII–XVIII вв. считали, что успехи «инородцев», в первую очередь, шорцев в пашенном земледелии неизменно приводили к регрессу в скотоводстве [Георги, 2007, с. 267]. Содержание большого количества скота не диктовалось прежней необходимостью.

Для заготовки сена использовали заимствованную у русских косу-горбушу, состоящую из вытянутого, слегка изогнутого железного ножа с повёрнутым к лезвию клювовидным остриём на конце и деревянной изогнутой рукоятки. Применение косы-литовки, которая по сравнению с косой-горбушей имела большую длину черенка с расположенной на нём ручкой, позволяло накашивать сена с площади до 1 гектара в день. Косы отбивали молотком на металлической наковальне-бабке, а затем затачивали бруском из песчаника. Скошенное сено переворачивали с помощью заимствованных у русских грабель, состоящих из деревянной четырёхгранной прямой колодки с набитыми

Свиноводство.
Пос. Дальний Кезек. 2005 г.
Фото А. В. Вяргизова.

деревянными зубьями и деревянной рукояти. Для метания сена в стога использовались вилы из ствола молодого деревца с двух- или трёхрожковой развилкой.

Ручное земледелие. Известное в этих краях с эпохи бронзы, оно было развито в конце XIX в. повсеместно: плужное – у северных и мотыжное – у южных шорцев [Потапов, 1949, с. 414; Эрдниев, 1960, с. 29; Чиспияков, 1966, с. 125]. При плужном использовали заимствованные у русских деревянную соху *салда* с железным наконечником, деревянную борону *порон* и серп. У зажиточных шорцев окрестностей Кузнецка и Осинников в начале XX в. появились железные плуги и простейшие конные жатки. Зерно молотили на токах цепами, мололи на водяных мельницах. У местных шорцев стали появляться приусадебные участки, где выращивались картофель, капуста, огурцы, брюква, морковь, свёкла, редька, капуста, горох, бобы. Терминология орудий труда была в основном русской [Потапов, 1952, с. 174].

Пашни на косогоре. Улус Комыс. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15947-13.

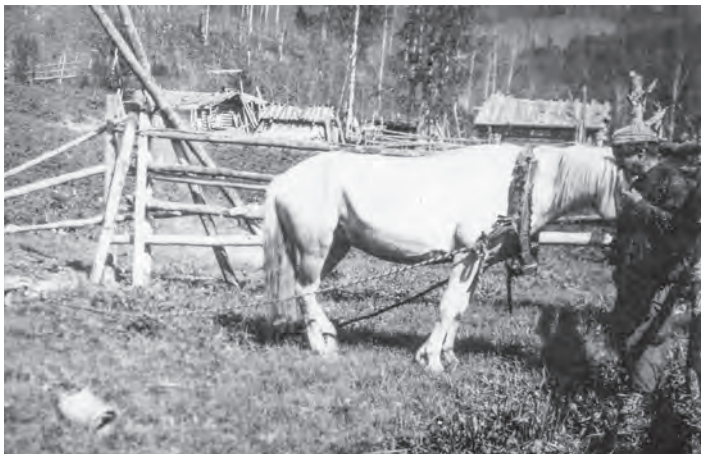
В таёжной части Горной Шории вплоть до коллективизации 1930-х годов сохранялось традиционное мотыжное террасное земледелие. Небольшие участки земли на склонах рек расчищали от кустарников топором и выжигали, обрабатывая затем почву мотыгой *абыл* в виде кованой железной лопатки с прямыми плечиками и цилиндрической

несомкнутой втулкой. Лопатка насаживалась на выступ деревянной рукояти, расположенной к ней почти под прямым углом [Дыренкова, 1928, с. 123]. Через 3–4 года земля без удобрений истощалась, участок забрасывали и переходили на новое место [Поддубиков, 2001, с. 310–319].

Заравнивание почвы граблями при посеве. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-119.

Выращивали в основном ячмень *аш*, пшеницу *пунгдай*, овес *сула*, просо *тара*, коноплю *кендырь*, два сорта картофеля *кортуге* – «татарский» и «американку». Татарский был значительно крупнее, рассыпчатее и вкуснее, однако из-за лености его сажали мало, да и тот обменивали на хлеб у приисковых рабочих. «Американка» возделывалась только русскими. Хранили картофель до таяния снега в земляных ямах, выкопанных прямо на пашне [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84].

Зерновые сеяли, разбрасывая зерно из туеса руками, затем боронили привязанной к седлу лошади корягой. По окончании полевых работ в начале июня участок огораживали от скота валежником, сооружая ворота или перелазы. Коноплю – основное сырье для ткачества – сеяли на старых пастбищах. Осенью стебли выдёргивали с корнями, вязали в снопы и развешивали их попарно для просушки под кры-



Борона. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Колл. № 3662-15.

шей. Обмолачивали палками, веяли зерна на ручной веялке и, обжарив, употребляли в пищу. Конопляное масло шорцы никогда не делали.

Во второй половине июня пашню пропалывали *абылом*. В сентябре колосья ячменя или пшеницы выдёргивали руками, обрубая топором корешки или жали серпом. Связанные попарно в пучки стебли подвешивали на жердь, укрепленную на двух столбах или под крышу дома. После просушки недозревшие колосья обжигали на костре и молотили деревянной колотушкой *токпак* на коротком ремне. В начале XX в. повсеместно у шорцев использовался для обмолота цеп с путцом. Затем зерно очищали на ручной веялке *саргаш*, напоминавшей по форме широкий тонкостенный совок из дерева. Собранный урожай перевозили в кожаных мешках, навьючивая их на лошадей. Хранили в амбарах в деревянных ящиках-закромах *сакрым* или в лабазах в берестяных туесах – *уланах*.

Старик с мотыгой *абылом* и внуком на крыльце юрты.
1930-е гг. НКМ. КП 514. Л.5. Ф.1.

Уровень социально-экономических отношений определил архаичность земледелия, а также его слабое развитие. Так, к началу XX в. 33,7% шорских хозяйств во-

Жатва ячменя.
Пос. Сары-Сет. 1940 г.
НКМ. КП 5636-32.

обще не имело посевов, 20,3% имело не более 0,5 десятины [Швецов, 1903, с. 25].

В пригородных деревнях Кузнецка очень прибыльной статьёй дохода шорского населения являлось выращивание табака с технологией, заимствованной от русских. В течение всего лета растения надо было много поливать, пасынковать. Осенью листья обрывали, отделяя от стебля, складывали в кучу на чердаке или в избе. После того как они пожелтели, связывали в пучки – *папуши*. И стебли и пучки продавали по 5 коп. за фунт (пуд табака стоил 2–2,5 рубля). Иногда по осени табак прямо на дому скупали приехавшие на ярмарку или по другим делам шорцы из таёжных улусов. Но основную его массу продавали оптом местным перекупщикам или скупщикам из Барнаула, Бийска и Томска [Майорова, 1999, с. 73].

Веяние хлеба на пашне.
1940 г. НКМ. КП 5636

В документальных источниках XVII в. отмечено, что у народов, проживающих по соседству с кочевьями кыргызов, «угодий никаких нет, и хлеб не родится» [Демин, 1995, с. 73). Однако мотыжное земледелие было известно шорцам с эпохи железа. Они сами изготавливали *абылы*, которые занимали видное место в натуральном обмене ещё в первой половине XVIII в. Первоначально для выкапывания корней и рыхления почвы использовали переходный вариант между корнекопалкой и мотыгой под названием *оступ*, когда к лопатке, подобной *озупу*, наваривался больший по диаметру железный наконечник. Такая конструкция соединяла в одном предмете два типа орудия для рыхления почвы – более древний, характерный для местного мотыжного земледелия, и прине-

сённый в Сибирь русскими. Исследователи-музееведы предполагают, что шорцы заимствовали мотыгу подобного типа от переселенцев из северорусских губерний, при этом усовершенствовали её для обработки земли, использовав согнутый почти под прямым углом сук для изготовления рукояти и увеличив диаметр наконечника.

Зернотёрки из археологических раскопок, состоящие из двух плоских камней подпрямоугольной формы почти одинакового размера, аналогичны до сих пор используемым в отдельных шорских семьях Усть-Анзасской сельской территории. При этом нижняя плита немного вогнута посредине, с бортиками по краям. На таких зернотёрках растирали ячменные зёрна и кедровые орешки для приготовления из них колобков. В XVIII в. в быту кондомских шорцев использовались подобные жернова: «...зерно мелют между двумя камнями. При

Обжаривание зёрен ячменя для талкана. Дальний Кезек. 1980 г. Фото В. М. Кимеева.

Ручная ступа *сак*. Пос. Чушла. 1982 г. Фото В. М. Кимеева.

этом какой-либо парень трёт изо всех сил одним камнем по другому» [Гмелин, 1994б, с. 14]. У шорцев таёжных посёлков и в настоящее время сохраняется бытование более поздних ручных мельниц *тербен* с жерновами в виде двух каменных плоских дисков, верхний из которых опоясан железным ободом с петлёй; в петлю вставлен конец длинной деревянной ручки, другим концом соединённый с жердью в потолке. С помощью этой ручки верхний диск вращается, перетирая зёрна. Видимо, под влиянием русских появились ручные жернова – *тербен*, сделанные из двух берёзовых или кедровых чурок. Для большей эффективности в рабочую плоскость плашек вбивали металлические пластинки.

Этнографы полагают, что названия некоторых зерновых культур, таких как пшеница *пунгдай/пуудай*, просо *тараа/таару,* восходят к фонду древнетюркской и даже пратюркской лексики. Это дает основания утверждать, что мотыжное земледелие у шорцев появилось в древности и не связано с влиянием русской культуры. Развитие же пашенного земледелия происходило непосредственно под влиянием русских.

Шорская соха. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-14.

Ещё в начале XIX в. шорцы сеяли главным образом ячмень, а уборку урожая и обмолот зерна вели в основном вручную. К концу столетия техника земледелия у них не отличалась

от таковой проживающих по соседству русских крестьян-старообрядцев. Увеличивается ассортимент возделываемых зерновых культур: кроме ячменя стали выращивать рожь, пшеницу, овёс, горох [*Уманский*, 1980, с. 263].

Размалывание зерна на ручной мельнице *тербэн*. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-20.

Шорцы заимствовали у русских деревянную соху *салда* с железным наконечником, деревянную борону, но дали им тюркские термины, и обычные серпы, покупаемые на ярмарке в Кузнецке. Именно такие использовались на участках, недавно очищенных от леса, либо на каменистых почвах. Условия пахоты в подтаёжной зоне были тяжёлыми. Земли в основном были первопахотными, с большим количеством камней, поэтому использовались лёгкие пахотные орудия, которые можно часто вынимать из земли, обходя корни вырубленных деревьев и камни [*Скобелев*, 1994, с. 44].

В начале XX в. через конторы и ярмарки в Кузнецке стали закупаться железные плуги, простейшие конные жатки, сенокосилки и грабли.

У современных сельских шорцев сохраняется земледелие в форме огородничества, когда рядом с домом на удобренных навозом почвах возделывают картошку, огурцы, лук, морковь, капусту, укроп, а самые старательные – помидоры и ягоду.

Пчеловодство. Сочеталось с добычей мёда ежегодно улетавших с пасек в тайгу пчелиных роев [Вербицкий, 1893, с. 24]. Наилучшие условия для его развития были в низовьях Кон-

Пасека в улусе Чулеш. 1925 г. Фото И. Д. Старынкевич. НКМ. № 142.

домы, где, кроме медоносных трав, до сих пор сохранился участок липового леса. Но самые крупные пасеки располагались по долине Антропа и достигали до 1000 ульев. При благоприятной погоде один улей давал в среднем 32–48 кг мёда. В период «медоносных рос» пчёлы, перегружая медом соты, устраивали их снаружи улья [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84].

Пасеки обычно обустраивались вблизи улусов, в низинах возле ручья на солнечном, хорошо защищённом от ветра склоне. После сооружения жердяной ограды внутри неё вкапывали колья и сухие сучья, обмотанные кусками бересты для сбора роев, которые покидали ульи вместе с маткой, обычно во второй половине мая. Часть роев всё же улетала в тайгу, где располагалась в дуплах больших деревьев. Их выслеживали при сборе кедрового ореха и летней заготовке дров, а зимой – по следам колонков, залезающим в дупла. Соты вырезали ножами и в берестяных коробах доставляли в улус.

Использовали ульи двух типов: «стояки» – узкие длинные колоды, где с одной стороны мо-

стили лоток, а с другой – заслон для вырезания мёда; и «лежаки» – такие же колоды, но больших размеров, установленные на чурке под небольшим углом к поверхности земли. В последний обычно сажали более сильный рой, дававший большее количество мёда. Улей-*стояк* чаще использовался для воспроизводства пчелиных семей.

Делали колоды из ствола сухой осины, выбирая изнутри гнилую сердцевину. Рамочные ульи разной величины обычно покупали у русских пасечников в низовьях Кондомы. На зиму ульи ставили в омшаник или укрывали на месте сеном, придавливая его сверху колотыми плахами.

Мёд вместе с сотами вырезали ножом из центра ульев по нескольку раз за лето, надевая на голову сетку и используя дымарь, а иногда

Колхозная пасека. Средний Челей. В 2 км вверх от устья по р. Малая Суета.
1951 г. Фото В. П. Шикина. НКМ. КП 2301-4.

На пасеке.
Пос. Дальний Кезек. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

и просто дымящуюся гнилушку, и уносили в улус в небольших берестяных туесах или деревянных коробах. Выжатый вручную мед сливали в долбленые чаши из капа с носиком для слива, а сами соты вываривали в котле, после чего из отстоя готовили пиво – *медовуху*, добавляя немного хмеля. Из пива выкуривали в деревянном самогонном аппарате легкий алкогольный напиток *араку*.

В первой половине XX в. пасеки шорцев и все приспособления для ухода за пчёлами и сбора мёда ничем практически не отличались от русских. В набор орудий труда пасечника входил дымарь, часто заводского производства. Для подкормки пчел, сбора роев, отсаживания пчеломатки мастерили из бересты ложки-совки, цилиндрические роевники, сшивая куски кендырными нитками и укрепляя края широкими полосками бересты с косыми стежками *сарги*.

Улей-долблёнка.
Пос. Дальний Кезек. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

На рубеже XX в. традиционные ремёсла шорцев имели широ-

кое распространение, но носили домашний характер и были сосредоточены в основном в руках женщин. Всё производилось только для собственных нужд, и лишь гончарство и плетение сетей у жителей низовьев Мрассу приобрело к концу XIX в. характер кустарного промысла [Радлов, 1898, с. 200]. Практиковались обработка дерева и бересты, волокнистых растений и реже – шерсти, а также обработка кожи и шкур. Только с развитием торговли в притрактовой зоне стали развиваться столярный, бондарный, санный и тележный, валяльный промыслы. Получили распространение отхожие промыслы – сидка дёгтя и извоз.

Медогонка.
НКМ, б. н.

Гончарство зафиксировано в начале XX в. только в улусе Усть-Мрассу и было, как и ткачество, только женским занятием. Мужская часть работы ограничивалась заготовкой глины, обжигом и сбытом готовой продукции.

Технология создания глиняных изделий была довольно проста. В жилой юрте с вечера в деревянных корытах *карит куман салган* замешивали глину с песком. На следующий день на толстой плахе лопаткой *калек* и молотком *токпак* вначале отбивали лепёшкой глину для дна сосуда, потом, зажав заготовку между ступнями ног, наращивали его стенки слоями, используя маленькую колотушку *тундук* для выравнивания полости сосуда и плоскую лопатку *чакпыш* для сглаживания стенок и нанесения орнамента. Для скрепления полос стенки при ручной лепке использовали 7–8 ивовых обручей *шийик* разного диаметра, а для отделения готового горшка от обручей – деревянный ножичек *кескиш* [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 122].

Глиняная посуда. МАЭ.
Подойник (колл. № 5072-411),
кружка (колл. 5072-420),
тарелка (колл. 5072-416).

Приготовление глины для гончарства. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-28.

Набор глиняных изделий был разнообразным, о чём свидетельствуют предметы из этнографической коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) – толстостенные горшки *селек кодеш* для похлёбок, круглодонные горшки *тапнек* с носиком-сливом для подсолнечного масла, высокие подойники с ручкой и носиком-сливом *молонзыек* для молока, керамические жировые светильники различной формы *паспешнек*, глиняные сковороды, а также кружки с рукояткой и чашки. Многие из них по форме напоминали глиняную посуду русских крестьян Томской губернии.

Изготовление глиняной посуды. Рис. Е. Попова.

Гончарство кузнецких татар в том виде, в котором оно зафиксировано этнографами в начале XX в., с характерными формами, технологией изготовления и орнаментацией, получило распространение не ранее конца XVIII в. На это указывают фрагменты сосудов, найденные при археологических раскопках поселений. На поселениях обнару-

жены толстостенные горшки и миски, орнаментированные крупнозубой гребёнкой. Есть случаи орнаментации обреза венчика, но чаще встречается украшение плечика сосуда редкими оттисками слегка наклонённого гребенчатого или иного штампа [Ширин, 1992а, с. 48–49; 2004а, с. 288–290].

Инструмент для изготовления посуды. Деревянные обруч (№ 5072-402), нож (№ 5072-401), лопатка (№ 5072-403). МАЭ. Фото В. М. Кимеева.

В материалах Кузнецкого острога и его окрестностей, русских поселений XVII – начала XVIII вв. орнаментированная лепная керамика другого типа, поступавшая, вероятнее всего, от кузнецких татар, проживающих в близлещаших улусах. По предположению археологов, появление у русских такой керамики могло происходить как путем торгового обмена, так и в результате смешанных браков [Ширин, 1992б, с. 107–108; 1998б, с. 92–96].

Молоток для отбивки стенок сосуда. Фото В. М. Кимеева. МАЭ. № 5072-400.

Изготовление кустарной лепной керамики отмечено в начале XX в. только у нижнемрасских шорцев. Их горшки, молочники, светильники из-за своей дешевизны и прочности были для русских крестьян альтернативой предлагаемым на ярмарках более дорогим глазурованным горшкам и крынкам, изготовленным с помощью гончарного круга. Но постепенно этот промысел исчез [Кимеев, 2013в, с. 42–43].

Обработка шерсти, волокнистых растений и ткачество, выделка кожи. Шорцы стали заниматься прядением шерсти и её предварительной для этого обработкой только под влиянием русских. У русских научились также вязать на спицах шерстяные чулки, рукавицы и головные уборы. Отдельные попытки развития овцеводства в таёжных шорских улусах из-за волков не получили должного развития.

Изготовление холста *кендыря*. 1930-е гг. НКМ. КП 514. Л.З. Ф.З.

Пользовались в основном шерстью, купленной у русских соседей, а сейчас – готовыми шерстяными нитками, приобретёнными в магазине.

Для ткачества вначале заготавливали волокна крапивы или конопли, Причём последнюю стали сажать под влиянием русских и называли, как и крапиву, *кендыр*ь. Стебли растений после просушки разламывали пополам и пучками укладывали в берестяные короба, пересыпая сверху ячменной шелухой, чтобы не спутались [Попов, 1955, с. 56–57]. Затем волокна очищали от костры деревянными трепалами *кылыш*, имеющими форму ножа, отделяли пальцами волокна, скручивали их на бедре в жгуты, смягчая зубами, затем сращивали, смачивая концы слюной, в нити, которые сматывали в клубок и хранили в берестяных коробах [Попов, 1955, с. 92]. Зимой отбеливали основу длительным кипячением в котле с водой, в которую добавлялись берё-

Разбивка готового холста. Улус Усть-Анзас. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. 3662-88.

зовая и осиновая кора *кус тобук*, после чего промывали в чистой воде.

Прядение осуществлялось при помощи деревянных веретён *пик* в виде суживающегося с одного конца стержня с косым надрезом для фиксации нити и круглым плоским камнем для инерции на другом конце. Полученная пряжа сматывалась для хранения на торчащие в стене колья-основу *кендырь-чугурча*.

Ткали зимой или весной в жилище на своеобразном станке *кендырь-тыбеге*, имевшем простую оригинальную конструкцию. В землю вколачивали два невысоких кола, между ними натягивали основу из пряжи. Подвижная нитченка укреплялась на деревянной опоре *кузук агаш* на двух вилкообразных ножках *таяк*. Основа разделялась двумя параллельными дощечками *адарга* длиной 50 см и шириной 12 см, скреплёнными деревянными гвоздями на расстоянии 12–15 см друг от друга. Основу разделял также деревянный перекрест *сын мак*, покрытый мелкими поперечными зарубками, в которые вкладывалось по одной нити. Палочка *паскыш* образовывала второй ряд основы. Роль челнока выполняла круглая палочка *салкыш*. Нитки в уток набивали острым краем длинного деревянного ножа *кылыш* [Кимеева, 2002, с. 157].

Готовый холст скатывали в рулон и отбивали палкой, придавая ткани мягкость и эластичность. Полученная ткань *кендырь* шла на пошив женской, мужской и детской одежды, а также для голенищ сапог и рукавиц. Выкроенные детали сшивали костяной иглой кендырными нитками, реже – сухожилиями марала.

Вертикальный русский ткацкий станок кросна не получил у шорцев распространения, так как даже в таёжные улусы к началу XX в.

Намотка шерстяных нитей веретеном. Пос. Дальний Кезек. 1990 г.
Фото А. Трофимова.

Вязание пояса.
1940 г. НКМ. КП 5636-28.

начали привозить мануфактурные ткани и готовую одежду. С заимствованием городского костюма шорцы перестали ткать пояса.

Для оплетения краёв берестяных сосудов, сшивания стенок коробов и сит для веяния кедрового ореха использовалась черёмуховая кора *сарга*. Из неё плели верёвки *котца* для привязывания каменных грузил к сетям, вместо лески для удочек и закидушек, крепления жердей к конской упряжке. Впоследствии деревянными крючками из волокон древесного лыка плели кручёные верёвки.

В таёжных улусах дольше других сохранялись архаичные формы плетения верёвок из лыка акации. Из кендырных волокон шорцы плели лямки для ручных нарт и волокуш, подпруги, из конского волоса – хозяйственные верёвки и путы для лошадей. Абинцы использовали конский и человеческий волос для плетения кистей девичьих накосников *чач пууш* и волосяных верёвок.

Для ***выделки кож*** свежие шкуры домашних животных предварительно вымачивали в зольной воде в корыте или болоте. Потом ножом сбривали шерсть, натирали шкуру порошком из древесного угля и смачивали отваром из костей до почернения. Далее тщательно смазывали кожу с обеих сторон лошадиным салом и вывешивали на месяц для просушки, после чего около двух суток коптили над дымом. По-

лученную кожу сворачивали в рулон и разминали всей семьёй в колодине-кожемялке с рычагом *талык*, после чего вновь смачивали отваром из костей с добавлением золы. Готовую кожу *сагары* никогда не окрашивали [Записки миссионера…, 2008, с. 112; Потапов, 1936, с. 100].

Шкуры и кожа издавна применялись для изготовления различных необходимых в хозяйстве предметов многими народами Сибири, основными занятиями которых являлись таёжные промыслы и скотоводство. Из шкур животных, кожи тайменя шорцы шили мешки *аннык каба*, *талкан каба* для хранения зерна, талкана и ореха. Сейчас всё это забыто, а в быту сельских шорцев сохранились только фабричные кожаные изделия.

Как вид народного искусства, шорский орнамент, по типологии С. В. Иванова, отно-

Размягчение кожи на кожемялке *талык*. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-27.

Шорские женщины за шитьем обуви. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-4.

сится к ленточному типу, для которого характерны геометрические мотивы: 1) зигзаг; 2) зигзаг с округлой петлёй в изломе; 3) квадрат; 4) прямоугольник 5) косой крест; 6) полукружья; 6) круги; 7) s-образные фигуры. Такие узоры имеют простые формы и могут возникать независимо друг от друга у самых различных по языку и культуре народов. Не претерпевая заметного развития, они в большинстве случаев являются первичными [Иванов, 1963, с. 158]. Линейный орнамент шорцев содержал геометрические композиции из зигзагов, зигзагов с петлёй в изломе, различных фигур, образованных путем пересечения зигзагообразных линий, квадратов, прямоугольников, косых крестов, полукружий, кругов, s-видных фигур.

Более сложные мотивы орнамента у шорцев, как и у других народов, возникли путем комбинации простых первичных узоров. Например, звёздчатая розетка на костяных и деревянных пряслицах могла быть образована расположенным по кругу зигзагом, зигзагом с петлёй в изломе или полукружьями. Розетка затем могла использоваться самостоятельно, украшая полы халата, кисеты [Кимеева, 2003а, 158–167].

Культуролог Т. И. Кимеева выделяет у шорцев следующие типы народного декоративного искусства: вышивка, аппликация, тканый орнамент, художественная обработка кости, рога и дерева, изготовление женских украшений [Кимеева, 2007, с. 104; 2015, с. 123–128].

Вышивка цветными шерстяными и х/б нитками украшает воротники, обшлага рукавов, подолы шорских кендырных халатов, пояса, околыши холщовых мужских шапок, хранящихся в музейных коллекциях музеев России. Преобладают характерные для северосибирского типа мотивы орнамента, выполненные тамбурным швом: зигзаг, зигзаг с петлёй в изломе, прямые параллельные линии, узкие полосы, концентрические круги. На деталях одежды «шитьё совсем простое – или крестики в одну нитку, или полоски, зашитые сплошь» [Адрианов, 1888а, с. 303].

Геометрический орнамент составляет узоры, расположенные между двумя линиями и имеющие форму горизонтального фриза. Наиболее частой комбинацией мотивов можно считать зигзагообразные, а также ромбические переплетения зигзага между двумя линиями. Характер тамбурного шва *созирткен* способен как создавать чёткость и графичность линий, так и придавать орнаментальным мотивам мягкие округлые очертания. Тамбурный шов использовался в комбинации с стежковым швом и крестообразным швом *орбе*, позволяющим создавать разнообразные композиции геометрического орнамента. Полы некоторых халатов украшены четырёх-шестилучёвыми розетками. Бордюр из четырёхлучёвых розеток встречается на вышитых поясах. Зигзаг на одном из кисетов полукружьями обрамляет разделённые прямой линией полупальметты, мифические фигурки или образует вписанные друг в друга ромбы [Кимеева, 2007, с. 131, 135, 262].

Вязание на спицах.
Пос. Дальний Кезек. 2003 г.
Фото А. Рудакова.

Штопанье носков.
Пос. Дальний Кезек. 2004 г.
Фото Р. Салихова.

Аппликация, представленная в декорировании текстиля наложением полос ткани на текстильную основу, применялась у шорцев наряду с вышивкой. Светлые и тёмные прямоугольники из бумажных тканей, чередующиеся между собой, нашивались на воротники халатов и соседствовали с вышивкой тамбурным швом. Нередко полы халатов и обшлага рукавов обшивались узкими параллельными полосами цветной ткани. Между ними тамбуром вышивался зигзаг, зигзаг с петлёй в изломе, ромбы, образованные путём пересечении двух зигзагообразных линий.

Художественное ткачество у шорцев распространялось в основном на пояса, которые выполняли отчётливо выраженную функцию оберега, связанную с образованием им вокруг тела человека замкнутой окружности. На тканых поясах выполнен орнамент в виде проходящей вдоль по центру прямой полосы, от которой под прямым или косым углом с разных сторон ответвляются короткие отростки, напоминая мотив лиственницы или берёзы на шаманских бубнах. Женские пояса из музейных коллекций, застёгивающиеся на пуговицы, представляют собой широкие полосы с плотной прокладкой. Геометрический орнамент в виде четырёхлепестковых розеток выполнен по лицевой стороне в технике вышивки тамбурным швом, пуговицами, бусинами.

Основу орнамента некоторых шорских поясов составляют решётки, крючки и рогообраз-

ные мотивы, свойственные иртышско-алтайскому типу орнамента. В научной литературе высказываются предположения об отнесении этого североалтайского орнамента к южной границе общего с угорским древнего орнаментального комплекса или возможности его позднего заимствования шорцами и кумандинцами от русских, изготовляющих тканые пояса [Иванов, 1963, с. 492].

В нашивных декоративных деталях костюма верхнеабаканских шорцев прослеживается сложный вышитый орнамент, например, типичная для хакасов пальметта, выполненная на обшлагах рукава. Чаще же встречаются рубахи хакасского покроя, но без вышивки.

Художественная обработка рога и кости характеризует основной промысел шорцев – охоту. Основным материалом служили рог и кость промысловых копытных животных. Для косторезного производства шорцы активно использовали естественные формы исходного сырья, что стало традицией, проявляющейся и в художественно оформленных предметах. Использовались и кости домашних животных, из которых изготавливались украшенные резьбой костяные табакерки, пистонницы, рукоятки ножей, кольца нарт.

Рога марала и лося имеют хорошо развитую большую розетку, из которой вырезали плоские предметы – кольца *салгыш* для управления охотничьей нартой, пряслица *орчук пажы*. Срезы ответвлений рога использовались для производства головок курительных трубок *канза*, наверший сошек *мылтык тайак*, мерок для пороха *ики аастыг мерке*, спусковых крючков для самострелов *кыйлаг*, рукоятей ножей и плёток и др. Рог марала с двумя от-

Мерка для пороха. 2015 г. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой.

Пряслице. 2015 г. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой.

Навершие сошки. 2015 г. НКМ. Фото Т. И. Кимеевой.

ветвлениями идеально подходил для головки курительной трубки. Срезав концы маральего рога, мастер получал неправильную толстую дугу с плоско срезанными на разном уровне чашечками с широкими венчиками, внутренняя поверхность которых и края покрывались листовой медью. Трубки орнаментированы в характерном для шорцев стиле: полукружья, прямые параллельные линии, зигзаги, нарушение симметрии в орнаменте. Кость или рог марала использовали также для изготовления ложек и табакерок. Из маральего рога шорцы резали и небольшие бокаловидные чашечки *соок чырга*, богато орнаментируя стенки резьбой и наколом.

Из технических приемов резьбы шорцы при декорировании рога использовали преимущественно технику гравировки – как точечную, так и в виде тонкой контурной линии. В данной технике создавались орнаментальные композиции с использованием геометрических элементов декора – зигзагов, полукружий, кругов. Имела место и техника выжигания раскалённым патроном кружкового орнамента на приспособлениях для охоты [Кимеева, 2015, с. 98–107].

Табакерка. 2015 г. КОКМ. Фото Т. И. Кимеевой.

В МАЭ хранится уникальная коллекция плоских роговых дисков (предположительно пряслиц) с отверстием в центре и насечками для нитей по внешнему краю и орнаментированных техникой накола или гравировки. Чаще всего орнамент составляют расположенные по кругу в разных композициях ряды полукружий или зигзагообразных линий. Отверстие в центре диска оконтурено или расположенными по кругу двумя параллельными прямыми линиями, или параллельными зигзагообразными линиями, которые, замкнувшись в круг,

образуют пяти-, семи- и девятилучевые звёздчатые розетки. Возможно, это свидетельствовало об оберегательном характере символики на орудиях ткачества, так как числа 3, 5, 7, 9 являлись у тюркских народов магическими. Такая же условность соблюдена и в другом орнаменте: от центрального отверстия расходятся лучами девять параллельных прямых, между ними заключены кружки с точкой в центре – солярный мотив орнамента. На костяных кольцах для нарт орнамент однолинейный: цепочка из кругов с точкой в центре или зигзаг. В орнаментации пряслиц, колец для нарт, подставки для ружья из рога марала прослеживается одна из характерных черт шорского декора – нарушение симметрии. И, напротив, на костяных спусковых крючках для ружья зигзагообразная линия безупречна и мягко подчеркивает изогнутый контур предмета. Орнамент охотничьих мерок старались разместить горизонтальными поясами, которые служили мерками для порохового заряда. Неглубокой плоской резьбой наносили узор на стенки костяных и роговых табакерок [Кимеева, 2015, с. 106–107].

Кольцо для управления нартами. 2015 г. КОКМ. Фото Т. И. Кимеевой.

Обработка дерева у шорцев характеризуется изготовлением сёдел на деревянной основе, лыж, курительных трубок, незамысловатой мебели, различной берестяной посуды, рукояток ножей, плетей, пистонниц, мерок для пороха. Деревянные предметы

Инструменты для обработки дерева: а) тесло, б) малое тесло, в) тесло-стружок, г) тесло для выборки середины сосуда. 2015 г. КМАЭЭС. Фото Т. И. Кимеевой.

Кружка. 2015 г.
КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой.

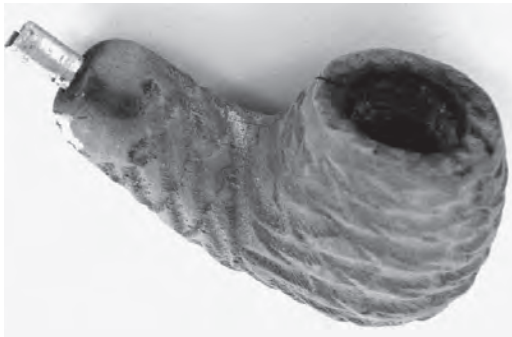
орнаментировались не всегда, в отличие от тех, что изготавливались из рога промысловых копытных животных.

Художественная направленность деревянной резьбы отмечена при изготовлении культовых предметов в технике скульптурной резьбы (культовые предметы *шалыг*, *тайгам* и др.), в технике контурной, выемчатой и прорезной резьбы (деревянные рукояти бубнов).

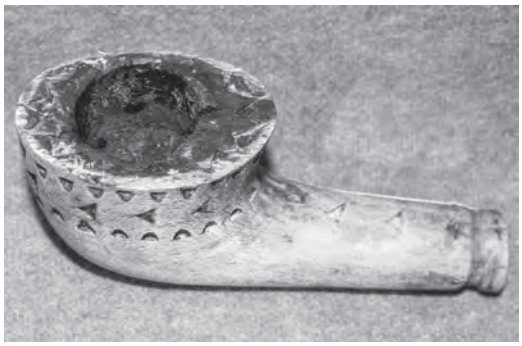
В музейных собраниях сохранились единичные орнаментированные резьбой деревянные коробки *карчак* для хранения предметов женского рукоделия. Характерным приёмом на этих предметах была тонколинейная (контурная) резьба. Орнаментальные мотивы саяно-алтайского типа однообразны и просты по форме. Между горизонтальными полосками заключались бордюры из пересечённых прямыми и диагональными линиями прямоугольников и треугольников. На некоторых коробках представлен симметричный узор, а среди геометрических фигур вклинивается антропоморфное изображение.

Была известна шорцам и техника инкрустации дерева металлом. Деревянная трубка из капа в коллекции МАЭС ТГУ инкрустирована медными пластинами с орнаментом в виде бордюра из квадратов с вписанными в них малыми квадратами и точкой в центре, сверху и снизу обрамленного зигзагом. При переходе в мундштучную часть симметрия нарушается неправильным прямоугольником с решёткой внутри и четырьмя продолженными за стороны фигуры линиями. Инкрустированная оловом трубка не имеет аналогов среди извест-

Курительная трубка. 2015 г.
МЗТП.
Фото Т. И. Кимеевой.



ных экспонатов шорской коллекции: цельная с мундштуком, массивная, строгий геометрический орнамент в виде поперечных поясов и косой ёлочки равномерно покрывает всю поверхность [Шорцы. Каталог.., 1999. – Ч. 3, с. 217].



Курительная трубка. 2015 г. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой.

Техника инкрустации оловом применена шорцами также для украшения деревянного приклада ружья, орнамент на котором напоминает волнообразные мотивы у хакасов. Тонколинейная резьба из прямых горизонтальных и косых линий, образующих «ёлочку» или косую сетку, использовалась при орнаментации рукояток шорских бубнов.

Из орнаментированных берестяных изделий в шорских коллекциях имеются только

Изготовление охотничьих лыж. Пос. Усть-Ортон. 1981 г. Фото В. М. Кимеева.

Шорские мужчины и женщины при прокладке просеки. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-25.

табакерки и туеса. Узор составляют комбинации из треугольников. И только мотив декора туеса из коллекции МАЭС ТГУ для хранения культовых предметов отличает сложная сюжетная композиция из мифологических образов. Кроме культовых предметов из бересты, как материала достаточного лёгкого в обработке, изготавливались и бытовые предметы, которые иногда декорировались. Шорцам были известны такие приёмы художественной обработки бересты, как накладной декор, тиснение и прорезная резьба с подкладным фоном [Кимеева, 2015, с. 92–95].

Торговля и отхожие промыслы. Ещё до появления в Сибири русских меновая торговля существовала между различными локальными группами кузнецких татар. Предки шорцев в порядке натурального обмена сбывали алтайцам и кыргызам железные изделия: «пансыри» и «бехтерцы», обменивали «колмацким людям на лошади, и на коровы, и на овцы» [Сб. кн. Хилкова, 1879, с. 191]. В большом количестве поставляли пушнину, а иногда и ячменное толокно – *талкан* [Потапов, 1946б, с. 225].

Торговый караван в верховьях Мрассу. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-42.

Наиболее активные экономические контакты с русскими в XVII в. были у абинцев, менявших железные изделия, скот и пушнину на мануфактуру [Кузнецкие акты.., 2002, с. 20–21]. С XVIII в. они несли также ямскую повинность, нередко играя роль проводников для казаков Томского и Кузнецкого острогов, а также исполняли «подводную» повинность, перевозя грузы по Томско-Кузнецкому тракту и в другие сибирские города [Уманский, 1980, с. 259]. Документы свидетельствуют о том, что за лошадей русские предпочитали платить товарами, например, сукном [Кузнецкие акты.., 2002, с. 20–21].

Бай (торговец-*садыкче*) из Чульджана. Начало XX в. НКМ. КП 7003-12.

В конце XIX в. особым предметом торговли становится кедровый орех, часто сдаваемый торговцам как расплата за долги [Потапов, 1983, с. 45]. Орех большими партиями поступал на ярмарки для розничной продажи, шел на маслобойные заводы Томска, крупных сёл по р. Томи [Бычков, 1998, с. 205]. Втягивание в систему торгово-денежных отношений и занятия отхожими промыслами являлись следствием приобщения шорцев к новым социально-экономическим условиям. В таёжных районах экономические связи с сопредельными земледельческими районами вплоть до начала XX в. оставались ограниченными и заключались в реализации продуктов промыслов, закупке продовольствия и охотничьих припасов, товаров повседневного спроса, которые только дополняли традиционную замкнутую хозяйственную систему, способную полностью обеспечить семью.

Основными товарами, приобретаемыми шорцами, телеутами и томскими татарами на ярмарках и выменивaемыми у русских, кроме одежды и тканей, были металлические изделия (топоры, котлы, чайники, ножи, посуда

Культмагазин в с. Кузедеево на базарной площади. 1930-е гг. НКМ. б/н.

и украшения из меди и серебра, пуговицы), ружья, порох, дробь, свинец, медь.

В начале XX в. жители ближайших к Кузнецку деревень и улусов плели дешёвые сети в тысячи саженей (по цене 2 коп. за сажень), продавали в Кузнецке на рынке или вывозили в дальние улусы. Мысковские абинцы-торговцы вывозили через своих агентов *таныше́й* в таёжные улусы на вьючных лошадях *сугум* караванами охотничьи припасы, одежду, предметы быта – топоры, котлы, чайники, ножи и посуду, украшения и спирт. Там всё это, включая лошадей, меняли на пушнину, мёд, орех или давали в долг под большие проценты перед промыслом. По возвращении *таныши* передавали добычу торговцам, которые, в свою очередь, оптом перепродавали её русским купцам в Кузнецке, Томске. Некоторые семьи (как, например, Тодышевы и Куртегешевы) из улусов Мыски и Осинники сколотили на этом значительное состояние и самостоятельно вели торговые операции на крупнейших ярмарках Сибири [Радлов, 1989, с. 200, 202; Потапов, 1936, с. 216; Бычков, 1998, с. 205].

Торговля и отхожие промыслы способствовали приобщению шорцев к новым социально-экономическим условиям. Через неё шли процессы заимствования русских, среднеазиатских и городских элементов материальной культуры.

Поселения, жилища, хозяйственные постройки

К приходу русских казаков в верховья реки Томи в начале XVII в. шорцы-бирюсинцы расселялись обычно в долинах рек, образуя систему мелких аилов, состоящих не более чем из 5–10 юрт. Называлось такое поселение по имени старшего из сородичей (например, аил Санабая, улус Ачаевский). У лесостепных мрасских и нижнекондомских предков шорцев, напротив, преобладали довольно крупные улусы, состоящие из представителей разных сёоков (например, улус Томазак – ныне г. Мыски). Придомных усадеб, как правило, не существовало, отдельные юрты и хозпостройки лепились

Причал у улуса Парушка. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. Колл. № б.н.

по косогорам приречных долин [Вербицкий, 1871, с. 242].

По списку миссионера В. И. Вербицкого, запискам А. В. Адрианова и В. В. Радлова вырисовывается картография оседлых шорских поселений, состоящих из каркасных юрт и срубных русских изб, которая сохранилась вплоть до периода коллективизации, укрупнения и появления новых населённых пунктов. Она и фиксируется на старых крупномасштабных военных и административных картах.

Огородов в доколхозный период не было, но мотыгой *абылом* на косогорах обрабатывались небольшие клочки земли, где выращивался в основном ячмень. Немногочисленный крупнорогатый скот и лошади летом свободно паслись вокруг улусов в пределах поскотины, а зимой для корма их подгоняли по глубокому

Пос. Челису-Анзас, колхоз «Победа». 1940 г. НКМ. № 1991-7.

Летнее жилище *одаг*. Пос. Усть-Ортон. 1976 г. Фото В. М. Кимеева.

снегу к стогам на покосах, а для питья – к речным прорубям. Малопродуктивному, но чрезвычайно выносливому скоту с трудом удавались такие зимовки.

Все промысловые угодья и земельные участки были поделены на основе обычного права между группами родственных семей и передавались по наследству. За пользование природными ресурсами каждый мужчина 18–50 лет должен был ежегодно платить ясак пушниной и продуктами тайги, а с начала XX в. – налог деньгами.

Традиционным жилищем предков шорцев с древности был каркасный *одаг*, заменённый в конце XIX в. срубной бревенчатой прямоугольной в плане юртой. К началу XX в. шорские улусы состояли в основном из русских срубных изб-одноклетей и пятистенок, у шорских торговцев преобладали «крестовые» срубные дома.

Летняя каркасная юрта. Пос. Шор-Тайга. 1986 г. Фото В. М. Кимеева.

Из хозпостроек в усадьбах стояли амбары, бани, чуланы.

Самые ранние сведения о поселениях и жилищах абинцев, составленные И. Г. Георги в 1734 г., указывают, что «…У абинцев есть зимния деревни, а у некоторых и летния юрты. Деревни их малы, а хижины самые бедныя, бревенчатыя и из хворосту выплетенныя. Они стоят до половины в земле; и свет проходит в них большим дымным отверстием в покрытом землею жердчатом потолоке. Внутри есть обыкновенныя полати, и комелек или только очаг. Когда достаточнейшие люди для обильнейшей скоту своему пастбы перебираются летом на другия места; то живут в небольших кеглю подобных юртах, совсем подобных телеутским». Про родственных абинцам верхотом-

ских татар сказано, что «…Хижины их, которыя они летом и зимою переносят несколько раз на другия места, совсем подобны телеутским летним юртам. Домашним скарбом они ещё скуднее качинцов; да и живут гаже» [Георги, 2007, с. 271].

Исходя из описания видно, что зимним жилищем абинским предкам шорцев служили юрты двух типов: бревенчатая с четырёхскатной крышей и плетёная из прутьев с плоской крышей, напоминающая телеутскую полуземлянку *оргон уй*. Стены такой юрты обычно делались из двойного плетня с земляным заполнением и глиняной обмазкой снаружи и внутри помещения. Конусообразная жердчатая крыша покрывалась кусками бересты и засыпалась землёй, с оставлением лишь небольшого отверстия для дымохода.

Основным летним и зимним жилищем «верховских» бирюсинцев была покрытая берестой каркасная жердчатая юрта, утепляемая на зиму снаружи пластами земли [Георги, 2007, с. 270]. Этот традиционный тип жилища сохранился

Шорская семья у срубной юрты. Улус Комыс. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. НКМ. № 60.

Охотничий шалаш.
1930-е гг.
Фото Л. П. Потапова.

у мрасских шорцев до наших дней в качестве свадебного шалаша *одага*. Остов его состоит из девяти тонких стволов берёзы с оставленными макушками, которые связываются между собой ивовым прутом, а комли разводятся по кругу. Снаружи такой остов около трёх метров высотой покрывался кусками бересты и связывался верёвками. Оставленное входное отверстие высотой в человеческий рост завешивалось куском холста [Кимеев, 1989, с. 80].

По сведениям этнографов, путешественников и миссионеров конца XIX первой четверти XX вв., у разных локальных групп шорцев бытовало одновременно несколько типов жилищ. Наиболее древним можно считать прямоугольный в плане летний каркасный шалаш *одаг* в форме усечённой пирамиды. Для

его сооружения на прямоугольном участке под углом в землю вкапывались четыре деревянных стойки с развилками в вершине, в которые вкладывались концами две продольные и поперечные жерди. К полученному каркасу с четырёх сторон наклонно приставлялись длинные колотые брёвна, образуя стены, а верхние сходящиеся концы – небольшую продолговатую дырку – дымоход. Иногда плоская крыша застилалась горбылями и покрывалась сверху берестой, затем вновь укладывался слой горбылей. В восточной стене оставлялось входное отверстие, которое либо задвигалось досками, либо навешивалась дощатая дверь на ременных петлях. Над очажной ямой с глиняной обмазкой в центре жилища подвешивался на поперечной жерди ивовый крюк *аскыш* с котелками или чайниками. Иногда стены такого

Кондомская юрта *угэ*.
Пос. Турла. 1981 г.
Фото В. М. Кимеева.

одага утеплялись берестой, пихтовыми ветвями, вторым слоем жердей и засыпались землёй. *Одаг* такой конструкции использовался бедняками в качестве зимнего жилища. Сходен по конструкции с ним и зимний охотничий шалаш, описанный миссионером В. И. Вербицким и этнографом Л. П. Потаповым [Потапов, 1936, с. 110]. Во время полевых работ сооружали простейший навес на столбах без стен с покатой крышей из колотых брёвен [Кимеев, 1991, с. 19].

В качестве летнего жилища использовали ещё один вид *одага*, у которого стойки вместо развилок на торце имели по одному шипу, вставлявшемуся в углубления поперечных балок. Продольные балки вкладывались в полукруглые углубления на концах поперечных. Стены были приставные, а крыша настилалась из горбылей и покрывалась сверху берестой. Глиняная очажная яма также располагалась в центре жилища под дымоходом.

Летняя кухня *сенек*. Пос. Дальний Кезек. 1983 г. Фото В. М. Кимеева.

Интерьер летней юрты. Пос. Дальний Кезек. 1989 г. Фото В. М. Кимеева.

Наибольшее распространение в конце XIX – начале XX вв. получила зимняя срубная бревенчатая юрта двух разновидностей с различными конструктивными особенностями крыши и планировки. В верховьях Кондомы это был *чайлыг* или *яйлыг* – прямоугольный в плане, высотой до 210 см пихтовый или кедровый сруб 3,5×4 м из 6–7 венцов с двускатной самцовой крышей *чабылчах*. Крыша имела три продольные слеги, покрытые колотыми лесинами и кусками бересты. Сверху всё это засыпалось слоем земли. Под углы нижнего кедрового венца сруба подкладывались каменные плиты. Щели между венцами проконопачивали мхом. Входное отверстие (ближе к правому переднему углу сруба) имело восточную ориентацию и закрывалось дощатой, навешанной на ремнях дверью.

Справа от входа располагался глиняный очаг *кебе*, каркасом для которого служили две вертикально поставленные ребром к стене невысокие плахи. В толстой глиняной обмазке между плахами имелись небольшие углубления для выпечки лепёшек и деревянные колья с крючьями для подвешивания котелка. Сверху над очагом, опираясь на торцы плах, нависала сплетённая из прутьев и обмазанная глиной труба *сюген*. Глиняное дно очага *кулей оймазе* – «ямка с пеплом» – тщательно утрамбовывалось. В крыше было отверстие для света, закрывающееся зимой куском льда. Позднее для этих целей в противоположной входу стене стали вырубать небольшое окно.

В левом от входа углу сооружалась ручная мельница с каменными жерновами. В стене

Праздничная трапеза в юрте. 1940-й г. НКМ. КП 3896.

Изба шорцев. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Инв. № б/н.

на высоте третьего венца по периметру врубались широкие деревянные, покрытые берестой лавки *тор* шириной до 70 см. Лавка для почётных гостей располагалась напротив входа, слева – для хозяев, справа – для остальных членов семьи. В левом углу от входа висели различные культовые предметы, а у шамана – бубен. В правой от входа продольной стене под потолком врубались деревянные полки *ашкы* для хранения мяса, рыбы, различной берестяной и деревянной утвари. Пол *така* в таких юртах обычно был из полубрёвен, а у шорцев победнее – глинобитный.

Встречались и пятистенные юрты с небольшой прихожей – предъюртием, где хранились утварь и охотничье снаряжение. Чаще всего снаружи и у входной двери делалась пристрой-

Интерьер шорского дома. Пос. Сага. 1989 г. Фото В. М. Кимеева.

ка *пульбар* из приспособленных к выступу крыши горбылей. Здесь хранили хозяйственные предметы, дрова, и жили охотничьи собаки [Кимеев, 2008б, с. 117].

Снаружи юрта огораживалась забором с воротами. Внутри усадьбы находился скот, а зимой хранили сено.

По реке Мрассу выше порогов, в том числе и в улусе Усть-Анзас, сооружалась похожая по конструкции на кондомскую юрта *сенек* с очагом в виде ящика с глиной – *кулей оймазе*, обустроенным в полу у противоположной входу стены. В целях пожарной безопасности по бокам ящика вплотную к стене приставлялись две вертикальные колотые плахи и промазывались вместе со стеной слоем глины. На верхние торцы плахи устанавливалась плетёная из ивовых прутьев труба-дымоход в форме мордушки *суген*, также обмазанная глиной. Двускатная самцовая крыша *чабу* свер-

ху слег крылась жердями, берестой и желобами из полубрёвен. Деревянный крюк с котелком подвешивался над очагом на поперечной жерди, которая крепилась концами в углублениях верхнего венца. На настиле под крышей хранили лыжи, нарты, траву *азагат*. Перед юртой в землю вкапывалось вешало *аскыш* в виде ствола дерева с толстыми ветвями [Кимеев, 1991, с. 18].

На р. Пызас встречались похожие на сенеки срубные юрты, но с трапециевидной крышей, крытой берестой, плахами и колотыми брёвнами.

Русские срубные избы-одноклетки и дома-пятистенки в первой четверти XX в. стали основными зимними жилищами шорцев, особенно в низовьях Мрассу и Кондомы, а также в крупных таёжных улусах. Рядом с избой, в огороженной забором-полузаплотом усадьбе, обычно сохранялась традиционная летняя юрта сенек, располагались хозяйственные по-

Усадьба в улусе Чулеш.
1925 г.
Фото И. Д. Старынкевич.
НКМ, б/н.

Семья низовских шорцев у избы. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Инв. № б/н.

стройки и огород [Ярославцев, 1994, с. 79]. Строить такие дома обычно приглашали русских плотников, вносивших свои традиции в конструкцию.

Жилой дом (изба) *эм* или *угэ* (на Кондоме) – это сруб, рубленный в обло с остатком или реже – в лапу, с самцовой или стропильной крышей, крытой желобами или тёсом, с дощатой дверью *ижик* и небольшими окнами *кожек* с рамами со стёклами или затянутыми бычьим пузырём. Перед дверью сооружалось крыльцо – *макыш* и навес *чабылгак*, к которому приставлялись горбыли. Пол настилали из сосновых или кедровых плах. В углу избы-одноклети слева от входа находилась русская, сбитая

из глины печь – *кебеге* с полукруглым устьем, припечьем и лавкой у основания. Низ печи снаружи обшивался плахами, которые вместе с лавкой красили краской. Снаружи печь белилась и разрисовывалась, как у русских, изображением птиц и деревьев. В современный период рядом с русской стали устанавливать железную печь с трубой, выведенной в дымоход русской печи [Очерки культурогенеза народов Западной Сибири…, 1994, с. 61].

Амбарчик. 1927 г.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Колл. 3662-52.

Пихтовые брёвна около 20 см в диаметре заготавливали в середине июля после Петрова дня, очищали их от коры и выдерживали так один-два года. Нижний кедровый венец – окладину диаметром 45 см, заменяющий фундамент, укладывали по углам на каменные плиты или кедровые столбы – стулья. Потолок с балкой – маткой сооружали из широких колотых или пилёных кедровых плах, покрывали снаружи берестой и засыпали землёй. Двухскатная стропильная крыша *чабу* делалась из кедровых желобов или досок и бересты, имела открытое чердачное пространство. На потолке под крышей хранили лыжи, нарты, траву *азагат*. В стене с южной или юго-восточной стороны выстраивался вход *ижик* с дощатой дверью. В оконные проёмы *кожек* вставлялись деревян-

Двухярусный амбар. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б/н.

ные рамы со стеклами или бычьим пузырём, с наличниками, украшенными геометрическим орнаментом. Перед дверью сооружались крыльцо *макыш* и навес *чабылгак*, к которому приставлялись жерди.

Интерьер шорских домов всегда отличался скудностью и состоял из деревянных (затем железных) кроватей, деревянного стола, лавки, табуретов, сундука и пристенного шкафа у печи. При большом наплыве гостей обычно спали на полу на подстеленных шкурах. В противоположном от входа левом углу на полочке всегда ставилась икона с лампадкой или

Орехозапасный амбар из пос. Учас начала XX в.

свечами и веточками вербы. По стенам развешивались деревянные рамки с фотографиями родственников под стеклом или картинками из журналов.

Стайка *ит уязе*. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-55.

Некоторые разбогатевшие на торговле пушниной, кедровым орехом и мёдом шорцы из улусов Красный Яр, Мыски, Чилису-Анзас, Осинники в начале XX в. стали строить двускатные крестовые дома, крытые тёсом или железом. Усадьбы таких домов обязательно огораживались деревянным забором – «заплотом» с воротами и имели хозпостройки. Внутренняя обстановка домов напоминала интерьер домов кузнецких купцов.

Из надворных построек в усадьбе сооружались квадратный жердчатый навес *чабылгах*, один-два срубных амбара *анмар* на стойках для защиты от грызунов с закромами внутри. Около них на вбитых в землю кольях обычно развешивали мясо, сети, вёдра, обувь, выделанные кожи и шкуры зверей. Из традиционных хозяйственных построек сохранились большие лабазы *тастак*, устанавливаемые в лесу на опушках или на полянах для хранения мяса и туесов с зерном [Анохин, 1994, с. 57].

Лабаз *тастак* для хранения продуктов. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. ГААК. Инв. № б/н.

Домашняя утварь, пища, одежда и средства передвижения

Утварь у шорцев была металлическая, деревянная, берестяная и редко – кожаная. За исключением железных котлов *козан*, чаш *коргуш* для обжаривания ячменя, чугунных кувшинов *роче*, входящих в состав самогонных аппаратов, железных мисок, вилок, чугунов, самоваров всё изготавливалось в домашних условиях.

Берестяной туес. МЭПГШ. ОФ-21.

Для хранения зерна, жареной ячменной муки крупного помола *талкана*, традиционных напитков, мёда, переноски воды использовали берестяные туеса – от самых малых *тозек* до крупных *куспак* вместимостью до 320 кг зерна. Народные умельцы также изготавливали берестяные короба *эпчек*, трёхгранные сольницы *сааграг*, ложки *кажык*, чашки *аяк*, корыта *кардак*. Кендырными нитками сшивали мешки *аннык каба* из шкур барсука и домашних животных, кожи тайменя. Встречались и такие редкие вещи, как коробка на ножках из засушенного коровьего вымени, плетёная из берестяных полос солонка *сус урчан*, костяная коробка для спичек *серянке кебе* [Вербицкий, 1893, с. 150].

Деревянная чаша. МЭПГШ. ОФ-8.

Обработкой дерева и бересты у шорцев традиционно занимались мужчины. Из капа – нароста на стволе берёзы – вырезали чашки, блюда.

Для изготовления долблёно-резной посуды шорцы вырубали топором корни и наросты на стволах берёз – кап, затем обрабатывали заготовку теслом *адылга* и далее ножом *пычак*.

Выдалбливали чашки полусферической формы на невысоком поддоне или без него для жидких блюд и каши; чашки и кружки для напитков; низкие широкие блюда для мяса или рыбы; корыта, сельницы, ковши для разливания жидкой пищи, ложки, курительные трубки.

Названия долблёной утвари у разных групп шорцев варьирует: суповые миски и небольшие чашки *аяк*; большие чаши *шара*, чашки для напитков *чырчы*. Плоские корыта для просеивания муки *тепши*, используется и заимствованное от русских сельницы. Из тёсаных и выгнутых тонких деревянных плашек монтировали ручные веялки для зерна и ореха саргаш. [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 1, с. 180].

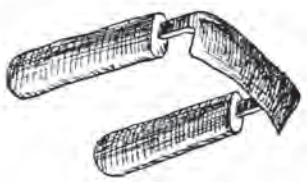
Из капа, берёзовых и осиновых плашек вырезали ложки *кажык/шабла* обычно с круглой черпательной частью. Для воды и жидкой пищи использовались долблёно-резные из капа ковши *омаш* и черпаки *суск*. Из пихты выдалбливали корытца *кардак* для рубки мяса. В долблёных кадках хранили мёд, в сужающихся книзу ступах с круглой подставкой каменным пестом толкли обжаренные зёрна ячменя.

Бондарная утварь – кадки для хранения муки и зерна, бочонки с двумя донцами и деревянной пробкой для браги *абыртки*, маслобойки, вёдра – была различной формы, собранная из отдельных плашек, охваченных ивовыми или железными обручами. Обычно она приобреталась у русских соседей или на ярмарках. Из тонко выструганной кедровой дранки гнули ободы для сита *элек*, дно которого обтягивали кожей домашней выделки и протыкали раскаленным шилом необходимые отверстия. Для ручной веялки *саргаш* сгибали полукругом кедровую дранку и прикрепляли к плоским плашкам – днищу деревянными гвоздями или

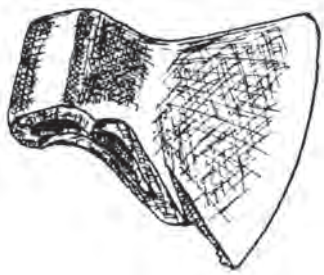
Деревянный ковш.
МЭПГШ. ОФ-19.

Деревянная кадушка.
МКМ, б/н.

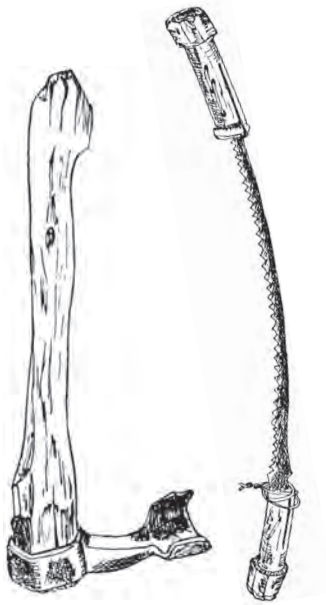
Маслобойка.
МЭПГШ. ОФ-1.



Скобель.
КОКМ. 354.



Топор.
КМАЭЭС. 18-215.



Тесло. КМАЭЭС. 11-222.
Двуручная пила.
КМАЭЭС. 18-46.

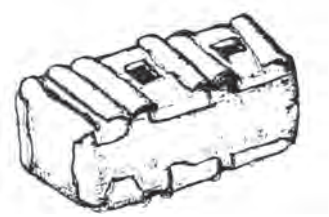
кожаными ремешками. Плетёная утварь из берестяных полос у шорцев почти не использовалась.

Кроме того, из дерева вырезали составные и цельные ленчики сёдел, хомуты, лыжные посохи, рукоятки ножей, плёток, пистонницы, мерки для пороха, приспособления для прядения и детали ткацких станков. Гибкая черёмуховая древесина использовалась для изготовления лыж и охотничьих нарт. Из сосны и кедра делали самоловы. Из ствола осины выдалбливали лодки. Широко использовалось дерево для изготовления культовых предметов. В начале XX в. у шорцев-торговцев появляются приобретённые на ярмарках сбитые из досок и окованные жестью сундуки и шкатулки. Под влиянием русских переселенцев в этот период появляются столярный, плотницкий, санный, тележный, дужный и колёсный промыслы.

Повсеместно изготавливали берестяные туеса *туус* и короба *нанда/нантыш* с узкой поперечной стороной, крепящейся к поясу косточкой или деревянной палочкой. Также делали большие короба *куспак* с низкими стенками. Для подкормки пчёл использовали небольшие коробки *шомаш*, а для сбора ягод и просеивания *талкана* – неглубокие коробки *эпчек* с полого сложенными углами. Верхний край коробов для прочности прошивался *саргой* с косыми стежками вместе с широкой берестяной полосой или черёмуховым прутом. Для дымления кож делали короба, сшитые из одного берестяного *тиска*. При подкормке пчёл использовали берестяные ложки. Для снятия роев прямоугольный берестяной пласт сворачивали цилиндром и сшивали края. С обеих сторон цилиндра нашивали берестяные ободья. Для поддержания формы изнутри вдоль

края иногда *саргой* подшивали черёмуховый прут. По той же технологии изготавливались табакерки с прямоугольным деревянным дном, закрепляемым деревянными гвоздиками.

Солонку *кааргиас*, *туус урчап* или *караблек* мастерили из небольших берестяных пластин квадратной или прямоугольной формы, соединённых берестяной полоской. В одной из сторон оставляли одно-два отверстия, закрываемых выдвигающейся берестяной пластинкой. В таёжных улусах широко были распространены берестяные, бочкообразной формы, солонки *тус солчат*.



Берестяная солонка. МАЭСТГУ. 5979-108.

Деревянная солонка. МАЭСТГУ. 5979-109.

Для обработки древесины шорцы с приходом русских стали использовать проушные топоры, более производительные, чем местные тесла *адылга*. Для ношения топоров из кожи или бересты сшивались чехлы. В столярном деле стали использоваться скобели, резцы по дереву, проушные молотки, аналогичные инструменту русских переселенцев [Скобелев, 1994, с. 39–40].

Русские купцы уже с XVII в. завозили в Кузнецкий уезд очень широкий ассортимент товаров, в перечень которых включались также котлы, таганы, ножи, деревянные чашки, блюдца и ложки [Дьяконова, 1988, с. 51].

Основной пищей шорцев к началу XX века являлись ржаной пшеничный хлеб круглой формы *калаш*, лепёшки *терптек*, обжаренная ячменная мука крупного помола *талкан* и ячменная крупа *шарык*, из которой варили юшу и добавляли в похлебку *урге*.

Размалывание ячменя на мельнице *тербэн*. 1930-е гг. НКМ. КП 514. Л.4. Ф.3.

Для приготовления *талкана* зёрна ячменя обжаривали в плоской железной чаше *коргуш*, толкли пестом в деревянной ступе *агаш сак* каменным пестом *сак палазы*, очищали от шелухи на ручной веялке *саргаш*, а за-

Девушка с туесом браги. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. № 3662-31.

тем мололи на ручной каменной мельнице. Такая, сохранившаяся до сих пор на Мрассу почти в каждом хозяйстве, мельница состоит из двух крупных положенных друг на друга каменных дисков, нижний из которых укреплён на деревянной раме, а в край верхнего вставлен рычаг, другим концом укреплённый в отверстие потолочной доски. Зерно засыпалось в отверстие в центре верхнего диска, который вращался с помощью закреплённого в небольшом углублении рычага, а готовая мука ссыпалась с краёв нижнего диска на деревянную раму-столик. Регулируя специальным клином зазор между двумя дисками с насечкой, можно было получать как муку *талкан*, так и крупу *шарык*.

Универсальный шорский *талкан* ели, добавляя в чай, молоко, холодную воду, сметану. Из него приготавливали и густую кашу *саламат*. Крупой заправляли мясной суп *урге*. Кондомские шорцы варили из крупы похлебку на молоке, добавляя в неё рыбу, мясо, корни кандыка.

Традиционным было и другое блюдо *тутпаш* – сваренные в молоке или воде галушки из пшеничного теста, смешанного с толчёной сушёной рыбой. Из пресного теста готовили лепёшки *терптек*, в русских печах в чугунных сковородах выпекали круглый хлеб *калаш*.

Из мясной пищи лакомством считались вяленые полоски конины *сугум*. Обычно отваренное свежее мясо выкладывали на блюдо и ели без хлеба, отрезая ножом кусочки, за-

пивая всё это мясным бульоном *мин*. На промысле употреблялось обжаренное на костре мясо птиц и диких животных, кроме рыси, выдры и крота. Шорцы-торговцы могли себе позволить баранину и свинину. Появившийся в начале XX в. картофель варили в чугунках «в мундире» или пекли в золе костра.

Переноска выделанных кож в берестяном коробе. 1927 г.
Фото Н.П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-19.

Сметану *каймак* собирали ложкой с поверхности разлитого по деревянным тарелкам молока. Взбиванием закисших сливок получали масло с особым вкусом. Для приготовления сыра в кипевшее в котле молоко доливали простоквашу *простак* и через некоторое время сливали в кендырные мешки, где под прессом отделяли сыворотку *сарыксу*, получая творог *кадынсу*. Затем его выкладывали на блюда и двое суток сушили в юрте над открытым очагом, пока творог не покрывался корочкой. Полученный таким образом сыр ели, запивая покупным чаем или травяным настоем [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2].

В пищу употребляли вываренные корни сараны *саргай* и кандыка *пес*, сырыми жевали стебли черемши (колбы) или солили в туесах (сейчас – в стеклянных банках), мелко порезав.

Традиционные алкогольные напитки – *арака, сра, абыртка* делались из ячменя и картофеля. Из *абыртки* – настоя муки, смешанной с ячменным солодом, гнали *араку*, используя аппараты двух типов. Первый состоял из железного котла с деревянной корытообразной

крышкой, в которую вставлялся раздваивающийся с другого конца патрубок из кедрового корня. Через патрубок из котла, закрытого крышкой, отходили пары, охлаждались и оседали в чугунных кувшинах, стоящих в корытах с холодной водой. Другой аппарат собирался из котла (сейчас – обрезанной металлической бочки) с поставленной на него полой деревянной бочкой, в верхний край которой вмуровывали металлический таз для холодной воды. Пар, охлаждаясь, конденсировался под дном таза и каплями падал на вмонтированную наклонно в стенку бочки круглую дощечку с канавками, по которым жидкость стекала в подставленную посуду. Напиток имел специфический хлебный запах и крепость не выше 10 градусов [Кимеев, 1989, с. 109].

Мужчины и женщины курили табак, используя деревянные трубки *канза* с мундштуком. Табак выращивали сами или покупали у торговцев. Для снижения крепости покупного табака в него добавляли берёзовую кору [Анохин, АМАЭ РАН. Ф.11. Оп. 1. Д. 84].

Женщины с малолетними детьми. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-51.

Традиционной одеждой шорцам служили распашные халаты и штаны из домотканого холста *кендыря*, ситцевые платья, украшенные по вороту вышивкой цветными нитками или раковинами каури. Головным убором женщинам служил платок, мужчинам – колпак из холста *кендыря* с меховой оторочкой.

Зимой надевали шубы, рукавицы, на ноги – кожаные сапоги с портянками из травы-осоки.

Одежду шили женщины из покупного сатина черного цвета, кубовой бязи табы или из домотканого полотна *кендыря*. Мужчины носили рубахи *кунек* из *табы* туникообразного покроя с косым или прямым воротом, обшитым цветной материей и застёгивающемся на пуговицы. Штаны *чанбар штан* шили из такой же материи. Пояс плели из конского волоса или заменяли его кендырной верёвочкой.

Молодые красавицы в традиционной праздничной одежде. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-52.

Поверх нательной одежды надевался распашной халат *шабыр пантек* из кендырной ткани. Ворот и нижняя часть подола халата обшивались тесьмой *нака*, изготовленной из синего, жёлтого и красного гаруса или английской шерсти. Запахивался халат слева направо, застегивался сверху на одну пуговицу и обязательно подпоясывался кушаком *кур*. Голову покрывал берестяной картуз, холщовый колпак, а у кабырзинцев – платок.

Зимняя одежда – овчинные шубы у низовских шорцев и вязанные из овечьей шерсти рукавицы. Мрасские таёжные шорцы довольствовались двумя-тремя халатами и холщовым колпаком *пюрюк*, реже – меховой шапкой-ушанкой.

Кожаные сапоги. МЭПГШ. ОФ-2.

Обувью служили кожаные сапоги *удук* без каблуков. У бедных – часто с холщовыми голенищами, подвязывающимися под коленями кожаными ремешками. Встречалась обувь

Семья зажиточных шорцев. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б/н.

из оленьего камуса [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2].

Традиционный женский костюм состоял из бязевой рубахи синего цвета *кунек* длиною до пят, застегивающейся на груди на мелкие пуговицы. Полы обшивались полосками из чёрной ткани. Бязевые синие штаны *штан* не имели разреза. Грудь плисового с подкладом халата *пантек* украшалась двумя рядами раковин каури *чалан-баш* или вышивался цветными нитками геометрический орнамент. Голову покрывали платком красного или чёрного цвета, на ногах были кожаные галоши *чардык* или сапоги *удук*.

Детская одежда отличалась от взрослой только размерами и отсутствием украшений. Праздничной специальной одежды не существовало.

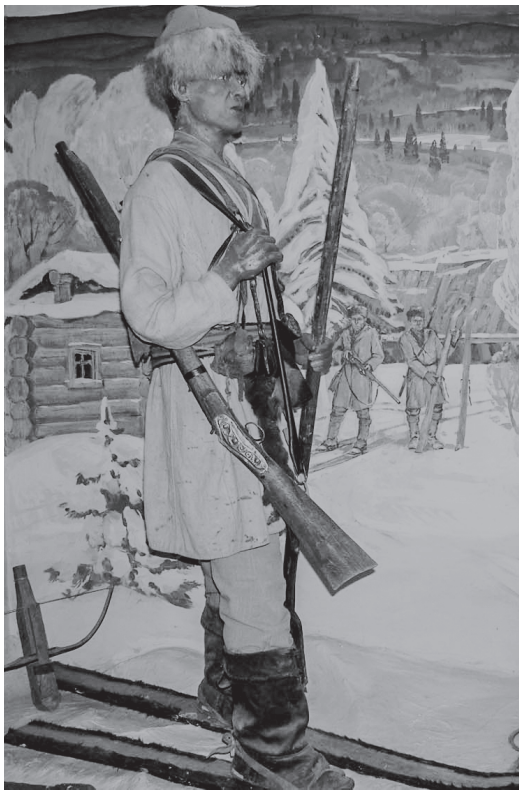
Под влиянием русских крестьян, совпавшим с развитием торговли к началу XX в., зажиточные шорцы стали носить покупные ситцевые рубахи, суконные штаны, пиджаки, картузы, драповые пальто, халаты из чёрного сукна с кушаком, сапоги. Повседневной одеждой женщин становилось платье *кунек* из покупных ситцев

разных цветов или из чёрного сатина, подпоясанное кушаком с подвешенными к нему ключами от амбаров и сундуков. Только стоячие воротники платьев шорских женщин продолжали обшиваться, как у телеуток, гарусными нитками. Поверх платья надевался фартук, на голову накидывалась кашемировая шаль чёрного, красного и жёлтого цветов, на ногах вместо сапог стали носить ботинки.

Шорцы таёжных улусов Южной Шории ещё в начале XX в. шили одежду из домотканого кендырного холста. С появлением на рынке мануфактурных тканей преимущество при покупке отдавалось сатину, дабе и бязи. Эти грубые и недорогие х/б ткани по своим качествам и ширине более всего соответствовали кендырному полотну, так что можно было использовать веками устоявшиеся технологические приемы раскроя.

Семья Отургашевых. Пос. Дальний Кезек. 1987 г. Фото А. В. Придчина.

Приготовленную ткань вначале раскраивалась острым ножом, затем детали сшивали с помощью шила и иглы прочными кендырными нитками. Различий в покрое мужской и женской одежды у шорцев не существовало [Радлов, 1989, с. 199]. Представлений о нижнем белье, особой ритуальной или праздничной одежде у шорцев-бирюсинцев не существовало. Только абинцы, про-



Шорец в промысловой одежде. Диорама КМАЭЭС.

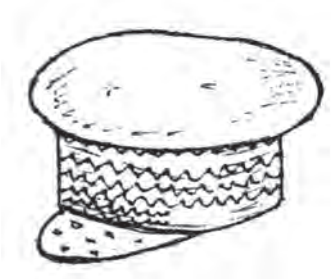
живавшие недалеко от Кузнецка, в торжественные дни надевали на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которых ворот и правая пола были обшиты позументом. Праздничный наряд мужчин здесь состоял из пальто или суконного сюртука с пуговицами, которые были бы повиднее, например, из белого железа величиною в серебряный рубль. Сапоги – с красными отворотами, завязанные пониже колена шерстяными шнурками с кисточками. [Костров, 1875, с. 30].

Стабильно сохранялся комплект охотничье-промысловой одежды. Так, «у шорцев верхнего течения Кондомы охотники надевали в дождливую погоду специальный наплечник *узан*, сшитый в виде капюшона из шкуры козули шерстью наружу [Потапов, 1951, с. 59]. На промысле также использовалась меховая короткая безрукавка шерстью наружу. Повсеместно охотники использовались стежёные куртки из войлока, покрытые *кендырём* [Анохин, АМАЭ. Ф. 11. Оп.1. Д. 84]. Такая лёгкая промысловая одежда не стесняла движений при преследовании зверя на камусных лыжах по гористой местности или при перевозке нарт с припасами и добычей. Для тепла в лучшем случае к халату пришивался воротник-пелерина из барсучьего меха [Адрианов, 1888а, с. 301; Потапов, 1956, с. 500; Кимеев, 1989, с. 90].

Мужская холщовая шапка *пöрук*. МАЭСТГУ. 6025-10.

Традиционный мужской головной убор шорцев представлен двумя типами холщовых шапок – *порук/борук*. Для изготовления первого

типа прямоугольный лоскут кендырной ткани сворачивали цилиндром по размеру головы и сшивали края – это была тулья будущей шапки. Верхний край ткани с помощью иглы с ниткой собирали в сборки. Нашивали сверху кружок из ткани контрастного цвета. Нижний край тульи отворачивали наружу. Поверх отворота нашивали полосу чёрного плиса или другой ткани и расшивали её шерстяными нитками. Второй тип – это шапка с тульей, сшитой из треугольных клиньев с отворотом и кистью или перьями глухаря на макушке. Зимой отворот такой шапки обшивали полосой из шкурки кабарги [Прыткова, 1961б, с. 227]. Для опушённых мехом шапок к названию *порук* добавлялось наименование животного, из меха которого выполнена обшивка: *парсук порук*.



Берестяной мужской картуз. МАЭ. 5071-22. Рис. Е. Попова.

В конце XIX – начале XX вв. на смену таким головным уборам приходят заимствованные у русских картузы. По аналогии с покупными шорцы шили их из бересты, домашнего холста, кожи. Используемый материал отражался в названии головного убора – *кендыр картус* – кендырный картуз, *тере картус* – кожаный картуз, *тос картус* – берестяной картуз. У берестяных картузов околыш украшался накладными зигзагообразно вырезанными полосками, процарапанным орнаментом, параллельными линиями. У холщовых в шов тульи и околыша прокладывался кант из цветной ткани [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 4., с. 43–49].

Девушка в традиционной одежде у юрты. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-21.

Женские головные уборы включали шапки из чёрного сатина,

Шорские причёски. Пос. Дальний Кезек. 1982 г.

с плоским верхом. Околыш из одного куска ткани трапециевидной формы расширен кверху, а передняя часть свешивается вперёд. Низ и верх околыша украшены нашитыми полосками цветного ситца. Сзади снизу околыша пришиты ситцевые ленты *пуус/пууш*. Внутри – подкладка из газет. Были меховые шапки с тульей округлой формы, снаружи обшитые бархатом зелёного цвета. По краю нашита полоска из домотканого холста. То есть шапка шилась по аналогии с мужской традиционной шапкой *порук*. В XX в. шорские женщины чаще стали повязывать голову покупным платком, складывая его по диагонали и завязывая два его конца на затылке поверх опущенного вниз третьего конца, так что все три конца платка свободно спускались по спине.

Шорцы. Пос. Косой Порог. 1952 г. НКМ. КП 3609.

На абинцев сильное влияние оказали кузнецкие телеуты, отдельными сёоками расселившиеся также среди шорских бирюсинцев по рекам Кондоме и Мрассу [Георги, 2007, с. 267]. Поэтому у кондомских шорцев, живущих близ Кузнецка, много аналогий с одеждой теле-

утов [Гмелин, 2003, *с.* 101]. Одежда шорцев, живущих по реке Абакан, ничем не отличалась от хакасской.

В первой четверти XX в. комплекты шорской одежды всё более пополняются «городскими» элементами. Широко используется покупная ткань, распространяются городские фасоны одежды. После окончания Первой мировой и Гражданской войн мужчины нередко предпочитали одежду военного образца. В обиход входят сапоги с твёрдой головкой, из мужских рубах преобладает «косоворотка» с разрезом на левой стороне груди и стоячим воротником. Чтобы дольше сохранить рубаху из покупной ткани, её ставили на нижнюю подкладку «подоплёку», пришиваемую в области кокетки. Такая деталь встречается на женских рубахах-платьях шорцев.

Шорская семья в одежде городского типа. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-30.

Женский головной убор в этот период времени – преимущественно платок. В мужском костюме в тёплое время года широко используется картуз, настолько популярный, что шорцы, не имеющие возможности приобрести картуз фабричного производства, шили его из бересты. Широкое распространение, вплоть до районов горношорской тайги, получили валяные русские шляпы.

В первой четверти XX в. использовалось несколько типов обуви: кожаная, комбинированная (кожа и холст) и валяная. Из кожаной носили женские калоши *чарык/чирки*. Сапоги шорцев-мужчин обычно никак не украшались и имели общетюркское название *одук*. У шор-

цев-торговцев и паштыков в качестве праздничной обуви использовались престижные мозаичные сапоги городских кустарей – хромовые с высокими, собранными по ноге голенищами, ичиги кунгурского или тюменского изготовления и туфли поволжских татар. Валяная обувь, как, например, валенки, появилась также под влиянием городской культуры и старообрядцев.

Для полевых работ и сбора кедрового ореха до конца XX в. использовались сапоги с голенищами из кендырных тканей. С обувью носили вязанные из отбеленных льняных или шерстяных ниток чулки, подвязывая их под коленом верёвочкой. Шорские охотники до сих пор используют вместо портянок высушенную осоку *азагат*.

Серьги с основой из олова. КМАЭЭС. Фото Т. И. Кимеевой. 2015 г.

Из ***украшений*** следует выделить в первую очередь воротники женских платьев, которые по нескольку раз перешивались на новое платье. На мягкий воротник-стойку шерстяной нитью нашивали квадраты и украшали их пришитыми розетками из мелких пуговиц, а также расположенными в один или несколько рядов раковинами каури.

Шорские ***серьги*** ызырга делали из медной проволоки, которую сгибали в спираль из пяти-шести оборотов. Свободный конец, загнутый крючком, вдевали в отверстие ушной мочки; иногда на проволоку перед крючком нанизывали одну-две бусины [*Адрианов*, 1888а, с. 303]. У таёжных шорцев в основном бытовали серьги из согнутой кольцом медной или серебряной проволоки с подвесками из нитей бисера, раковин каури и серебряных монет. Иногда бусины чередовались с мелким бисером, вместе с ними мог использоваться кусочек меха, спиралевидно намотанная проволока. Кроме серёжек изго-

тавливали ушные подвески в виде проволочного кольца с прикреплёнными к нему тонкими шнурками из сплетённых шерстяных нитей, с кисточками, бисером и пуговицами на концах [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 4, с. 125–136].

Серьги из согнутой кольцом проволоки имели широкий ареал распространения в Сибири. Различные типы проволочных серёг бытовали в прошлом у многих народов Сибири, Поволжья и Средней Азии. Однако только у шорцев этот наиболее древний тип ушных украшений сохранился в своём первоначальном виде до конца XIX – начала XX вв.

Серьги. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой. 2015 г.

Накосники делали или из снизок бус, свисавших цепочками ниже талии, – *топчы*, или плели из конского волоса в виде кисти из отдельных косичек, унизанных на концах раковинами каури, бусинами, маленькими медными колокольчиками, – *чынча/чач пууш*. Этот набор мог быть дополнен перстнем или кусочком свинца на нити [Потапов,1951, с. 45; Костров, 1875, с. 30; Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 4, с. 152; Кимеева, 2015, с. 123 158].

Накосники.
КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой. 2015 г.

Шейно-нагрудные украшения у шорцев представлены самодельными ожерельями *мончур* из узкой прямоугольной полоски ткани с нашитым бисером в виде незатейливого орнамента. Нижний край полоски также унизывали подвесками из бисера. Судя по старинным фотографиям, таких нитей модницы навешивали на шею по нескольку штук.

Широкое распространение имели кольца и перстни. Кольца шорские кузнецы выковывали из медных или серебряных монет. Перстни изготавливали как с цельнолитым, так и с припаянным щитком обычно овальной или круглой формы, реже – в форме сердца, украшенного орнаментом, выполненным техникой

Ожерелье *мунчук*. 1927 г. Фрагмент фото Н.П. Дыренковой. МАЭ. Колл. №3662-88

гравировки, соединяющим геометрические и растительные мотивы.

Покупные украшения начали проникать в быт абинцев в XVIII в., что было подмечено ещё И. Г. Гмелиным при описании абинских татарок в 1734 г., у которых на косах «висят кольца, какие обычно продают в русских мелочных лавках» [Гмелин, 1994б, с. 11]. Пуговицы на их одежде иногда были величиною с рубль. Существовал прием пришивания пуговиц разного типа и цвета на одежду. Бытование налобника в виде полосы ткани с нашитыми раковинами каури отмечено в XVIII в. у абинок [Гмелин, 1994б, с. 12].

По мнению культуролога Т. И. Кимеевой, основой шорского орнамента являются мотивы саяно-алтайского типа – треугольники, пересечённые треугольники, сближенные, входящие друг в друга зигзаги, шевроны, ромбы, косая сетка, прямоугольники с вписанными в них мелкими прямоугольниками, а не иртышско-алтайского типа, как утверждал С. В. Иванов (решётчатые ромбы, крючкообразные фигуры в различных комбинациях), характерные преимущественно для тканых поясов. Некоторые из входящих в состав этого типа узоров обнаружены на костяных предметах палеометаллической эпохи на юге Сибири [Иванов, 1963, с. 378]. Мотивы остальных, отмеченных в начале статьи типов орнамента, оказываются сопутствующими, включая петлеобразные зигзаги, ёлочку, неправильные полуовалы, овалы, кресты, звёзды. Несоблюдение симметрии, а вернее – её внезапное нарушение является одной из специфических черт орнамента шорцев.

Нагрудник к женскому платью. МАЭТГУ. Фото Т. И. Кимеевой, 2015 г.

К середине XX в. незатейливый орнамент почти полностью исчезает с предметов быта и костюма таёжных шорцев в связи с появле-

нием мануфактурных товаров, изредка ещё встречаясь на костяных предметах из охотничьего снаряжения – подставках для ружья, самодельных курках, мерках для пороха. Резьба по кости у шорцев у отдельных охотников сохранялась и в советский период, доказательством чему служит костяная пластинка с изображением пятиконечной звезды. Этот символ не противоречил старинному значению оберега – пятизвёздчатая розетка, образованная расположением зигзага по кругу, встречалась в предметах, изготовленных в XIX в.

Орнаментированный воротник халата *кендырь*. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой. 2015 г.

В первой четверти XX в. шорские женщины, как и женщины соседних народов, начинают осваивать декоративное искусство, сложившееся под влиянием городской культуры. Они вяжут крючком кружева для подзоров, скатерти, воротники для платьев, вышивают салфетки, не внося своих традиций в это искусство. Вышивка полотенец становится частью этого искусства, что подтверждает украшение концов полотенца связанными крючком кружевами, точно такими, какие пришивали к подзорам.

В целом в конце XIX – начале XX вв. предметы декоративного народного искусства отражали процесс проникновения в быт шорцев городской культуры. В домах зажиточных шорцев появляются этажерки с точёными ножками, рамы для зеркал и календарей с накладной и пропильной резьбой, окованные жестью сундуки и стулья с фигурно вырезанными спинками, приобретённая на ярмарках утварь, предметы конской упряжи, имеющие чисто утилитарное значение. Символы оберега потеряли своё значение. Техника инкрустирования оловом деревянных предметов проникла к шорцам, видимо, от хакасов, у которых этот вид ремесла был довольно развит.

Поездка к родственникам в соседний мрасский улус с месячным ребенком за спиной. 1940 г. НКМ. б.н.

Средства передвижения. В процессе культурно-хозяйственного освоения горно-таёжного края заметную роль играли полозные средства передвижения, используемые в основном в охотничьем хозяйстве – нарты *шанак*, лыжи *шана*, волокуша *сюртка*. Поклажу шорские охотники тащили за собой на прямокопыльных нартах с тремя парами копыльев из тальника или черёмухи.

Лыжи как один из наиболее древних и значимых элементов охотничьей формы культурной деятельности оказались наиболее устойчивыми этнографически и сохранились в современном быту у таёжных шорцев. По материалам коллекций выделяются два основных типа лыж – голицы и подволоки. Основу подволок делали из ели, берёзы, черёмухи, сосны или пихты. Для голиц использовали сосну. Последние, за исключением обшивки, не отличались от обтянутых *камусом*, но имели меньшее практическое значение – использовались при ходьбе по насту. Лыжи изготавливались по росту их хозяина. Толщина основы составляла до полутора сантиметров, в зависимости от роста и веса лыжника.

Антон Кириллович Кискоров (начальник вертолётной площадки), Пётр Павлович Курносов (реставратор МЗТП), Виталий Мирославович Любченко (археолог МЗТП). 1989 г. Пос. Усть-Анзас.

Шорские лыжи саяно-алтайского типа – невыгнутые, умеренно широкие, длинные и толстые. Черёмуховые лыжи-голицы *калбрак* обшивали *камусом* – шкурой с голени марала, оленя или лошади, получая подволоки *шана*. У шорцев сохранился наиболее арха-

ичный тип: прямые лыжи с загнутыми носками. Оптимальная ширина большинства шорских лыж 9–14 см, толщина – 2 см, длина колебалась от 112 до 170 см [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 1, с. 99–104].

Любимый воздушный шорский транспорт. Пос. Усть-Анзас. 1991 г.

Крепили камус разными способами: края загибали узкой полосой на нескользящую поверхность и прибивали деревянными или железными гвоздиками, шнуровали, приклеивали или пришивали. Клей варили из сухожилий и костей конских или лосиных ног. Иногда шнуровали края камуса, стягивая их на лицевой поверхности узким сыромятным ремнем или кендырной бечёвкой, которые ложились на деревянной поверхности в виде зигзага.

При спуске с гор в качестве руля использовался универсальный вырезанный из берёзы посох *каёк*, с длинной рукоятью и совкообразной лопаткой на конце. Им также разгребали снег при постройке охотничьего балагана, или устанавливали капканы на тропе, или использовали в качестве сошки (подставки) для ружья.

Сергей Григорьевич Каташев, первый шорец – командир вертолета Ми-8.

Для летней рыбалки использовали колодообразную остроконечную лодку-долблёнку *кебе*, управляемую однолопастным веслом. Против течения на них передвигались с шестом [Шорцы. Каталог, 1999. Ч. 1, с. 150]. Шорские песни

Лодки (дощаник и долблёнка) на берегу р. Мрассу. 1913 г. Фото Г. И. Иванова. АГКМ. Инв. № 15866-48.

свидетельствуют об изготовлении некогда у шорцев берестяных лодок [Чудояков, 1995, с. 77].

Занимающиеся извозом для доставки грузов летом по рекам использовали долбленые лодки с шестами, объединяясь в караваны. Вверх по Мрассу из Кузнецка и Мысков торговцы возили муку, ячмень, конское мясо, соль, чай и охотничьи припасы, затрачивая на это около недели. Зимой для перевозок использовали гужевой транспорт с русскими санями. Товар обычно раздавался шорцам в долг под большие проценты для расчёта после промысла, что приводило фактически к их закабалению «низовскими» шорцами и полному обнищанию.

Основным средством передвижения у шорцев в начале XX в. становятся дощатые лодки, приобретаемые на заказ у русских мастеров. Управлялись они также однолопастными вёслами, а против течения – длинным шестом с железным кованым наконечником. В 1970–1980-е гг. дощатые лодки на судоходных реках Мрассу и Томи стали оснащаться моторами «Ветерок» и «Вихрь» с металлической защитой для лодочного винта.

По первому снегу на санной упряжке. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-27.

Духовная культура шорцев

Традиционная духовная культура шорцев имеет свои локальные особенности, связанные с различиями этнокультурных контактов с русскими в XVII – начале XX вв. и влиянием модернизаций советского периода. К началу XX в. большинство шорцев стараниями Алтайской духовной миссии были крещены и официально исповедовали православие. Православные календарные обряды вытесняли шаманистские или сочетались с ними, через миссионерские школы распространялось знание русского языка, библии и житий святых, истории России. Однако значительное место в духовной жизни продолжало занимать шаманство и более архаичные культы огня, гор и др. Элементы дохристианских верований сохранились до сих пор, хотя и не играют заметной роли в современной жизни шорцев, большинство из которых придерживаются светского мировоззрения.

Древние культы, шаманизм, религиозный синкретизм

Древними родовыми верованиями у шорцев этнографы считают веру в духов гор, рек, огня и промысловые культы. Духи гор *таг-ези*, в отличие от охотничьих покровителей шорцев, не получили материального воплощения, хотя их образ довольно отчётливо представлен в мифологии шорцев. Обычно они являлись охотникам во сне в образе молодой голой женщины или девицы с большими грудями, закинутыми за плечи или заложенными подмышки. Неизвестны у шорцев изображения духа огня *от-ези*, хотя жертвоприношение ему во время похорон и поминок сохранилось до настоящего времени. Этот факт этнографы объясняют глубокой древностью культа, когда изготовление идолов ещё не практиковалось [Потапов, 1946а, с. 159; Кимеев, 2005а, с. 108–126].

Кропление духам. 1920-е гг. Фото Н.П. Дыренковой. АМАЭ. Ф.3. Оп. 1. Ед. хр. 207.

Культ гор был широко распространён у шорцев. К хозяевам гор обращаются по разным случаям жизни, призывая их в молитвах наряду с другими духами. Так, например, после свадьбы при переезде зятя в дом тестя все сопровождающие останавливаются на пере-

вале через гору, подвязывают на ветвях берёзы или тальника ленточки и совершают *таг-ези* кропление, обращаясь к ним с молитвами.

По преданиям, мужчины из рода кой кропят *абырткой* горе Паспак, которая дала сородичам первые каменные песты для ступки и научила растирать зёрна на каменной мельнице. На месте жертвоприношения пока мужчины готовили *тутпаш* (кусочки теста, сваренные в мясном или рыбном супе), старший из них подавал шаману *каму* мясо в чаше и водку в деревянном ковше. *Кам* отрезал ножом жирные кусочки мяса и бросал в огонь, прося его предохранять детей от ожогов, а свой улус – от пожаров. Шаман громко выкликивал по старшинству все близлежащие горы начиная от горы Паспак, после чего все совершали восхождение на её вершину.

Больший туяс браги для угощения духов.
НКМ. Рис. К .Е. Евреинова. 1934 г.

В улусе Сага жертвоприношение горам совершалось на открытом месте. Шаманка, выкликивая соседние горы и реки, брызгала им берестяной ложкой водку и *абыртку* и уговаривала их дать жителям улуса зверя, рыбу и сохранить пашни.

Деревянный чаша и ложка для угощения духов.
НКМ. Рис. К. Е. Евреинова. 1934 г.

В шорских сказках и легендах присутствуют сюжеты о происхождении родоначальников и богатырей из горы или из камня. Так, богатырь *Кара-Мökö* на вопрос об его имени отвечает: «Вскормившего отца моего не знаю, родившей матери моей не знаю. Из чёрного камня с четырьмя гранями и четырьмя углами, находящегося в устье реки, вытекшей из девяти морей, я сотворённый, вышедший богатырь есть трёхушатый с чёрными ушами, чёрный *Мökö* я есть» [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф.1. Оп. 2].

Раньше шорцы на перевалах гор не набрасывали кучу камней и не привязывали разноцветные ленты и конский волос на ветвях

Кропление духу горы Айган *камом* Игорем Идимешевым. 2018 г. Фото Л. П. Кирсановой.

берёзы, как алтайцы, а слезали с седла лошади, выкуривали трубку и кропили из деревянной чаши хозяину горы водкой или *талканом*, замешанным на воде.

В охотничьих легендах шорцев говорится, что у горы имеются двери. Хозяин горы проходит через них в своё жилище. Через эти же двери проникает к горному хозяину и шаман во время камлания. Весною двери якобы открываются, и горный и его дети обходят свои владения.

Хозяева гор живут по образу людей. Они обладают теми же слабостями и страстями, что и сами шорцы. Они ходят друг к другу в гости, выпивают, проигрывают в карты зверей, как, например, на горе Пустаг. Поэтому зверь то убывает в одной тайге, то появляется в большом количестве в другой.

В легенде шорцев рассказывается, как однажды хозяин Абаканской тайги приехал в гости к хозяину Падын-тайги, чтобы сыграть с ним в карты на вершине горы на золотом столе. Хозяева гор могут сыграть в карты также с охотниками, и в случае выигрыша последний получет удачу на промысле.

Культ воды и *обряд шачиг.* Ежегодно с началом ледохода в районе р. Кобырзы шорцы совершали моления. Для этого заранее приготовляли брагу *позо*, затем все шли к священной берёзе *пай казын* у назначенной горы и увешивали её лентами *яалама;* около берёзы устраивали столик с брагой и ковшом [Дыренкова, 2012, с. 119; Чудояков, 1989, с. 46; Кимеева, 2015, с. 189].

Камлал шаман или просто старик, знающий название окружающих гор и рек. При камлании кропили священную берёзу брагой, называя при этом имена гор и речек. Обращаясь к присутствующим, шаман сообщал, что «горы и реки всё то, что вы желали и о чём думали, в этом году не оставят не исполнившимся». После этого люди, напившись браги, выплёскивали часть её к подножью священной берёзы и расходились по домам. Весенний праздник *шачиг* или *шаачен-бурсене* (праздник угощения духов гор, рек, озёр и болот) проведенный в последний раз в Абинском улусе в 1926 г., был подробно описан очевидцем, новокузнецким краеведом К. А. Евреиновым [Мартюшев, 2017б, с. 176 179]. По неясным причинам общественный деятель Н. М. Печенина, используя, видимо, газетную публикацию, подготовленную Ю. В. Ширином [Евреинов, 2000], назвала ошибочно этот праздник Чыл Пажи и датировала его проведение в том же Абинском улусе 1925 годом [Печенина, 2012, с. 4].

Шорская шаманка Анна Куспекова. Пос. Чулеш. 1986 г. Фото В. М. Кимеева.

В Акколе, Усть-Мрассу, Томазаке (Мысках), как только весною пройдет лёд, старики назначали день жертвоприношения. Накануне приготовляли брагу-абыртку. Наутро все собирались на берегу ближайшей реки, ставили принесённую бутылку водки и туес с брагой в общий ряд и кланялись в сторону реки. Пришедшие женщины могли стоять только поодаль.

Совершающий жертвоприношение шорец доставал большую деревянную чашку, которая в течение

Женщина-шаманка. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. б/н.

года хранилась у него отдельно от прочей утвари где-нибудь в амбаре, и передавал двум присутствующим на обряде мужчинам. Затем в чашу наливали понемногу водку из каждой принесённой бутылки. Распорядитель обряда черпал деревянной ложкой из чаши водку и, называя по имени окрестные горы и реки, кропил в их направлении.

Молящиеся шорцы обращались прежде всего в сторону востока. Затем совершали круг по солнцу, перечисляя при этом по порядку горы и реки и подливая время от времени в чашку водку. При каждом обращении к реке и горе исполняющий обряд громко выкрикивал «шок», и все присутствующие вторили ему [Анохин. АМАЭ РАН. Ф.11. Оп.1. Д.41. ЛЛ. 69–72]

Весенние жертвоприношения горам и рекам в верховьях р. Мрассу обычно устраивались в конце мая или в начале июня, когда население вернется с пашен. Весенний обряд *шачиг (шачил)* проводился в улусе Тайлеп после первого весеннего грома, что считалось началом Нового года [Торбоков, 1970, с. 63].

Устраивали *шачиг* жители каждого улуса отдельно, т. к. в нём обыкновенно проживали представители только одного какого-либо рода – сёока. Для жертвоприношения взрослые мужчины и женщины выбирали чистое место в отдалении от улуса, где обычно меньше ходили люди и скот, чтобы хозяева гор не брезговали угощаться здесь. Совершал жертвоприношение только шаман (или шаманка).

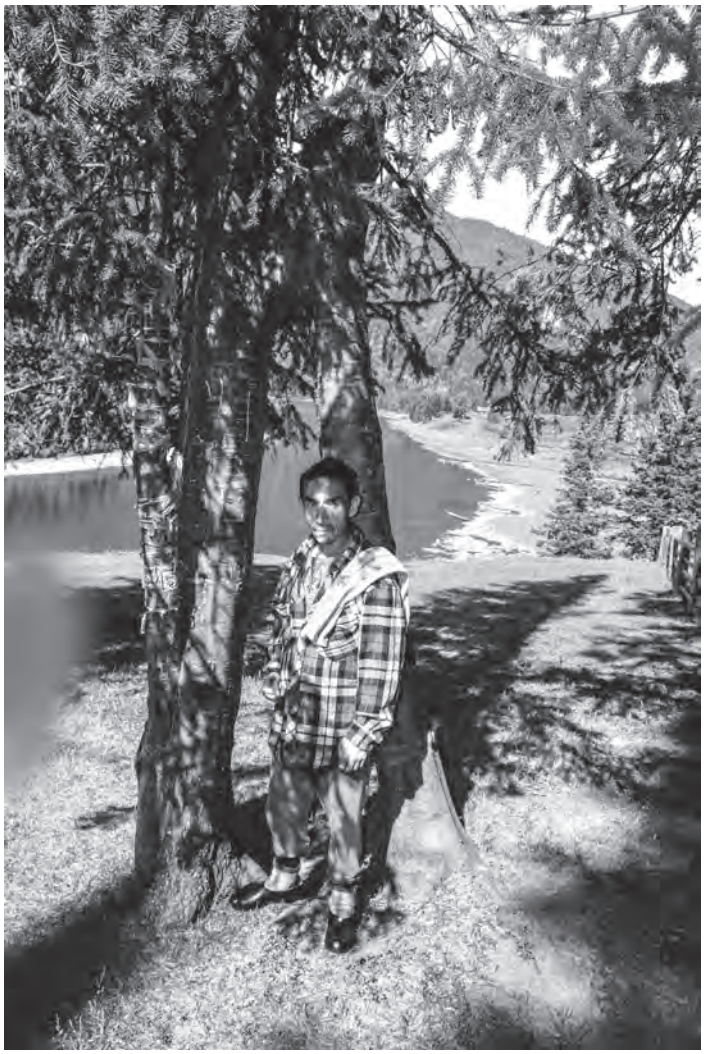
Накануне собирали хлеб для самогонки-абыртки и заквашивали его в больших берестяных чанах. Абыртку гнали в каждом доме до утра, после чего женщины отправлялись на место жертвоприношения и пекли лепёшки.

Род *карга* около улуса Усть-Анзас совершал моление около берёзы у ключа Шымтилыг-Кол, а до середины XIX в. – у священного родника на площадке с берёзой, где затем появились постройки Мрасского миссионерского стана. Самый старший член рода брал жертву – пресные лепёшки и брагу *поза* – и выкладывал перед шаманом, которому предстояло узнать, каким будет наступающий год для улуса, и испросить у хозяев гор и рек рыбу и зверя. Во время камлания шаман отправлялся к самому старшему горному духу, для чего мысленно взбирался на гору Пустаг. Подъём на эту гору крайне затруднителен: ему мешают туман, снег и ветер. Поднявшись всё-таки на эту гору, шаман беседовал с её хозяином, сообщая ему о нуждах населения и его просьбах, а вернувшись назад, передавал присутствующим результаты своих переговоров. Хозяин Пустага назна-

Священная берёза для обряда *шачиг*.
Пос. Усть-Анзас. 2005 г.
Фото А. В. Вяргизова.

чал через шамана, кому и куда идти на промысел, на какую гору. Он же давал распоряжение подвластным ему горам давать людям зверей и дичь на охоте. Окончив разговор с Пустагом, шаман обращался к хозяевам других ближайших гор и рек и просил, чтобы было много зверя, чтобы хлеб не побило градом, чтобы в Мрассу всегда водилась рыба. Каждой горе и реке шаман брызгал абырткой, зачерпывая из туяса берестяной ложкой *кыйгаш*.

Священное дерево любви в экомузее «Тазгол». 2010 г. Фото В. М. Кимеева.



Сам обряд был ориентирован на почитание духов воды *суг-ези* и горы Айган – *таг-ези*. Во время него все пришедшие сливали принесённую брагу в один большой берестяной сосуд, затем связывали общую гирлянду из собранных со всех мужчин перьев глухаря, а с женщин – холщовые ленты, которую молодец подвязывал на берёзе. После этого старший подбрасывал деревянную чашку и смотрел: если она падала дном вверх, то год будет неудачным. Всё заканчивалось собиранием разбросанных кусочков бересты на месте проведения обряда. При этом шаман бил

колотушкой в бубен и произносил заклинание [Кимеева, 2015, с. 188].

Род *кызай* из улуса Кабырза совершал *шачыг* около ключа Паралыг-Кол под пещерой. Шаман во время камлания поднимался сначала на гору Кара-таг, а затем на более мелкие горы. Берёзу, около которой совершали моление, украшали лентами.

В улусе Карчит моление совершается в лесу около улуса. Абыртку заквашивали на месте моления в огромных берестяных чанах *куспаках*. Шаманка камлала с бубном.

Цель жертвоприношения всюду одинакова – испрашивание зверя и рыбы и просьба об охране пашен от града.

Религиозное наполнение охотничьего промысла у шорцев было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным. По дороге охотники останавливались у подножия гор и «кормили» духа *таг-ези*, разбрызгивая по кругу жертвенный напиток *абыртку*. Переваливая через хребет, подбрасывали собранные пихтовые ветки, обращаясь к горам с просьбой об удачном промысле. Придя на промысловый участок, кропили *абырткой* охотничий балаган, бросали во время вечерней трапезы кусочки мяса в костёр духу огня *от-ези*. Специально взятый на промысел сказитель *кайчи* рассказывал присутствующим и духам сказки, сопровождая свой рассказ игрой на двухструнном музыкальном инструменте *комысе* или дудке из сухого дягиля [Алексеев, 1980, с. 56].

На промысле существовали строгие запреты: нельзя было шуметь, кричать, ругаться, так как звери в тайге понимают человеческую речь. Общаться между собой можно было только знаками, иносказательно называя промысло-

Охотничий дух *канатык*. КМАЭЭ, 18-38.

вых животных. Соболя вместо *алба* называли *аскыр*, т. е. красивый, медведя вместо *апшак* – *улуг кижи*, т. е. старый человек [Потапов, 1936, с. 32–33].

Считалось, что душа промыслового зверя находится в кончике его носа, поэтому последний отрезали и хранили, как амулет. Такими же амулетами служили различные части убитого медведя: коготь или лапа, подвешенные над дверью, служили оберегом от злых духов *айна*. Бывали случаи, когда на пасеке вешали на кол медвежью голову и поворачивали её по направлению к чужой пасеке, чтобы пчёлы летели туда воровать мёд [Потапов, 1929, с. 125].

Наряду с почитанием духов-владельцев промысловых зверей, ежегодно перед большой охотой устраивались моления и другим духам, способствующим охоте, которых по Мрассу обычно изображали одноголовыми или двухголовыми. Изображения с большой овальной головой с налепленными на неё кусочками меха и с короткими выступами по бокам вместо рук считались мужскими. Лицо – с длинным прямым и широким носом и круглыми медными глазами. Второе изображение в виде двух одинаковых по размеру овалов, соединенных короткой и тонкой перемычкой, считалось женским.

Оберег – медвежья лапа. Фото Т. И. Кимеевой. КМАЭЭС, 18-4.

Кроме общих для всех существовали и свои, местные духи. На Кондоме почитали духа охоты *шалыг*. Он изображался в виде вырезанных из дерева мужа и жены, Причём одна нога мужского изображения делалась короче другой, отчего *шалыг* считался хромым. Хранили изображения духов в холщовом мешке или берестяной коробке в амбаре. Перед промыслом их заносили в дом и оставляли там до возвращения охотников, угощая *аракой* и *талка-*

ном. Там же, на Кондоме, покровителем охоты считался дух *сарыс*. Его изображения в виде шкурки колонка или небольшой холщовой тряпочки прямоугольной формы вывешивали на сучьях деревьях за улусом и также кормили по пути на промысел [Иванов, 1979, с. 17, 19].

Каларцы осенью перед охотой поклонялись духу *тёр-кижи* – человеку переднего угла. Обычно это было изображение человеческого лица из бересты с прикреплённым деревянным носом и глазами из свинцовых бляшек, с приклеенной бородой и усами из беличьего хвоста. Для кормления *тёр-кижи* приносили из амбара в дом и помещали в передний угол. Перед ним ставили берестяной двухведёрный туес с *абырткой* и тарелку каши. Кормление сопровождалось камланием и обильной пирушкой [Иванов, 1979, с. 12].

Кроме духов-хозяев и покровителей охотников на земле обитали ещё духи предков, являющиеся покровителями домашнего очага. Изображения их делали женщины [Дыренкова, 1937, с. 123]. Эти антропоморфные «покровители» очага и детей, родоначальницы женщин *орёкеннер* или *тёр-кижилер* имелись в каждой семье и относились к наиболее древнему культурному пласту. У шорцев существовали различные вариации их материального воплощения, соответственно имеющие разные названия: *орекеннер, ене-кижи, тёр-кижилер*.

Орекеннер – упрощенное изображение человека в виде холщового мешочка цилиндрической формы длиною 15–20 см, набиваемого куделью, но лучше волосом, срезанным с головы умершей шаманки, или в виде полос из кендырной (домотканой) ткани. Такие изображения были безруки и безноги, иногда без шеи, носа, рта, но обязательно с глазами из бисера. У неко-

Охотничьи духи:
тайгам (верхний) и *шалыг*.
КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой, 2015 г.

Домашние духи *ӧрекеннеры*. Фото Т. И. Кимеевой. КМАЭЭС, 18-70.

торых фигурок отмечались груди, что указывало, видимо, на духов-женщин. Нередко фигурки сшивались попарно – муж и жена, по три и более – муж, жена и дети [Иванов, 1979, с. 11].

Когда девушка покидала родительский дом, она получала эти изображения – «куклы» от своей матери и перевозила в дом мужа. Родовые духи заботились о благополучии семьи, увеличении рода, охраняли здоровье детей, родовой огонь. Если к этим духам относились небрежно, то они посылали болезни, поэтому не реже одного раза в год их угощали салом и маслом. Хранились такие изображения в мешке или берестяной коробке на печи или под крышой амбара [Каруновская, 1927, с. 20]. Холщовые и набитые тканью *тор-кижилеры* сходны с *орекеннерами*, но имели подобие рук и головных уборов. Вероятнее всего, орекеннеры, *тёр-кижилеры* и *ене-кижи* – различные локальные названия изображений, выполняющих одну и туже функцию.

Кормление *ӧрекеннеров* для излечения ребёнка. На стене лучок со стрелой – изображение *Кара-Умай*. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. Колл. 3662-78.

К другому типу домашних духов относятся изображения на деревянной основе, зашитой в лоскут ткани, поверх которой отмечены бисером или стежками из ниток глаза, нос и рот. На голову повязывался платок из лоскутка ткани другого цвета или надевалась круглая тряпочная шапочка. Сами фигурки подпоясывались кушаками. Такие «куклы» – т*ор-кижилер* в отместку за

недостаточное себя почитание могли нанести вред скоту и даже отравить воду.

В пантеоне домашних духов покровителей особое место занимало божество Умай, Умай-иче. Представления о богине Умай – покровительнице детей были широко распространены среди всех тюркоязычных народов Саяно-Алтая и возникли, видимо, в древнетюркскую эпоху. По воззрениям шорцев, Умай живет одновременно и в верхнем мире, и на земле, рядом с новорождённым ребёнком. Со временем культ богини Умай опустился на семейно-бытовой уровень, и его функции ограничивались, как у других родовых духов [Потапов, 1991, с. 291; Дыренкова, 1928, с. 134–139].

Оберег над колыбелью. 1927 г.
Фото Н.П. Дыренковой.
Колл. № 3662-72.

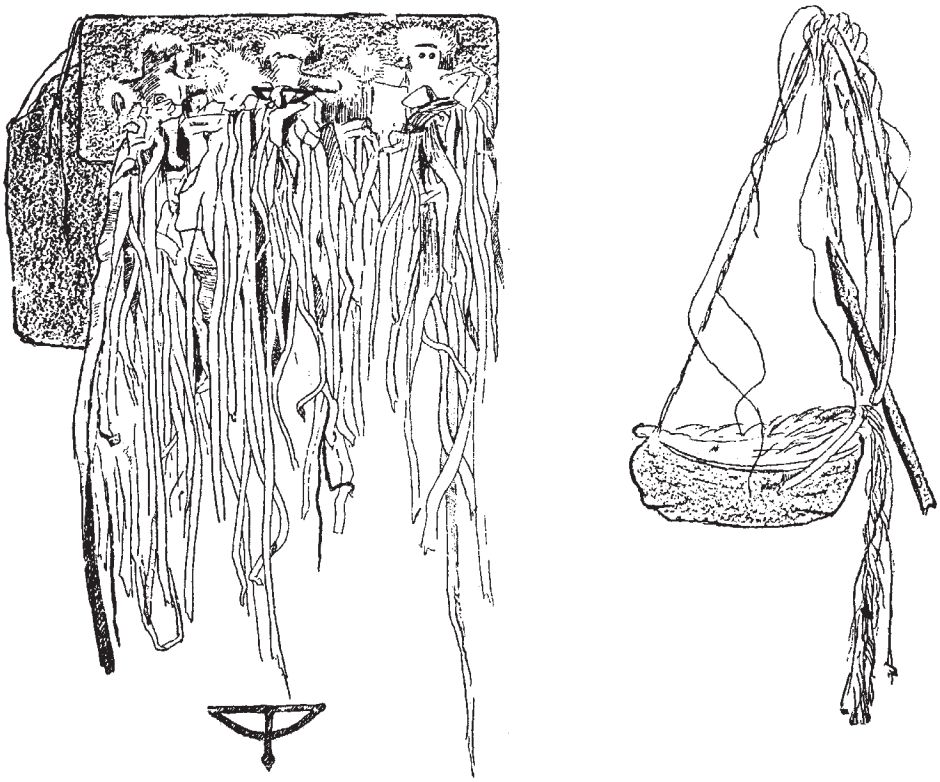
Мрасские, кондомские и верхнеабаканские шорцы (улус Балыкташ) одновременно почитали добрую покровительницу детей Умай и злое божество Кара-Умай, с которым связывали болезнь и смерть грудных детей.

Умай, опекавшая детей, олицетворялась с душой ребёнка и входила в шаманский пантеон. Словом «Умай» именовали душу ребёнка с момента рождения примерно до трёх лет, так же называлась у шорцев пуповина младенца. её символическое изображение – оберег в виде лучка со стрелкой, прикреплённой с кусочком заячьей шкурки к куску бересты, – прибивалось к стене юрты или над колыбелью ребёнка, как знак присутствия женского божества [Дыренкова, 1928, с. 137; Потапов, 1973, с. 268]. Делали изображение перед первым укладыва-

нием ребёнка в колыбель (с приглашением шамана) и снимали, когда дети подрастали и уже не пользовались колыбелью. Рядом с этим изображением оставляли на ночь зёрнышки кедрового ореха для «угощения» и кропили его *талканом* [Потапов, 1991, с. 289; Курьянова, 2008, с. 118].

У мрасских шорцев известно было другое изображение *Умай* – маленькая берестяная колыбель, выстланная заячьей шкуркой и проткнутая либо стрелой (для мальчика), либо веретеном (для девочки) и прикреплённая к стене юрты. В качестве самого простого оберега могла служить короткая деревянная стрела с железным наконечником, уложенная на дно колыбели ребёнка.

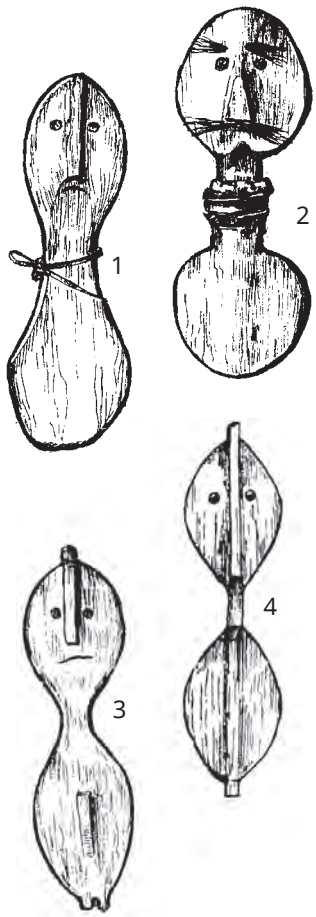
Лепка глиняной фигуры *Кара-Умай* для излечения ребёнка. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. Колл. № 3662-81.



Изображение *Кара-Умай*. Детская колыбель с оберегом-стрелкой. Рис. Н. П. Дыренковой, 2012 г.

В одной из полевых описей этнографом А. В. Анохиным была зарисована матерчатая куколка, названная также *Умай* [Иванов, 1979, с. 12, 14]. Вещественное изображение злого духа *Кара-Умай* было из глины в виде человеческой фигурки, прикреплённой к деревянной дощечке [Шорцы. Каталог…, 1999. Ч. 5, с. 37]. Фигурки Кара-Умай тщательно прятали от постороннего глаза. Одни их закапывали после удачного камлания в земляной пол юрты неподалёку от того места, где обычно помещалась колыбель с новорождённым. Другие отправляли куклу в маленьком деревянном гробике на плоту вниз по течению реки.

Таёжные шорцы изготовляли и почитали изображения комплексных духов, одновре-



Двухголовые *тайгамы*.
1. МАЭ, 3645-5.
2. РЭМ, 6826-109.
3. МАЭ, 3645-4.
4. РЭМ, 720-9.

менно являвшихся покровителями домашнего очага и охотничьего промысла, так как без удачной охоты не мыслилось благополучие семьи. У шорцев среднего течения Мрассу и верховьев Томи почитался *каннатыг* или *канатулар* (крылатый) в виде природной развилки ветки берёзы с неорнаментированной тряпочкой посередине. К концам развилки или вдоль верхнего края тряпочки крепились птичьи перья. В низовьях Мрассу развилка с холстинкой называлась *ухут-кан*, в низовьях Кондомы – *учугат-кан*. Этот идол в виде укреплённой между развилки тряпочки покровительствовал как охотничьему промыслу, так и охранял дом от злых сил, обитая в печной трубе.

Охотничьи духи *сарас, колунак, каннатыг, канатулар* имели родовую принадлежность. Их изображения хранили в амбаре или под крышей вместе с другими духами и «угощали» жирной пищей – маслом и кашей без соли. За непочтение «крылатый» мог насылать болезни, мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами [Потапов, 1936, с. 39]. Более поздние по происхождению духи территориально-этнических групп шорцев имели уже антропоморфную форму, почитались целыми группами шорских родов и назывались – *тайгамы, шалыги, курмуши* [Кимеева, 2003б, с. 17; 2015, с. 1 68].

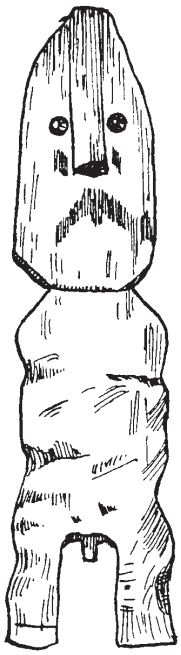
По всей долине Мрассу, в верховьях Томи и Абакана шорцы почитали охотничий дух *тайгам*, имевший как одноголовые, так и двухголовые изображения. При этом в обоих случаях пропорции тела изображений были нарушены. Одноголовые *тайгамы* вырезались из дерева и имели антропоморфную форму с овальной головой. Прямой и широкий нос начинался у верхнего края головы, глаза обычно обозна-

чались вдавленными в древесину медными круглыми пуговицами или пистонами. Вырезался рот с тонкими губами, вокруг которого приклеивались кусочки меха, изображая бороду и усы. У некоторых фигур отмечались ступни и признаки пола. Перед отправкой на охоту приглашённый шаман брызгал на подвешенное к стене ружье *абырткой*.

Двухголовые деревянные *тайгамы* имели форму двух овалов, соединённых тонкой перемычкой. Верхний овал изображал лицо с намеченными чертами: длинный двухгранный расширяющийся книзу нос, глаза узкие из проволоки или круглые из медных заклёпок, рот вырезан в виде углубления. На нижнем овале некоторых фигур обозначен знак пола или ступни ног. У некоторых *тайгамов* прикреплены усы, брови и борода из кусочков меха.

Охотничий дух *шалыг*. МАЭ, 5073-7.

У шорцев среднего течения р. Кондомы охотники перед промыслом камлали *шалыгу*, почитавшемуся как домашний пенат, так и как охотничий дух. Изображение духа вырезалось из кедра или сосны в виде плоской антропоморфной фигуры с овальной головой, глазами из кусочков свинца или меди, рельефно вырезанными ртом и носом, расчленёнными ногами разной длины и руками в виде коротких выступов. По сведениям А. В. Анохина, у кондомских шорцев, живущих близ города Кузнецка, изображение *шалыга* делалось в двух экземплярах: одно считалось женой, другое – мужем, Причём муж – с равновеликими ногами, в отличие от жены [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. ДД. 71, 84].



Охотничий дух *тайгам*. МАЭСТГУ, 6025-73.

К третьему типу относят идолов из бересты в виде человеческого лица с глазами из округлых свинцовых бляшек, деревянным носом, с бородой и усами из беличьего

Маска *кочо*. КМАЭЭС.
Фото Т. И. Кимеевой, 2015 г.

хвоста. Они напоминают берестяные маски *кочо*. Такие изображения символизировали духов, сочетающих функции покровителей охоты и домашнего очага. Охотники рода *челей* устраивали камлание «хозяину двери» – *ежик-ези*, считавшемуся сыном Ульгеня и хранителем человеческого жилища. Изображение его делали также из бересты. Шорцы рода *калар* в прошлом почитали *тор-кижи* – «хозяина переднего угла», изображение которого делали в виде берестяной маски [Потапов, 1929, с. 146].

Изображения домашних и охотничьих духов чаще всего хранили вместе в укромном уголке в берестяном туесе или просто в мешке. Такие туеса украшали незатейливым орнаментом: зигзагом из двух параллельных линий, ромбами, выполненными техникой процарапывания.

У шорцев существовали также представления о магической силы амулетов. Таким могла быть прикреплённая к верёвке детской колыбели кость животного или медвежья лапа, укреплённая перед входом в юрту [Каруновская, 1927, с. 32].

Шаманизм. Согласно традиционному мировоззрению кузнецких татар-шорцев, мир разделен на три сферы: небесная земля *Ульген-чер* (земля Ульгеня) – небо; средняя земля – *орты чер* или *бистынчер* – наша земля; земля злых духов – *айначер* – подземный мир. Во владениях высшего божества Ульгеня имеется девять небес. На первом, самом нижнем небе *кошкан* помещается молния *сарыджы* – плеть для бело-сивого коня Ульгеня, гром – удары этой плетью. В середине первого неба *санчи* живет его хозяин, у которого свой дом, жена, дети. Второе небо называется *кӧк кур* – синий пояс, где помещается синяя часть радуги *тенгричелизе*. Третье небо – *кызыл кур* – красный пояс, четвёртое – *кыр кур* – серый пояс, пятое – *кектамош кур* – голубой пояс, а шестое – *кызылтенгри* – красное небо, там живут красные женщины. На седьмом небе находятся луна и звёзды, на восьмом – солнце, на девятом живет Ульгень – доброе верховное божество [Хлопина, 1978, с. 71].

Ульгень вместе со своим братом Эрликом, который в мифологии шорцев олицетворял злое начало, сотворили мир и человека. Согласно легенде, Ульгень сотворил солнце, луну, звёзды, ровную землю и на ней реки. Эрлик, злое божество, поставил на земле горы. Затем *Ульгень* создал птиц и зве-

Рисунки на шаманском бубне.
МАЭ Колл. № 2164-1

Шаманский бубен изнутри.
МАЭ. Колл. № 3313-30.

Шаманка Ангшак
с мужем *кайчи*.
Улус Балгаштыал.
1920-е г.
НКМ. КП 5636. Л.6. Ф.2.

рей, потом человека, но душу его, как ни старался, создать не мог. Он позвал Эрлика и попросил помочь, на что тот ответил согласием, но поставил условие, что созданная душа будет принадлежать ему, а телом пусть владеет Ульгень. Поэтому кузнецкие татары верили тому, что Ульгень и Эрлик равны между собой и их власть над человеком одинакова. Счастье, здоровье, богатство – это воля двоих, а не одного существа. Даже очевидное зло: болезни, несчастья – определяются обоими началами [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 71. Л. 33].

Согласно легендам, Эрлик по воле Ульгеня был изгнан с поверхности земли в подземный мир, где он властвует. В подчинении Эрлика находятся его помощники *айна*. Это злые духи, которые забирают душу человека, чем причиняют ему болезнь и смерть. В нижнем мире находится загробный мир, где обитают души умерших людей *кёрмесы*, служащие, как и *айна*, Эрлику [Вербицкий, 1893, с. 118].

Человек обитает на средней земле в соседстве с многочисленными духами – хозяевами мест: тайги, гор, рек, озёр. Причём эти духи обычно представляются антропоморфными существами, почти ничем не отличающимися от людей по образу жизни. Наибольшим почитанием у шорцев пользовались духи гор – *тагези* и духи воды – *суг-ези*. Эти духи представлялись в образе мужчин-охотников или нагих женщин с длинными распущенными волосами. Водный дух иногда виделся в образе рогатого чёрного человека [Дыренкова, 1940, с. 438].

Таг-ези считался не только хозяином горы, но и хозяином тайги со всеми её обитателями. Звери и птицы воспринимались как его подданные. Линьку зверей кузнецкие татары считали как бы уплатой дани своему хозяину.

Жизнь любого человека, по воззрениям кузнецких татар – шорцев, полностью зависела от этих окружающих духов и божеств всех трёх миров. Сам человек лишь в немногих случаях непосредственно общался с духами, например, при «кормлении» духа огня, жертвоприношении духам-хозяевам во время промыслов и некоторым домашним духам-покровителям. Чаще же общение с духами и божествами происходило через посредника-шамана, особого избранника среди живущих на земле людей.

Камлание шамана.
Фото Н. П. Дыренковой.
1927 г. МАЭ. Колл. № 52.

Шаман из пос. Усть-Кабырза. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ, б/н.

К услугам шаманов прибегали очень часто: при болезнях, во время похорон и поминок, перед охотой, при трудных родах, перед сбором урожая и т. д. Кроме того, существовали традиционные родовые моления Ульгеню, в которых обязательно участвовал шаман [Арбачакова, 2004, с. 102].

Шаман, по-шорски – *кам,* – особый избранник небесного божества *Ульгеня*. У такого избранника обычно имелась отметина Ульгеня, так называемая *артак сёок* – лишняя кость: бугорок на пальце руки или ноги, ямка в мочке уха и прочее. Другой признак «избранности» – проявление «шаманской болезни» – эпилепсии, во время которой избранника как бы «пересотворяли» духи, разрезая его тело в особом котле, долго и внимательно пересматривая его кости. Если одной кости недоставало, то избранника ждала смерть, а если находилась лишняя – мог стать шаманом. Причём новые шаманы обычно наследовали «шаманский дар» умерших шаманов по линии родителей [Функ, 2005б; Арнау Муро, 2000, с. 110].

Если родители замечали такую особенность у ребёнка, то обращались к шаману. Тот узнавал у главного духа-помощника – *таг-ези* горы

Мустаг, будет ли ребёнок *камом*. Если дух подтверждал это, то ребёнку с детства внушали, что он будет *камом*. Если же лишняя кость не обнаруживалась в детстве, то всё равно к предопределённому Ульгенем времени Эрлик пошлет духов причинить избраннику мучительную шаманскую болезнь, пока не добьются от него согласия стать шаманом [Дыренкова, 1930, с. 97].

Шаманы по своей силе и возможностям делились на несколько категорий. Сильный *кам* всегда имел бубен с изображёнными на нём духами-помощниками и колотушку. Самые сильные шорские шаманы получали бубны от горы Мустаг, другие – от Эрлика или Ульгеня. В обоих случаях существовали специальные обряды посвящения шаманского бубна [Потапов, 1947б, с. 141; 1997, с. 30; Алексеев, 1984, с. 134–136].

Шаман Савелий Адыяков во время камлания. Улус Усть-Кабырза. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. НКМ, б/н.

Вначале будущему каму вырезали колотушку орба из черёмуховой ветви с развилкой из трёх или пяти отростков. Заготовку обтягивали камусом дикой козы, марала или шкуркой белого зайца. В рукоятке колотушки сверлили дырку, продевали в неё ремешок, завязывали его петлёй для удержания в руке во время камлания (иначе все духи разбегутся) и привязывали полоски цветной ма-

терии. Встречаются колотушки, украшенные медными пластинами и железными кольцами.

Такой колотушкой можно было камлать целый год, затем делали новую. Некоторые шаманы были обречены камлать с колотушкой несколько лет и даже всю жизнь, у шорцев они назывались *шабынчи* и могли изгнать только небольшого злого духа – *айну* и лечить некоторые болезни [Хлопина, 1978, с. 79]. Кроме колотушки, слабые шаманы у шорцев камлали с рукавицей, с шапкой, со старым луком *алар*, с веником.

После изготовления колотушки Мустаг, по разрешению Ульгеня, во время камлания назначал *каму* осенний срок изготовления

Разрисовка бубна. Улус Усть-Кабырза. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой НКМ. КП 514. Л.1. Ф.2.

бубна. Если разрешение на бубен давал Эрлик, то он повелевал отправиться к Ульгеню весной. Получив разрешение на изготовление бубна, кам обращался к духу-хозяину, перешедшему к нему от умершего в роду шамана, стараясь выпытать у него сведения о материале, форме бубна, местонахождении дерева, из которого нужно делать обечайку, о рисунках, наносимых на бубен, а также о том, кто будет делать и какие части бубна. Мустаг также сообщал о наступлении срока изготовления первого бубна и сколько бубнов при жизни *кама* необходимо сменить. Вся жизнь шамана исчислялась количеством бубнов, отпущенных духом-покровителем (от 3 до 9): когда их могущество иссякало – шаман ложился и умирал [Потапов, 1946а, с. 155; Функ, 2005, с. 156].

Обечайку бубна не менее 12 см шириной гнули из тальника, получая таким образом основу круглой или овальной формы 60–70 см в диаметре, затем стягивали её двумя тонкими черёмуховыми обручами и вставляли берёзовую рукоятку, орнаментируя последнюю резьбой и симметричными отверстиями различной конфигурации. Рукоятка бубна считалась изображением духа – хозяина бубна. Верхнюю её часть пронизывала железная тетива *тебиркириш* с навешенными колокольчиками, металлическими полыми трубками, полосками разноцветной материи по обеим сторонам от рукоятки. На верхнем крае обечайки привешивали три ножеобразных подвески – «сабли и мечи» шамана [Прокофьева, 1961, с. 442].

Обтягивался бубен кожей самца марала или оленя. Внешняя сторона обтяжки делилась сакральными изображениями на две неравные части. Верхняя, большая часть, олицетворяла небесную сферу – верхний мир, нижняя – под-

земный мир. Горизонтальный пояс, отделяющий верхнюю часть бубна от нижней, и является средним миром – землёй. В верхней части обтяжки белой или красной краской наносились рисунки: солнце, луна, звёзды, радуга, священные берёзы и тополь, духи-помощники шамана в образе птиц. Ниже изображались люди – пешие, конные, в санях – медведь, лошадь и какое-то многоногое животное. Контур обечайки окаймляет широкая дуга из двух линий, а между ними – геометрические фигуры, зигзаги, косые кресты, поперечные полосы.

В нижней части кожаной обтяжки также изображались деревья и птицы, люди в санях, с луком, пешие, конные, шаман. Также здесь наносились изображения ящериц, змей, лягушек – духов-помощников шамана. Чем больше их было на бубне, тем сильнее считался шаман [Иванов, 1954, с. 666–668].

Процесс изготовления бубна длился несколько дней. В течение двух дней готовили детали для бубна, на третий – обечайку обтягивали кожей. Вечером шаман совершал первое камлание и рассказывал духу-хозяину бубна о процессе его изготовления. Затем начиналось «оживление» бубна с «оживления» дерева, из которого был сделан обод. После этого «оживлялся» марал, чьей кожей был обтянут бубен. По окончании камлания в течение ночи до рассвета все присутствующие мужчины стучали по очереди в бубен.

Шаман верхнеабаканских шорцев. 1920-е гг. НКМ, б/н.

Утром шаман справлялся у духа-хозяина бубна об изображениях, которые тут же наносились на обтяжку, после чего подвешивались

Лечебное камлание *алым-мала*.
Пос. Усть-Ортон. 1980 г.
Фото В. М. Кимеева.

«ножи шамана». За день бубен просыхал, а вечером все принимавшие участие в его изготовлении привязывали к перекладине и рукоятке бубна ленточки из материи. Затем шаман вновь камлал, показывая бубен Мустагу или Эрлику [Потапов, 1947а, с. 142].

В тех случаях, когда разрешение на изготовление бубна давал Эрлик, бубен делал кто-либо из старших дальних родственников под руководством шамана, который обучал своему ремеслу будущего *кама*. После изготовления бубна шаман вместе со своими родственниками шёл к человеку, сделавшему бубен, и «сватал» его, так как дух-хозяин становился мифической женой шамана. При сватовстве человек, сделавший бубен, выступал в роли отца духа-хозяйки, роль её матери поручали тому, кто помогал делать бубен. Они садились на лавку, ставили около себя бубен, привязывали к нему ленты

и повязывали на него женский платок. Затем шаман подносил «отцу» хозяйки бубна чашку вина. Когда тот принимал угощение, шаман или один из его родственников хватал бубен и убегал с ним из жилища. «Отец и «мать» разыгрывали сцены ссоры и примирения, заканчивающиеся угощением всех присутствующих *аракой*.

Дальше начиналась сама «свадьба», и шаман совершал «поездку» к Ульгеню. Осмотрев бубен, Ульгень сообщал о сроке, в течение которого можно им пользоваться, указывал, сколько бубнов шаман сменит за свою жизнь [Алексеев, 1984, с. 135]. После «оживления» бубен становился сакральным атрибутом шамана, и никто не имел права к нему прикасаться.

Шорец-шаман. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. НКМ, б/н.

Шаманский бубен у народов Саяно-Алтая имеет два названия Л. П. Потапов наиболее распространенным считает *тунгур* или *туур* – монгольского происхождения. Другой термин – *чалу* – встречается реже и относится к тюркской лексике. Шаманский бубен у шорцев имеет только одно название – *туур*, в отличие от телеутов, употреблявших и термин *чалу*, а во время камлания телеутский шаман иногда называл бубен *акадан* – т. е. священный верблюд.

В качестве культового атрибута при лечении больных шаман использовал и посох – черёмуховую палку длиной 70 см с орнаментально срезанной корой в виде спиральных и прямых линий по всей длине. На одном из концов посоха на кендырной нити подвешивался скрученный кусок бересты.

Специальной ритуальной одежды у шорских шаманов не было, камлали они в обычной рубахе и штанах, в сапогах, а иногда босиком, но на голову обязательно и женщины и мужчины повязывали платок. По сообщениям С. Е. Малова, одеждой служил повседневный халат *шабыр* из *кендыря* и сшитая из такого же холста шапочка с перьями из хвоста филина или даже пучком кудели. Но чаще шапочку заменял женский платок, придерживающий перья [Малов, 1909, с. 39].

Реконструкция жертвенника обряда *таелга*. Экомузей-заповедник «Тюльберский городок».

Ежегодно для благополучия сородичей устраивались родовые моления Ульгеню – обряд *таелга*. Камлать ему можно было только весной, летом и осенью, так как в зимнее время между человеком и Ульгенем нет общения, их разделяет слой льда, покрывающий небо. Жертвоприношение зимой допускалось лишь в тех случаях, если на это соглашался *кам*, который обычно вооружался молотком и им пробивал в небе лёд [Анохин. АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп.1. Д. 72. Л. 76]. Камлание Ульгеню заключалось в жертвоприношении сородичами (исключительно мужчинами) жеребца особой для каждого из родов масти.

Место для обряда выбирал лично *кам* – обычно на поляне около берёзы. С западной стороны от берёзы вкапывали столб, рядом ставили в ряд принесённые с собой *куспаки* с *абырткой*. Невдалеке сооружали конический шалаш – *одаг* со свежей берёзкой в центре, вершина которой с зелёными листьями возвышалась

Шорский шаман.
Улус Чулеш. 1920-е гг.
НКМ, б/н.

над конусом. Сучья на берёзке внутри шалаша обрубались, а на стволе делались 9 зарубок – ступеней, по которым шаман во время камлания проникал на небеса к Ульгеню. Рядом с *одагом* разводили небольшой костёр, а внутрь его складывали остатки трапезы – кости и туеса с недопитой *аракой*. Считалось, что кости в будущем воплотятся в другого жертвенного жеребца – сына Ульгеня, а напитки пригодятся *таг-ези* [Вербицкий, 1893, с. 65; Кимеева, 2001, с. 67–68].

Снаружи перед входом в юрту, обращённым на восток, сооружался небольшой символический пригон для жертвенной лошади белой масти. Во время обряда на спину лошади ставили чашку и вели её к пригону. Если чашка падала со спины вверх дном, значит лошадь в жертву не годилась. Использование выпукло-вогнутых предметов для гадания (выяснения о принятии жертвы в данном случае) характерно для шаманистских народов Сибири. Такие предметы, семантически связанные с бинарными понятиями «да – нет», выражены в логических оппозициях «верх – низ», «правая сторона – левая сторона» и т. д. Несмотря на различие форм колотушки у народов Притомья, общим для них является противопоставление, зафиксированное в её выпукло-вогнутой форме или качественном различии её сторон, если она сделана из берёзовой развилки.

В начале камлания шаман садился и рассказывал о следах зверей, которых он видел по дороге к Ульгеню, значит, их будет много зимой; о местах, в которых он встречал животных, значит, охота там будет удачной. Путь *кама* проходил через Золотое (Телецкое) озеро. По пути он задерживался у хозяев гор на Мрассу возле улусов Кабырза, Адыр, Кичик, Челей, заходил

к хозяину огня *от-ези*. В это время один из присутствующих брал палку, расщепленную на одном конце, со вставленной в расщеп берестой, зажигал бересту от костра и подходил к *каму*. Тот высоко поднимал бубен и подбрасывал его вверх, это значило, что он начинает подниматься к Ульгеню. Один из сородичей трижды окуривал факелом бубен, при этом заклиная: «*Алас, алас*». Все присутствующие повторяли за ним те же слова [Хлопина, 1978, с. 86–87].

Затем привязывали к ногам жеребца верёвки и растягивая их, выворачивая тем самым жеребцу суставы до тех пор, пока он не погибал от боли. Потом тушу разделывали, оставляя в шкуре череп и голени, при этом стараясь не пролить ни капли крови на землю, не ломать и не резать кости. Мясо варили в больших казанах, затем выкладывали в деревянные блюда и не спеша съедали.

Гравюра «Жертвоприношение лошади» из книги «Путешествие...». Начало XX в. НКМ, б/н.

Шаманский обряд *Кочо-кан*.
Улус Усть-Кабырза. 1927г.
Фото Н. П. Дыренковой.
Колл. № 3662-96.

Пока мясо варилось, рядом с берёзкой втыкался в землю большой кол с развилкой. В неё вставляли длинный шест *тюкеле*, на конце которого укрепляли шкуру жертвенного жеребца и оставляли здесь до следующего камлания. Под свисающей шкурой устраивали деревянный сруб из 2–3 венцов на четырёх столбах – жертвенник *тастак*. Жердь укладывалась в развилку столба так, чтобы голова лошадиной шкуры была обращена на восток, если жертва предназначалась Ульгеню, на запад – Эрлику. Противоположный конец жерди закреплялся на земле.

Во время камлания присутствующие члены родов *калар* и *челей* вырезали из бересты антропоморфную маску с отверстиями для глаз, рта и носа. Последний мог быть заменен пришитым конопляными нитками кусочком бересты. Иногда также пришивались брови, усы и борода из кусочков меха или конских волос. На голове маска крепилась завязками из конского волоса. Из тонкого ствола берёзы выстругивали палку длиной около 60 см, изображающую фаллос жеребца.

Считается, что дух – *кочо-кан* при жертвоприношении лошади Ульгеню, задерживает шамана на первой небесной сфере, просит поиграть с ним и стремится не пустить его дальше. Шаман, стараясь отвязаться от него, подносит ему жертвенной браги и сбрасывает его на одного из присутствующих при обряде мужчин, в которого тот и вселяется. Избранный таким образом участник обряда надевает на себя маску, берёт в руки деревянный фаллос и ведёт себя как «жеребец во время гона».

Шаман в маске *кочо*. 1920-е гг. НКМ, б/н.

Существовал и другой обряд с участием *кочо-кана*, направленный на увеличение плодовитости соболей, находившихся, по представлениям шорцев, в ведении Ульгеня. Во время камлания шаман говорил о якобы видимых им следах соболя, присутствующие по очереди надевали на лицо маску, садились на выструганную палку-фаллос и с громким криком скакали, стараясь вырвать её друг у друга. А изображаемый таким образом конь помогал донести просьбы до божества [Хлопина, 1978, с. 88].

СТАНЫ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ 1915 г
Челухоевский 1890
Кузнецк
Томь
Мрассу
Кузедеевский 1858
Тарабинский 1911
Усть-Анзасский 1878
Кондомский 1858
Кондома
Спасский 1911
1905 Матурский
Бия
Сузоповский 1893
Бийск 1891
Обь
Абакан
Макарьевский 1893
Тайнинский 1902
Лебедь
Турьяновский 1908
Ильинский 1908
Турочакский 1908
Таштинский 1896
Кебезенский 1857
Майминский
Паспаулский 1902
Катунь
Улала 1835
Александровский
Чергинский 1908
оз. Телецкое
Бел.Ануйский 1909
Чемальский 1842
Мьютинский 1845
Чулышманский 1877
Черн.Ануйский 1856
Эдиганский
Усть-Канский 1902
Башкаусский 1877
Чодровский 1914
Онгудайский 1856
Улаганский 1904
Абайский 1907
Усть-Инской 1903
Чибитский 1901
Катунь
Кош-Агачский 1871

Религиозный синкретизм.

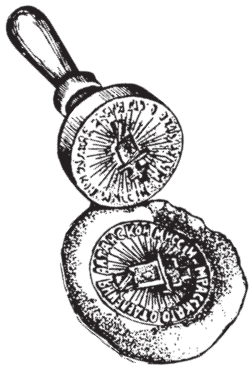
В конце XIX – начале XX вв. у шорцев сформировалась причудливая картина религиозного синкретизма. Ещё не утратили своего значения шорские *орекеннеры, тор-кижилеры, ене-кижи*, характеризующие древние представления народа, истоки которых уходят глубоко в эпоху родового строя.

Только в 1826–1827 гг. в Тобольской епархии была учреждена Алтайская духовная миссия, возглавляемая миссионером Макарием. Фактически днём основания миссии можно считать 29 августа 1830 г., когда отец Макарий с двумя семинаристами прибыли в г. Бийск для «просвещения верою Христовой» алтайцев Бийского округа. Однако «кочевые инородцы» проживали не только на территории Бийского, но и соседнего – Кузнецкого округа, на который с 1831 г. начальником Тоболь-

Святитель Макарий (Невский).

Служители Алтайской духовной миссии.
Во втором ряду, крайний справа – еп. Василий (Вербицкий).

Семья мрасского миссионера Павла Кадымаева. Улус Усть-Анзас. 1913 г. Из архива В. М. Кимеева.



Печать мрасского миссионера. МЭПГШ, №.КП ОФ 427.

ской епархии разрешалось распространить деятельность миссии. В 1832 г. отец Макарий добился принятия правительством закона о льготах для новокрещёных – освобождения от уплаты ясака и прочих повинностей сроком на три года. Недовольные этим некрещёные старосты «инородческих» волостей «чинили притеснения», самочинно устанавливали дополнительные повинности. Достаточно было незначительного повода – плохой погоды, хвори или падежа скота, чтобы под влиянием озлобленных паштыков и шаманов «правила и благочестивые обычаи христианские забывались, а суеверные понятия и привычки язычества опять возобновлялись». Чтобы оградить своих «духовных детей» от произвола паштыков и зайсанов, миссионер старался поселить новокрещёных вблизи станов миссии, в селе-

ниях Улала, Муйту, Чемал, а затем в Кузедеево, Челухоевском и Усть-Анзасе. В каждом из них на средства миссии были выстроены церковь и миссионерские школы, что оградило крещёных от влияния язычников и участия в шаманских обрядах [Ерошов, 1995, с. 7–10].

Миссионер протоиерей Михаил Чевалков.

К началу XX в. большинство шорцев уже официально исповедовали православие. Заслуга в этом принадлежит протоиерею Алтайской духовной миссии Василию Ивановичу Вербицкому и его ученикам – выходцам из аборигенов Иоанну Штыгашеву, Тимофею Каншину, Гавриилу Оттыгашеву, Павлу Кадымаеву и др. [Пивоваров, 1989, с. 4–32].

Деятельность о. Василия началась с того, что в морозный день 13 декабря 1858 г. он переселился из казачьей станицы Калтан в шорский улус Кузедеевский. Там через год русскими плотниками была срублена небольшая церковь в честь Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и миссионерская школа для детей инородцев. Постепенно Кузедеевский стан миссии распространил своё влияние

Миссионерский стан в улусе Усть-Анзас. Фото Г. И. Иванова. 1913 г. АГКМ. Инв. № 15866-38.

на всю Кузнецкую тайгу. К 1885 г. общее количество крещёных составило уже 14062 чел. Вслед за Кузедеевским станом стараниями учеников В. Вербицкого были открыты православные церкви в селе Кондомское (1894 г.), улусах Усть-Анзас (1880 г.), Очаевский (1890 г.), Матур (1905 г.).

Методы распространения христианства были самые различные – от прямого принуждения до введения различных льгот для новокрещёных: бесплатная раздача хлеба, трёхлетнее освобождение от всех налогов, возможность стать паштыком [Записки миссионера…, 2008, с. 82]. Крещение проводилось как в самой церкви, так и за её пределами – на берегах местных рек во время ежегодных миссионерских поездок. Миссионеры распространяли передовые мето-

Крещение миссионером инородца на р. Кондома. Начало XX в. МАЭ. Колл. № 591-14.

ды ведения хозяйства (пчеловодства, земледелия), здоровый образ жизни и новые средства врачевания, защищали шорцев от произвола царских чиновников, боролись против пьянства, невежества шаманов.

Служители бывшей Алтайской духовной миссии: митрополит Макарий (Невский) и архиепископ Бийский и Алтайский Иннокентий (Соколов)
Начало 1920-х гг.

Самым главным итогом их деятельности было широкое распространение грамотности через миссионерские школы с библиотеками и появление первых шорских просветителей и интеллигенции из числа воспитанников этих школ [Кацюба, 1998, с. 58]. В числе таких учеников был миссионер Матурского стана, автор первого шорского букваря и литературного произведения на русском языке шорец Иоанн Оттыгашев. Выпускники катехизаторского училища братья Яков и Федор Тельгерековы стали первыми руководителями Горно-Шорского национального района, а последний также создателем первого школьного учебника [Чудояков, 1988, с. 8].

Миссионер Василий Вербицкий со своими учениками старался использовать в первую очередь практическую сторону православия – её культовые обряды, переплетающиеся с бытом, социальными потребностями, привлекающие своей психологической и эстетической стороной. Сущность христианства для большинства новокрещёных оставалась непонятной. Так, например, главным богом у шорцев считался не Христос, а Никола Угодник, так как в Кузедеевской церкви хранились святые мощи

Николая Чудотворца. Христианство, наслаиваясь на традиционные представления шорцев, создавало причудливую картину религиозного синкретизма. Так, в мифологию шорцев вошли персонажи и сюжеты из библейских сказаний – Адам, Ноев ковчег. В одном доме с иконами сохранялись изображения охотничьих и домашних духов, к которым мог запросто обращаться за помощью «крещёный инородец» [Кимеев, 1981, с. 155].

У новокрещёных появились христианские атрибуты: нательные кресты, иконы как в домах, так и перед улусами на деревьях, надмогильные кресты. Однако миссионерам так и не удалось полностью искоренить шаманские обряды и верования. Вплоть до коллективи-

Посещение епископом Софронием пос. Усть-Анзас. 1996 г. Фото В. В. Ерошова.

Крещение детей о. Игорем Кропочевым в р. Мрассу. Пос. Усть-Анзас. 1996 г. Фото В. М. Кимеева.

зации шаманы продолжали играть большую роль в общественной жизни, особенно у мрасских шорцев. Одновременно с шаманством существовали прежние дошаманистские родовые промысловые и домашние культы [Записки миссионера…, 2008, с. 78].

В. В. Радлову довелось записать в верховьях Мрассу следующее: «На небе живет Бог – Кудай (распространенное у всех восточных татарских племён персидское название Бога), который создал землю. Зовут его Муколы (испорченное русское Николай, которого русские зовут Чудотворцем). Но под землей живет злой, его зовут Айна. Когда человек умрет, Айна пожирает его душу». По его свидетельству, шорцы христианами были лишь по названию, а «…о христи-

Дом мрасского миссионера конца XIX в. Пос. Усть-Анзас. 2005 г. Фото А. В. Вяргизова.

анской вере им было известно лишь то, что надо креститься, осенять себя крестным знамением, а когда приезжает к ним священник, он даёт им всегда причастие *кызыл аракы* – красную водку» [Радлов, 1989, с. 203–204].

Принявшие через русских христианство шорцы приурочили ряд традиционных языческих праздников с характерными для них обрядами к праздникам православным. Одним из атрибутов костюма участников рождественских ряжений были берестяные маски, подобные маскам *кочо* или *чертей*. Одна из фотографий начала XX в. запечатлела участника обряда в берестяной маске на лице и в вывернутой наизнанку – наверх мехом – шубе, точно так же, как это делали русские при колядовании. Весенний праздник «испрашивания» плодородия – «шачиг» совмещался у шорцев с православной Троицей, в обоих случаях центральным объектом была традиционно почитаемая язычниками берёза.

Христианство переосмысливалось шорцами через призму его восприятия русскими, которые до переселения в Сибирь приурочили ряд своих языческих праздников к христианским. Например, у шорцев мрасского пос. Усть-Анзас, живущими на богатой в прежние времена рыбой реке Мрассу, очень почитаем Петров день, как и у северорусских рыбаков, которые считали апостола Петра покровителем рыбаков.

После освящения поклонного креста на горе Мустаг архиепископом Кемеровским и Новокузнецким Софронием (Будько). 2001 г. ▸

Храм вмч. Георгия Победоносца г. Таштагол. 2008 г. Фото Г. Т. Шалакина.

К началу XX в. духи-покровители отдельных шорских родов отходили на второй план, уступая место новым общеэтническим божествам. Процесс превращения родоплеменного шаманизма в классовую религию ещё не был завершен. К тому же у шорцев под влиянием христианства эволюция шаманизма прекратилась, а шаманистские представления стали переплетаться с поверьями, характерными для православных христиан [Алексеев, 1984, с. 24–25].

Влияние православия благотворно сказывалось на развитии хозяйства и быта кузнецких татар. Миссионеры в своих отчётах отмечали, что аборигены, живущие в ближних к миссионерскому стану улусах, кроме традиционного ячменя начинают сеять пшеницу и рожь и в больших размерах, чем жители отдаленных

улусов. «Но не в одном этом, а и в других частях домохозяйства они опередили верховых инородцев, на которых, вследствие отдаленности их и неудобства путей сообщения, миссионер и школа не могут иметь такого влияния, как на живущих вблизи» [Каншин, 1994, с. 30].

До настоящего времени у шорцев так и не сложилось цельной традиционной религиозно-мифологической системы. Религиозные верования представляют собой синкретический комплекс, состоящий из остатков дошаманистских культов, православного христианства и пережитков марксистско-ленинской идеологии. Кроме остаточных элементов православия и шаманизма, с 1993 г. активно стали проявляться и другие конфессии, как например, евангелисты-баптисты. Причём носителей безрелигиозного сознания нельзя назвать ате-

Крещение в доме миссионера. 1990 г. Пос. Усть-Анзас. Фото А. Трофимова.

Макет Троицкого храма. Архитектор В. Н. Усольцев. 2018 г.

истами из-за недостаточного образовательного уровня и владения элементарными постулатами атеизма. Однако полное возрождение православия у местных жителей вряд ли возможно в прежнем виде, особенно у молодого поколения. Для большинства как сельских, так и городских шорцев характерен религиозный нигилизм. Попытки внедрения неошаманизма со стороны шорской и хакасской национально-политической элиты пока не находят поддержки даже у старшего поколения как в городе, так и по посёлкам [Шиллер, 2004].

Религиозный синкретизм наиболее выраженно прослеживается в отдаленных таёжных улусах Горной Шории (Усть-Анзас, Челису-Анзас, Усть-Кабырза) в погребальном и поминальном обрядах, которыми обычно руководят представители старшего поколения. Даже после закрытия и разрушения церквей в местах бывших станов сохранилась тяга к крещению и отмечанию церковных праздников. Почти в каждом доме в углу висят иконы, стоят свечи или пучки вербы. Шорцы всех поколений постоянно носят нательные кресты, полученные при крещении. В то же время здесь сохранились представления о душах умерших, отрывочные представления о духах гор, воды, огня и т. д., что проявляется в обычаях кормления духов этих объектов природы [Арзютов, 2005, с. 129].

Обряды, праздники, этнокультурный неотрадиционализм

Родильный обряд и воспитание ребёнка. Рождение ребёнка у шорцев отмечалось довольно скромно по сравнению с алтайцами и хакасами. Отчасти это было связано с низким социальным уровнем жизни большинства сельского населения и значительной детской смертностью.

Для содействия родам, протекавшим «в самой кошмарной обстановке», проводился ряд обрядовых действий. С десяти лет девочек за-

Ребёнок в дощатой колыбели. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. 3662-71.

Ребёнок в рамочно-холщовой колыбели. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-75.

ставляли пить порошок «медвежий зык», приготовленный из высушенных непереваренных остатков травы, извлечённой из прямой кишки убитого медведя. Роженицу заставляли подтягиваться на веревке, подвешенной к потолочному крюку для колыбели [Аравийский, 1994, с. 99].

Сразу после родов, которые обычно принимала соседка, пуповину обрезали обычным ножом, заворачивали в тряпку и прятали в сухом укромном месте. Затем зашивали в украшенный раковинами каури и пуговицами мешочек *чаарых* и привязывали над зыбкой к потолочному кольцу. У шорцев существовал также обычай укладывать в новую колыбельку деревянную стрелу и прибивать на стену юрты лучок как знак её присутствия.

Главной целью народной педагогики шорцев была подготовка детей к жизни и создание оптимальных условий для матери и ребёнка. Одним из наиболее устойчивых предметов традиционной материальной культуры считается детская колыбель, с которой связано также множество специальных обрядов.

Если рождался мальчик, то его отец делал лучок и небольшую стрелу – знак охотника и атрибут богини Умай, подарившей жизнь ребёнку в виде субстанции человеческой души *кут*. В случае, если рождалась девочка, в углу над колыбелью прибивали к стене вершинку молодой берёзки – символ свадебного шалаша, а значит, замужества. С целью оберега от злых духов в детскую колыбель клали ножик или ножницы, привязывали к верёвке пулю или пуговицы, подаренные новорождённому на счастье.

Радость материнства. Пос. Усть-Анзас. 2004 г. Фото А. С. Акуловой.

Присутствующий при родах шаман совершал камлание, кропя из деревянной чашки варевом из рябчика или кедровых орехов в сторону колыбели и обращался с молитвой к божеству Умай о содействии новорождённому [Адрианов, 1888а, с. 318; Дыренкова, 1928, с. 134; Потапов, 1973, с. 272; Алексеев. 1980, с. 160].

На основе этнографических музейных коллекций культуролог Т. И. Кимеева выделила четыре типа колыбелей [Кимеева, 2003, с. 121]. *Первый тип* – колыбель *тос пежик* в виде коробки с низкими бортиками, сшитой из цельного

Переноска детей няньками. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. Колл. № 3662-83.

прямоугольного куска бересты кендырными нитками, в которой содержался первое время новорождённый. *Второй тип* представлял собой берестяную пластину, укрепленную вдоль края черёмуховым ободом и пришитую кендырными нитками к доске, служащей основанием зыбки. В изголовье к доске прикреплялся черёмуховый обруч, своими концами опирающийся на пол. К обручу пришивался войлок,

образуя что-то вроде небольшой кибитки. В нижней части колыбель имела деревянный, обложенный берестой «мочеточник» с желобком для выведения испражнений. Ребенка укладывали на дно колыбели на кошму так, чтобы его ноги оказывались по сторонам мочеточника, после чего тельце укрывали концами кошмы. *Третий тип* аналогичен колыбели большинства народов Южной Сибири [Хомич, 1988, с. 48]. Прямоугольное дно и боковые стенки такой колыбели из тонких кедровых дощечек скреплялись ремешками. В изголовье к боковым стенкам также приделывалась

Собака-нянька.
Пос. Дальний Кезек. 1981 г.
Фото В. М. Кимеева.

Раздача этнографами игрушек шорским детям.
Пос. Дальний Кезек. 1983 г.
Фото из архива
В. М. Кимеева.

Юный стрелок-охотник. Пос. Усть-Анзас. 1991 г. Фото В. М. Кимеева.

дуга из луба, концы которой служили ножками колыбели для придания наклона. В отверстие, сделанное в нижней стенке, вставлялся деревянный изогнутый желоб для стока мочи. Верх дуги и поперечная стенка в ногах соединялись ремешком-лямкой для переноса и раскачивания колыбели. *Четвёртый*, до сих пор сохранившийся тип колыбели представлял собой затянутую холстом деревянную раму, подвешиваемую за углы к потолку с помощью четырёх связанных вместе кендырных верёвок. В месте их соединения прикреплялась в качестве оберега косточка птицы или животного [Кимеев, 1989, с. 65].

Детей прикармливали рожком из коровьего рога с соской из коровьего вымени. Коровье вымя для изготовления соски предварительно выдерживали в солёном растворе. Для развлечения детей вырезали из кедрового дерева волчки *оппатыг*.

В наречении имени ребёнку могли принять участие как отец, мать, родственники, так

и случайные люди, оказавшиеся во время родов в юрте. При этом старались избежать совпадений с именем отца, брата или старшего из мужчин. При крещении священник давал ребёнку христианское русское имя.

Для привлечения детей к труду большое значение имели игры. Мальчики играли с маленькими луками, лодочками с вёслами и шестами, удочками с крючком на нитке, деревянными топориками, игрушечными граблями и бороной. Среди игрушек для мальчиков выделяются лошадки – плоские фигурки с очень выразительно изогнутой шеей, чаще всего с нерасчленёнными ногами, с вставным хвостом из ниток. Легкой нарезкой или бахромой из кожи показана шлея. В МАЭ хранится деревянный конь, запряжённый в телегу из картонной коробки. На коня надеты шлея из кожаных ремешков и обтянутый кожей деревянный хомутик [Иванов, 1979, с. 8; колл. МАЭ № 2334–7].

Наставление.
Пос. Усть-Анзас. 2003 г.
Фото А. Рудакова.

Среди шорских детских игрушек в коллекции МАЭ имеется модель балалайки, вырезанная из цельного куска дерева с деревянными колками и тремя струнами из металлической проволоки [Шорцы. Каталог.., 1999. Ч. 5, с. 114].

У девочек были свои игрушки – ступки, прялки, туеса, а также сшитые из ткани куклы *кыдак*. Основу куклы составлял плотно скатанный валик из ткани, обёрнутый цветной тканью. На куклу надевали одно или несколько платьев и подпоясывали ленточкой.

Свадебный обряд. В основе шорской свадьбы лежал комплекс социально-бытовых обрядов, в которых большинство ритуальных действий выполняло экономическую или правовую функцию. Подходящим возрастом для вступления в брак считалось 14–17 лет. В отдалённых улусах встречались браки между 6–10-летними мальчиками-сиротами и 20–30-летними женщинами. В последнем случае до совершеннолетия она была «жениху» матерью, и только потом становилась женой, неся всё это время заботы о хозяйстве. Большой удачей считалось взять в жёны молодую, крепкую здоровьем вдову с ребёнком. В будущем это защищало от возможного бесплодия, а значит, была гарантией продолжения рода и будущего богатства семьи [Дыренкова, 1926, с. 264].

На шорской свадьбе. Фото Н. П. Дыренковой. 1927 г. МАЭ. Колл. № 3646-104.

В конце XIX – начале XX вв. существовало два основных способа заключения брака: умыкание *кыс аларга* и сватовство *куда*. В обоих случаях свадьба *той* справлялась обычно весной [Наумова, 1980, с. 35–36].

Готовясь к похищению невесты, жених сначала должен был получить от неё личное согласие и платок в задаток. Затем, в установленное вре-

мя, украдкой, обычно ночью, подъезжал к дому невесты в сопровождении своих холостых товарищей на нескольких лошадях, одна из которых предназначалась невесте. По сигналу она выходила из дома, садилась верхом на коня, и вся компания направлялась в улус жениха. Там девушку передавали родственникам жениха по женской линии, а утром сооружали свадебный шалаш *одаг*.

Пока жених с помощью кресала высекал в *одаге* огонь, невеста, стоя снаружи у входа, одаривала всех присутствующих женщин медными кольцами. Девушки старались с детства набрать к моменту замужества побольше таких колец.

Веселье у свадебного шалаша.
Пос. Усть-Ортон. 1985 г.
Фото В. М. Кимеева.

Затем жених и невеста садились на скамью рядом с шалашом, и одна из родственниц жениха заплетала невесте правую косу, приглаживая её жирной костью и давая молодым отгрызть с неё по кусочку мяса. Вторая родственница жениха при этом заплетала левую косу, обмазывая её ложкой со сметаной. Концы заплетённых кос связывал сам жених приплёткой *чинча* [Записки миссионера…, 2008, с. 185–1874; Костров, 1875, с. 32].

Все три дня свадебного пира молодые должны были находиться в свадебном жилище, принимая подарки и угощая *абырткой* родственников жениха. Всё это время в шалаше горел небольшой костёр, брать головёшки из которого не разрешалось. Вокруг *одага* и днём и ночью не прекращался свадебный пир. По окон-

Самогонный аппарат монгольского типа. Пос. Усть-Анзас. 1982 г. Фото В. М. Кимеева.

Выгонка свадебной *татар-арагазы*. Пос. Усть-Анзас. 1989 г. Фото С. Дмитриева.

чании трёх дней бересту с шалаша снимали, а остов уносили в лес и прислоняли там к стволу дерева. Молодые до постройки своей юрты переходили в дом свёкра.

Через пять-десять дней в улус к родителям украденной девушки приезжал посланник от жениха обговорить размер калыма и сроки проведения совместной пирушки – очередной малой *байги*. В назначенный день в улус невесты приезжали молодые в сопровождении родителей родственников жениха с большим количеством *араки* на мирение *чараш*. Один из гостей входил в дом к грозному отцу и выкладывал перед ним на стол денежный выкуп. Родня тут же вскакивала с лавок, выпроваживала гостя за дверь, требуя увеличения выкупа. Так повторялось несколько раз, пока отец не уступал и не разрешал войти

Встреча молодых хлебом и солью. Пос. Усть-Ортон. 1985 г. Фото В. М. Кимеева.

Угощение молодых на свадьбе.
Пос. Усть-Ортон. 1985 г.
Фото В. М. Кимеева.

Свадебное путешествие по Мрассу. 1985 г. Фото В. М. Кимеева.

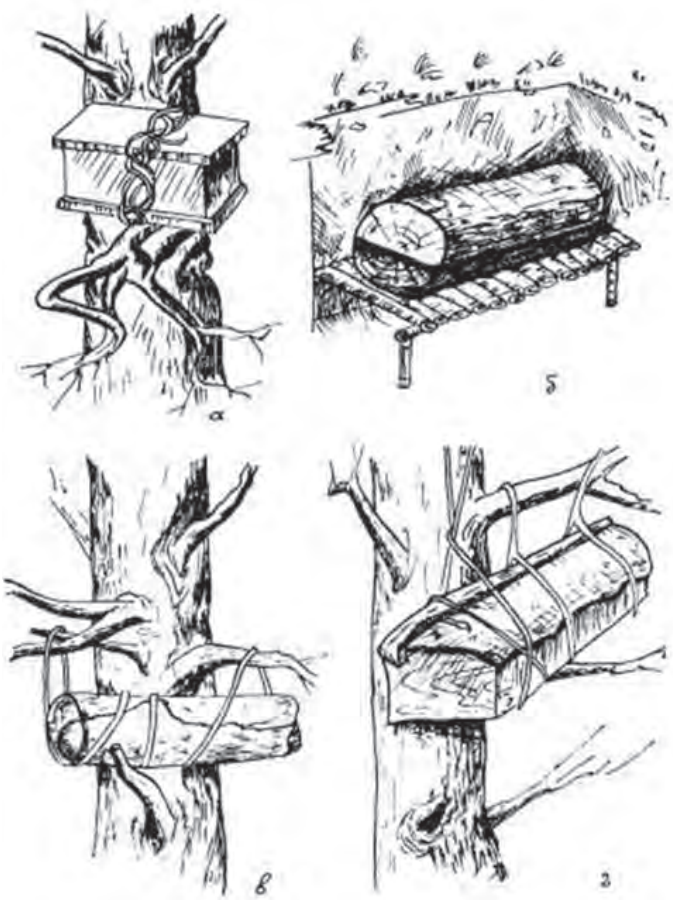
и стать перед ним на колени молодым. Отец снимал со стены плётку и легко ударял будущего зятя по спине, целуя в лоб дочку. После мирения родня невесты заполняла дом и начинался пир [Ярославцев, 1994, с. 67–70].

Следующая, табачная байга справлялась через месяц. На ней родные молодого мужа дарили родителем жениха табакерки. Последняя, мясная *байга* устраивалась через год: к родителям невесты приводили крупный рогатый скот или лошадь на убой, а в туесах несли изрядное количество *абыртки*.

Брак сватовством *куда* состоял из собственно сватовства с уплатой калыма и свадебного пира *байги*. Невеста после сватовства, когда обсуждались сроки предстоящей пирушки и размер калыма, выходила из юрты к жениху. На первой байге ей заплетали косы, затем также следовали табачная и мясная байги [Самоквасов, 1876, с. 8].

Погребальный обряд. У шорцев существовало несколько понятий, которые на русский язык переводятся как «душа»: *тын, кут, сюне, узют. Тын* – жизненность, происходит от *тынын* – дышу. Это такое духовное свойство, которое присуще не только человеку с самого его рождения, но и животным, птицам, растениям, камням. *Тын* исчезает, когда *айна* украдут душу *кут*.

Кут – это жизненная сила человека, его зародыш, ниспосланный Ульгенем и воплощённый в утробе матери в красного червяка. Даёт начало бытию человека, остаётся с ним жить и расти. По другим представлениям, душу *кут* создал Эрлик и поэтому она – собственность последнего. Олицетворяя здоровье человека, душа постоянно подвергается опасности быть украденной одним из помощников Эрлика. *Кут* способна отделяться от человека во время сна, при обмороке или при сильном испуге. Отделившись, душа тут же становится добычей злых духов *айна* или *кёрмёса*, в результате человек заболевает. Возвратить *кут* мог только шаман. Если же тому это не удавалось, наступала физическая



Типы захоронений:
а) в ящике на дереве,
б) в долблёном гробу в могиле,
в) в берестяном свёртке,
г) в долблёном гробу на дереве.
Рис. Е. Попова.

Надземное детское захоронение в ящике. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-91.

смерть человека [Анохин, 1929, с. 254; Кимеев, 1981, с. 151].

Причиной смерти были алчность Эрлика или приговор суда, совершаемого сообща Эрликом и Ульгенем. Смерть, причинённая жадностью Эрлика, считается неестественной, преждевременной, от неё есть возможность избавиться приношением жертв. Смерть же, вынесенная в приговоре суда Эрлика и Ульгеня, предопределена и считается неизбежной [Очерки культурогенеза…, 1994. Т. 2, с. 341–342].

Сюне как духовная субстанция появляется уже после физической смерти человека. Отделяясь от тела умершего, *сюне* блуждает по тем местам, к которым привыкла ещё при жизни человека. Она издает вопли, слышимые живыми. Для ублажения её в изголовье покойника ставили угощение. *Сюне* изгоняется из дома камланием на седьмой день после смерти, после чего она превращается в другую субстанцию – *узют*, в течение года после смерти вплоть до последних поминок существующую возле живых родственников.

Узют – это не только душа умершего, но и название злого духа вообще. В течение года она приходит к жилищу своих бывших сородичей, сообщая о своём присутствии порывом ветра, вихрем, стуком. Если она добьется своей цели и проникнет в человека, то он сразу же заболеет. Провожают *узют* в мир мёртвых дважды: на 40-й день и через год после смерти во время поминок [Кимеев, 1989, с. 115].

Погребальный обряд шорцев под влиянием православия претерпел к началу XX в. некоторые изменения, но в целом продолжал сохранять традиционные представления о смерти, о потустороннем мире и обрядовых погребальных действиях как в доме умершего, так и на кладбище [Арзютов, 2009, с. 55].

Убедившись в физической смерти человека, кто-либо из родственников убирал из под его головы подушку, помогая исходить второй душе *тын*, символизирующей дыхание. Она присуща как человеку, так и всем другим живым и неживым объектам природы – растениям, птицам, животным и др.

В очаге зажигали огонь, а в изголовье на лавку ставили в миске пищу и напиток для третьей души *сюне*. Она и раньше могла отделяться от тела и блуждать по родным и любимым его местам. Она может издавать вопли, слышимые живыми.

Наземное захоронение. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-92.

Погребение ребёнка. МАЭ. Колл. № 2199-9.

Собравшиеся родственники сидели в течение трёх дней возле покойного, причитая и восхваляя его поступки и характер в ушедшей жизни [Анохин, 1929, с. 259; Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 74]. Затем тело обмывали, переодевали в чистую рубаху и штаны и перекладывали в гроб, предварительно постелив на дно траву *азагат*. Его заранее выдалбливали теслом *адылга* из расколотого надвое ствола кедра. Уходящему в загробный мир клали в гроб вещи: чашку, ложку, мешочек с талканом, мужчинам трубку и кисет с табаком [Адрианов, 1888а, с. 332; Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 37]. На кладбище гроб несли с помощью жерди и верёвки, а зимой везли на охотничьей нарте, которую оставляли у могилы.

До распространения православия вместо гроба тело покойника зашивали в кусок кендыря или завертывали в пластину бересты и подвешивали в ветвях кедра, или оставляли на специальном помосте, установленном на четырёх столбах. Ещё в начале XX в. встречались детские воздушные захоронения в деревянном ящике, укреплённом прутьями или верёвками на дереве [Вербицкий, 1893, с. 86; Дыренкова, 1940, с. 438].

При наземном захоронении долблёный гроб оставляли в лесу и заваливали валежником или делали на поверхности сруб, куда помещали тело умершего с вытянутыми вдоль тела руками и прикрывали сруб куском бересты.

Шаманов хоронили, как обычных покойников. Бубен и колотушку подвешивали на дереве у могилы, железные подвески с рукоятки бубна снимали и передавали следующему шаману улуса. По легендам, шаманов хоронили лицом вниз в заколоченном сосновом гробу, который оставляли в лесу, заваливая ветками [Анохин, АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37].

Появившиеся с приходом миссионеров кладбища располагались обычно за улусом на горе. Могилу копали неглубоко, сооружая на дне жердяной помост. В низовьях Мрассу над могильным холмом дополнительно сооружали небольшой сруб, закрываемый досками. В ногах ставили деревянный православный крест. Могилу огораживали редко и дальнейшем за ней не ухаживали [Дыренкова, АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 74].

По окончании погребальной церемонии на могиле оставляли берестяную коробку с пищей для души умершего. Часть её шаман разбрасывал по сторонам, как бы заманивая душу в царство мертвых. Для этих целей у мрасских шорцев он закапывал рядом с надмогильным холмом специально вырезанную из кедра куклу – вместилище для души *сюне*. После камлания все возвращались за шаманом в юрту, стараясь запутать следы, бросая через левое плечо пихтовые ветки и оставляя на тропе старый топор лезвием в сторону кладбища [Хлопина, 1978, с. 76; Кимеев, 1981, с. 157; Кимеев, 2009б, с. 117–122].

Кропление дороги мёртвых. Пос. Усть-Ортон. 1980 г. Фото В. М. Кимеева.

Поминки на могиле. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-94.

По приходу в дом умершего присутствующие разводили огонь в очаге и готовились к трапезе. Шаман окуривал всех дымом лучины и камлал, «уговаривая» *сюне* не возвращаться. Перед дверью в юрту ставили два берестяных сосуда с брагой, мотыгу, на гвоздях развешивали сеть *энгме*, чтобы блуждающая душа не пробралась в дом [Дыренкова, 1940, с. 406].

Людей, умерших в результате несчастного случая, и самоубийц хоронили в земле на месте гибели или на окраине кладбища, крест заменяли осиновым колом. Труп заваливали камнями, чтобы душа не выбралась наружу и не вредила живым.

Кормление души умершего на могиле. 1927 г. Фото Н. П. Дыренковой. МАЭ. Колл. № 3662-95.

На седьмой и сороковой день, а также год спустя после смерти справляли поминки по душе, которая теперь, по представлениям шорцев, трансформировалась в категорию *узют*. В эти дни из соседних улусов съезжались многочисленные родственники с туесами араки и провизией. Часть напитков сливалась в один большой туес, а варё-

ное мясо выкладывалось на большое деревянное блюдо. Родственники во главе с шаманом уносили всё это на могилу, у которой разводили костёр.

Кам совершал обряд, брызгая аракой и бросая куски мяса в костёр и на могилу. Остатками угощал сородичей, не забывая и о себе. По возвращении в улус пирушка продолжалась до уничтожения всех привезённых припасов.

Бубны на дереве у могилы шамана.
1927 г. МАЭ. Колл. № 53а.

В течение года *узют* приходит к жилищу покойника или его близких родственников, напоминая о своём присутствии порывом ветра, стуком, снежной бурей. Проникая в живого человека, она может немедленно вызвать у него болезнь, а потом и смерть.

На 40-й день в доме умершего шаман вновь устраивал камлание душе *узюту*. Каждый относил чашки с пищей и туеса с *аракой* на западную окраину улуса. Там угощение складывалось в одно деревянное блюдо, край которого обламывали. Разводили костёр, бросая в него левой рукой кусочки мяса и окропляя *аракой*. Шаман при этом неистово камлал с корнекопалкой *озуп* – если покойница была женщина или с топором *малтыг* – если мужчина. Когда угасал костёр и кончались припасы, все расходились [Дыренкова, 1940, с. 333–345].

Реконструкция могилы шамана в экомузее «Тазгол». Пос. Усть-Анзас. 2005 г. Фото В. М. Кимеева.

Последние поминки проводились в годовщину смерти, когда *узют* навсегда спроваживали

в мир мёртвых. Ночью шаман отправлял душу вниз по реке на специальном плоту из стеблей борщевика с веслами, разведя на нём небольшой костёр. В процессе камлания он угощал *узют аракой* и мясом, заманивал душу на плот, кладя туда листья табака. Затем обрызгивал всё это аракой и спускал плот вниз по реке. Некоторое время сопровождал плот берегом до указанного при камлании места. Дальше душа плыла на плоту в одиночестве по чёрной дороге смерти *кара-чол* в загробный мир [Дыренкова, 1940, с. 337; Хлопина, 1978, с. 76].

Кормление души умершего на поминках на кладбище. Пос. Усть-Анзас. 1983 г. Фото В. М. Кимеева.

Традиция праздников к настоящему времени сильно деформировалась даже в сельской местности. Их можно разделить на 4 категории: общегосударственные, религиозные, семейные и национальные. В настоящий момент справляются все традиционные государственные праздники, такие как Новый год, 8 Марта, День молодежи, День России 12 июня, День Победы 9 мая; большинство православных празднуют Рождество 7 января (приравненный к государственному), Пасху, Троицу, день Ивана Купалы, Петров день и др.; семейные праздники – день рождения отмечается не всеми; национальные – сопровождаются массовыми гуляньями с исполнением народных песен, дегустацией национальных блюд и напитков.

Фольклор, образование и народное творчество

Наиболее яркое место в духовной культуре шорцев занимает фольклор, представленный несколькими традиционными жанрами: героическими поэмами *кай* и более распространенными сказками бытового фантастического содержания, рассказами и легендами, загадками, песнями и танцами. Причём героические поэмы, исторические охотничьи песни относятся к музыкально-поэтическому творчеству [Дыренкова, 1940; Савин, 1983а; Савин, 1983б, с. 66–69; Девять бубнов шамана.., 1989; Чудоя-

Ансамбль «Чылтыс». 1985 г. Фото В. М. Кимеева.

Бард Анатолий Тунеков. 1980-е гг.

ков, 1995; Травина, 1995; Устное народное творчество…, 2001; Печенина, 2006, с. 29–34; Литературный портрет Шории…, 2009; Палилей, 2008; Косточаков, 2006, с. 36; Сундуй, 2006, с. 113–116; Тенешева, 2006, с. 73–74; Чульджанова, 1998, с. 58–61; 2006, с. 104–107; Функ, 1995а, с. 137–146; Чудояков, 1998а, с. 448–449; 1998б, с. 11–32; 2002].

Именно эти жанры получили наибольшее распространение в современных фольклорных ансамблях «Чылтыс», «Оюн», «Отчегаш», «Ак Чайак», «От-эне» и других. Исполнялись они под аккомпанемент щипкового двухструнного музыкального инструмента – комуса. В последние годы этот древний жанр поэтического творчества возродил сказитель-кайчи М. К. Каучаков из г. Междуреченска. Горная Шория помнит и гордится ушедшим из жизни талантливым бардом Анатолием Тунековым.С началом XX в.

Таяна Тудегешева и Любовь Арбачакова. 2009 г.

Шорский сказитель
Аполлон Макарович
Кискоров.
Пос. Верхний Анзас. 1982 г.
Фото В. М. Кимеева.

большой популярностью стали пользоваться русские гармошка и балалайка [Назаренко, 1998; 2002, с. 284–300; Духовная Шория…, 2008].

Переизданы произведения шорских сказителей [Торбоков, 2006; Шорский героический эпос…, 2012]. Регулярно издаются стихи талантливых шорских поэтов [Тудегешева-Каныштa-

Степан Торбоков
с пионерами. 1972 г.
НКМ. КП б-н.

На *пайраме*. 1990 г.
Фото А. Трофимова.

рова, 2007; 2013; Косточаков, 2003]. Разнообразно творчество лингвиста и народной художницы Любови Арбачаковой, опубликовавшей много научных статей и книг по изучению шорского фольклора [Арбачакова, 1998; 2001, с. 135–141; 2004; 2011; 2012, 2018], а также прекрасных каталогов своих рисунков.

Процессы межэтнической интеграции преобладают у городских шорцев как в материальной, так и в духовной сфере. Только в отдельных семьях сохраняется культурная специфика предметов быта, знание шорского народного творчества. Большую помощь в возрождении духовной культуры горожан оказывают фольклорные ансамбли, ежегодные этнографические праздники, национально-культурные центры, школа эстетического воспитания в школе-интернате № 3 г. Таштагол.

Образование и просвещение. Попытки создания шорского литературного языка и обучения на нём воспитанников миссионерских школ были предприняты после образования Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии. Первые двухклассные школы для детей кузнецких татар были созданы в 1859 г. миссионером Василием Вербицким в казачьей станице Калтан и в улусе Кузедеевском. Начиная с 1867 г. выпускники миссионерских школ получили возможность обучаться в Улалинском миссионерском училище, по окончании которого могли стать учителями. Затем миссионерские катехизаторские училища открылись в с. Кондома в 1887 г., в с. Тельбесском в 1903 г. [ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 249–251]. Обучение в училищах было трёхгодичным и бесплатным. При каждом стане Алтайской духовной миссии

Ликбез. 1920-е гг.
Фото Н. П. Дыренковой.
МАЭ. Колл. б/н.

Иван Матвеевич Штыгашев – миссионер Матуровского стана, первый шорский и хакасский писатель.

к нач. XX в. уже действовала миссионерская школа, где учителями были выходцы из «инородцев». Обучение обычно велось на двух языках – русском и шорском. Для улучшения образования православным миссионером телеутом Михаилом Чевалковым была составлена и опубликована специальная азбука, кроме того, ученики пользовались «Шорским букварём для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» и другими учебниками. При каждой миссионерской школе обязательно была библиотека [Ерошов, 1994, с. 42].

Наибольший вклад в изучение и создание шорского литературного языка внёс выпускник Улалинского училища, а затем Казанской духовной семинарии Иоанн Матвеич Штыгашев из сёока Шор. В 1885 г. было опубликовано его оригинальное литературное произведение «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Иоанна Матвеевича Штыгашева», которое считается первым литературным произведением как шорского, так и хакасского языка. Выходец из хакасского улуса Матур, И. М. Штыгашев после окончания семинарии вначале был учителем в Матурском приходе, где 15 августа 1887 г. был рукоположен в священники. 16 июля 1889 был переведён в Кондомский стан миссии. С его участием был подготовлен и издан в Казани «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» (1885), а также две брошюры «Священная история на шорском языке» (1883) и «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии» (1884). За время службы им было крещено 778 «инородцев», за что он был награждён набедренником (1890), орденом св. Анны III степени (1898) и скуфией (1902) [ГАТО.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 249 251; Курпешко, 2008, с. 16].

После упразднения Алтайской миссии и закрытия станов, а значит, и миссионерских школ, обучение детей было возобновлено только в 1925 г. в крупных улусах и велось в школах первой ступени по специальным программам на русском языке. Преподавались шорский и русский языки, арифметика, труд, природоведение, история, рисование и география. Причём упор делался на изучение краеведческих материалов. С 1927 г. вся учебная литература на основе нижнемрасского говора была переведена на латиницу, что сильно усложнило учебный процесс. Всего на территории Горно-Шорского национального района в 1928 г. действовало 12 начальных национальных школ-интернатов, в восьми из которых велись занятия с ис-

Прибытие детей в школу-интернат в улус Усть-Колзас. 1930-е гг. НКМ. КП 514. Л.22. Ф.2.

Фёдор Степанович Чиспияков с учениками 8-го класса. Мыски. 1931 г. НКМ. КП 514. Л.22а. Ф.1.

пользованием шорского букваря. Кроме того, в районе из 288 школ 3 были русско-шорские, 11 – чисто русские и 2 – мордовские. Наиболее способных выпускников школ с 1930 г. стали посылать на обучение в Ленинградский Институт народов Севера. Всего на территории нынешней Горной Шории действовало 12 начальных школ, в восьми из которых велись занятия с использованием шорского букваря [Курпешко, 2008, с. 17]. Лишь отдельные шорцы, как, например, П. Т. Кусургашева, Ф. С. Чиспияков, А. Д. Кусургашев и др., ранее обучавшиеся в гимназиях и городских школах, смогли затем

получить высшее образование в вузах городов Томска и Ленинграда [Погожева, 2004]. Большинство же выпускников имели низкий образовательный уровень – 2–4 класса [Чиспиякова, 1994, с. 240–243; 1998, с. 137–142].

С большими трудностями были созданы 5 начальных общеобразовательных и 14 национальных школ, причём во всех из-за недостатка учебников преподавание шло на русском языке, который большинство шорских детей не понимали вовсе. В Мысках началась реконструкция двухэтажного купеческого дома под школу, а другого дома – под районную больницу. Кроме того, по району было организовано 5 медицинских и 1 фельдшерский пункт. Были открыты фельдшерские пункты в улусах Усть-Кабырза (1927), Чилису-Анзас (1929), Мыски (1929), Усть-Анзас (1933). Стали возвращаться в родные улусы учителя, в результате чего количество школ за 10 лет увеличилось почти втрое. Кроме школ в крупных улусах создавались избы-читальни, ликбезы, клубы. Большую помощь в подъёме культурно-просветительской работы оказали шорцы-рабфаковцы Томского университета и Ленинградского пединститута.

Яков Кузьмич Тельгереков – составитель первого шорского букваря.

Еще в 1924 г. Президиум Томского облисполкома принимал постановление о создании первого шорского букваря. В 1927 г. переводческая комиссия во главе с бывшим выпускником миссионерской шко-

Правление шорской секции рабфака ТГУ. 1935 г. МЭИМ. ОФ 005.

Детские ясли. Пос. Усть-Кабырза, колхоз им. 12 лет Октября. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-27.

лы Я. К. Тельгерековым издает шорский букварь для обучения взрослых. Благодаря Нацменовской Методической Комиссии к 1934 г. были созданы и изданы также шорский букварь (Е. Я. Фортунатова и Л. Г. Шлегер) и хрестоматия по литературе для начальной школы (С. М. Браиловская и А. М. Рыбников) [Курпешко, 2008, с. 18]. В 1932–1933 гг. Ф. С. Чиспияков подготовил новое издание букваря на латинице, а в 1938 г. Ф. С. Чиспияков и Г. Ф. Бабушкин совместно издали букварь на кириллице, выдержавший несколько переизданий. Ленинградский этнограф Н. П. Дыренкова издала в 1941 г. академическую грамматику шорского языка [Дыренкова, 1941]. К этому времени в основе шорского алфавита окончательно закрепилась кириллица, так как попытка латинизации алфавита в 1930 гг. сильно усложнила обучение и была отвергнута.

Дети около школьного интерната. Пос. Челису-Анзас. 1940-е гг. НКМ. №1191-6.

Самую значительную роль образование Горно-Шорского района сыграло в культурном развитии населения, о чём говорилось на юбилейных торжествах 17–19 июля

1936 г. по случаю 10-летия района. Количество школ выросло с 28 (1928 г.) до 100 начальных (из них соответственно с 12 до 33 национальных школ-интернатов).

Открылись 14 средних школ (из них 2 национальные) (1936 г.), в 1932 г. в с. Кузедеево был открыт педтехникум на 300 мест, 70 из них стабильно занимали шорцы. К 1939 г. в целом по району функционировало уже 209 школ, из которых 41 была национальная. Занятия в них проводили по установленной программе национальных начальных школ с обязательным преподаванием основ шорского литературного языка [ГАКО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 78. Л. 12].

Шорский писатель Ф. С. Чиспияков (в центре) и А. Д. Кусургашев (справа). 1931 г. НКМ. № 2091.

Во всех крупных улусах появились избы-читальни, клубы, в которых работало более 100 шорцев, открылись 9 больниц и 18 фельдшерских пунктов. Постепенно создавалась своя национальная интеллигенция: учёные, врачи, писатели, работники советских и партийных органов, журналисты. А. Е. Кушаков из улуса Карчит Усть-Кабырзинского сельсовета, будучи секретарем Горно-Шорского РК ВКП (б), в 1938 г. избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

На шорском языке стала выходить газета «Кызыл Шор» тиражом 4 тыс. экз.; кроме того выходили ещё две газеты на русском – «Красная Шория» и «Колхозная правда». Появились в печати оригинальные переводы русской классики (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького), повести, сборник шорских народных песен и стихов молодых поэтов [Новая Шория, 1938]. Частью культуры становится шорский героический эпос и слёты сказителей. В этот период окончательно сложилось общешорское этни-

Выпуск Усть-Анзасской восьмилетней школы 1962 г. В центре – директор Софрон Алексеевич Судочаков. Фото из личного архива Л. П. Отургашевой.

ческое самосознание и закрепилось общее самоназвание – шорцы.

После репрессий 1930-х гг. национально-политической элиты и ликвидации в 1939 г. Горно-Шорского района преподавание шорского языка к 1940 г. официально было отменено, а после гибели на фронте значительной части шорских учителей полностью прекратилось [Чудояков, 1989, с. 164–166; 1990, с. 83–84; 1994, с. 139–144].

Новый этап в деле создания учебников и преподавания в школах литературного языка начинается с 1990 г. усилиями преподавателей кафедры шорского языка и литературы Новокузнецкого пединститута во главе с А. И. Чудояковым и зав. кафедрой иностранных языков Кузбасского политехнического университета Н. Н. Курпешко [Курпешко-Таннагашева, 1993]. В 1994 г. состоялся первый выпуск преподавателей из 5 чел., к 2008 г. число выпускников достигло более 100 чел., но из них только единицы работают в школах по специальности. Непонятным на этом фоне выглядят высказывания отдельных

Учительница и ученики Усть-Анзасской восьмилетней школы 1970-е гг. Фото из личного архива Л. П. Отургашевой.

представителей шорской национально-политической элиты, что шорский народ, «…лишившейся родного языка, культуры, традиций, обычаев, потерял нравственные устои, стержень жизни, стеснялся цвета лица, разреза глаз» [Башева, 1998, с. 22].

Первые попытки обучения с 1990 г. шорскому языку всех желающих в кружках при Доме культуре «Горняк», в восьмилетней школе-интернате № 3 г. Таштагол, в средних школах: п. Шерегеш, г. Междуреченска, п. Бородино, г. Мыски и нескольких начальных сельских школах Таштагольского района окончились неудачей из-за полного отсутствия учебников, методических пособий и программ, а главное – квалифицированных специалистов-педагогов.

Только после издания по инициативе Кемеровского областного Совета букваря «Шор пичик» (1990 и 2004 гг.), учебника шорского языка «Шор тили» для 2-го класса (1992), учебника шорского языка Ф. С. Чиспиякова [1992], «Программы начальной общеобразовательной школы «Шорский язык» для 1–3-го класса Н. Н. Курпешко и учебного шорско-русского словаря для учащихся начальной школы (1993) Н. Н. Курпешко, Ф. Я Апонькина; учебника шорского языка «Шор тили» и книги для чтения «Кыырчан номы» для 3-го класса (1995) И. В. Шенцовой; учебника шорского языка «Шор тили» для 5–6-го классов (2001) и книги для чтения «Кыыпчан номы» для

Выездные курсы НГПИ по подготовке первых учителей шорского языка. Пос. Усть-Анзас. 1990 г. Фото А. Трофимова.

Надежда Николаевна Курпешко (Таннагашева), лингвист, д.п.н., профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университет, н.с. ИФ СО РАН, президент Ассоциации шорского народа (1995–1997).

5–6 класса (2001) Ф. Г. Чиспияковой и Н. В. Шавловой стало возможным систематическое обучение шорскому языку. Изданы также учебник шорского языка и учебное пособие по орфографии шорского языка для вузов Ф. С. Чиспякова (1998), учебник шорского языка для факультативов и воскресных школ, русско-шорский разговорник И. В. Шенцовой [Курпешко, 2008, с. 21].

С 1993 по 2008 гг. в школе шорской культуры в интернате г. Таштагола, руководимой главным специалистом по шорскому языку управления образования, были организованы уроки, факультативные занятия. Кружки по изучению шорского языка были образованы ещё в 8 школах района, 2 детских садах (№ 6, 7 п. Шерегеш), где обучалось в 2007–2008 гг. более 500 чел. Много сил возрождению языка в школе-интернате № 3 отдал старейший учитель района М. Л. Судочаков, в память о котором начальной школе в пос. Усть-Анзас было присвоено его имя, хотя школу потом закрыли как малокомплектную.

Кафедра русского языка и литературы Новокузнецкого филиала КемГУ.

В Таштагольском районе ежегодно проводились олимпиады «Знатоки родного языка», семинары-конференции «Моя родословная» (с 2003 г.), областной этнографо-краеведческий оздоровительный лагерь «Шорская языковая деревня Каратаг» (с 2004 г.), семинар-конференция «Моя родословная» с 2003 г., детский фестиваль национальных культур, встречи и методические семинары со специалистами кафедры шорского языка КузГПА. По результатам этнографо-краеведческой экспедиции 2002 г. совместно с Н. Н. Курпешко был издан букварь «Пичик» для кондомского диалекта шорского языка. С целью продолжения образования и подготовки специалистов-педагогов с 1995 г. по договору с КузГПА ежегодно проводились совместные вступительно-выпускные экзамены на шорское отделение факультета русского языка и литературы [Шенцова, 2008, с. 442–449]. В 2013 г. учебная кафедра шорского языка в Новокузнецком педуниверситете была закрыта, а сам вуз стал филиалом КемГУ.

Любовь Никитовна Арбачакова – поэт, живописец, график, фольклорист, канд. филол. наук, член Союза писателей России.

Наибольший вклад в возрождение шорского языка внесла Любовь Никитична Арбачакова (Тудегешева), родившаяся в 1963 г. в пос. Челису-Анзас в многодетной семье. В 1980-х гг. училась в Бийском лесотехникуме, затем работала художницей на Кемеровской фабрике «Весна». После окончания в 1994 г. первого набора шорского отделения Новокузнецкого пединститута была оставлена там преподавателем, а затем защитила диссертацию в ИФИФ СО РАН по шорскому фольклору [Арбачакова, 1998]. Кроме нескольких опубликованных поэтических сборников она иллюстрировала литературный журнал «Кай», пишет и выставляет свои картины. Ещё в 1997 г. была принята в Союз писателей России. Значительный вклад

в работу по внедрению шорского языка в дополнительное образование средних школ городов Южного Кузбасса внесла преподаватель О. Н. Тенешева [2006, с. 108–112].

Этнокультурный неотрадиционализм у современных шорцев, делящихся на три основные группы: кузбасских городских (более 80% от общей численности народа), кузбасских сельских (в основном Таштагольский район) и шорцев Юго-Западной Хакасии. Черты первичного этнокультурного пространства сохраняются только у сельских шорцев Таштагольского района Кемеровской области и в основном в сфере традиционного природопользования. У городских, а в Хакасии и у сельских шорцев из-за оторванности от традиционного уклада, значительной ассимиляции

Экомузей «Тазгол». 2005 г.
Фото В. М. Кимеева.

и урбанизации усилиями региональных властей совместно с лидерами национально-политической элиты конструируется вторичное пространство, которое имеет отдаленное отношение к первичному. Посредством проведения фестивалей и различных фольклорно-этнографических праздников, издания научно-учебной литературы и деятельности СМИ элементы вторичного этнокультурного пространства легитимизируются и обретают черты традиционности в сознании городских жителей. Такой процесс «изобретения традиций» (как, например, ламаистский весенний праздник Нового года у шорцев, не ощутивших даже следов этой религии) при формировании вторичного этнокультурного пространства всё чаще трактуется в различных изданиях и в официальных документах как «древний шорский праздник Чыл-Пажи» и «национально-культурное возрождение», или «этнокультурный неотрадиционализм». Всё это, конечно, может, как полагают социологи, «способствовать духовному благополучию народа» и является «национально-культурным возрождением». Однако это применимо только к современным городским шорцам юга Кузбасса [Кимеев, 2013б, с. 132–135].

Максим Лукич Судочаков – директор Усть-Анзасской восьмилетней школы.

Что же касается сельских шорцев, то, по крайней мере, в «чисто шорском» п. Усть-Анзас из 35 хозяйств только около 10 содержатся в достойном порядке. У остального населения всё более ощущается безразличие к окружающей среде, своим традициям. С закрытием в 1997 г. малого предприятия «Усть-Анзас» из-за приостановки финансирования строительства объектов экомузея «Тазгол» и особенно после закрытия начальной школы им. М. Л. Судочакова в 2006 г. у местной молодежи

На празднике «Чыл-пажи» у входа в музей-заповедник «Томская писаница». 2005 г.

исчезла последняя возможность получить образование и обустроить свою судьбу, усовершенствовать традиционную систему жизнеобеспечения [Кимеев, 2012б, с. 154–158].

Эти неблагоприятные факторы приводят к мысли о безысходности, часто возникают социальные и бытовые конфликты, происходит разрушение традиционных моральных ценностей. О сохранении своего этнокультурного наследия большинство из местных жителей уже и не думает. Несмотря на призывы к реконструкции обрядов, в них участвуют в основном приезжие городские шорцы и чаще – на юбилейных праздниках посёлка. Не помогли методические разработки по реконструкции обряда «Чыл-Пажи» – Голова Года, изданные хакасскими культурологами А. С. Тутатчиковой и Г. Г. Казачиновой [1994] и В. К. Татаро-

вой [1997], а в переработанном и дополненном виде – председателем Новокузнецкого общества «Шория» Н. М. Печениной совместно с другим общественным деятелем – Л. А. Тенешевой [2012].

Создаваемый в пос. Усть-Анзас экомузей «Тазгол» с 1990-х гг. стал добровольным культурным выбором местного сельского населения в отличие от навязанных ему в советский период других «общественных институтов» – школы-интерната и колхоза с клубом. Естественность вхождения экомузея в этнокультурное поле местных шорцев свидетельствует о существовании в прошлом в их культуре института подобного экомузею – это святилища и ритуальные могильники, восходящие к культу предков и священных мест. Побудительные мотивы создания как новых святилищ, так

Шаманка Надежда Муртаева на «Горе Любви» в музее-заповеднике «Трёхречье». Пос. Усть-Кабырза. 2011 г. Фото Н. В. Скалона.

и современных экомузеев лежат в сфере религиозного и этнического самосознания.

Не удалась в экомузее попытка реконструкции на прежнем месте Троицкой церкви, существовавшей в составе Мрасского отделения Алтайской духовной миссии с конца XIX в. до середины 1930-х гг. [Кимеев, 2008, с. 182]. У местных жителей п. Усть-Анзас стабильно сохранилась только неосознанная традиция крещения детей в реке Мрассу ежегодно приезжающими священниками из г. Таштагола. Тогда же новокрещёные посещают молебную комната, обустроенную священниками в помещении бывшей начальной школы. Начатое в 2018 г. строительство новой церкви на месте залитого ещё в 2002 г. бетонного фундамента под реконструкцию бывшего Троицкого храма не сможет в полной мере восстановить православные традиции Алтайской духовной миссии.

Настоятель тенгрианского храма Александр Тудегешев. 2015 г.

Не посещают шорцы и часовню в пос. Усть-Кабырза, отстроенную властями на территории музея-заповедника «Трёхречье» в 2012 г. Используется она священнослужителями и туристами во время проведения выездных праздников.

Инициативная группа из шорской интеллигенции, разработавшая проект каменного тенгрианского храма в г. Таштагол, поначалу не нашла поддержки у местных властей. Однако после строительства в 2015 г. тенгрианского храма у Святого источника рядом с пос. Кичи Александром Тудегешевым – местным жителем, обла-

дающим шаманским даром и талантом резчика по дереву, к нему потянулись паломники из числа проезжающих в пос. Усть-Кабырза туристов. На ежегодных праздниках «Пайрам» вначале моления проходили у подножья горы Мустаг, а иногда – на полянах его вершины [Шихалёва, 2000, 179–181]. Деревянные скульптуры кабырзинской «принцессы» и «витязя», сделанные по заказу местных властей и установленные на месте раскопок погребения эпохи бронзы, используют только туристы, посещающие музей-заповедник «Трёхречье» или сплавляющиеся по реке Мрассу в границах Шорского национально парка.

Деревянные скульптуры «витязя» и «принцессы» на месте археологического памятника Усть-Пызас.

Частично решить проблемы сельских шорцев помогут адресные программы социально-экономического и этнокультурного развития не только для отдельных посёлков, но и для отдельных трудолюбивых и образованных семей, в опоре на которые местные власти помогут улучшить жизнь и остальной части шорского сельского населения.

Необходимыми условиями жизненности традиционной культуры является сохранение традиционной среды обитания этнической общности (а это у таёжных шорцев улусы и окрестные территории традиционного природопользования с культовыми горами), а также непрерывная межпоколенная передача семейных традиций. Но современные шорцы разделены на городских жителей, в большинстве своём давно утративших элементы традиционной культуры, но активно включённых в процесс

Открытие тенгрианского храма у пос. Кичи. 2015 г. Фото Л. П. Кирсановой.

неотрадиционалистских мероприятий, организуемых национальной элитой, и на сельских жителей, часть из которых хотя и продолжают сохранять некоторые элементы традиционной культуры, но, как и в начале XX в., разобщены по локально-территориальным группам. У каждой из этих групп социокультурные трансформационные процессы протекают по-своему. Поэтому говорить о сохранении, хоть и в изменённом виде, традиций, а тем более комплекса традиционной культуры у всего шорского этноса не вполне верно.

Перспектива сохранения традиционной культуры прослеживается пока в сохранении этнокультурного наследия. На территории Притомья в 1990–2000-х гг. экспериментально были созданы новые в скансенологии музейные комплексы под открытым небом – национальные экомузеи и, в первую очередь, это шорский «Тазгол» [Кимеев, 2018а, с. 211]. Именно экомузеи стали одной из форм сохранения первичного этнокультурного пространства, их главной

задачей является, как уже отмечалось, сохранение и оптимальное развитие природной и этнокультурной среды как взаимосвязанных частей единого целого, поддержание экологического равновесия между людьми, природной средой и памятниками, сохранение национальной самобытности местного населения, создание системы саморегуляции социальных отношений. Создание экомузеев в местах компактного проживания аборигенных этнических общностей стало одним из катализаторов процесса возрождения этнического самосознания, не навязанного сверху властями и чиновниками от культуры. Экомузей актуализирует этнокультурное наследие, причём главными действующими лицами в данном процессе становятся местные жители. Экомузей как экспериментальная площадка позволяет прогнозировать развитие этнокультурных процессов и создать эффективную, а главное – понятную самим шорцам систему сохранения этнокультурного наследия в местах их компактного проживания.

Жервоприношение огню камом Игорем Идимешевым. 2015 г. Фото Л. П. Кирсановой.

Выступая, как отмечалось выше, в качестве экспериментальной площадки, экомузей становится одним

Участники праздника *Томазак-Пайрам* 2017 г. Пос. Чувашка.

из мест проявления мобилизированной этничности. Так, в поселке Усть-Анзас Таштагольского района в действующем экомузее «Тазгол» неоднократно устраивались празднования юбилея посёлка, во время которых собиралось огромное количество жителей, большей частью приехавших из городов и посёлков юга Кузбасса. Данная мобилизация проявляется здесь как минимум в двух аспектах: вторичные явления неокамланий городской шаманки на центральной поляне экомузея и переосмысление большинством населения роли наследия в повседневной жизни местных жителей, которое становится одним из инструментов манифестации этничности. Безусловно, в данных мероприятиях участвуют в основном городские жители, но на территории экомузея в игровой форме происходит осознание роли традиций в жизни предков. По сути, это синтез неотрадиционалистского подхода к наследию и его реконструкция в игровой форме.

Что же касается современной проблемы «возрождения» национального языка и общешорской традиционно-бытовой культуры, то вряд ли она в ближайшие годы может быть разрешена. Большие усилия и финансовые средства, направленные на возобновление преподавания литературного шорского языка, себя

не оправдали: кафедра шорского языка в Новокузнецком пединституте была закрыта, большинство малокомплектных сельских школ в таёжных шорских посёлках ликвидированы. Факультативное преподавание шорского языка в городских школах юга Кузбасса и национальных общественных организациях не пользуется спросом у большинства шорской молодежи, которая предпочитает говорить между собой по-русски, получать достойное общероссийское образование для поступления в дальнейшем в престижные вузы и техникумы, карьерного роста и улучшения социально-экономического уровня жизни своих семей. Успешным и постоянно развивающимся направлением можно считать создание этнокультурных обществ и музеев, проведение традиционных и новых праздников при поддержке властей разных уровней.

Моление тенгрианцев в экомузее «Тазгол». 2012 г. Фото В. М. Кимеева.

Промышленное освоение Горной Шории

На территории современной Горной Шории живут не только шорцы, но и представители ещё более 20 национальностей России. Самым многочисленным народом являются русские, состоящие как из потомков старожилов, так и «рассейских» переселенцев XIX – XX вв. Много потомков репрессированных немцев, оставшихся в городах и крупных посёлках Кузбасса и обрусевших.

После строительства первого Кузнецкого острога в мае 1618 г. началось формирование одноимённого уезда, состоящего поначалу из нескольких мелких улусов ясачных кузнецких татар (абинцев и бирюсинцев), разбросанных вверх по Томи и по её крупным притокам – Кондоме и Мрассу. Скудность ручного земледелия аборигенов и большие затраты по доставке хлеба гарнизону из Тобольска вынудили служилых людей перенести острог на новое место, поближе к удобным пашням, по требованию

Кузнецкий уезд.
С. У. Ремезов.
Хорографическая книга.
Л. 131 (Кузнецк). Фрагмент.
Конец XVII в.

томских воевод в 1620 г. [Кузнецкие акты…, 2000, с. 81; Огурцов, 2005, с. 90]. Для освоения окрестных близлежащих пашен к 1626 г. в Кузнецк прислали 26 опальных пашенных крестьян из Ницинской слободы. В 1627 г. ими было собрано свыше трёх четвертей ржи и ярицы, несмотря на набеги телеутов и попыток бегства отдельных крестьянских семей на Волгу и Дон. Развивалась и «собинная пашня» «семьянистых» служилых Кузнецка [Сергеев, 1974, с. 304]. Поначалу процветавшая торговля низкошёрстными кузнецкими соболями и другой мягкой рухлядью заглохла из-за истощения пушнины и усиления набегов соседних воинственных кочевников. Сам Кузнецк на столетие становится опорным бастионом в охране окрестных русских деревень и ясачных шорских (абинских и бирюсинских) улусов от джунгар и их кыштымов – кочевых телеутов и енисейских кыргызов.

Кузнецк, как центр одноименного уезда, получил статус города в 1689 г. [Лизогуб, 2007, с. 173]. Окончательно территория созданного Кузнецкого уезда оформилась только к середине 1730-х гг., когда участниками Академической экспедиции были определены его топографические границы [Огурцов, 2005, с. 78–79]. Несмотря на рост территории Кузнецкого уезда, в XVII в. служилое население почти не увеличивалось, составляя в 1659 г. всего 199 человек. В 1663 г. кузнецких служилых людей насчитывалось 235 человек, в 1679 г. – 238 человек. Только к началу XVIII в. их количество достигло 368 человек [Сорокин, 1992, с. 5; Панов, 1999, с. 36–37].

После 1698 г. в Кузнецке стало преобладать податное население (посадские и пашенные крестьяне) над служивыми. Меньшую, но наиболее активную часть жителей Кузнецка составляли торговцы, мастеровые, пашенные крестьяне, хотя в 1698 г. уступали служилым по численности, которых было 67,3% (289 д.м.п.). К 1724 г. служилых стало 555 д.м.п., но составили они тогда всего около 30% уезда. Пашенные крестьяне на всём протяжении XVII и начала XVIII вв. были из ссыльных из-за постоянных военных набегов кочевников. Численность крестьянского населения росла крайне медленно: в 1625 г. – 13 д.м.п., в 1652 г. – 50 д.м.п., в 1698 г. – 100 д.м.п., в 1705 г. – 96 д.м.п. Только после ослабления, а затем разгрома Джунгарии китайцами к середине XVIII в. число жителей в Кузнецке стало увеличиваться: с 357 д. м. п. в 1744 г., до 504 д.м.п. в 1782 г. [Вилков, 1999, с. 55].

Вывод в 1797 г. Кузнецка из-под юрисдикции канцелярии Колывано-Воскресенской горной

Вид на Вознесенские укрепления Кузнецкой крепости, Спасо-Преображенский собор и дом бывшего городского старосты Порфирия Семеновича Тытыякова, кузнецкого шорца. Фото П. Казанского. 1927 г. АГКМ. НВФ 6826-5.

Фрагмент карты Кузнецкого округа. 1826 г.

администрации в ведомство Тобольской губернии и последующие административно-территориальные реформы 1804 и 1822–1824-х гг., привели к оттоку крестьян из Кузнецка: с 108 д.м.п. в 1825 г. до 31 д. м. п. в 1875 г. В деревнях и селах Кузнецкого уезда в 1825 г. насчитывалось всего 18386 пашенных крестьян.

Продвижение русских вверх по рекам Кондома и Мрассу было связано со строительством оборонительных форпостов, а затем и с освоением в середине XIX в. золотоприисков и образованием приисковых посёлков – Спасска, Александровки, Джелсая и др.

Согласно историческим документам, среди крестьян в XVII нач. – XVIII вв. преобладали (85 %) выходцы из пяти северо-восточных русских губерний: Пермской, Вологодской, Вятской, Казанской и Уфимской. В то же время среди служилого населения Кузнецкого острога была значительной доля лиц, имеющих тюркское, малороссийское, польско-литовское происхождение. По мере «осаживания их на пашне» образовывалось разнородное население за счёт смешанных браков с кузнецкими татарами, и началось формирование сельской старожильческой группы – притомских чалдонов. Фамильный состав этого населения включал как чисто русские, так местные (татарские

и телеутские) корни – Еремотовы, Курбатаевы, Сибиргины и др. Выходцы из южнорусских губерний, Малороссии и Белоруссии даже к середине XIX в. составляли не более 1/5 части всех переселенцев [Панов, 1999, с. 37].

Старожильческие деревни состояли в основном из 50–60 дворов, но некоторые объединяли от 100–150 до 300 дворов. Селения располагались большей частью по берегам рек, значительная часть домов в них строилась хаотично. Деревни обычно не огораживались, и скот пасся свободно. Внутри деревни огородные участки, проулки и промежутки между соседними дворами огораживались жердяным забором-заплотом, но чаще плетнём. Небольшие избы-пятистенки двумя окнами были обращены на улицу. Зажиточные крестьяне имели большие дома-связи из массивных бревен с 4 и 5 окнами на улицу, с резными наличниками и ставнями. Встречались и «крестовые дома» под вальмовой крышей с выделенной прихожей. Во всех домах обязательно были русские глинобитные печи, а рядом с ней клали небольшую кирпичную печку с чугунной плитой и опрокинутым бездонным чугунком с железной трубой. Обязательны были полати, по стенам широкие лавки, посреди комнаты стоял большой стол с приставной лавкой. На подоконниках, обыкновенно в глиняных горшках, стояло много ярких «садов». Многие старожилы-чалдоны и «рассейские» переселенцы сохраняли некоторое

Дом зажиточного русского крестьянина.
НКМ. ИФ 173.

Русский пахарь.
НКМ. ИФ 7069.

своеобразие в бытовом укладе и речи, усвоенное от родных в Сибири или на прежней родине в европейской части России.

После работ землеустроительной комиссии в низовьях реки Кондомы значительные земельные участки, удобные для земледелия, были выделены из «инородческих» волостей и переданы в наделы русским крестьянам-переселенцам. Заметную часть переселенцев начала XX в. составили выходцы с юго-запада Алтайской губернии, среди которых были как старожилы, так и поздние насельники, прибывшие туда из разных мест России во время голода и начавшейся коллективизации. Новосёлы советского времени селились почти исключительно в старых деревнях и посёлках или в богатых «инородческих» улусах, постепенно выдавливая коренных жителей в таёжные посёлки или в Кузнецк. Происходило и внутреннее переселение между деревнями в результате раскулачивания старожилов-чалдонов и ссылки их в Нарымский край.

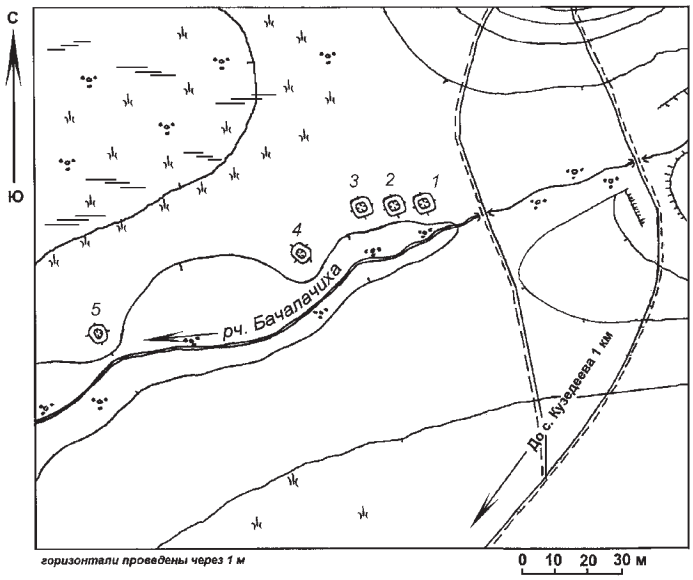
Жатва урожая.
НКМ. ИФ 7136.

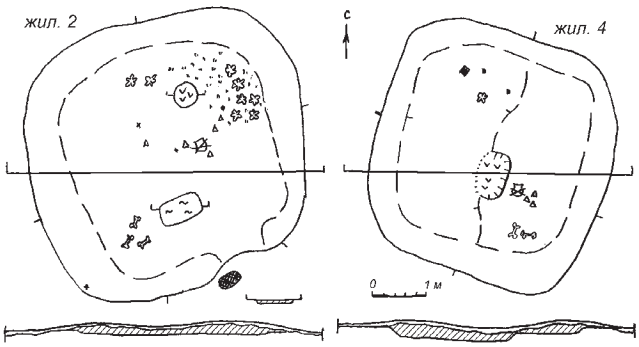
Металлургия и кузнечное ремесло аборигенов Кузнецкого уезда

Принято считать, что наиболее развитой сферой деятельности у исторических предков шорцев – абинцев и бирюсинцев до конца XVIII в. считается традиционная металлургия и кузнечество, хотя именно этот вид домашнего ремесла опутан различными фольклорными мифами и домыслами, чаще противоречащими достоверным фактам [Чудояков, 1987, с. 127–128; 1989б, с. 50–52; Шемелев, 1998, с. 84–89]. Археологических памятников XVII–XVIII вв. почти не известно, а на местах, где фиксируются следы обработки кричного железа, исследовано не более 10 горнов [Ширин, 1999, с. 210].

Судя по археологическим исследованиям и историческим документам, плавка руды к концу XVIII в. прекратилась, а кузнечество под влиянием русских приняло бытовой характер. Этому

План раскопок жилищ на поселении Тёш-5 с кузнечными горнами. Рис. Ю. В. Ширина.





послужил уход с политической арены главных потребителей оружия – енисейских кыргызов и телеутов, конкуренция со стороны русских кузнецов юга Сибири, а также постоянно возрастающий спрос на пушнину [Пьянзин, 2010].

Ещё до постройки Кузнецкого острога из отписок томских воевод было известно, что в верховьях Томи-реки татары-кузнецы «…делают доспехи и железы стрельные, и котлы выковывают». Однако попытки со стороны первых кузнецких воевод наладить вывоз кричного железа и организацию местного производства для нужд казаков не увенчались успехом из-за дороговизны труда малочисленных русских умельцев и трудностей транспортировки. В счет ясака с кузнецких татар брали по 30–40 криц (около 1 пуда) в счет одного соболя только при отсутствии пушнины [Сергеев, 1969, с. 2005; 1973, с. 127].

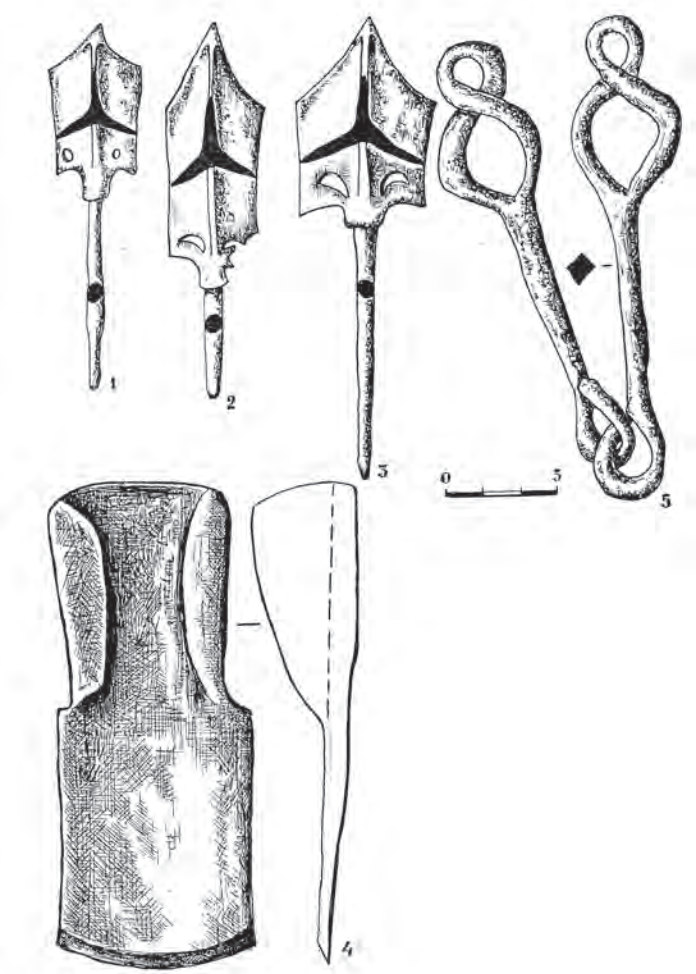
По царскому наказу 1622 г. кузнецкому воеводе Е. И. Баскакову указывалось: «..А около Кузнецкого острогу на Кондоме и на Брасе (Мрасе) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют Кузнецкие ясачные люди каменье да те каменье разжигают на дровех и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеев, сыплют понемногу в горн, и в тем сливаетца железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи, рогатины и сабли, и всякое железное опричь пищалей; и те пансыри и бехтерцы продают Колмацким людям,…а иные есак дают Колмацким людям железом же» [Кузнецкие акты…., 2000, с. 80].

Вскоре после постройки острога в 1625 г. в Кузнецке была срублена государева кузница для переработки ясачного кричного железа в сельскохозяйственный инвентарь с последующей его продажей «пашенным крестьянам…

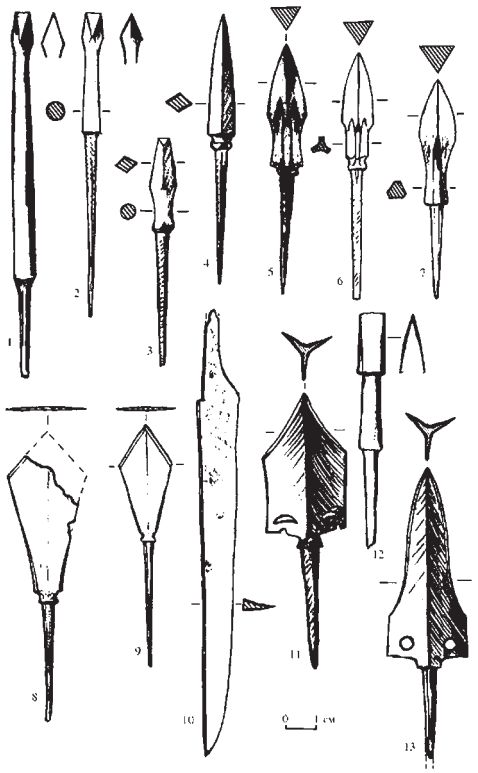
и татарам по тамошней цене». В таможенных книгах Тобольска за XVII в. также указывается о регулярной доставке казаками из Кузнецка на продажу от 10 до 16 пудов «кричного и дельного железа» [Вилков, 1967, с. 58]. Об изготовлении холодного оружия и доспехов не сообщается.

В рапорте инженер-капитана Сергея Плаутина за 1745 г. указывается, что «Все Кузнецкого ведомства двоеданческие волости имеют в горах железную руду, которую они сами в юртах своих по малому числу плавят и делают котлы, топоры, а тем более они платят в Зенгорию, а те, которые поблизости к Кузнецку и деревням живут, продают железо». Но основной акцент сделан на Кондомо-Барсиатскую или Катунскую, Четтиберскую, про жителей которых прямо указывается, что «…руду оные сами плавят и тем железом более ясак платят зенгорскому владельцу, а в Кузнецк платят зверьми и промысел имеют» [Огурцов, 2008, с. 164–165].

Царские власти старались запретить кузнецким татарам изго-



Находки из могильника в экомузее «Тазгол». Наконечники стрел (1-3), удила (4), топор-тесло (5). Рис. Е. В. Попова.



Находки у ст. Камешки (1-10), наконечник из Чебалсу (11). Случайные находки с Верхней Томи (12,13). Рис. Ю. В. Ширина.

товлять холодное оружие, платить им алман или продавать кыргызам, джунгарам и телеутам, что постепенно привело к деградации этого вида мастерства [Кашин, 1934, с. 82]. Однако ещё в 1713 г. джунгарский сборщик алмана, будучи в Кондомских волостях, «…велел готовить алман на контайшу на человека по 30 полиц куяшных в длину поларшина (36 см), в ширину по четверте (18 см) да по 30 стрел железных, по 2 бугача железных, по наковальне, по 2 молота и клещам, а если не дадут, то Манзу грозит их всех перевешать …» и «… что велел готовить алман против прежних лет да сверх того алман на себе с каждого улуса по 100 полиц железных в длину и ширину по четверти (18 см) да по 100 стрельных желез, по 2 бугача, по котлу по 2 молота да по клещам и увез в Телеутскую землицу неведомо для чего брата ево…» [Цит. по Бобровский, 2013, с. 144–146; Овсянников, 2016, с. 265]. Но для кузнецких татар тогда это было невыполнимо.

В рапорте Кузнецкого воеводы майора Шапошинова командующему войсками Сибирских линий генерал-майору Х. Х. Киндерману в 1745 г. прямо указывается «…о не опускании как возможно секретно и искусным образом с Кондомских волостей приехавшим от зенгорского владельца сборщикам алману собирать железными таганами и котлами … велено ему ясачным башлыкам объявить, чтобы они зенгорскому владельцу алман давали зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов. А железо якобы потребно в Кузнецк на котлы,

таганы и к печам на связь на связи протчее употребление вновь начинающимся строится в Кузнецку винным и пивным немалым заводам, чтобы в строении оных за неимением в Кузнецку железа не последовало остановки, ибо они, ясачные, и сами знают, что в Кузнецке в Кузнецк железа ниоткуда на продажу не вывозят. И притом же велено их обнадёжить, что оное у них для той надобности примется в казну Ее Императорского Величества по цене в ясак…» [Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. …, 2013, с. 33, 37].

Частыми стали угоны двоеданцев из Кондомских волостей в Джунгарию «… многие умеющие кузнечного мастерства забраны во владение зюнгорское, делают на оного зюнгорского владельца ружье и стрельные железца, пансыри и куяки, и за ту их работу дается от Галдан Черена жалование, а прежде они имели жительство в Елейской 9 человек, Кузенской 8 человек, Шерской 4 человек, Щелькальской 5 человек, Верхкумандинской 8 человек, итого 34 человека. Всех забрали с женами и детьми…» [Бобровский, 2013, с. 144–146].

Железную руду кузнецкие татары добывали в «поверхности гор слоями» или по долинам рек под дёрном, потом на месте переплавляли в горнах в крицы, а уже их доставляли на плотах по Кондоме и Мрассу или на вьючных лошадях к местам вторичной переплавки в улусах. По разным источникам, у предков шорцев прослеживалось несколько типов плавильных печей. Первый тип – это углубление в земле полусферической формы с поперечным диаметром около 1,5 м, обмазанное слоем глины. Такая печь была раскопана геологом В. Юришем в низовьях Мрассу у пос. Тоз в 1960-х гг.

Иоганн Георг Гмелин, профессор, участник Второй Камчатской экспедиции.

Но находки, датируемые им XV–XVII вв., в фондах музеев не сохранились [Юриш, 1968, с. 59]. Технологию выплавки в такой печи археологи считают достаточно совершенной. Железо выплавлялось из сидеритовой руды с предварительным обжигом. Вполне вероятно, что тогда целые семьи абинцев специализировались на изготовлении железных изделий для обмена и уплаты алмана кочевникам. Производство железных изделий было для них главным источником существования и являлось мужским занятием [Сунчугашев, 1979, с. 153].

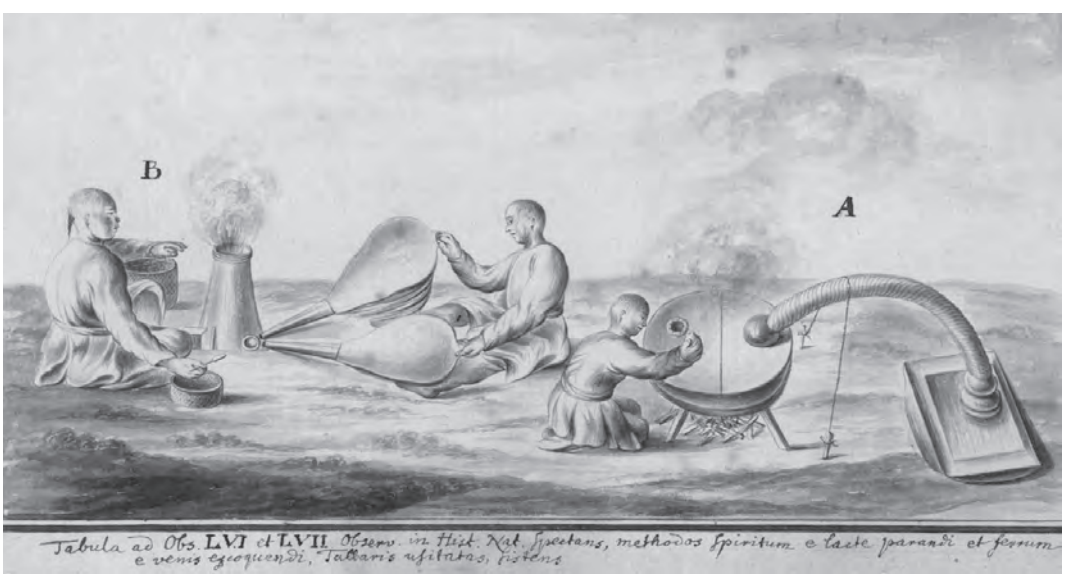
Второй тип – плавильные печи различной формы (яйцевидной, конусообразной, сферической) с поперечным диаметром не более 50 см были описаны в 1734 г. участником академической экспедиции И. Г. Гмелиным в д. Гадевой в низовьях Кондомы: «..Наконец, нас ввели в одну юрту, у входа в которую мне в глаза бросилась домница. Ясно, что для плавильной печи не требовалось специальной юрты и что для этой цели оказалась пригодной любая юрта. В этой же юрте живут и люди…

Печь стоит там же, где обычно находится очаг для варки пищи, лишь есть небольшая яма. Это углубление, имеющееся у всех татар на месте очага, образует часть домницы. Глиняное сооружение над ямой одинакового с ней поперечника около полуфунта (15 см), кверху сужается, и верхний поперечник на расстоянии фута от пола не превышает полутора дюймов (3,8 см); всё это составляет вместе с ямой плавильную печь. Впереди есть отверстие, которое при плавке замуровывают, а сбоку есть другое, в которое вставляют два меха.

Вся работа выполнялась двумя татарами; один попеременно подносит уголь и руду, Причём руды он брал на закладку не более того

количества, которое умещается на кончике ножа, руда употреблялась в мелко измельчённом виде. Таким образом он заполнял всю печь, а другой парень в это время дул двумя мехами. Как только уголь немного осядет, приносится новая порция руды и угля, и всё это повторяется до тех пор, пока не будет засыпано в печь около трёх фунтов руды (1,7 кг). Больше туда зараз не входит. После того, как засыпана последняя руда, плавильщик, подув немного мехами, щипцами вынимает замурованный снизу камень. Крица лежит там же, в яме; её извлекают из-под углей и очищают от прилипшего шлака, постукивая об неё чурбаком. Из трёх фунтов руды (1,7 кг) получают около двух фунтов железа (1,1 кг), которое хотя и выглядит довольно нечистым, однако на деле оно хорошее. Всё это мы наблюдали в течение полутора часов» [Гмелин, 2003, с. 102]. Это же описание позднее в своей работе приводит И. Г. Георги [Георги, 2007, с. 268].

Процесс плавки руды и самогоноварения. Рисунок художника И. В. Люрсениуса, участника экспедиции И. Г. Гмелина. 1734 г.



Реконструкция навеса и большой плавильной печи. Экомузей «Тазгол». 2005 г. Фото В. М. Кимеева.

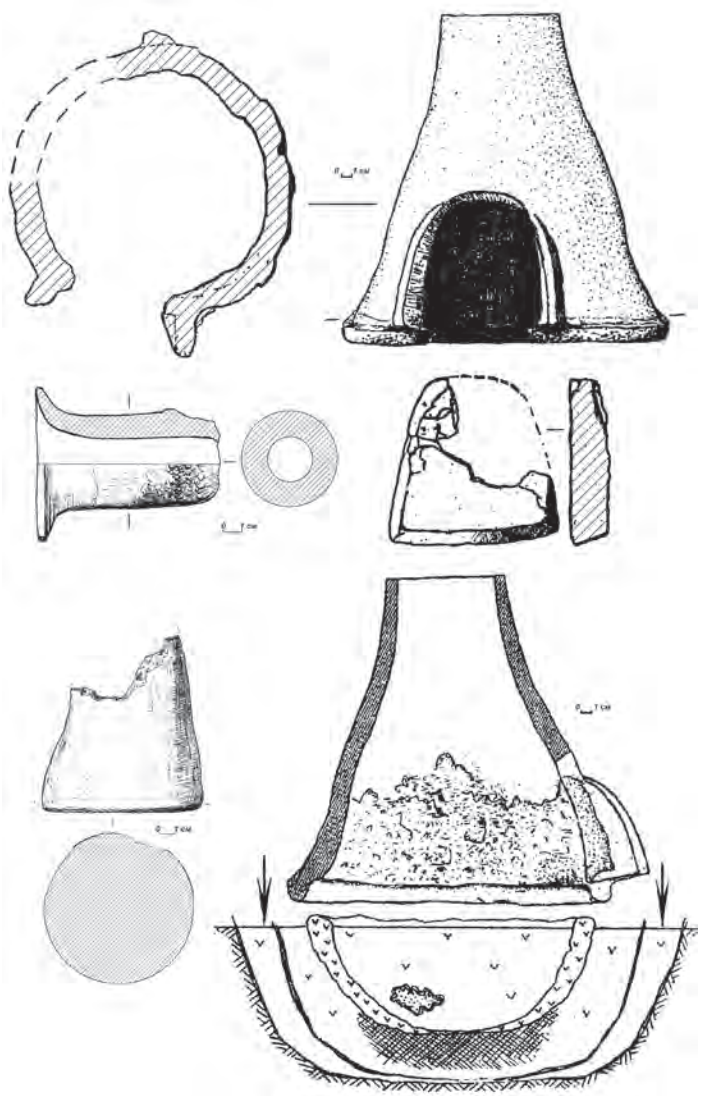
Томские археологи обнаружили в ЦГДА кроме полевых записей И. Г. Гмелина зарисовку процесса плавки и выгонки араки другого участника экспедиции – художника И. В. Люрениуса. На рисунке кроме двух кузнецких татар изображена небольшая работающая плавильная глиняная печь с двумя кузнечными мехами, наковальней с пробойником, двумя корзинами – с рудой и древесным углём. Это значительно помогло им сопоставить рисунок с текстом и уточнить детали процесса плавки [Водясов, 2016, с. 337].

К этому же типу можно отнести горны, случайно раскопанные в 1930-е гг. краеведом К. А. Евреиновым в черте современного г. Новокузнецка [Евреинов, АНКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 52].

К. А. Евреинов по формам днищ и обломкам стенок сделал графическую реконструкцию с размерами древних железоделательных пе-

чей. При этом он использовал некие устные воспоминания, полученные от старейших жителей окрестных шорских улусов, которые, как отметил археолог Ю. В. Ширин, до мельчайших деталей совпали с описаниями И. Г. Гмелина и И. Г. Георги, а также с реконструкциями найденных при раскопках печей. Если принять на веру это утверждение К. А. Евреинова и возможную «стойкую генетическую память» абинских стариков, то традиционная плавка должна была сохраняться до середины XIX в., что не подтверждается другими источниками.

Раскопки Ю. В. Ширина в 1990–2000-х гг. на территории современной Горной Шории и особенно на поселении Тешь-5 в бассейне р. Кондомы в 1 км к северу от с. Кузедеево, в устье левого притока р. Тёш – р. Балабачихи, позволяют уточнить конструктивные особенности домниц кузнецких татар. В ходе раскопок одного из жилищ на р. Тёш был исследован довольно хорошо сохранившийся металлургический комплекс.



Конструкция кузнечного горна на р. Тёшь. Рис. Ю. В. Ширина

Процесс выплавки руды.
Рис. Е. В. Попов.

Как следует из материалов раскопок, такие печи периода угасания металлургии в XVIII в. располагались в жилой юрте или на месте очажной ямки у входной стены, или у противоположной входу стены по центральной оси жилища, или, видимо в летнее время, рядом с каркасной юртой одаг под жердяным навесом. Углубление диаметром примерно 50 см и глубиной до 20 см в глинистой почве пола дополнительно было проложено двумя слоями бересты и обмазано между ними и снаружи по всему углублению печи глиной, вероятно для изоляции от грунтовых вод. Толщина глиняных стенок основания не превышала 10 см.

Съёмная глиняная конструкция печи имеет полусферическую или коническую форму диаметром в основании до 32 см и высоту до 35 сантиметров. В верхней её части имелось сквозное круглое отверстие диаметром до 10 см для засыпки железным ножом поочередно древесного угля и мелко измельчённой железной руды. Толщина стенок съёмной крышки уменьшалась к вершине от 2,5 до 1 см. Вдоль внутренней кромки основания выбран уступ для более плотного охвата низкого бортика ямы.

В стенке крышки делалось два отверстия: одно в виде арки 14×12 см служило для извлечения крицы и шлака железными клещами *кыскаш* и во время плавки замуровывалось хорошо подогнанной глиняной пробкой толщиной до 3 см; к другому, круглому, присоединялось глиняное сопло из белой огнеупорной глины внешним диаметром 4,5 см, длиной до

12 см и с раструбом-переходником диаметром 2,5 см для подвода мехов в виде двух кожаных мешков с клапанами, изготовленных из снятой чулком шкуры с ног лошади. Перед началом плавки швы у печи вдоль дна крышки и у боковых технологических отверстий замазывались глиной.

После окончания плавки полученную рыхлую крицу вынимали через вскрытое отверстие железными клещами, проковывали её большими деревянными молотками на каменной наковальне *таш дожу*, пока она не остыла, чтобы «обжать», т. е. освободить от шлаков, превратив в монолитный кусок. Из полученной крицы-бруска, используя зубила, клещи и железные молотки, ковали наконечники

Лесная кузница. 1940-е гг. НКМ, б/н.

Шорец отбивает литовку перед покосом. Пос. Усть-Анзас. 1990 г. Фото А. Трофимова.

стрел, копья, панцири, сабли, удила, тавро для лошадей, мотыги-*абылы*, котлы, кувшины, кольца, серьги, раскаляя заготовки на древесных углях с использованием таких мехов, как при плавке. Для вторичного использования печь заново готовили, освобождая от шлаковых лепёшек со дна ямы и заново промазывая глиной [Ширин, 1999, с. 215].

Примечательно, что археологу Ю. В. Ширину у остатков плавильных печей на месте бывших улусов не удалось обнаружить деталей холодного оружия и кованых доспехов, которые, судя по историческим запискам, изготавливались в большом количестве для кочевников. Неясным остается источник, позволивший новосибирским археологам утверждать об использовании изделий «шорских оружейников?» рус-

скими служилыми воинами в Южной Сибири [Борисенко, 2007, с. 185–187]. Сообщение краеведов о случайной находке некой «шорской кольчуги» на реке Пызас в 1960-х гг. выглядит очень сомнительным [Улагашева, 1996].

Более вероятной может быть гипотеза, что к степнякам вывозились только обработанные крицы, а там местные мастера делали весь набор оружия и снаряжение для верховых лошадей. Есть сведения об уводе кузнецов к джунгарам из «Елейской, … Шерской» и других Кондомских волостей в 1744 г. [Бобровский, 2013, с. 146]. Исследование кольчатого панциря из фондов Новокузнецкого краеведческого музея позволило предполагать, что он по технике склёпок колец сделан русскими кузнецами в XVII в. и принадлежал казакам Кузнецкого острога [Мартюшев, 2017б, с. 83]. Ранее археологи отмечали широкое развитие металлургии и кузнечного ремесла не только в Горной Шории, но и на Алтае и в верховьях Абакана [Зиняков, 1988, с. 123–138; 2014, с. 85; Сунчугашев, 1979, с. 147–163].

Кольчуга. XVII–XVIII в. НКМ. № 1135 ВИ-1690.

Несмотря на распространение русских кузнечных инструментов и новой технологии кузнечного дела, у шорцев сохранялись традиционные приспособления для обработки металлов, о чём свидетельствует своя, тюркская терминология. Так, пулелейка, представляющая собой кованые плоскогубцы с округлой выемкой внутри для заливки свинца, у шорцев до сих пор называется *окурчан-оргуш-льячка* или *калып*. Большая часть кузнечного инструмента имеет такие же названия, что и инструменты у русских [Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России…. 1999, с. 187–192].

Кузнечный инструмент:
а) молот НОКМ 16467-4;
б) молот НОКМ 17488-1;
в) молоток-ручник *маска* КМАЭЭС 18/17421; г) перка НОКМ 1620-38; д) пулелейка КМАЭЭС 18/17413, е) пинцет КМАЭЭС 18/174б; ж) игла КМАЭЭС 18/174д; з) щипцы НОКМ 19439-138; и) зубило КМАЭЭС 18/174е; к) оправка КМАЭЭС 18/174ж; л) совок КМАЭЭС 18/174л; м) ручное сверло НОКМ 14662; н) клещи КМАЭЭС 18/174к; о) форма для литья КМАЭЭС 18/174м. Рис. Е. В. Попова.

В конце XIX – первой четверти XX в. у шорцев, проживавших по соседству с переселенцами, появлялись мастера, овладевшие кузнечным ремеслом. Набор кузнечного инструмента у всех был универсальный: молот, наковальня, молоток-ручник, клещи, перка, щипцы, зубило, оправка и т. п. Местные кузнецы ковали детали для сельскохозяйственных орудий – наконечники для сох, рабочие части для литовок, серпов, лопат, топоров, вил, ножей. Ковали свой собственный кузнечный инструмент и на заказ плотникам и столярам, детали охотничьих ружей. Эта устоявшаяся традиция сохранялась и в колхозный период до начала 1970-х гг.

К началу XX в. только в одном Кузнецке было 13 частных кузниц, где ремонтировали вёдра, лейки, чайники из жести, выковывали подковы и подковочные гвозди, изготавливали железный ход к телегам, оковывали колёса, сани, делали водосточные трубы к домам, железные печи и трубы к ним. Листовое железо и другие материалы доставлялись с Алтайских железоделательных заводов и продавались в купеческих лавках Кузнецка [Майорова, 1999, с. 77–78].

С развитием торговли в городах Сибири, пуском Гурьевского и Томского металлургических заводов металлическая утварь стала приобретаться на ярмарках. Особо ценились

изделия Томского и Гурьевского металлургических заводов – чугунные гусятницы, жаровни, сковороды и рукомойники. До сих пор шорцы используют плоские котлы *кооргуш* и глубокие *казан*, сковороды, ухваты *капкыш*, кочерги *козеге*, чайники, самовары кустарного производства. Охотно приобретались на ярмарках и тульские медные, позднее – никелированные самовары. В русских печах пищу готовят в чугунках – горшках грушевидной формы, а хлеб пекут в сковородах. Используются чугунные кувшиновидные сосуды *роче* с высоким горлом производства Абазинского и Гурьевского заводов, составляющие комплект самогонного аппарата.

Реконструкция бревенчатой кузницы. Экомузей «Тазгол». 2005 г. Фото В. М. Кимеева.

Золотоприиски в XIX–XXI вв.

Золотодобыча на территории современной Горной Шории имеет более давнюю историю чем горнорудное дело. До середины XVIII в. по таёжным рекам Кузнецкого уезда, как и на всем Русском Алтае, золото добывали только тайно старатели – бергалы. Впоследствии чиновники царского кабинета утвердили государеву систему золотодобычи, используя труд тех же бергалов и приписных крестьян горных заводов. Единоличных бергалов постепенно стали сменять старатели золотопромышленных компаний и товариществ, а уже в советское время с 1 марта 1950 г. добыча золота стала осуществляться только под контролем государ-

Служащие Балыксинского золотоносного месторождения. Начало XX в. НКМ. КП 6697. И-Ф 148.

ства. Некоторое время с 1956 г. отдельным старательским артелям было разрешено работать на заброшенных и нерентабельных участках, но с появлением в 1970-х гг. мощных старательских артелей с высоким уровнем механизации частная добыча прекратилась до начала приватизации 1990-х гг.

Началом золотодобычи в Горном Алтае и на примыкающей к нему современной территории Горной Шории можно считать выводы комиссии начальника Уральского горного завода В. И. Генина, посетившего демидовские заводы Алтая в 1733–1734-х гг. и указавшего на схожесть местных руд с нерчинскими, где ещё с петровских времен велась добыча золота. Начиная с 1735 г. на Змеиногорском руднике А. Демидова попутно с медью начали добывать серебро и золото. В мае 1812 г. Сенатом был издан Указ «О предоставлении права всем Российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежами в казну подати». В первой четверти XIX в. началась выдача разрешений на отыскание золота в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, а начиная с весны 1830-х гг. на Алтае, в Кузнецком Алатау и Саянах развернулась активная деятельность поисковых партий со снаряжением в полтора десятка человек, включая приказчика, штейгера и проводника, сколоченных на деньги сибирских купцов [Давыдов, 2000, с. 28]. После работы царской комиссии на основе доноса в 1744 г. все предприятия Акинфия Демидова были тотчас отобраны, а указом императрицы Елизаветы Петровны от 12 мая 1747 г. все заводы и рудники Демидовых на Алтае с приданными им обширными земельными угодьями и приписными крестьянами были конфискованы в пользу казны и переда-

Николаевский прииск.
Конец XIX в.
НКМ. КП 6697. И-Ф 146.

ны в ведение Кабинета Ея Императорского Величества. С этих пор все алтайские, кузнецкие, минусинские, мартайгинские и прочие земли, равно как и горнозаводские производства, стали называться кабинетскими.

Постепенно, с истощением запасов серебряной руды, с 1820-х гг. начались активные поиски золотоместорождений хорошо подготовленными и оснащёнными поисково-разведочными партиями, возглавляемыми выпускниками Горного кадетского корпуса, а с 1866 г. – Горного института в офицерском звании. Обследование началось с Салаирского кряжа, где уже действовал Сухаринский рудник. Наиболее перспективными оказались речки, впадающие слева в Мрассу, современной Горной Шории, а также справа реки Томи в Кузнецком Алатау. Посланные в упомянутые места партии под распоряжением бергмейстера Мевиуса 1-го и бергшворена Фрезе производили опыты ниже города Кузнецка по речкам Промышлёнке и Заломной и выше Кузнецка по речке Теба и другим. В разработке золоносных участков принимали участие и до трети кузнецких мещан, ежегодно отъезжавших на летний «отхожий промысел».

В бассейне реки Мрассу по речкам Большой и Малой Суете следы золотоносности обнаружил шихтмейстер Аболтин ещё в 1833 г. На следующий год он же открыл богатые россыпи по ключу Петропавловке и небольшую россыпь у ключа Нагорного. В этом же 1833 г. были уси-

лены поисково-разведочные работы в районе рек Ортон и Фёдоровка в среднем течении реки Мрассу. В результате с середины 1830-х гг. возникли промыслы Михайловский, Екатерининский, Аннинский, Петропавловский, Николаевский с образованием одноимённых приисковых посёлков. Одним из крупнейших был Петропавловский промысел на р. Базас (левого притока р. Ортон) при впадении в неё ручья Петропавловки с деревянным посёлком на тысячу человек с бараками для рабочих, конторой, амбарами, торговой лавкой и хлебным магазином, жилыми домами, молитвенным домом и даже лазаретом, что было тогда большой редкостью. Однако через двадцать лет, после выработки 60 пудов золота и истощения жилы, посёлок опустел. На другом, лежащем от него в 22 верстах прииске Николаевском (названном в честь императора Николая I) в долине р. Фёдоровки (также притоке р. Ортон), в 1832 г. возник крупнейший приисковый посёлок Алтайского горного округа. Только за сезон 1843 г. на прииске было намыто 22 пуда золота, т. е. больше чем на всех остальных приисках горного округа вместе взятых. А всего с 1839 по 1900 гг. на нём одном было добыто более 8 тонн золота [Лизогуб, 2018, с. 84]. По другим данным, на Николаевском (Фёдоровском) прииске за 1837–1904 гг. было обработано 65 россыпей и добыто 9412, 2 кг золота [Старков, 2001, с. 135]. Кроме того,

Николаевский прииск. Отвод реки Балыксы в новое русло. НКМ. КП 6697. И-Ф 141.

Общий вид прииска Неожиданный. НКМ. КП 6697. И-Ф 145.

в 1852 г. разведка производилась по речкам Заслонке, Тёбе, ключу Сухой Лог.

С 1839 г. началась добыча золота по притокам Кондомы – Мунже, с 1842 г. – Кочуре, с 1847 г. – Ляпинке и Кабардинке, в 1849 г. – Александровке, 1850 г. – по реке Калташ, и только на Кочуре было добыто около 6 пудов золота. На основе этих малочисленных объектов 14 августа 1844 г. был образован Спасский золотой прииск с резиденцией в крупном и существующем до сих пор п. Спасск [Давыдов, 2000, с. 34–35]. В 1852 г. началось обследование Малой Кондомы с её притоком речкой Чулеш с богатыми россыпями, где также возник существующий до сих пор одноимённый посёлок, в котором ещё до 2000-х годов работала мощная драга. В 1854 г. продолжились обследования правого притока Мунжи – Кочуре, в 1858 г. – по левому притоку Кондомы – Кабардинке, по правому притоку Кондомы – Урушу, а также другие близлежащие окрестности Спасской резиденции – правым притокам Большой Кондомы – Базасу, Тельбесу, Каменушке. За год на всех приисках стали добывать свыше 35 пудов золота.

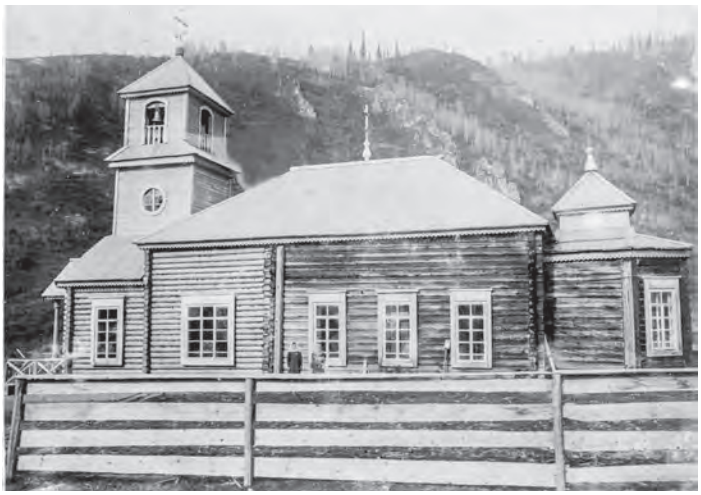
Всего с 1830 по 1857-й гг. с казённых царских россыпных золотоприисков Алтайского горного округа было добыто 628 пудов 27 фунтов золота и 95 пудов 15 фунтов серебра, попутно встречающегося в золотонесущих породах на общую сумму 9,6 млн золотых царских рублей.

Первую оценку золотоместорождений Ортонских приисков провел в 1844 г. профессор Г. Е. Щуровский и признал эти месторождения вкраплённого типа относительно бедными. Перемежаемость в россыпи богатых участков с бедными, как это наблюдалось на р. Федоровке, он объяснял перемежаемостью коренных месторождений [Давыдов, 2000, с. 40]. «Царево-Николаевская россыпь» отмечал он, – «…представляет образец правильной разработки. Для отлива воды устроена штанговая машина, для подвоза золотоносных песков на фабрики – железная дорога, для промывки песков, кроме чаш и корыт, недавно пущена в ход огромная бурлаковская машина» [Лизогуб, 2018, с. 84].

После отмены крепостного права и начавшегося периода упадка золотодобычи с 1861 по 1880-е гг. к поиску новых месторождений подключаются видные по тем временам геологи – профессор Р. Гельмгакер, А. М. Зайцев, В. С. Реутовский. В связи с наметившимся истощением россыпей внимание специалистов начинает всё более привлекать рудное золото. В 1861 г. бывший Александровский промысел был разделён на два самостоятельных – Спасский и Царёво-Александровский с конторой в пос. Талон, в состав которых входили объекты золотодобычи верховьев рек Каурчак и Мрассу.

По состоянию на 1872 г. в районе дея-

Молитвенный дом. Прииск Неожиданный. НКМ. КП 6697. И-Ф 150.



Размывка грунта гидромонитором Черкасова для прокладки шлюза на прииске Неожиданный. 1912 г. НКМ. КП 6697. И-Ф 132.

тельности Спасского золотого промысла было разведано более 190 площадок, на месте которых впоследствии строились посёлки русских приискателей: по долине Кондомы с её притоками Чулеш, Сызак, Тарлаш, Ганово, Уруш, Александровка, Ляпиновка, Кочура, Сокол; по реке Мундыбаш и Тельбес – Базанча, Сухаринка, Тельбес и др.; по рекам Большой и Огузасу – Викторьевка, Николаевка; по долине Мрассу с притоками – Суета, Троицкий и др. В окрестностях Царёво-Александровского промысла в верховьях Мрассу – Атчек, Николаевка, Кедровка, Адияксу, Большой Сюрь и др. Некоторые из этих посёлков сохранились доныне, но многие исчезли с окончанием золотодобычи и упразднением колхозов в советский период.

После 1855 г. на Алтайских золотых промыслах начался спад производства, обусловленный рядом объективных причин. Были закрыты Успенский, Алтайский, Бельсинский и Терсинский промыслы. Егорьевский и Пезасский промыслы снизили объёмы производства в полтора-два раза, а некогда знаменитый Царёво-Николаевский промысел на речке Фёдоровке более чем в три раза. На объектах Спасского и Царёво-Александровского промыслов напротив добыча золота с 1853 г. возросла почти в два раза. В эти годы в системах Кондомы, Мрассу и Лебедя золотодобыча производилась на речках Александровке и Ляпинке в районе

будущего Джелсайского участка, на Кочуре и её правом притоке Александровке, Коуре, Андобе, по Азарту и ключу Викторьевскому. В 1859 г. были возобновлены работы по речке Уруш и ключу Право-Конюшенному в системе реки Коуры.

Первое золоторудное месторождение жильного типа было открыто в 1910 г. на горе Джелсай современной территории Горной Шории, и компания Лесина начала его разведку и эксплуатацию. Начиная с 1822 г. в районе Балыксинских и Кондомских приисков работал К. Г. Тюменцев. В юго-западной части Кузнецкого Алатау жильное оруденение развито повсеместно. На площади в 20 тысяч квадратных километров, от реки Усы на севере до верховьев реки Абакан на юге, насчитывающей около двухсот россыпей, было открыто всего три мелких золоторудных месторождения – Джелсайское, Кочуринское и Тебечекское.

После отмены крепостного права наблюдается повсеместное снижение объёмов производства, практически все промыслы стали убыточными, многие из них оказались безлюдными. Из нескольких десятков россыпей, разрабатывающихся в системах Кондомы и Мрассу, к моменту остановки кабинетских работ в числе действующих значилось лишь пять. Кабинетские прииски были переданы в аренду предпринимателю В. И. Асташеву, который организо-

Кедровский прииск.
НКМ. КП 6697. И-Ф 147.

Съёмка золота.
НКМ. КП 6697. И-Ф 138.

вал инвентаризацию своих приобретений. Наиболее прибыльными оказались прииск Камзасский, основанный в 1899 г. одновременно с Надеждинским, ряд Верхне-Мрасских приисков по притокам Мрассу – Сюрь (Николаевка), Порлу (Тихой), Тихоновский прииск, прииск Адьяковский, основанный в 1892 г. Чтобы отвести русло Мрассу, были сооружены сложные гидротехнические сооружения. Промывка довольно мясниковатых песков Адьякского прииска производилась в большой чаше, действующей от гидравлического колеса, на которое была проведена длинными сплотками вода из отведённой Мрассу и ключа Торбалых. Адьяковский прииск со времени основания до 1901 г. дал 15,75 пуда шлихового золота, которое при дорогостоящим прииске, трудностях добычи и низком содержании золотоносного пласта не могло дать достаточного дохода. С неменьшим вниманием отнесся к постановке геологоразведочных работ и глава компании «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» П. Д. Мальцев [Давыдов, 2000, с. 49, 52].

В средней части бассейна Мрассу прииски Викторьевский, Суетинский, Анзасский (современный п. Усть-Анзас) к началу XX в. были выработаны совершенно, другие – Екатерининский, Плосский на р. Ортон – довольно сильно истощены, и там остались только мелкие старатели-золотничники. В 1882–1888 гг. действовали прииски: Солдатский по рч. Чук-

тук, Викторьевский, Ортонский, Анзасский по рч. Анзас, Базасский по р. Базас, впадающей в р. Ортон, Спасский, Ляпиновский, Чугунашский, Тарлашинский, Александровский по притоку Кондомы рч. Александровке, Чулешский, по кл. Троицкий, по рч. Плосская, впадающей в рч. Заслонку, Тазасский по рч. Таз – притоку р. Тельбес, Кочуринский, Базасский по притоку Кондомы. Только на одном Анзасском прииске за 1894–1898 гг. было обработано 6 россыпей и добыто 33,3 кг золота.

Условия быта в приисковых посёлках были ужасные. Кроме приискателей и руководителей работ там жили кухарки, туда часто наезжали алчные скупщики золота, спиртоносцы, картёжники, падшие женщины, воры и грабители. Тяжёлый труд с частыми увечьями, пьянство, теснота и вопиющая антисанитария в бараках, отсутствие медицинской помощи и болезни сокращали вдвое короткую жизнь приискателей. Особенно от этого страдали женщины и дети. Привлекало в старательские бригады то, что для дренажной команды, бригады механизаторов старательской артели и их семей это был единственный источник существования в этих глухих таёжных краях. Даже описывая крупнейший Царёво-Александровский прииск на реке Фёдоровке – притоке р. Ортон бассейна среднего течения р. Мрассу, Г. Е. Щуровский отмечал: «Положение здешнего промысла

Сушка золота.
НКМ. КП 6697. И-Ф 139.

Промывка золотого песка. Спасский прииск. 1934 г. НКМ. КП № 2219-2.

для здоровья жителей чрезвычайно неблагоприятно. Будучи окружены дремучими лесами и топкими, никогда не осушающимися болотами, они постоянно находятся в холодном и сыром воздухе, порождающем многие болезни, особенно ревматизм и скорбут (цинга). Последняя болезнь является иногда повально и увлекает многие жертвы» [Лизогуб, 2018, с. 85]. Спасались приискатели пихтовыми ветками, размачивая их в воде или квасе, или из веток приготавливали квас и пиво. Колба (черемша) также являлась доступным лекарством и любимым лакомством в сыром и засоленном виде. Иногда стебли колбы растирали в водке и прикладывали на тело к поражённым местам. Употреблялись в пищу также и корни кандыка, как сырыми, так и сваренными в молоке, превращённом в кисель сладковатого вкуса.

Мастеровыми приисков до отмены крепостного права чаще всего были приписные к заводам государственные крестьяне, которые до старости и немощности или увечья обязаны были ежедневно работать по 16 часов под присмотром приёмщиков. Не выполнивших норму бергалов пороли розгами или приковывали к тачке, оставляя дорабатывать норму т. н. «урок». Нередки были случаи самоубийства от этой каторги.

В 1880 г. царский Кабинет разрешил вести золотодобычу частным компаниям, и начался второй всплеск интереса к ней предприимчивых людей со всех концов Кузнецкого уезда. Большинство приисков арендовали и разрабатывали две компании: «Алтайское золотопромышленное дело В. И. Асташева и Ко» и «Южно-Алтайское золотопромышленное дело П. Д. Мальцева и Ко». Первая компания действовала по бассейнам рек Кондомы и Мрассу и резиденцию имела в пос. Спасск, вторая – по системе реки Балыксы на территории современной Хакасии. Главным распорядителем компании И. Д. Мальцева, образованной в 1881 г. в Санкт-Петербурге, был крупный олигарх барон Гораций Евлезевич Гинцбург, владевший 40 паями из 100. Были использованы не только старые известные, но и вновь открытые прииски. Наиболее крупным был прииск Неожиданный, открытый в 1887 г. на одноимённом ключе и ставший фактическим центром всей Балыксинской золотоносной системы [Лизогуб, 2018, с. 88]. Уже в первый год артелями из 100 бергалов было добыто 2 пуда 11 фунтов золота. На другом прииске – Мыгазинском на одноименной речке в 1887 г. было добыто 4 пуда 23 фунта золота), на приисках Кедровском и Большекамзасском – по 50 кг, на мелком прииске Весёлом – всего 1 пуд золота. В 1888 г. прииски компании В. И. Асташева дали всего 5 тыс. рублей

Бутара – приспособление для промывки золота на р. Кабырзинке. 1934 г. НКМ. КП 514. Л. 8. Ф. 3.

прибыли, а И. Д. Мальцева – 180 тыс. руб. Балыксинских приисков к концу XIX в. было уже 12, к имевшимся добавились станы Заслонка, Сенной (пятый), Николаевский, Пичугинский, Харлампиевский и др.

На прииске Неожиданном вместе с семьями проживало в летний сезон до тысячи человек. В 1890 г. в приисковом посёлке открывается начальная школа, возводятся деревянная церковь, магазин. Сама контора компании располагалась в г. Кузнецке в разных домах по улице Достоевского и ул. Водопадной. Рабочих на сезон с марта до Покрова нанимали по городам, крупным посёлкам и деревням, заключая с ними договора. На зиму всех бездомных селили в бараках одного-двух крупных при-

Отвалы золотодобычи на реке Шимтилыгол. Пос. Усть-Анзас. 2005 г. Фото В. М. Кимеева.

исков для подготовки летнего сезона: валки леса, корчевания пней, снятия торфа до золотоносного песка. Почти все работы по добыче проводились летом вручную казённым инструментом: ломом, лопатой, киркой, топором, грунт отгружали деревянной тачкой, перевозили телегами. Для промывки песка и мелкой гальки использовали бочечные машины, которые затем сменила гидравлика. Работали в две смены, дневная – после поднятия флага длилась с 6 утра до 7 вечера с перерывом на обед и двухчасовой отдых. Руководили работами десятники и горные смотрители. На дне промывочных колод были установлены трафареты (грохота) для скопления золота, которые снимали ежедневно в конце рабочего дня. Днём у промывочной бочки дежурил вооружённый охранник, на ночь добавлялся десятник. Летом давали один выходной день. Перерывы длились не более 10 минут. Платили бергалу подёнщину за «урок» (полторы кубической сажени) 90 копеек, а возчику торфов, эфеля и гальки за тот же объём – 85 коп. Зимой на подготовительных работах забойщики зарабатывали 85 коп., возчики – 80 коп. За хищение золота и плохое ведение учётной документации строго наказывали, за этим следили горные исправники. [Лизогуб, 2018, с. 89].

Первая русская революция, Первая мировая, а затем Гражданская война и, как их следствие, разруха и бандитизм привели к 1919 г. к полной остановке золотодобычи на территории современной Горной Шории. Сразу после отречения царя на таких главных приисках, как, например, Неожиданный, были созданы рабочие комитеты, которые потребовали снизить до 8 часов рабочий день, увеличить на 15 % зарплату и уменьшить норму выработки. Получив

отказ, рабочие прииска вывезли оборудование и сами перебрались в Кузнецк, где нанялись на работу в «Копикуз» для разработки угольных месторождений. Ещё в 1918 г. оставшиеся прииски были национализированы Советской республикой. Только после окончательного установления советской власти и подавления на приисках Балыксинской системы белогвардейской банды Базаркина в 1920 г. начнётся новая история в жизни многочисленных, разработанных по всей тайге приисков, на базе которых было создано Алтайское приисковое управление – первое крупное промышленное предприятие в Горной Шории.

В первые годы советская власть пыталась взять на учёт все сохранившиеся прииски. В 1918–1919 гг. по системе рек Кондома, Мрассу и их притокам неработающими были: Выше-Субрасский, Николаевский, Мало-Кондомский, Надеждинский, Александровский, Ляпиновский, Кара-Кичинский, Царёво-Николаевский, Калмаковский, Петропавловский прииски. Сохранились только третьеразрядные прииски по системе реки Балыксы – Ильинский, Иннокентьевский, Гидравлический, Николаевский, действующие ещё с 1882 г. Вся добыча золота с 1918 по 1920 гг. снизилась с 30 до 12 фунтов, а количество рабочих – с 100 до 76 человек [Давыдов, 2000, с. 67]. После упразднения Главного золотого комитета России в 1921 г. была создана

Пос. Спасск, в котором находится управление Алтайского золотого прииска. 1980-е гг.

Геннадий Петрович Лебских, директор прииска «Алтайский» (1981–2006), почётный гражданин г. Таштагол.

Алтайская золотопромышленная контора с центром в г. Бийске. Обслуживались вместе с другими и старые выработки Кондомского и Мрасского района и часть Балыксинской системы. 30 апреля 1923 г. «Сибпромбюро» утвердило Общее Положение об управлении средней и мелкой золотопромышленностью Томской губернии, на основании которого вся организация арендных и старательских работ на золотоносных площадях, не тестированных и не переведённых на хозяйственный расчёт, находилась в ведении «Сибпромбюро» ВСНХ. Непосредственную же организацию золотодобычных работ по арендному и старательскому принципу на местах «Сибпромбюро» передало в ведение местных «Губсовнархозов», при которых и были учреждены для этой цели золотопромышленные конторы, действовавшие на принципах полного хозрасчёта.

Достижения научно-технического прогресса многие годы оставались на уровне водоналивного колеса при вращении машин на промывке песков. Маломощные локомобили были единичны. На разработке и транспортировке горной массы и песков обычными были кайло, бергальская лопата и тачка, в лучшем случае вагонетки или опалубки в зимнее время по ледяным дорогам на более крупных приисках. Крайне нищенскими были жилищные условия. Рабочие расселялись обычно в казармах, которые позднее стали называть бараками, дожив-

Здание Спасского аэропорта. 1970-е гг. Фото Григория Шалакина.

шими до советской и постсоветской эпох, а потом вписались в быт приисков в качестве вначале временного жилья, а после ремонта постоянного. Из отчёта офицера по особым поручениям, обследовавшего прииски, следует, что «…Рабочие не имеют своей постоянной койки: один день в комнате спит 20 человек, а на другой собирается до 40. В ныне существующих казармах невозможно соблюдение опрятности и чистоты воздуха: железная печь, находящаяся посредине комнаты, кроме отопления служит и для приготовления пищи, на ней же рабочие сушат своё бельё и обувь. Варка пищи и развешанные всюду грязные тряпки распространяют такой тяжёлый запах, что даже летом, когда окна и двери постоянно открыты, при посещении казарм нельзя не испытывать неприятного чувства». Только пекарня располагалась отдельно. По сведениям миссионера В. И. Вербицкого, в поселке Спасского прииска процветало пьянство и преступные деяния бергалов в отношении жителей шорских улусов. Врача и больницы в приисковом посёлке никогда не было, а лечиться у т. н. «шорских

Анататолий Михайлович Ларинин (справа) – командир вертолёта Ми-4. 1970-е гг. Фото Григория Шалакина.

шаманов» соседних улусов православные бергалы брезговали [Записки мисионера…, 2008, с. 205, 227].

Добытое золото надлежало сдавать в Промбанк из расчёта 1000 проб шлихового золота и в готовых слитках по цене 5 руб. 23 ½ коп. за золотник, причём за вкрапления в сплаве и шлихе лигатуры в виде серебра и других металлов расчёт «Промбанк» не производил. Каждая старательская артель, согласно заключённому договору, была обязана всё добытое золото сдавать Алтайской конторе не менее одного раза в неделю, причём пунктами сдачи для Кондомской системы являлась Спасская резиденция. Во избежание потери рабочего времени сдача производилась по воскресеньям. Сданное золото записывалось в квитанционную книжку, из коей один экземпляр выдавали на руки бригадиру артели. Расчёт со старателями производился по 3 р. 85 коп. за золотник или по 90 коп. за 1 грамм. Остальная сумма до 5 р. 23 коп. представляет собой: 10% организационные расходы Алтайской конторы, 3% на угар при сплаве золота и 1,5% на уплату за проведённый сплав. Приёмка золота и все выдачи артели деньгами или товарами в счёт уплаты за золото записываются в расчётную книжку, находящуюся на руках у распорядителя артели. При выдаче товаров из кладовых «Алтконторы» на последний выписыва-

Отвалы золотоприсков на р. Анзас. Пос. Усть-Азас. 2005 г.
Фото А. В. Вяргизова.

Пос. Мрассу с дражными отвалами золотоприиска. 1980-е гг.

ется ордер в 3-х экземплярах, из коих первый на руки старателю, второй оставался на складе, третий передавался в контору. Расчёт со старателями производился по их желанию товаром в размере 75 % и деньгами 25 %, что их вполне устраивало при отсутствии в округе других торговых лавок. При приёме на работу старателю выдавался аванс продуктами. По мере накопления сданное золото через месяц-полтора отправлялось под охраной двух вооружённых служащих в главную контору г. Бийска. Численность артели обычно не превышала 15 человек. Добыча производилась отводными канавами с промывкой бутарой и гидравликой как в Чугунаше, так и подземными выработками и шурфами, как в пос. Чулеш.

Артели старателей были многонациональными, но преобладали как русские, так и коренные жители – шорцы и завербованные в городах корейцы. Среди коренного населения района, татар-шорцев, преобладали беспечные охотники с небольшим домашним хозяйством. Не более 12 из них работали на Управление по доставке грузов, заготовке сена и по пробивке канав. Была введена должность разъездного инструктора-шорца для проведения разъяснительной работы на шорском языке, чтобы привлечь их на прииск и увеличить производительность их труда. В корейской артели на Джелсае царила неприкрытая уравниловка

в зарплате. Корейцы утаивали золото, держались особняком от общего коллектива старателей, жили замкнуто. В то же время, будучи квалифицированными горняками и исключительно трудолюбивыми старателями, корейцы являлись для начальства весьма ценными приисковыми кадрами.

Нанятые из ближайших сёл рабочие были заняты на ремонте и проводке трактов Сузоп – село Кондомское и село Кондомское – Спасский прииск, а также в различных землемерно-таксаторских партиях для будущей колонизации. Большую часть рабочих на прииски приходилось привлекать на комиссионных началах из окружных сёл в 130 километрах от Спасского прииска из Новиково, Карабинки, Ненинки, Солтона в 400 600 дворов с преобладавшим русским населением. Привлечение рабочих из г. Бийска показало его нерентабельность: они оказались плохими работниками с большими требованиями, а доставка их из г. Бийска до мест работ требовала больших напрасных затрат.

Все существующие посёлки достались Районному Управлению в наследство от прежних владельцев промыслов и компаний. Казённые здания, дома, постройки и амбары обветшали и требовали срочного ремонта. Так, например, на Спасском прииске амбар с хлебопродуктами осел в землю, сгнили стулья и нижние венцы. Из-за плохой вентиляции идет

Драга в пос. Мрассу. 1980-е гг.

Планировка отвала бульдозером. Фото из архива Г. Т. Шалакина.

горение хлеба. Постройка нового складского амбара требует до 12000 рублей. Печи в недавно отстроенных домах осели и частью развалились, конопатка стен очень плохая, полы одинарные с громадными щелями, цоколи плохо утрамбованы и не покрыты сверху, размываются дождями. Большое количество крыс в амбарах уничтожает до 150 пудов хлебопродуктов ежегодно.

Многие ранее работавшие прииски были полузакрыты или вовсе заброшены. Десятки россыпей в течение длительного времени числились в категории «тунележащих», требовали дополнительной доразведки, прежде чем пойти в разработку. После закрытия артели старатели разъезжались по ближайшим, ещё работающим приискам, а в опустевших посёлках оставались дряхлые старики. Догнивали покосившиеся избёнки, растаскивались на дрова бараки, зарастали тропинки до ближайшего колодца или родника, окрестности деревень и отвалы зарастали молодым подлеском. Все постройки и сооружения на старательском объекте были собственностью артели, если они были возведены на её средства. При расторжении договора артель должна была в течение месяца после всех взаиморасчётов реализовать либо вывезти за пределы объекта всё своё имущество. В противном случае через 6 месяцев после приостановки работ всё артельное хозяй-

ство поступало в безвозмездную собственность прииска.

В 1926 г. под руководством главного инженера П. И. Павликова продолжились геологоразведочные работы по Кондоме и в верховьях Мрассу. Для реализации поставленной задачи были выделены средства для организации двух разведочных партий. Кондомская партия работала на речках Уруш, Турла и Большой Калташ. Лебедская на Большом Каурчаке, Азарте и ключе Широком. В общей сложности было подготовлено действительных запасов 120 кг, из которых 110 кг по Большому Калташу и Большому Каурчаку могли разрабатываться в ближайший сезон. Речка Турла признана не имеющей промышленной россыпи. В верховьях реки Мрассу были обследованы речки Соль-Мрассу, Тихая, прииски Николка и Девятый, ключи Конюшенный, Пьяновский, Усольский, Известковый, ключ Казаны, впадающий слева в р. Тузас.

В 1930-е гг. улучшилась социокультурная ситуация в приисковых посёлках. Кроме административных и хозяйственных построек по Алтайскому приисковому управлению открылось 14 медпунктов и 3 больницы: в Спасске на 50 коек, в Джелсае и Талоне по 5 коек. Однако санитарный надзор в них организован слабо, дезинфекции совершенно отсутствуют, в палатах лютуют тараканы и клопы. На территории АПУ увеличилось число начальных школ с 4

Выборка грунта драгой. Фото из архива Г. Т. Шалакина.

в 1933 г. до 19 в 1937 г., охвативших учёбой 2829 детей. В то же время школьным инвентарём, учебными пособиями и учебниками школы обеспечены крайне плохо. Учителя по большей части неквалифицированные. Так, на Чулте зав. школой имел активную форму туберкулёза и часто пьянствовал, что вызывало вполне понятное недовольство родителей. Заведующий сетью и директор Спасской десятилетней школы также был профнепригоден и часто пьянствовал с подчинёнными ему учителями, замечен в махинации с квартирой. Очень плохо была организована работа детских садов и яслей, что не позволяло женщинам работать на прииске. Питание в столовых было отвратительное, процветала подпольная торговля водкой.

Сообщение Бийской «Алтконторы» со Спасской резиденцией осуществлялось по лесному тракту протяжённостью 160 верст, проложенному ещё «Переселенческим управлением» через мост в русском селе Кондома. Далее на 50 верст до Спасской резиденции дорога шла через Кондомский разлом (современный Большой Шорский хребёт) вьючным путем, т. к. прежний колёсный путь был завален валежником и не очищался. Гужевой транспорт был достаточно эффективен только в зимнюю пору, с установлением санного пути. Вьючный транспорт был весьма дорогим и непроизводительным, в ряде случаев он был вообще неприменим. Возчики для доставки продуктов из Бий-

Старообрядец Фока Иванович Гребенщиков с внучками в своей мастерской. Килинск. 2002 г. Фото И. В. Бойко.

Вид на пос. Якунинск.
2003 г.
Фото И. В. Бойко.

ска до Спасска брали с пуда груза до 2 руб., что было тяжёлыми накладными расходами для приискателей. Хранились продукты в бревенчатых амбарах, охраняемых сторожами. Только к концу 1930-х гг. были созданы хорошие, по таёжным меркам, обустроенные транспортные участки с заезжими домами, складскими помещениями, стойлами для лошадей, обслуживающим персоналом в Бийске, Кузнецке, Кузедееве, Солтоне, Турочаке, Кондоме, Шалыме. Это были основные перевалочные базы Алтайского прииска. Главной базой являлся Кондомский трансучасток, т. к. здесь сходился поток грузов из Кузнецка через Кузедеево и из Алтайского края через Бийск и Солтон [Давыдов, 2000, с. 97].

На предприятиях, входящих в группу Спасских золотых приисков, в разные годы трудились около 300 рабочих-шорцев, в 1948 г. это были А. С. Идигешев, забойщик на подземных работах, М. Тепчегешева, доводчица-обогатитель, промывальщица. Систематически выполняли производственные задания более чем на 150%: М. Токмашева – мониторщик, Ч. Челбогашев – подлопатчик, К. М. Тунеков – помощник драгера электродраги № 190 [Потапов, 1994, с. 133].

Были на приисках и русские старообрядцы. Они принадлежали к часовенному согласию и в Горной Шории появились сравнительно недавно. Связано это было с волной преследований за веру уже в советский период старообряд-

ческих общин Алтайского края и переселения нескольких семей поближе к посёлкам Спасского приискового стана. Часовенные, называвшие себя также «стариковцами» или «безпоповцами», проживали с XIX в. в основном на Алтае в Бийском уезде, а духовным их центром был г. Бийск. Попадали они сюда в основном с Урала, спасаясь от преследований властей. Советское законодательство о культах 1922–1923-х гг. и об отделении государства от церкви в некоторой мере обеспечило правовую базу легальной деятельности религиозных объединений, в том числе и старообрядческих общин. После подачи заявления, устава и списков членов общины с указанием места жительства, имущественного и служебного положения с 1914 г., принадлежности к тому или иному сословию до революции, уплаты немалого гербового сбора (7 руб. золотом в 1923 г.) административные органы исполкомов выдавали руководителю общины письменное разрешение на отправление религиозных обрядов. Некоторые общины «стёрлись» или вовсе не регистрировались, опасаясь вмешательства государства в их духовную жизнь. На территории Алтайской губернии на 1925 г. численность старообрядцев достигала 12626 человек [Куприянова, 2006, с. 26, 28].

Семья старообрядцев. Конец XIX в.

В Таштагольском районе старообрядцы проживают в пос. Килинск и в примыкающем к нему пос. Якунинск Коуринской сельской территории с центром в пос. Ал-

Семья Лаврентия Евграфовича Каракулова на сенокосе. Килинск. 2002 г. Фото И. В. Бойко.

тамаш, а также в пос. Чулеш (274 чел. на 2002 г.) Кызыл-Шорской сельской территории с центром в пос. Ключевой. После образования в 1990 г. Шорского национального парка окрестности пос. Чулеш вошли в его состав, что создало некоторые трудности в трудоустройстве и природопользовании для населения после закрытие золотодобычи. Часть мужчин Килинска (253 чел. в 2002 г.) и Якунинска (126 чел.) продолжают работать на драге. Между посёлками Чулеш и Килинск на расстоянии около 40 км давно существует обустроенная грунтовая дорога с автобусным сообщением, что могло бы обеспечить контакты между этими двумя группами старообрядцев разного толка. В обоих посёлках имееются электричество, школа, клуб, магазин, обеспечена мобильная связь.

Старообрядцев в пос. Чулеш на 2002 г. насчитывалось 90 чел. в 21 семьях, шорцев – 95 чел., алтайцев – 15 чел., один татарин и несколько детей от смешанных браков. В Килинске и Якунинске на 2002 г. проживали из 343 русских 320 старообрядцев в 73 семьях, одна семья алтайцев из 8 человек, один татарин и один украинец. Все старообрядцы часовенного согласия, но делятся на две обособленные общины: «чувственные» в пос. Чулеш и «духовные» в пос. Килинск [Бойко, 2005, с. 5]. Несмотря на разногласия в толковании Антихриста между членами общин встречаются смешанные браки, но при этом дети не получают приданого, так

Килинская драга № 317 у пос. Габовск. 2002 г. Фото И. В. Бойко.

как не получили благословения. Старики всегда запрещали молодым парням жениться даже на крещёных «шорочках», тем более дружить дочкам с шорскими парнями. Отказывались старообрядцы и делать прививки свои детям, хотя при серьёзной болезни всегда везли их в поликлинику, да и сами лечились иногда в больнице г. Таштагол.

Крещение детей проводится формально. Шорских детей в пос. Чулеш крестят приезжающие из Таштагола священники, погружая голову в реку и навешивая крестик. В пос. Чулеш каким-то образом уживались со старообрядцами и шорские шаманки Анна Куспекова (1980-е гг.) и Евдокия Тодыякова (2000-е гг.), но особой популярностью у населения последние не пользовались. Больше уважали не только шорцы и алтайцы-челканцы обоих посёлков, но и некоторые старообрядцы челканскую шаманку Александру Абашеву, которая в 2003 г. отъехала в. п. Турочак Республики Алтай.

Мужчины-старообрядцы всегда почитались как труженики приисковым начальством, и работали они в основном трактористами или машинистами драги. По выходу на пенсию они могли выкупить списанный трактор, отремонтировать и использовать в своем хозяйстве. Имели большие покосы для многочисленного поголовья коров, бычков и лошадей. Добычей ореха в отличие от шорцев и алтайцев никогда не занимались, предпочитая его покупать. Все семьи обязательно имели обширные огороды, где выращивали картошку и другие овощи. Некоторые имели пасеки, мёд с которых всегда пользовался спросом, особенно у таштагольского начальства.

История развития горнорудного дела в XX–XXI вв.

Михаил Антонович Усов (1883–1939 гг.), геолог, академик АН СССР.

В 1897 г. на склоне т. н. «Железной горы» отметкой +550 м. поисковой партией «Общества Восточно-Сибирских заводов» было открыто Темиртаусское месторождение, переданное в 1912 г. «Копикузу». На средства акционеров в 1914–1916 гг. была проведена магнитометрическая съемка Тельбесско-Темиртаусского месторождения. Путем бурения скважин на глубину до 85 м было найдено 4 рудных тела с запасами 15 млн тонн руды. После закрепления советской власти с её грандиозными планами в 1925 г. были созданы проектная и строительная организации «Тельбессбюро» и «Тельбесстрой», главной задачей которых стало создание мощной металлургической промышленности на юге современного Кузбасса [Сергеев, 1982а, с. 8].

Для решения этой грандиозной задачи в 1926 г. была организована поисковая экспедиция под руководством ученого-геолога М. А. Усо-

Поисковая партия под руководством профессора Михаила Антоновича Усова (в центре). 1929 г. МЭПГШ. № НВФ 2955.

ва, которая по наводке старейшего местного жителя Романова пробурила несколько скважин и определила запасы железной руды до 28 млн тонн. Дополнительно изучив структуры, горные проявления в окрестностях Темир-Тау, «Тельбессбюро» определило залегание на глубине 140 м более 13 млн тонн железной руды.

Добыча руды для Томского завода в 60 верстах от Кузнецка на р. Чумыш, а затем и для Гурьевского завода велась на Сухаринском и Тельбесском карьерах ещё с XIX в. С 1928 г. местные жители, бежавшие от коллективизации, крестьяне и рабочие геологоразведочной партии А. Г. Фомичева стали сооружать бараки, бить шурфы, как А. Г. Надточий, бурить скважины, как Г. П. Несмашный, проходить экспериментальные шахты под началом В. С. Пивкина.

Разработка штольни Осиновского месторождения, Верхне-Папкаштинская линия. 1910 г. Темир-Тау. НКМ, б/н.

На заседании ВСНХ в 1929 г. по рекомендации геологов И. П. Бардина и Ф. Т. Колгушина и по указанию В. В. Куйбышева было намечено ускорение разведки месторождений тельбесских руд. Для этого в 1930 г. в г. Томске были сформированы 7 геологоразведочных партий, в т. ч. и Казская, а также Томское отделение института «Гипрозем», сотрудники которого разработали проект строительства Темиртаусского рудника с мощностью 1250 тыс. тонн руды в год.

Таштагольское месторождение было открыто ещё в 1911 г., когда русский охотник В. П. Скворцов вместе со старателями из улуса Кочура случайно наткнулся на месторождение магнетитовых руд, которое однако осталось невостребованным. Спустя 20 лет в Горно-Шорский национальный район в связи с началом строительства Кузнецкого металлургического комбината была направлена геологическая партия, которая в 1931–1935 гг. обследовала вместе с В. П. Скворцовым место его находки,

В. П. Скворцов – первооткрыватель таштагольской руды. 1917 г. МЭПГШ, НВФ 2842.

Фрагмент панорамы Таштагольского месторождения. 1938 г. МЭПГШ. № НВФ 562.14.

а сам он в 1940 г. получил документ, подтверждающий его открытие. По данным геологоразведки, основные запасы находились на глубине 350–400 м от поверхности, а рудное тело уходило на северо-запад под русло р. Кондомы на глубину 600–900 м от поверхности. Решением Таштагольского горисполкома № 353 от 26. 10. 67 г. ул. Тупиковая была переименована в ул. им. В. П. Скворцова в память первооткрывателя Таштагольского железорудного месторождения.

27 января 1937 г. Приказом Наркомата чёрной металлургии СССР от 27 января 1937 г. было начато проектирование, а с 1939 г. – строительство Таштагольского рудника.

Шерегешский рудник начинался со случайной находки в 1912 г. кузнецкими татарами-шорцами, братьями Александром (Акран) Александровичем (1880–1955) и Михаилом Александровичем (1886–1948) Шарагашевыми (Шерегешевыми) во время охотничьего промысла у г. Мустаг нескольких серых камней. Они, уроженцы д. Ляпинка вблизи Спасского прииска, забрали камни с собой, чтобы показать специалистам. Однако только спустя почти 20 лет братьям удалось передать свои минералы геологам Г. П. Батову и Ю. А. Кузнецову и указать место находки. Судьба первооткрывателей и их потомков сложилось по-разному. Михаил погиб на охоте после войны, Александр

Стелла первооткрывателям Шерегешского рудного месторождения.

покончил жизнь самоубийством в д. Ляпинке. Младший сын Александра – Николай впоследствии стал техником-механиком рудника. Из тысячи современных шерегешских шорцев шесть семей – дети и внуки первооткрывателей. Согласно приказу начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров РСФСР от 1 июня 1963 г. № 259 семье М. А. Шерегешева – первооткрывателя Шерегешского месторождения было выдано денежное вознаграждение в сумме 100 рублей. Решением Таштагольского горисполкома № 353 от 26.10.67 г. в пос. Шерегеш была сооружена кирпичная стела с мемориальной доской, на которой значатся имена Михаила и Александра Шерегешевых как первооткрывателей месторождения.

Переправа геологов через р. Кондома. 1931 г.

В 1929 г. в результате проведения магнитометрической съемки отряд геологоразведчиков «Тельбесбюро» открыл Казское месторождение железных руд. Уже в 1931 г. на участке «Бегунец» началось разведочное колонковое бурение, а к 1950 г. была определена мощность месторождения в 1200 тыс. тонн сырой руды в год. По приказу Горного управления КМК 25 апреля 1958 г. на разработку Казского месторождения прибыли первые горняки во главе с директором П. Е. Бекетовым, а сам рудник был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой. Были разбит палаточный лагерь, но одним из первых построили бревенчатый клуб

Камзычаков – передовой проходчик рудника Тельбес. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-7.

«Комсомолец» на ул. Школьной. Со всего СССР стали прибывать комсомольцы-добровольцы, демобилизованные из армии [Каз. 40 лет, 2001, с. 1–11].

Среди первопроходцев рудника чтут В. И. Скуртина, П. Г. Додочкина, А. И. Букреева, И. К. Якунина, Н. А. Наливкина и др.

Открытие железорудных месторождений повлияло на дальнейшую судьбу многих представителей шорского народа. С началом промышленного освоения Горной Шории всё большую роль в жизни шорцев стала играть работа на горнодобывающих предприятиях. Шорцы явились первооткрывателями некоторых крупнейших месторождений железа. Так, Александр Шарогашев прошел пешком 200 км из своего улуса, чтобы посмотреть на строительство завода в г. Сталинске. Узнав, что завод будет возить железную руду с Урала, он заявил, что её не надо возить издалека, ибо он знает целую железную гору у себя в Шории. Так был открыт известный Шерегешский рудник, названный в честь его первооткрывателя. На упомянутых рудниках шорцы трудятся наряду с русскими.

Чепаинов – передовой бурильщик рудника Темир-Тау. 1930-е г. НКМ. Б/н.

Шорцы работали и на Тельбесском руднике с момента его основания. Василий Табаргин работал сначала землекопом, лопатчиком, а затем проходчиком. Затем в 1940 г. он, как опытный проходчик, был переведён на строительство Таштагольского рудника. В годы Великой Отечественной войны Табаргин работал бригадиром, а затем горным мастером и мастером производственного обучения школы ФЗО № 39. Шорец Дмитрий Пыжлаков из улуса Качебай после семилетки и обучения в школе ФЗО работал проходчиком Темиртаусского рудника. После войны с 1946 г. стал известным бурильщиком Таштагольского рудника. Затем,

работая на карьерах, выполнял свою годовую норму на 134%, быстро освоил технику подвижных штреков и значился одним из стахановцев рудника [Потапов, 1994, с. 132].

Среди передовиков были проходчик Н. Адыяков, лопатчик Е. Антонкин, крепильщик И. Курегешев, бурильщик Василий Пыжлаков. Некоторые из шорцев – выпускников школы ФЗО, такие как В. Эпчигешев, овладели специальностью электрика. На Таштагольском руднике в разное время работали и женщины, например, А. Шелбогашева была машинистом электровоза и выполняла задание на 110–120%.

Шорцы работали и на таком сложном техническом предприятии, каким является Кузнецкий металлургический комбинат: Ф. Урухпаев – инженер-технолог в отделе главного механика, А. Ф. Чульджанов – инженер-конструктор проектного отдела. На КМК были также шорцы – огнеупорщики по ремонту металлургических печей, автотранспортники, электросварщики, слесари, сверловщики, водопроводчики, такелажники, штукатуры, маляры, служащие отдела технического контроля [Потапов, 1956, с. 524] Известный шорский общественный деятель Ю. К. Токмашев, инженер-теплотехник, выпускник Томского политехнического института, много лет трудился мастером котельной п. Шерегеш.

Передовой забойщик С. К. Идигешев. 1930-е гг. НКМ. КП 5636-22.

Этапы развития железорудной отрасли

Железорудные месторождения Горной Шории по-прежнему являются минерально-сырьевой базой чёрной металлургии Кузбасса и важным потенциалом её устойчивого и иннова-ционного развития.

Для их разработки были построены Темир-Тауский, Шалымский, Таштагольский, Шерегешский и Казский рудники, Мундыбашского аглофабрика, а также одноимённые посёлки с полной инженерной инфраструктурой, а затем создан Таштагольский район и образован город Таштагол.

Именно в расчёте на перспективную собственную минерально-сырьевую базу по железной руде, находящуюся на расстоянии менее 200 км к коксующимся углям Кузнецкого бассейна и к уже действовавшему с 1932 г. первенцу чёрной металлургии – Кузнецкому металлургическому комбинату (КМК), был построен и в 1964 г. выдал первую продукцию Западно-Сибирский металлургический комбинат (ЗСМК) в г. Новокузнецке.

За период разработки месторождений из недр Горной Шории для металлургии добыто почти 514 млн т железной руды, в том числе 58,6 млн т – горняками Темир-Тау, 159,7 – Таштагольским рудником, 80,6 млн т – горняками рудника Каз, 214,8 млн т – Шерегешским и Шалымским рудниками [Копытов, 2003, 2004, 2006, 2009, 2011, 2012, 2014].

Большой вклад в развитие железорудной отрасли внесли трудовые коллективы, их руководители, специалисты, учёные нескольких

Монумент «Камень на ладони» открыт в 1986 г. в честь добычи 300-млн т руды из недр Горной Шории.

поколений. В результате разработки и внедрения высокоэффективных геотехнологических решений, зачастую мирового уровня, в Горной Шории был создан научно-производственный комплекс, который до настоящего времени имеет высокую промышленною ценность.

Поэтому системный анализ их опыта строительства и реконструкции горнорудных предприятий, создания новых геотехнологий, способов и средств интенсификации горных работ, обеспечивающих повышение производительности и безопасности труда при разработке железорудных месторождений подземным способом, может быть использован для дальнейшего развития железорудной отрасли Горной Шории в условиях рыночной экономики.

В истории развитии железорудной отрасли Кузбасса можно выделить три основных этапа [Копытов, 2017, 2018, с. 41–45].

Первый этап связан с Горным управлением в составе КМК (ГУ КМК). В этот период были выполнены работы по проектированию и строительству инженерных коммуникаций, поверхностных комплексов, горных цехов, объектов соцкультбыта и выводу предприятий на начальные проектные мощности.

В сентябре 1932 г. первая продукция с Тельбесского рудника была поставлена по канатной дороге на Мундыбашскую аглофабрику.

Практически через месяц на КМК был отправлен первый состав с рудой, добытой на руднике Темир-Тау.

Уже тогда были заложены традиции по созданию, совершенствованию и повышению эффективности технологии и техники для ведения горных работ.

Константин Филиппович Макаров, главный механик рудника Темир-Тау, изобретатель бурового станка НКР-100, лауреат Ленинской премии.

Наиболее выдающимся достижением данного периода является разработка агрегатов бурения глубоких скважин БА-100, а затем НКР-100, которые позволили сделать настоящую революцию в технологии подземной разработки месторождений железных руд. Была разработана и внедрена этажно-камерная одностадийная система разработки с послойной отбойкой руды глубокими вертикальными скважинами пробуренными на всю высоту этажа с самотечной доставкой через грохота и люковые устройства или скреперными лебёдками. За создание этого бурового станка НКР-100 учёные ИГД СО АН СССР, специалисты Кривого Рога и ГУ КМК в 1966 г. были удостоены Ленинской премии. В их числе главный механик рудника Темир-Тау Макаров Константин Филиппович.

Буровой агрегат НКР-100, разработчики которого в 1966 г. удостоены Ленинской премии. 1970-е гг.

На руднике Темир-Тау первым из ГУ КМК были внедрены дистанционное, телемеханическое управление вентиляторами главного проветривания и калориферами, дистанционное управление машинами терриконов, автоматическое и дистанционное управление насосами в шахте и на поверхности, электрические погрузочные машины ППМ-4, проводятся работы по сигнализации и централизации управления компрессорами, механизируется обмен вагонетками в клетях подъемов. Разработанная здесь технология пайки буровых головок к станкам глубокого бурения была передана Кузнецкому заводу горного оборудования.

Темир-Тауское рудоуправление по праву считается кузницей кадров, где прошли производственную школу многие руководители и специалисты, в том числе генеральный директор и главный инженер научно-производственного

Виктор Андреевич Коваленко (1930–2000) – генеральный директор НПО «Сибруда» 1980-е – 1990-е гг., к.т.н.

объединения «Сибруда», кандидаты технических наук В. А. Коваленко, П. Т. Гайдин, директоры рудников: Казского – Х. Х. Нагаев, Тейского – Н. А. Салманов, Ирбинского – С. Ф. Гришин и многие другие.

Благодаря их целеустремленности, высокому профессиональному и организаторским способностям был сделан мощнейший рывок в развитии горнорудных предприятий на ***втором этапе*** после преобразования горного цеха КМК в самостоятельное научно-производственное объединение «Сибруда», в состав которого вошел институт ВостНИГРИ. На каждом руднике были созданы исследовательские группы. Координацию их деятельности осуществлял ИГД СО АН СССР.

Большой личный вклад в развитие НПО «Сибруда» внесли директора ИГД СО АН СССР академики Е. И. Шемякин и М. В. Курленя, зав. лабораториями д.т. н. Н. Г. Дубынин, к.т. н. В. Н. Власов, начальник ВГСЧ Сибири и Дальнего Востока д.т. н. А. Е. Умнов, руководители института ВостНИГРИ С. Я. Клубов и к.т. н. А. В. Мозолев, а также учёные и специалисты возглавляемых ими коллективов.

Шемякин Евгений Иванович (1929–2009) – директор ИГД СО АН СССР (1971–1987), председатель ВАК СССР; зав. кафедрой волновой и газовой динамики МГУ (1987–1992), академик АН СССР.

Прогрессивные и современные технические решения в проектах реконструкции рудников были заложены специалистами института «ГИПРОРУДА».

В результате с начала семидесятых годов XX века, по сути, за две пятилетки провели реконструкцию, технологическое и техническое перевооружение всех Горно-Шорских рудников.

Так, во время реализации проекта реконструкции Шерегешского рудника было построено практически новое предприятие с инфра-

структурой на производственную мощность 6 млн т руды в год. На главном пусковом комплексе (гор. +325 м., скиповой подъем, венткалориферная, компрессорная, ДОФ и другие объекты поверхностного комплекса) в 1980–1982 гг. трудилось более двух тысяч специалистов НПО «Сибруда», треста «Таштаголшахторудстрой» и из других регионов страны, направленных объединением «Союзшахтопроходка» Министерства чёрной металлургии СССР, что позволило создать условия для наращивания производственного потенциала без снижения основного производства по добыче руды.

Павел Тихонович Гайдин (1930–1989) – главный инженер НПО «Сибруда», к.т.н.

В это же время была завершена отработка Шалымского месторождения, выдавшего первые тонны концентрата в 1956 г. Закрытие рудника производилось планомерно, без социальной напряжённости, путем объединения с развивающимся Шерегешским рудоуправлением.

Причем опыт и высокий профессионализм трудового коллектива Шалымской шахты под руководством А. С. Рудовского за счет доработки днищ камер, вскрытия и отработки нового участка месторождения гор. +850 м позволил дополнительно добыть более 2 млн т руды к предусмотренным проектом и извлечённым запасам.

Виктор Демидович Шапошников (1921–1979) – директор Шерегешского рудника (1971–1979), рационализатор и изобретатель, автор нового способа разработки железорудных месторождений. Кавалер ордена Ленина.

В короткие сроки (1975–1980 гг.) на Шерегешском руднике под руководством директора В. Д. Шапошникова были в основном завершены строительство и ввод в эксплуатацию объектов реконструкции на новой промплощадке, проведена масштабная техническая, технологическая модернизация горных работ на основе инноваций и опыта, приобретенного им в качестве начальника технического отдела Таштагольского рудоуправления, и предприятие вышло в лидеры. В результате в 1989 г.

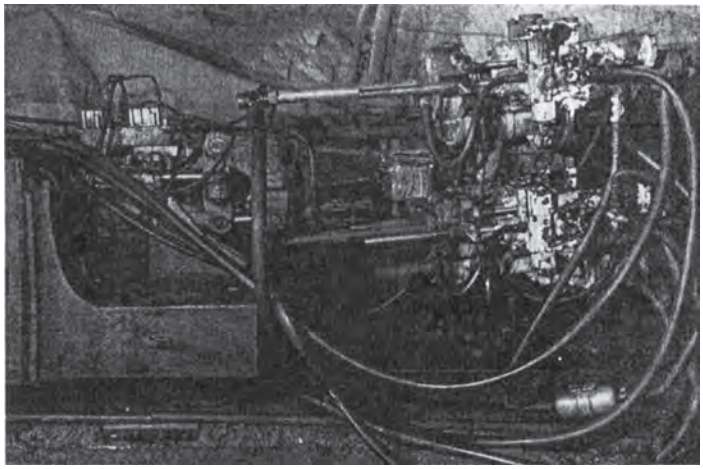
На испытании новой техники. Слева – начальник исследовательской группы А. И. Копытов. 1978 г.

рудник достиг производительности более 4,5 млн т.

Внедрение разработанной на шахте Шерегеш новой технологии проходки подготовительных и нарезных выработок с применением глубоких скважин и с использованием серийно выпускаемых буровых кареток, погрузочных машин и созданных на предприятии совместно с учёными самоходных агрегатов «Шория» для бурения компенсационных скважин, а также последовательной фронтальной схемы и многозабойной организации скоростных проходок выработок различного назначения, позволили создать высокоэффективную технологию подготовки, нарезки очистных блоков.

Новые технические средства и способы, которые позволяют значительно снизить, а в отдельных случаях полностью исключить трудоёмкие ручные операции в геотехнологических циклах, повысить надёжность, качество и безопасность горных работ при подземной разработке железорудных месторождений были защищены 9 авторскими свидетельствами

Самоходный буровой агрегат «Шория-2». 1978 г.



на изобретения (№№ 724730; 733340; 747994; 770327; 762483; 812994; 825910; 828765; 972897) и внедрены в производство.

В результате уменьшился удельный расход ВВ при проходке выработок на 5–10 %, повысилась производительность труда проходчиков в 1,5–2 раза.

По оценке академика РАН Е. И. Шемякина, впервые в мировой практике были разработаны, защищены патентами РФ №№ 2115880; 2116609 и испытаны автоматические средства взрывания заряда, позволяющие осуществлять разрушение горных пород с учётом их свойств. Взрыватели были испытаны на Новосибирском механическом заводе «Искра», рудниках Горной Шории, Норильского ГОК и в Болгарии.

Применение взрывателей обеспечивает надежное взрывание и рациональное замедление шпуровых и скважинных зарядов, высокую безопасность и эффективность при проходке горных выработок.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ [illegible]

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:

"Самоходная буровая установка"

Автор (авторы): [illegible]

Заявитель: [illegible]

Заявка № 2740257 Приоритет изобретения 22 марта 1979 г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР 9 января 1981 г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий

Встреча с болгарской делегацией из НИПИ «Руда». Крайний справа – А. И. Копытов, зам. гл. инженера Шерегешского рудника. 1978 г.

8 авторских свидетельств и 2 патента РФ на способы взрывной отбойки и разработки рудных месторождений позволили усовершенствовать конструктивные элементы, повысить эффективность и безопасность применяемых систем разработки.

С целью их комплексного промышленного испытания был проведен массовый взрыв мощностью более 500 тонн взрывчатых веществ, в результате отбито более 1 млн т руды, а звенья бригады Важенина Н. Г. в составе двух человек в смену обеспечивали суточную добычу Шерегешской шахты из данного блока.

Таштагольский рудник всегда был лидером во многих новых технологических и технических решениях, школой подготовки высококвалифицированных инженерных кадров. Совместно с учёными ИГД СО АН СССР была разработана и внедрена новая система непрерывного этажно-принудительного обрушения руды пучками параллельно-сближенных глубоких скважин и вибровыпуском. Получены положительные результаты испытания технологии безлюдной добычи, разработанной ВостНИГРИ. Здесь первыми познали сложность горно-геологических условий, горные удары с увеличением глубины отработки месторождения. Именно здесь были построены сейсмостанция, совместно с учёными Сибирского филиала ВНИМИ разработаны методы прогноза и способы предотвращения горных уда-

Сигналист подъёма за пультом управления. 1970-е гг.

ров в процессе добычи руды.

Множество новейших технических и технологических разработок было внедрено горняками Казского рудника добывшего первые тонны руды в 1962 г., в целях реконструкции которого и доведения его производственной мощности до 2,5 млн т вместо 1,7 млн т было в 1977 г. разработано ТЭО Сибирским филиалом института Гипроруда.

Партийно-хозяйственный актив НПО «Сибруда». Поздравление генерального директора В. А. Коваленко от имени горняков. В первом ряду – Герой Социалистического труда Н. Е. Самошоков (слева) и начальник ВПО «Союзметаллургпром», к.т.н. Н. С. Ефремовцев. 1985 г.

В результате умелой мобилизации творческого потенциала ученых и трудовых коллективов руководством НПО «Сибруда» и директорами горнорудных предприятий В. И. Громадским, В. С. Лялько, Х. Х. Нагаевым и В. Д. Шапошниковым на юге Кузбасса было создано образцовое горнодобывающее производство, известное в стране и за рубежом.

К 1980 году с учетом деятельности по добыче руды Темир-Тауского рудоуправления и Шалымской шахты ежегодный уровень добычи из недр рудников Горной Шории приблизился к 10 млн т сырой руды в год, а некоторые основные технико-экономические показатели подземных технологических процессов в аналогичных условиях превысили мировой уровень.

В это время, кроме основного производства, рудники несли большую социальную нагрузку: свой жилой фонд, детские ясли и сады, ЖЭКи, профилактории, котельные, водозаборы, электрические сети с подстанциями, подсобные хозяйства.

Бригада Дербенёва.
75-млн тонна руды. 1979 г.
МЭПГШ, б/н.

На ***третьем этапе*** с 2000-х годов развитие и модернизация железорудной отрасли Кузбасса осуществляется крупнейшей горно-металлургической компанией ОО «Евраз Холдинг» консолидацией активов предприятий железорудного сырья, угля и металлургии.

К сожалению, несмотря на то что социальная нагрузка от собственников рудников перешла к органам местного самоуправления, этот переход к новым экономическим отношениям пока не привёл к достигнутому на втором этапе уровню использования производственного потенциала минерально-сырьевой базы железорудных месторождений Горной Шории.

Недостаточные инвестиции в реконструкцию и модернизацию, особенно на начальном периоде создания АО «Евразруда», отсутствие

системного научного сопровождения, снижение использования ранее разработанных и современных высокоэффективных инновационных технологий добычи железорудного сырья, усложнение горно-геологических условий привели к снижению технико-экономических показателей горнорудных предприятий Таштагольского района.

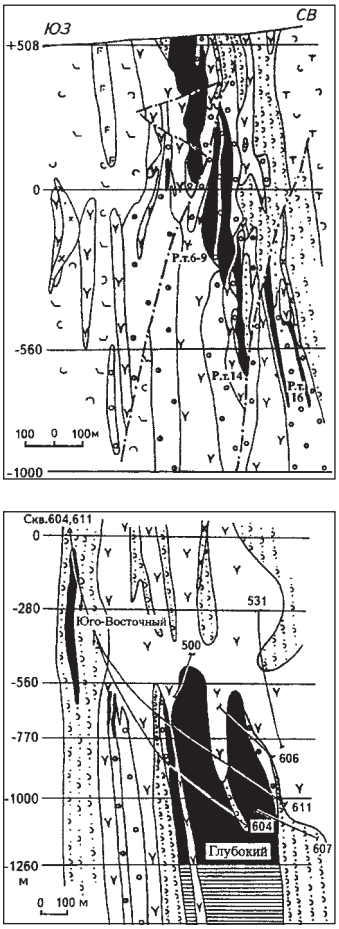
При наличии достаточного количества запасов железной руды в пределах горных отводов и выполненных проектов реконструкции рудников использование потенциала горнодобывающих предприятий Горной Шории по добыче сырой руды к 1990 г. снизилось с 85,4% до 76,8%, к 2005 г. до 62%.

Несмотря на это доля горнорудных предприятий в бюджете Таштагольского района составляет более 60%. Они являются градообразующими и социально значимыми для экономики.

В связи с наиболее сложной ситуацией на Таштагольском руднике в начале 2006 г. была разработана отдельная инвестиционная программа реконструкции данного предприятия. В соответствии с этой программой вложено 600 млн руб. и введены в эксплуатацию венткалориферная установка у ствола Ново-Капитальный, Северо-Западный участок, клетевой подъем руды с гор. –350 м по западному стволу и началось строительство закладочного комплекса.

В 2008 г. из-за финансово-экономического кризиса и резкого падения цен в горно-металлургической отрасли ситуация с реконструкцией и эксплуатацией основных градообразующих рудников Горно-Шорского и Таштагольского филиалов обострилось до критической.

На Таштагольском руднике были остановлены работы по строительству закладочного



Схематические геологические разрезы участков «Восточный» и «Глубокий» Таштагольского месторождения. Чёрным выделены рудные тела.

Пуск горизонта -350 м. Шахта «Таштагольская». 2003 г.

комплекса для обеспечения добычи богатых руд, оставленных в охранных целиках. В связи с этим, продолжающееся производство горных работ одновременно на 6–7 горизонтах привело к осложнению эксплуатации основных объектов рудника – стволов Ново-Капитальный и Северный, которые находятся в зоне сдвижения горного массива в сторону воронки обрушения.

ОО «Евразхолдинг» перед руководством региона был поставлен вопрос о консервации рудника.

26.11.2010 г. коллегия Администрации Кемеровской области рассмотрела вопрос «О реализации программы реконструкции горнорудных предприятий АО «Евразруда» в 2011–2015 гг. и поддержала предложение Сибирского отделения Академии горных наук о создании научно-экспертного технического совета (НЭТС), под председательством главного инженера АО «Ев-

разруда» Башкова В. И. для оперативного решения задач по восстановлению и развитию рудников Горной Шории. В НЭТС вошли главный инженер ОАО «Сибгипроруда» Артемов С. Т., заведующий лабораторией ИГД СО РАН д.т.н., проф. Еременко А. А., руководитель Сибирского отделения Академии горных наук д.т. н., проф. Копытов А. И. (сопредседатель), научный руководитель научно-исследовательского центра «Геомеханика» СибГИУ д.т. н., проф. Лобанова Т. В., директор института «ВостНИГРИ» д.т.н., проф. Цинкер Л. М., заведующий кафедрой строительства подземных сооружений и шахт КузГТУ д.т. н., проф. Першин В. В.

Особое внимание было уделено решению проблем отработки Таштагольского месторождения, так как Таштагольский рудник, добывает легкообогатимую руду, которая оказывает положительное влияние на качество товарной продукции «Евразруды» и позволяет снизить удельно-постоянные вторичного передела.

Ввод комплекса по закладке пустот в выработанном пространстве в эксплуатацию и отработка северного фланга Таштагольского месторождения с твердеющей закладкой с 2012 года позволили замедлить скорость деформирования земной поверхности и охраняемых объектов. Данные мониторинга процессов сдвижения указывают на некоторое снижение скоростей развития деформационных процессов, что, по заключению НИЦ «Геомеханика», свидетельствует о возможности продления сроков эксплуатации основных объектов рудника до 2019 г. Это дало возможность для принятия решения о завершении реконструкции предприятия.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ПАТЕНТ

НА ИЗОБРЕТЕНИЕ

№ 2232900

СПОСОБ ЗАКЛАДКИ И ЗАЩИТЫ ВЫРАБОТАННОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИ ПОДЗЕМНОЙ РАЗРАБОТКЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Патентообладатель(ы): ОАО "Восточный научно-исследовательский горнорудный институт" (RU)

Автор(ы): см. на обороте

Заявка № 2002117604

Приоритет изобретения: 01 июля 2002 г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Российской Федерации 20 июля 2004 г.

Срок действия патента истекает: 01 июля 2022 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам

Б.П. Симонов

Патент на способ закладки и защиты выработанного пространства при подземной разработке месторождений полезных ископаемых.

Копёр подъёмной установки ствола «Новокапитальный» шахты «Таштагольская».

В 2015 г. ООО «СПб Гипрошахт» в соответствии с техническим заданием АО «Евразруда» выполнило ТЭО реконструкции Таштагольского рудника.

Технические решения принимались с учетом предложений рабочей группы НЭТС по поэтапной коренной реконструкции всего горно-технического комплекса, а также имеющихся материалов:

– проекта вскрытия и отработки Таштагольского месторождения до гор. –350 м для поддержания мощности 3 млн т сырой руды в год, 1997 г., Сибгипроруда;

– обоснование инвестиций в отработку Таштагольского месторождения до гор. –350 м, 2005 г., Сибгипроруда;

– техническое перевооружение Таштагольского рудника при отработке охранных целиков Таштагольского месторождения (с дополнением), 2008 г., Сибгипроруда.

С целью минимизации капвложений проектом проработано четыре альтернативных варианта развития Таштагольского филиала АО «Евразруда» до 2026 г.

Наименее убыточным является вариант, который предусматривает транспортировку горной массы электровозами до скипового подъема на стволе «Сибиряк» и выдачей её на поверхность скипами. При этом для отработки запасов до гор. –350 м необходимо завершить строительство ствола «Сибиряк» (проходка и армировка с отметки +452 м до гор. –490 м завершены еще в 1991 г., башенный копёр надвинут на устье в 1998 г.) и осуществить строи-

тельство транспортного спирального съезда с поверхности (запасный выход). Затем выполнить работы для вскрытия и отработки запасов до гор.–490 м, как концентрационного горизонта с электровозной откаткой.

Вариант становится безубыточным при увеличении цены на первичный концентрат на 4,6 % или при подтверждении высокого содержания железа в руде в эксплуатационных запасах 41,9 % вместо принятых ТЭО 40,3 %. В настоящее время ведётся работа над оптимизацией данного технического решения.

Активизированы подземные работы по реконструкции шахты Шерегешского филиала АО «Евразруда». С использованием новых клиновых предохранительных полков, разработанных ООО «СибГорКомплекс Инженеринг» и сотрудниками кафедры строительства подземных сооружений и шахт КузГТУ (патенты

Вид на новый мост через Кондому и ствол «Сибиряк» на промплощадке Таштагольского рудника. 2018 г.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ПАТЕНТ

№ 133198

КЛИНОВОЙ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛОК

Патент на предохранительный полок для углубки ствола скиповой до гор. -85 м шахты «Шерегешская».

Андрей Андреевич Еременко – зам. директора ИГД СО РАН, д.т.н., профессор, заслуженный изобретатель РФ. Руководитель научных исследований по разработке железорудных месторождений в удароопасных условиях.

РФ № 120706; 133198; 139338) на 23 дня раньше запланированного срока произведена углубка ствола «Скиповой» до гор. –85 м, что позволило получить прибыль в размере 68 млн руб. и обеспечило вскрытие запасов для работы предприятия почти на 30 лет.

Переход к отработке преимущественно слепых рудных тел на глубине более 300 м в условиях отнесения железорудных месторождений Горной Шории к опасным по горным ударам обусловил необходимость изыскания новых безопасных геотехнологий, определяющими элементами которых являются системы разработки.

Многолетние исследования, проведённые на Таштагольском и Шерегешском рудниках показали, что при применении системы этажного принудительного обрушения с использованием технологических и массовых взрывов мощности от 5 до 300 т ВВ из-за большой изрезанности массива горными выработками различного сечения и назначения, снижается их устойчивость, повышается удароопасность, что требует значительных дополнительных затрат и увеличивает сроки подготовки блоков к очистной выемке. Это обусловлено формированием многочисленных зон высокой напряжённости в конструктивных элементах очистных блоков особенно в днище блока, на буровом горизонте и в районе компенсационных камер.

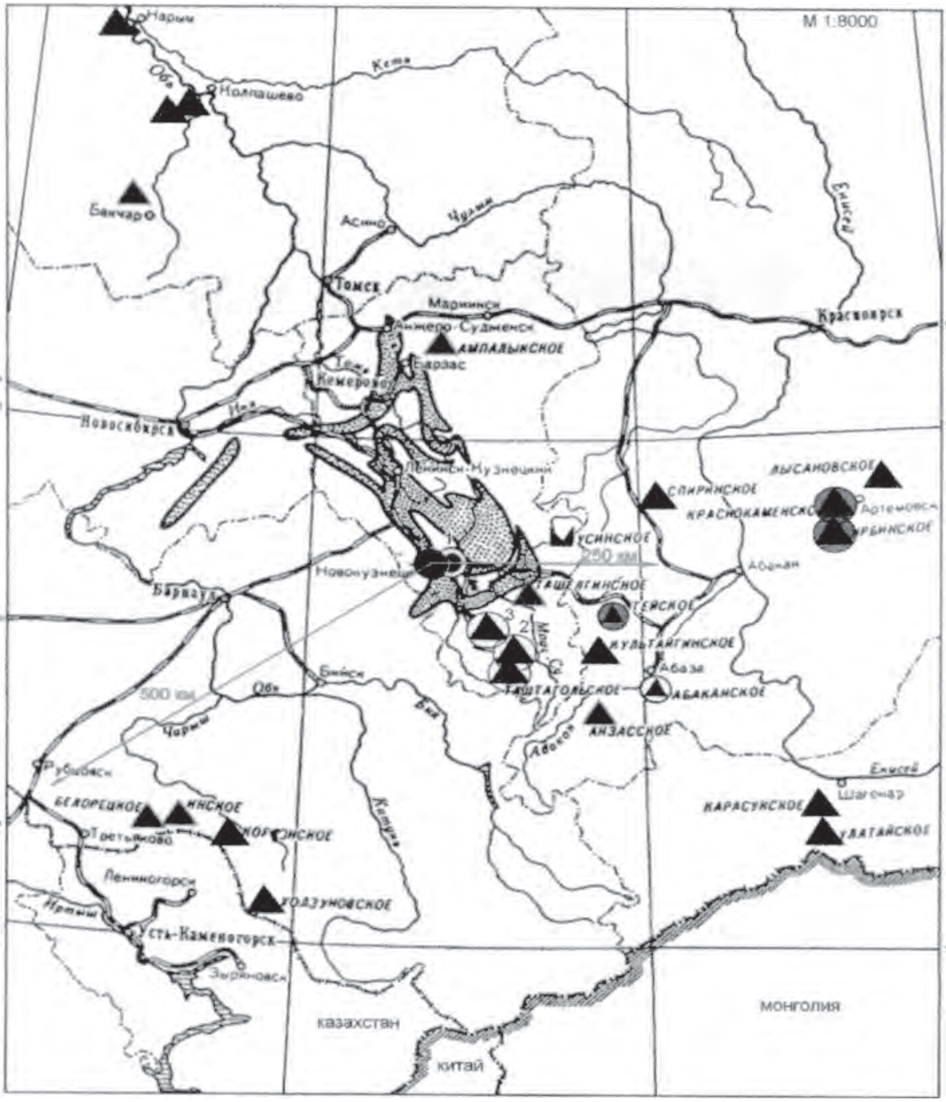
На основании анализа отечественного и зарубежного опыта установлено, что снизить негативное влияние указанных факторов, повысить эффективность и безопасность ведения горных работ при разработке рудных участков удароопасных месторождений возможно при применении систем разработки с подэтажным

обрушением руды и доставкой её с использованием самоходного оборудования.

Данная технология прошла промышленные испытания и 2012 г. успешно внедрена на отработке участков «Подрусловый» и «Новый Шерегеш» Шерегешского месторождения Горно-Шорского филиала ОАО «Евразруда».

В результате внедрения системы разработки подэтажного обрушения с применением самоходного оборудования более чем на 60% снизился объём подготовительно-нарезных выработок и зон концентрации напряжений на отрабатываемых участках, значительно сократилась трудоёмкость, увеличились интенсивность и безопасность проходческих и очистных работ. За счёт внедрения новой технологии увеличиваются объёмы добычи с 2,8 млн т

Новое высокопроизводительное самоходное оборудование в шахте «Шерегешская». 2018 г. Фото К. В. Сазанова.



Железорудные месторождения Сибирского металлургического комплекса

Западно-Сибирский металлургический комбинат.

Разрабатываемые открытым способом месторождения железных руд.

Разрабатываемые подземным способом Таштагольское, Шерегешское, Казское и Абаканское месторождения железных руд.

Разведанные месторождения железных руд.

Кузнецкий угольный бассейн.

в 2014 г. до 4,6 млн т в 2017 г., с перспективой доведения до проектных 6 млн т.

Поэтому принято решение, и данная технология внедряется в ходе реализации проекта реконструкции на Таштагольском руднике.

Учитывая усложнение горно-геологических условий и удароопасность с увеличением глубины разработки месторождений Горной Шории по техническому заданию АО «Евразруда», СО АГН с участием ИГД СО РАН и КузГТУ разработано и внедрено в мае 2013 г. «Руководство по креплению горных выработок и наблюдению за состоянием крепи» на рудниках холдинга в Кузбассе. Выбор вида крепи, её параметров для конкретных условий применения осуществляется компьютерной программой «ЕвразрудаКрепь» в зависимости от глубины ведения горных работ, категории устойчивости пород, сечения и назначения горной выработки.

За счёт разработки и внедрения новых инновационных проектов АО «Евразруда» использование производственного потенциала железорудной отрасли Кузбасса с 2016 г. вновь увеличивается.

Наличие необходимой инфраструктуры, высококвалифицированных кадров, длительного опыта сотрудничества с наукой, а главное – ресурсов с балансовыми и прогнозными запасами более 4 млрд т и с необходимым содержанием железа на расстоянии менее 200 км от центра металлургии г. Новокузнецка – именно в этом конкурентные преимущества железорудной отрасли Горной Шории.

Выполнение инвестиционной программы развития железорудной отрасли Горной Шории, разработанной компанией «ЕвразХолдинг» с участием учёных на основе рекон-

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации программы для ЭВМ

№ 2013660644

Выбор рудничной крепи и расчет ее параметров на железорудных предприятиях (ЕвразрудаКрепь)

Правообладатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачевых (КузГТУ) (RU)

Авторы: Клишин Геннадий Константинович (RU), Котыхов Александр Иванович (RU), Морозов Семен Сергеевич (RU), Трипус Татьяна Евгеньевна (RU)

Заявка № 2013616629

Дата поступления 26 июля 2013 г.

Дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 13 ноября 2013 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности

Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ «Выбор рудничной крепи и расчёт её параметров на железорудных предприятиях (ЕвразрудаКрепь)».

Игорь Федорович Матвеев – директор Таштагольского рудника (2002–2011), д.т.н., куратор по сотрудничеству с НИИ от АО «Евразруда».

ВРИО Губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилёв (в центре), глава Таштагольского района В. Н. Макута (слева) и управляющий директор АО «Евразруда» В. Ф. Мельниченко. Обсуждение стратегии развития железорудной отрасли Горной Шории до 2035 г. Шахта «Шерегешская». 2018 г. Фото К. В. Сазанова.

струкции модернизации, внедрения высокопроизводительного оборудования и современных инновационных технологий добычи руды в сложных горно-геологических условиях, позволит обеспечить стабильность и экономическую безопасность в рамках новой стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г.

Перспективы развития Горной Шории

Наиболее значимым в истории Горной Шории можно считать развитие горнорудной и местной промышленности, строительство новых транспортных систем «Дороги в будущее» и продолжение развития туризма.

За последние тридцать лет активно развивается горнолыжный спортивный туризм, основа которого была заложена профессиональными спортсменами-горнолыжниками. Первый горнолыжный комплекс был создан благодаря инициативе и энтузиазму директора Таштагольского рудоуправления В. И. Громадского, который ещё в начале 1970-х гг. встретился с главным тренером Кузбасса по горнолыжному спорту В. И. Глухих. Первоначально выбрали гору Буланжа на окраине Таштагола. Трасса и гостиница для горнолыжной школы строилась в основном на средства рудника. Уже в 1972 г. была оборудована трасса с простейшим подъемником ВЛ-1000 и финишный до-

Глухих Виталий Игоревич – исполнительный директор Федерации горнолыжного спорта и сноуборда Кузбасса на горе Зелёной. 2005 г.

мик. Первыми тренерами были Валерий Лисин, Владимир Попов, Вячеслав Чеботаев, Виктор Коваленко, Владимир Фоминых. К 1974 г. была построена гостиница «Эдельвейс» и открылась горнолыжная школа при областном совете Добровольного спортивного общества «Буревестник».

Первым мастером спорта и призёром первенства СССР стала Валентина Сильченко. Затем были чемпион СССР Вадим Амосов, участница Олимпийских игр 1992 г. в Альбервилле Лариса Майер, обладательница Кубка СССР Наталья Егорова. Начиная с 1980 г. школа является специализированной детско-юношеской олимпийского резерва, и многие годы ей руководила директор Роза Алексеевна Лейсле. В 2006 г. несколько воспитанников школы участвовали в XX зимней Олимпиаде в Турине: сноубордисты Ольга Голованова, Денис Салага-

Рабочая группа по развитию сноуборда в Кузбассе с директором Кубка мира по сноуборду Марселем Лусом (третий слева). 2007 г.

Губернский центр сноуборда и горнолыжного спорта на горе Туманной, г. Таштагол.

ев, Екатерина Тудегешева, Светлана Болдыкова и Александр Белкин. А шорианка Екатерина Тудегешева ещё до Олимпиады стала двукратной чемпионкой мира среди юниоров, а затем в 2007 г. – первой чемпионкой мира в истории российского сноуборда.

На горе Туманной построен лучший за Уралом Губернский центр сноуборда и горных лыж. Он максимально отвечает требованиям международных стандартов. В него входят: 1) сноуборд-парк длиной 1100 м, где имеются трассы для параллельных дисциплин: биг-эйр, халф-пайп, бордеркросс; 2) две учебно-тренировочные трассы; 3) учебно-туристическая трасса длиной 1300 м с перепадом 330 м; 4) в 2015 г. построена учебно-туристическая трасса длиной 1600 м с перепадом 360 м; 5) три канатно-буксировочные дороги; 6) система искусственного снегообразования; 7) мост через р. Кондому; 8)

ангар для снегоуплотнительной техники; 9) четыре единицы снегоуплотнительной техники марки PISTEN BULLY для подготовки трассы.

В 2015 г. введено в эксплуатацию административно-спортивное здание, состоящее из трёх блоков (гостиница, столовая, спортивный блок), на прилегающей территории расположены спортивные плоскостные площадки. На сегодняшний день Губернский центр соответствует всероссийскому стандарту по проведению соревнований, учебно-тренировочных сборов и отдыха. Горнолыжные трассы и сноуборд-парк отвечают всем международным требованиям ФИС. Высокую оценку рельефу и подготовке трасс дали технические делегаты из Австрии и Италии во время проведения

Оргкомитет V Зимней Спартакиады народов Сибири. Пос. Шерегеш. 1998 г.

чемпионатов России по горнолыжному спорту и сноуборду.

Ежедневно на трассах г. Туманной занимаются воспитанники двух специализированных детско-юношеских спортивных школ по горнолыжному спорту и сноуборду (свыше 1000 спортсменов). Они принимали участие в четырёх Олимпийских играх (Турин, Ванкувер, Сочи, Пхенчхан), ежегодно становятся победителями и призёрами чемпионатов мира, чемпионатов мира среди юниоров, Кубков мира, чемпионатов России и других престижных соревнований. Всего подготовлено: один заслуженный мастер спорта, 15 мастеров спорта международного класса, более 50 мастеров спорта. В состав национальной сборной страны каждый сезон включают от 15 до 20 спортсменов Таштагольского района.

Любители горнолыжного спорта и сноуборда, не мешая учебно-тренировочному процессу спортивных школ, могут получать удовольствие на двух учебно-тренировочных трассах. Для лыжных гонок готовится отличная «Лыжня здоровья». Желающие могут взять на прокат сноуборды, горные лыжи и инвентарь для лыжных гонок.

Начиная с 2015 г. ведётся работа по реабилитации людей с ограниченными возможностями по программе «Лыжи мечты». Дети от 8 до 16 лет с разными заболеваниями проходят реабилитацию на горных лыжах. К летнему сезону 2016 г. построен пляж, который могут посещать люди с ограниченными возможностями. В летний период на базе центра оздоровление проходят дети из Кузбасса и работают лагеря дневного пребывания спортивных школ Таштагольского района. Круглогодичная работа центра направлена на воспитание молодого

поколения, получение высоких результатов в спорте высших достижений и оздоровление всех желающих.

Федерация горнолыжного спорта и сноуборда вложила в развитие объектов более 64 млн руб., в том числе полностью профинансировала проект и строительство нового моста через р. Кондому. Строительству Центра способствовали также результаты эффективного сотрудничества федерации с Олимпийским комитетом России, департаментом спорта, администрацией Таштагольского района и спонсорами. Если бы этого не сделали, то лучший в России Губернский Центр горнолыжного спорта и сноуборда, где готовят спортсменов высочайшего класса, вряд ли бы до конца достроен.

За 20 лет с момента создания отделения сноуборда при Таштагольской СДЮСШОР по горным

Первая российская чемпионка мира по сноуборду Екатерина Тудегешева на приеме у Губернатора. 2003 г.

лыжам, а затем самостоятельной СДЮСШОР по сноуборду костяк сборной России составляют сноубордисты Таштагола. Кузбасс и Таштагол звучат на чемпионатах и Кубках мира, на Олимпийских играх. Среди воспитанников школы 694 призёра всероссийских и международных соревнований, в т. ч. 253 золотых, 234 серебряных и 267 бронзовых медалистов, неоднократные чемпионы мира среди юниоров – Екатерина Тудегешева и Андрей Соболев. В настоящее время в школе сноуборда занимаются 280 детей и юношей, из 17 входят в состав сборных России, 36 – в состав сборной Кузбасса.

В 1981 г. для проведения финальных соревнований VII зимней Спартакиады народов РСФСР были проложены две горнолыжные трассы и оборудован первый подъёмник на горе Зелёной в пос. Шерегеш. Финансовая и организационная нагрузка легла на гендиректора «Сибруды» В. А. Коваленко, директора Шерегешского рудника В. И. Шапошникова и первого секретаря горкома КПСС Героя Социалистического труда Ю. П. Черепова, а непосредственным строительством занимался трест «Таштаголшахторудстрой» во главе с А. И. Клименко. Из-за отсутствия современной техники для уплотнения трассу иногда приходилось протаптывать ногами десяткам солдат из ВД-30, учащимися профтехучилища и школьникам. К началу спартакиады трасса получила утверждение технического комитета ФИС – Всемирной федерации лыжных видов спорта, а скорость при спуске могла достигать 120 км в час.

Сегодня Шерегешский центр горнолыжного спорта и сноуборда превращается в общероссийский центр зимних видов спорта и открыт курорт. Сюда едут спортсмены и любители спорта не только из городов Кузбасса, но

Горнолыжный курорт на горе Зелёной у пос. Шерегеш.

и из Новосибирской, Омской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краев, так как здесь более полугода на горе держится снег. Кроме обычных гостиниц в Шерегеше и Шалыме за последние годы построены несколько гостиниц мирового уровня. Проложено несколько новых трасс с бугельными и кресельными подъёмниками, работают фуникулёры с тёплыми кабинами. На самой горе в начале спуска уютный ресторан, а у подножья целый городок из современных небольших частных гостиниц. До пос. Шерегеш в обход Таштагола подведена современная широкополосная асфальтовая дорога, пробита сквозная объездная автомобильная трасса из Новокузнецка в Таштагол и Шерегеш, минуя Мундыбаш и Каз. Ежегодно до 1 млн туристов посещают курорт Шерегеш, турбазы «Медвежонок» и «Туманная».

На горе Зелёной в лыжный сезон действуют более 220 объектов, из них 66 гостиниц разной комфортности, способных ежесуточно принимать 3 тысяч человек, а также 15 гондольных и бугельных подъемников. Горнолыжный комплекс признан лучшим за Уралом. Всего к 2018 г. в горнолыжный курорт инвесторами было вложено 15 млрд руб. Дальнейшая реализация концепции развития курорта предусматривает создание ещё пяти секторов катания, что позволит принимать до 3 миллионов горнолыжников разных возрастов только за один

лыжный сезон и стать всесезонным местом отдыха мирового уровня.

Обустроена новая трасса из Республики Алтай, запроектирована дорога через Таштагол в Республику Хакасию, а далее через Туву в Монголию и Китай по уже имеющимся дорогам. В летний период организован спортивный сплав по реке Мрассу, конные маршруты по долине р. Пызас.

И всё же главным для Горной Шории должны остаться модернизация производства и развитие горнорудной базы, а также разработка новых месторождений марганца, рудного золота и фосфоритов на Белкинском месторождении. Должна быть продолжена разведка золотозапасов и урановых руд в верховьях Кондомы. По таёжной дороге на пос. Майск ждут разработки залежи меди. Горношорский фосфоритный бассейн площадью в 4 тыс. кв. км считается крупнейшим в России. Это не только ценное удобрение, но и чистейшее сырье для медицины и многих других отраслей хозяйства. Известны перспективные проявления молибдена, доломита на Большой Горе, запасы которого сталевары Новолипецкого комбината оценили ещё несколько десятилетий назад и брали для футеровки конвертеров.

Около станции Калары обнаружены кварциты, используемые для выплавки особой трансформаторной стали и алюминия. Между посёлками Шалым и Шерегеш разведано месторождение глины, добыча которой позволит на новом кирпичном заводе выпускать до 25 млн штук кирпича в год. Это даст толчок к развитию строительной отрасли, так как запасы древесины в Горно-Шорской тайге небезграничны и охраняются в Шорском национальном парке.

Специалисты считают, что перспективны вторичные отработки современными драгами Джелсайского, Викторьевского, Чанышского, Лебедевского, Каларского и Чулешского золоторудных узлов и россыпей.

Открыт новый участок железной руды в едином действующем поле Таштагольского месторождения, названный условно «Глубокий» и оцениваемый геологами в 160 млн тонн. Из этой руды после обогащения можно получить высококачественный магнетитовый концентрат с содержанием железа в 70%. Более того, геологи на этом месторождении ожидают выявления дополнительных горизонтов с прогнозными ресурсами в 500 млн тонн, а общие запасы могут достигать 1 миллиарда тонн. Имеются перспективные прогнозные ресурсы на Казском рудном поле. Организация и строительство крупного горно-обогатительного комбината по добыче и переработке железной руды в Горной Шории позволит полностью обеспечить сырьём металлургов Новокузнецка.

Большие надежды продолжают возлагаться на Шорский национальный парк, созданный в 1990 г. для сохранения природного наследия Горной Шории, развития туризма, сбора и переработки дикоросов и лекарственных растений, пчеловодства местными жителями прилегающих населённых пунктов.

Перспективным инвестиционным направлением, некогда процветавшим в системе учреждений МВД, остается лесоразработка, однако ежегодный лесосечный фонд теперь ограничен 1,8 млн кбм. Но по факту ежегодно деловой древесины заготовляется несколькими предприятиями – ООО «Наш лес», ООО «Таёжный», ИП «Калабин». В 2017 г. было инвестировано более 130 млн руб. Требуется увеличить объёмы глу-

бокой лесопереработки и начать производство мебели разной категории.

Хочется верить, что со строительством новых автомобильных трасс для дальнейшего развития туризма и созданием новой современной инфраструктуры, с реконструкцией Шерегешского, Таштагольского и Казского рудников, с обновлением Мундыбашской аглофабрики Горная Шория ещё возродится!

Главное, чтобы природные богатства пошли на пользу и повышение благосостояния всех жителей, включая шорцев, особенно в местах их компактного проживания в сельских таёжных посёлках. Надо больше привлекать шорских специалистов для работы в горнодобывающей промышленности, как это было в 1940–1970-е гг. При этом совместно с другими народами нужно сохранять удивительную по красоте природу и традиционную культуру шорцев для будущих поколений и гармонизации межнациональных отношений!

Подведение итогов районного конкурса «Горная Шория – сокровищница для всех», г. Ташатагол. 2016 г.

Источники и литература

Источники

1. **Анохин, А. В.** / А. В. Анохин // Архив МАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84; Ф. 11. Оп. 1. Д. 194. – Л. 3об; Ф.11. Оп.1. Д. 41. – Л. 69–72.
2. **Архив института антропологии и этнографии (АИАЭ) РАН.** Ф. 3. Оп. 1. № 232. Л. 66.
3. **Архив Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ).** НФ Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 21–22; Д. 39. Л. 7, 17, 21.
4. **Государственный архив Республики Хакасия (ГАРХ).** Ф. И-2. Оп. 1. Д. 140.
5. **Дыренкова, Н. П.** / Н. П. Дыренкова // Архив ИАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 122.
6. **Кимеев, В. М.** Отчёт об археологических и этнологических исследований среднего течения реки Мрассу / В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин // Архив ЭМЗТГ. Ф.1. Оп.2. д.1.
7. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1264. Оп. 1. Д. 365. Л. 57об.; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 277. Л. 226.
8. **Государственный архив Кемеровской области (ГАКО).** Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 3; Д. 36. Л. 3. Ф. П-75. Оп. 17. Д. 717. Оп. 16. Д. 634. Ф. Р-64, справка. С.2; Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 1. Л. 49. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 20; Д. 31. Л. 46–47; Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 1, 4, 12, 19. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 66.
9. **Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).** Ф.105. Оп. 1. Д. 1. Л. 390–392, 395.
10. **Государственный архив Томской области (ГАТО)**. Ф.3. Оп. 19. Д. 268. Л. 54. 66; Ф. 234. Оп. 1. Д. 194. Л. 143; Ф. 234. Оп. 1. Д. 194. Л. 122–126; Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Л. 379–386, 682–697.
11. **Эрдниев, Э**. Отчёт об археологической разведке по реке Томи в 1954 г. / Э. Эрдниев // Архив НКМ – ОДФ. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 26–30.
12. **Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии ТГУ.** – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 16–122, 195–206.

Литература

1. **Абдрахманов, М. А.** Топонимические названия Шории / М. А. Абдрахманов, А. А. Бонюхов // Языки и топонимия Сибири. – Т. 1. – Томск, 1966. – С. 159–169.
2. **Абдыкалыков, А**. Переселение Енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба / А. Абдыкалыков // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. ст. / Ин-т истории, филологии и философии СО РАН. – Новосибирск, 1986. – С. 81–99.
3. **Адрианов, А. В.** Кузнецкий край / А. В. Адрианов // Живописная Россия. – Т. XI. – СПб.; М., 1884. – С. 273–302.
4. **Адрианов, А. В.** Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. / А. А. Адрианов // Записки ИРГО: науч. журн. – СПб., 1888а. – Т. II. – С. 147–422.
5. **Адрианов, А. В.** Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. В. Адриановым. Предварительный отчёт / А. В. Адрианов – Омск, 1888б. – 144 с.
6. **Алексеев, В. П.** Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев / В. П. Алексеев. // Ученые записки ХакНИИЯ-ЛИ. – Абакан, 1965. – Вып. XI. – С. 86–100.
7. **Алексеев, Н. А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 318 с.
8. **Алексеев, Н. А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования) / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.
9. **Анжиганова, Л. В**. Этнокультурное пространство Республики Хакасия: основные проблемы, противоречия и субъекты развития / Л. В. Анжиганова // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. / под ред. М. А. Жигуновой, Е. М. Данченко. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. – С. 201–214.
10. **Анохин, А. В.** Душа и её свойства по представлению телеутов / А. В. Анохин // МАЭ АН СССР: сб. тр. – Л., 1929. – Т. VIII. – С. 253–269.
11. **Анохин, А. В.** Кузнецкие инородцы Томской губернии / А. В. Анохин // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 49–64.

12. **Аравийский, А. Н.** Шория и шорцы / А. В. Аравийский // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 86–102.
13. **Араличев, И. В.** В Горной Шории / И. В. Араличев // Дружба народов, 1952. – № 5. – С. 216–227.
14. **Арбачаков, А. Н.** Кедровый промысел шорцев: традиции и современность / А. Н. Арбачаков // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2009. – № 2 (38). – С. 110–112.
15. **Арбачакова, Л. Н.** О некоторых проблемах современной эпической традиции в Горной Шории / Л. Н. Арбачакова // Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным образовательным стандартом. Материалы работы научно-практической конф. – Ч. 8: Тюркология. – Новокузнецк, 1996. – С. 70–73.
16. **Арбачакова, Л. Н.** Возвращайтесь домой, богатыри! Каталог / Л. Н. Арбачакова. – Кемерово: Идательство «Скиф», 2004. – 68 с.
17. **Арбачакова, Л. Н.** Шаманы Горной Шории. Этнографические очерки и тексты камланий / Л. Н. Арбачакова, А. Н. Арбачаков. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. – 143 с.
18. **Арбачакова, Л. Н.** ТАГЛЫГ ШОРДЫН КОРАЛЧЫГАН АННАР-АГАШТАР. Редкие животные и растения Горной Шории / Л. Н. Арбачакова, Г. В. Косточаков. – Новокузнецк: Издательство КузГПА, 2012, – 65 с.
19. **Арзютов, Д. В.** Горно-таёжные шорцы: этноконфессиональные процессы в начале XXI века / Д. В. Арзютов, В. М. Кимеев // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов; отв. ред. Л. Р. Павлинская, Е. Г. Федорова. – СПб., 2005. – С. 129–143.
20. **Арзютов, Д. В**. На границе миров (предчувствие смерти в культуре шорцев и северных алтайцев в контексте влияния народно-православных традиций / Д. В. Арзютов // Сибирский сборник – I; отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 54–64.
21. **Аристов, Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов // Живая старина: журн. Мин-ва нар. просвещ. – СПб., 1897. – Вып. III–IV. – С. 277–456.
22. **Арнау Муро, К.** Бытовое шаманство шорцев: к проблеме шаманского дара / К. Арнау Муро // Шаманский дар. – М., 2000. – С. 108–119.
23. **Бабушкин, Г. Ф**. Шорский язык / Г. Ф. Бабушкин, Г. И. Донидзе // Языки народов СССР. Тюркские языки. – М., 1966. – Т. 2. – С. 467–481.

24. **Байкалова, А. С.** Из жизни знаменитых людей Шории (Ф. К. Тельгереков) // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы междунар. научно-практической конфер. / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева / А. С. Байкалова. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. – С. 399–403.
25. **Байлагашев, В. А**. Этноним народа и его культура // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа (доклады научно-практич. конф.) / В. А. Байлагашев. – Новокузнецк, 1998а. – С. 17–22.
26. **Байлагашев, В. А.** Рассказы. Мелочи жизни. Поколения. Вспомнил / В. А. Байлагашев // Таштагол. Литературно-художественный альманах. – Таштагол, 1998б. – С. 86–94.
27. **Барышников, Г. Я.** Палеолит Горной Шории / Г. Я. Барышников, А. Л. Кунгуров, С. М. Маркин, В. П. Семибратов. – Барнаул, 2005. – 279 с.
28. **Баскаков, Н. А.** Шорский язык / Н. А. Баскаков // Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. школа, 1969. – С. 334–336.
29. **Башева, А. Е**. Реальность и перспектива социально-культурного развития шорского народа // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа (доклады научно-практич. конф.). – Новокузнецк, 1998. – С. 22–24.
30. **Бельчегешева, И. В.** Сохранение и возрождение праздника «Пайрам» как культурное наследие шорского народа / И. В. Бельчегешева // Культура народов Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им В. М. Флоринского. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – Вып. 2. – С. 335–340.
31. **Белозёрова, М. В.** Национальная политика 20–30-х гг. XX в. и её социально-экономические последствия / М. В. Белозерова, А. Н. Садовой // Шорский национальный природный парк. Природа, люди, перспективы. – Кемерово, 2003. – С. 144–160.
32. **Белозёрова, М. В.** Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество / М. В. Белозёрова. – Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. – 320 с.
33. **Беркутов, И. И.** Шорский национальный природный парк в системе особо охраняемых природных территорий Кемеровской области / И. И. Беркутов, Т. Н. Гагина, С. С. Онищенко // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003. – С. 4–13.

34. **Битадзе, Л. О.** Антропология и популяционная генетика шорцев: автореф. дис. … канд. биолог. наук: 03.00.16 / Л. О. Битадзе. – М., 1986. – 20 с.
35. **Битадзе, Л. О.** Популяционно-генетическая характеристика населения Горной Шории / Л. О. Битадзе // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 259–264.
36. **Благовещенская, О. И.** Устное творчество шорского народа // Запоризьский Державний педагогичній і учітельский інститут. Наукові записки / Л. А. Благовещенская. – КиІв, 1952. – Т. 3. – С. 31–49.
37. **Бобров, В. В.** Древняя история и археологические памятники / В. В. Бобров, Ю. В. Ширин // Шорский национальный природный парк: природа, люди и перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003. – С. 107–122.
38. **Бобровский, А. Ю**. Об уводе кузнецов / Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. – Вып. 4. – С. 144–146.
39. **Богораз, В. Г.** Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке / В. Г. Богораз // Сб. МАЭ, 1927. – Т. VI. – С. 37–62.
40. **Бонюхов, А. А**. Русские названия населенных пунктов в Горной Шории / А. А. Бонюхов // Краевед Кузбасса. – Новокузнецк, 1970. – Вып. II. – С. 291–313.
41. **Бонюхов, А. А.** О микрогидронимах Горной Шории / А. А. Бонюхов // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1971. – Вып. 4. – С. 145–155.
42. **Боргояков, М. И**. О происхождении названия Сора / М. И. Боргояков // Ученые зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. Филолог. – Абакан, 1973. – Вып. 18. – № 2. – С. 142–144.
43. **Боргояков, М. И**. Вопросы этногенеза хакасов XVII–XVIII вв. и исторические предания / М. И. Боргояков // Ученые зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. ист. 1974. – Вып. 19. – № 5. – С. 120–131.
44. **Борина, Л. С.** Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ / Л. С. Борина // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А. М. Решетова): сборник статей. – СПб., 2007. – С. 311–318.
45. **Борина, Л. С.** Этноним «шорцы» как фактор формирования этнического самосознания шорцев / Л. С. Борина // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. – С. 316–319.
46. **Борина, Л. С.** Механизм формирования этнического самосознания народов Саяно-Алтая в 20–30-е гг. XX в.: проблемы реконструкции / Л. С. Борина //

Вестник Томского государственного университета. История. 2013. – № 3 (23). – Томск, 2013. – № 3 (23). – С. 186–189.
47. **Борина**, **Л. С**. Этнические последствия национально-государственного строительства большевиков в Сибири (на материалах Горно-Шорского района) / Л. С. Борина // Вестник КемГУ. 2010. – № 1. – Кемерово. – С. 208–212.
48. **Борисенко, А. Ю**. Изделия шорских оружейников в арсенале русских служилых воинов в Южной Сибири / А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С.185–187.
49. **Бородаев, В. Б.** Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века) / В. В. Бородаев, А. В. Контев. – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул: Азбука, 2007. – 216 с.
50. **Бутанаев, В. Я**. Происхождение хакасов по данным этнонимики / В. Я. Бутанаев // Историческая этнография (традиции и современность). – Л., 1983. – С. 68–73.
51. **Бутанаев**, **В. Я.** Традиционные способы охоты у хакасов в XIX в. / В. Я. Бутанаев // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 128–133.
52. **Бутанаев, В. Я.** Исторические этапы формирования шорской народности / В. Я. Бутанаев // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР: Материалы научной конференции «Национальные и социально-культурные процессы в СССР». – Кн. I. – Омск: Издание ОмГУ, 1990 – С. 43–45.
53. **Бутанаев, В. Я.** Бирюсинцы / В. Я. Бутанаев // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность // Сб. научных трудов. – Кемерово, 1992. – С. 55–62.
54. **Бутанаев, В. Я.** Происхождение хакасских родов и фамилий / В. Я. Бутанаев. – Абакан, 1994. – 93 с.
55. **Бычков, О. В**. Охотничий промысел шорцев – неотъемлемая часть традиционного продовольственного комплекса / О. В. Бычков // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 182–183.
56. **Бычков, О. В.** Русские в кедраче: региональные особенности сибирского промысла / О. В. Бычков // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) / ДВО РАН. – Владивосток, 1998. – Т. 3. – С. 202–218.

57. **Васильев, В. И.** К проблеме этногенеза самодийских народов / В. И. Васильев // Социальная организация в культуре народов Севера. – М., 1974. – С. 133–175.
58. **Васютин, А. С.** Древние торговые пути Горной Шории / А. С. Васютин // Шорский сб.: этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово, 1997. – Вып. II. – С. 184–190.
59. **Вербицкий, В. И.** Алтайцы / В. Вербицкий. – Томск, 1870. – 224 с.
60. **Вербицкий, В.** Кочевья инородцев Кузнецкого округа по реке Томи, Мрассе и Кондоме / В. Вербицкий // Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. – Томск, 1871. – С. 242–249.
61. **Вербицкий, В**. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г. / В. Вербицкий // Томские губернские ведомости. – Томск, 1875. – № 15–17.
62. **Вербицкий, В.** Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / В. Вербицкий. – Казань, 1884. – 494 с.
63. **Вербицкий, В.** Миросозерцание и народное творчество Сибирских инородческих племен (этнограф. материалы) / В. Вербицкий // Литературный сб. – СПб., 1885. – С. 337–351.
64. **Вербицкий, В. И.** Алтайские инородцы / В. И. Вербицкий. – Горно-Алтайск, 1993. – 269 с.
65. **Вилков, О. Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. / О. Н. Вилков. – М., 1967. – 290 с.
66. **Вилков**, **О**. **Н.** Динамика изменений в сословном и численном составе населения Кузнецка со времени основания до 1870-х гг. / О. Н. Вилков // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 3 – С. 53–67.
67. **Водясов, Е. В.** Сыродутный способ получения железа у кузнецких татар (по материалам Великой Северной экспедиции) / Е. В. Водясов // Былые годы. – Сочи, 2016. – Вып. 2. – С. 335–344.
68. **Выдрина, О. В**. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея [Электронный ресурс] // С архивной полки (далекое и близкое). – 1999. – № 2. – URL: http://teimika.ra/issao?d&nd=941792184&nh=0. -Загл. с экрана
69. **Галаганов, З. П.** История Горной Шории. Кн. первая (1925–1939) / З. П. Галаганов – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 167 с.
70. **Галаганов, З. П.** Очерки истории Горной Шории. Книга вторая (1939–1945): учебное пособие / З. П. Галаганов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 360 с.

71. **Георги, И. Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов / И. Г. Георги; изд. 2-е. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 808 с.
72. **Герман, А. В.** В верховьях Кондомы / А. В. Герман // СО. – № 3–4. – Новосибирск, 1933. – С. 135–148.
73. **Глушкова, П. В.** История культуры народов Сибири в музейных коллекциях: учеб. пособие / П. В. Глушкова, Т. И. Кимеева. – Кемерово, 2017а. – 246 с.
74. **Глушкова, П. В**. Родовые культы шорцев: подходы к актуализации (на примере экомузея «Тазгол» / П. В. Глушкова, П. Д. Горелик // Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, VI Кызласовские чтения». – 13-14октября 2016 г. – М.: Издательство «Перо», 2017б, – С. 147–15
75. **Гмелин, И. Г.** Поездки по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 года (из книги «ReisedurchSibirienvondemahre 1733–1734». перевод.) / И. Г. Гмелин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994 а. – Вып. II. – С. 140–169.
76. **Гмелин, И. Г.** Путешествие по Сибири / И. Г. Гмелин // Шорский сборник. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994 б. – Вып. I. – С. 9–16.
77. **Гмелин Иоган Георг.** Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirienvondemahre 1733–1734» // И. Г. Гмелин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. – С. 86–107.
78. **Головачев, Д. М.** В верховьях Томи / Д. М. Головачев // Землеведение, 1894. – Т. 1. – С. 62–81.
79. **Гордеева, О. И.** Об одной стороне освоения шорцами русского языка (произношение согласных в речи шорцев на русском языке) / О. И. Гордеева // Ученые записки ТГУ. – Томск, 1971. – С. 176–180.
80. **Горно-Шорский район** // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1931. – Т. III. – С. 61.
81. **Грум-Гржимайло, Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грум-Гржимайло. – Л., 1926. – Т. 2. – 896 с.
82. **Давыдов, В. Т**. Прииск «Алтайский». Страницы истории. 1845–2000 гг. / В. Т. Давыдов. – Новокузнецк, 2000. – 240 с.
83. **Дёмин, М. А.** Коренные народы Сибири в ранней русской историографии / М. А. Дёмин. – Спб.: Барнаул, 1995. – 195 с.
84. **Добжанский, В. Н**. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. / В. Н. Добжанский, Ю. В. Ширин // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово-Городок: «Кузбассвузиздат», 2002. – С. 221–242.

85. **Добжанский, В. Н**. Новые документы об обстоятельствах строительства Кузнецкого острога 1620 г. / В. Н. Добжанский // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. – Вып. 4. – С. 103–108.
86. **Долгих, Б. О.** Кузнецкий уезд / Б. О. Долгих // Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / ТИЭ АН СССР. Нов. сер. – М.; Л., 1960. – Т. 55. – С.104–118.
87. **Дульзон, А. П**. Былое расселение кетов по данным топонимики. Географические названия / А. П. Дульзон // Вопросы географии. Т. 52. – М., 1962. – С. 68–78.
88. **Дульзон, А. П.** Топонимика Западной Сибири, как один из источников её древней истории / А. П. Дульзон // Из истории Кузбасса. – Кемерово, 1964. – С. 246–250.
89. **Дыренкова, Н. П.** АМАЭ РАН / Н. П. Дыренкова. Ф.3. Оп.1. Д. 122–12.
90. **Дыренкова, Н. П.** Родство и психические запреты у шорцев / Н. П. Дыренкова // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л., 1926. – Вып. I. – С. 260–265.
91. **Дыренкова, Н. П.** Умай в культе турецких племен / Н. П. Дыренкова // Культура и письменность Востока / ВЦК НТА. – Баку, 1928а. – Кн. 2. – С. 134–139.
92. **Дыренкова, Н. П.** Озуп и абыл – хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) / Н. П. Дыренкова, Л. П. Потапов // Культура и письменность Востока. – Кн. III. – Баку, 1928б. – С.103–123.
93. **Дыренкова, Н. П.** Получение шаманского дара по воззрению турецких племен: сб. МАЭ / Н. П. Дыренкова / АН СССР. – СПб., 1930. – Т. IX. – С. 267–291.
94. **Дыренкова, Н. П.** Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков / Н. П. Дыренкова // Памяти В. Г. Богораза: сб. ст. / АН СССР. – М. – Л., 1937. – С.123–145.
95. **Дыренкова, Н. П.** Шорский фольклор; зап., пер., вступ. ст. и прим. / Н. П. Дыренковой / АН СССР. – М.; Л., 1940. – 448 с.
96. **Дыренкова, Н. П.** Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. – М.; Л., 1941. – 307 с.
97. **Дыренкова, Н. П**. Из полевого дневника за 1925 г. / Н. П. Дыренкова // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1994. – Вып. I – С. 188–123.
98. **Дыренкова**, **Н. П**. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы / Н. П. Дыренкова – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.

99. **Дьяконова, В. П.** Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ / В. П. Дьяконова // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 50–71.
100. **Дьяконова, В. П.** О Леониде Павловиче Потапове / В. П. Дьяконова, А. М. Решетов // Этногр. обозрение. – 2002. – № 2. – С. 125–130.
101. .**Духовная Шория.** Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова. – Кемерово: Кузбасс, 2008. – 352 с.
102. **Евреинов, К.** Весенний праздник в Абинском улусе /К. Евреинов // Губернские ведомости. – 2000. – 6 апреля.
103. **За-Ангарский сибиряк**, Кузнецкие инородцы. – Спб., 1858.
104. **Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого** / Сост. прот. Игорь Кропочев. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 372 с.
105. **Зиняков, Н. М**. История чёрной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск, 1988. – 276 с.
106. **Зиняков, Н. М.** К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований / Н. М. Зиняков // Культура русских в археологических исследованиях: б. науч. ст.: в 2-х томах / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: «Магеллан», 2014 – Т. I. – С. 82–93.
107. **Золоторёва, Н. В.** Капитализация культурного наследия народов Западной Сибири / Н. В. Золоторева, Т. С. Курьянова, О. М. Рындина // Вестник Томского государственного университета. – № 317. – Томск, 2013. – С. 49–57.
108. **Емельянов, Н. Ф.** Население Среднего Приобья в феодальную эпоху / Н. Ф. Емельянов. – Томск: Издательство ТГУ, 1980. – 250 с.
109. **Ерошов, В. В.** Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае / В. В. Ерошов, В. М. Кимеев. – Кемерово, 1995. – 132 с.
110. **Иванов С. В**. Сибирские турки и их наречия / С. В. Иванов. – Томск, 1927. – 31 с.
111. **Иванов, С. В.** Шорцы. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начало XX вв.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости / С. В. Иванов // ТИЭ, новая серия, 1954. – Т. 22. – М.; Л., 1954. – С. 661–674.
112. **Иванов, С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья / С. В. Иванов // Сб. МАЭ. – Т. XVI. – М.; Л., 1955. – С. 165–265.

113. **Иванов, С. В.** Орнамент / С. В. Иванов // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961. – С. 72–375.
114. **Иванов, С. В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) / С. В. Иванов // Народы Севера и Дальнего Востока. – М., 1963. – 500 с.
115. **Иванов, С. В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX вв.). – Л., 1979. – 194 с.
116. **Казачинова, Г. Г.** Чыл Пазы – Голова Года (творческая реконструкция, дизайн праздника и научно-экспериментальные модели сценариев) / Г. Г. Казачинова, В. К. Татарова. – Абакан: Издательство «РОМА», 1997. – 52 с.
117. **Каменецкий, И. П**. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири) / И. П. Каменецкий. – Омск: Типография И. П. Долгов Р. Н. 2005. – 340 с.
118. **Каншин, Т.** Из записок мрасского миссионера Алтайской миссии / Т. Каншин // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 27–31.
119. **Каруновская, Л. Э.** Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком: сб. МАЭ / Л. Э. Каруновская // АН СССР. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 19–36.
120. **Карцов, В. Г.** Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – пер. пол. XIX вв. / В. Г. Карцов. – Абакан, 1970. – 197 с.
121. **Катанов, Н. Ф**. Этнографический обзор тюрко-татарских племен / Н. Ф. Катанов // Уч. зап. Имп. Казан. ун.-та. – Казань, 1894. – Т. LXI, кн. III. – С. 186–206.
122. **Катанов, Н. Ф**. Предания присаянских племен о прежних делах и людях / Н. Ф. Катанов // Императорское Русское географическое общество. Отд. этнографии. Записки. – СПб., 1909. – Т. 34. – С. 265–288.
123. **Катанов, Н. Ф**. Хакасский фольклор / Н. Ф. Катанов. – Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1963. – 162 с.
124. **Кацюба, Д. В.** Алтайская духовная миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности / Д. В. Кацюба. – Кемерово, 1998. – 156 с.
125. **Кацюба, Д. В.** Глубокое знание шорцами природы, бережное и умелое её использование / Д. В. Кацюба // Шорский сб.: историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 195–199.

126. **Кашин, В. И.** Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края в XVII–XVIII вв. / В. И. Кашин // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.; Л., 1934. – № 7–8. – С. 11–31; – № 9–10. – С. 79–110.
127. **Кауфман, В. Н.** Группа служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв. / В. Н. Кауфман // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2008. – Вып. 10. – С. 53–60.
128. Кемеровская область. Административно-территориальное деление. – Кемерово, 1994. – 135 с.
129. **Ким, А. Р.** Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев / А. Р. Ким // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 180–195.
130. **Ким, А. Р**. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.07 / А. Р. Ким. – М., 1986. – 17 с.
131. **Кимеев, В. М.** Традиционные черты погребального обряда шорцев бассейна реки Мрассу / В. М. Кимеев // Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке: сб. науч. тр. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1981. – С. 150–155.
132. **Кимеев, В. М.** Шорский этнос. Основные этапы формирования и этническая история (XVII – XX вв.): автореф. дис. … канд. истор. наук / В. М. Кимеев. – Л., 1986. – 18 с.
133. **Кимеев, В. М.** Шорцы. Кто они? / В. М. Кимеев // Этнографические очерки. – Кемерово, 1989. – 189 с.
134. **Кимеев, В. М.** Жилище и хозяйственные постройки шорцев / В. М. Кимеев, А. В. Притчин // Жилища народов Западной Сибири: Сборник / под ред. М. С. Усмановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – С. 16–30.
135. **Кимеев, В. М.** Одежда, обувь и украшения шорцев / В. М. Кимеев, Т. И. Кимеева // Историко-культурное и природное наследие Горной Шории: Шорский сб. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 200–216.
136. **Кимеев, В. М.** Археолого-этнографический комплекс охранных зон экомузея «Тазгол» / В. М. Кимеев, В. В. Бобров // Интеграция археологических и этнографических исследований: мат-лы IV всеросс. науч. сем. – Омск, 1995а. – С. 14–19.
137. **Кимеев, В. М.** Из истории гражданской войны в Горной Шории / В. М. Кимеев // История «белой» Сибири: тез. науч. конф. – Кемерово, 1995б. – С. 17–19.

138. **Кимеев, В. М.** Экомузеология. Национальные экомузеи Кузбасса: учеб. пособие / В. М. Кимеев, А. Г. Афанасьев. – Кемерово, 1996. – 135 с.
139. **Кимеев, В. М**. Проблемы Усть-Анзасского лесничества Шорского национального природного парка / В. М. Кимеев // Проблемы сохранения биоразнообразия Южной Сибири: мат-лы межрегион. науч.-пр. конф. – Кемерово, 1997а. – С. 201–202.
140. **Кимеев, В. М.** Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы / В. М. Кимеев, В. В. Ерошов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997б. – 304 с.
141. **Кимеев, В. М.** Религиозные верования шорцев / В. М. Кимеев // Кузнецкая старина / отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005а. – Вып. 7. – С. 108–126.
142. **Кимеев, В. М.** Национально-государственное строительство у шорцев / В. М. Кимеев // Археология Южной Сибири / отв. ред. Л. Ю. Китова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005б. – Вып. 23. – С. 17–25.
143. **Кимеев, В. М.** Современные этнокультурные процессы в шорском улусе Усть-Анзас / В. М. Кимеев, Д. В. Арзютов // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Шестых Сибирских чтений. – СПб, 27–29 октября 2004 г. / отв. ред. Е. Г. Фёдорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2005 в. – С. 322–330.
144. **Кимеев, В. М**. Шорцы / В. М. Кимеев // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М., 2006. – С. 236–323.
145. **Кимеев, В. М.** Перспективы создания туристско-рекреационного комплекса Горной Шории / В. М. Кимеев // Проблемы развития туризма в Алтайском крае. Материалы научно-практической конференции. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 133–138.
146. **Кимеев, В. М**. Роль коневодства в жизнедеятельности горно-таёжных шорцев торгового пути «Улуг-чол» / В. М. Кимеев // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов. – Барнаул: Азбука, 2008а. – С. 133–136.
147. **Кимеев, В. М.** Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции / В. М. Кимеев. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008б. – 450 с.
148. **Кимеев, В. М.** Экомузеи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис архитектоника и функции: автореф. дис.… д-ра ист. наук / В. М. Кимеев. – СПб., 2009а. – 40 с.

149. **Кимеев, В. М.** Погребальный обряд шорцев / В. М. Кимеев // Сибирский сборник – 1. – СПб., 2009б. – Кн. 2. – С. 117–122.
150. **Кимеев, В. М.** Древние дороги тюльберов / В. М. Кимеев, П. В. Глушкова. – Кемерово: Кузбасс, 2010. – 64 с.
151. **Кимеев, В. М**. Современные этнополитические процессы у шорцев / В. М. Кимеев // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. 20-летию Республики Хакасия (23–24 июня 2011 г.). – Абакан: тип. ООО «Технопарк», 2011а. – С. 151–160.
152. **Кимеев, В. М.** Тайны Кабырзинской принцессы / В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин. – Кемерово: Примула, 2011б. – 272 с.: ил.
153. **Кимеев, В. М**. Проблемы реконструкции и музеефикации некрополя «Кабырзинской принцессы» / В. М. Кимеев, А. И. Копытов// Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Международной научной конференции (10–12 ноября 2011 г., Кемерово). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 в. – С. 271–272.
154. **Кимеев, В. М**. Проблемы этнической идентификации шорского этноса // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Абакан, 2012а – С. 39–40.
155. **Кимеев, В. М.** Деформация традиционного религиозного мировоззрения шорцев в постсоветский период / В. М. Кимеев // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: материалы междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исслед. ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова / БНУ РА «Научно-исслед. институт алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2012б. – С. 154–158.
156. **Кимеев, В. М.** Проблемы музеефикации этноархеологических памятников Горной Шории в составе экомузеев / В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин // Музеведение и историко-культурное наследие: сб. ст. / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. 2012. – Вып. IV. – С. 60–70.
157. **Кимеев, В. М.** Обзор археологических экспозиций в экомузеях Притомья / В. М. Кимеев, В. И. Терентьев, Л. Х. Усепян // Декабрьские диалоги. – Вып.

15: материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. памяти Ф. В. Мелехина, 20–21 декабря 2011 г. – Омск, 2012 г. – С. 75–78.
158. **Кимеев, В. М.** Шорцы Западной Хакасии: проблемы идентичности / В. М. Кимеев // Сборник материалов II-х межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову, 25–26 октября 2012 года, г. Абакан. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013а. – С. 191–197.
159. **Кимеев, В. М.** Этнокультурный неотрадиционализм современной духовной культуры шорцев в социокультурном пространстве Саяно-Алтая / В. М. Кимеев // Социальные процессы в современной Западной Сибири. – Горно-Алтайск, 2013б. – С. 132–135.
160. **Кимеев, В. М.** Традиционные ремесла шорцев / В. М. Кимеев // Вестник КемГУ. – Кемерово, вып. 4 (56), 2013 в. – С. 36–44.
161. **Кимеев, В. М**. Этноархеологический комплекс экомузея-заповедника «Трёхречье» в Горной Шории: проблемы реконструкции / В. М. Кимеев // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр, в 2 т.. – Иркутск, 2013 г. – Т. 2. – С. 61–66
162. **Кимеев, В. М**. Современные шорцы в поисках «духовного возрождения»: культурный ренессанс, этнокультурный неотрадиционализм или неоархаизация? // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск, 2014а. – Вып. 10. – С. 192–194.
163. **Кимеев, В. М**. Русская колонизация как основа формирования шорского этноса // Вестник КемГУ. – Кемерово, 2014б. -№ 3 (59). -Т. 3. – С. 67–78.
164. **Кимеев, В. М**. Проблема этногенеза шорцев // Вестник КемГУ. Кемерово, 2014 в. № 3 (59).-Т. 3. – С. 54–66.
165. **Кимеев, В. М**. Этнокультурное наследие Горной Шории как фактор развития туризма // Экономика. Сервис. Туризм. Культура. (ЭСТК-2016). XVIII Международная научно-практическая конференция: сборник статей. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016а. – С. 56–62.
166. **Кимеев, В. М.** Роль православных миссионеров в формировании новой идентичности шорцев // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы Третьей Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского просветителя, лингвиста, этнографа Ивана Матвеевича Штыгашева (26–26 октября 2016 года). – Абакан, 2016б. – С. 62–64.

167. **Кимеев, В. М.** Шорцы. Кто они? Этнографические очерки: монография. – Изд. 2-е. доп. перераб. / В. М. Кимеев; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2016 в. – 225 с.
168. **Кимеев, В. М**. Современные этнические процессы у шорцев Западной Хакасии / В. М. Кимеев //Сборник материалов Международной научно-практической конференции, «VI Кызласовские чтения». – Абакан, 2017а. – С. 69–74.
169. **Кимеев В. М.** Проблемы охраны и музеефикации историко-культурного наследия территории Шорского национального парка / В. М. Кимеев // Человек и природа – взаимодействие на особо охраняемых природных территориях: Материалы Всерос. научно-практ. конференции, посвященной Году особо охраняемых территорий и Году экологии. 27–30 сентября 2017 г. – Новокузнецк, 2017б. – С. 55–60.
170. **Кимеев В. М.** Национальное движение в Горной Шории в начале XX века / В. М. Кимеев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (22–24 мая 2017 года): отв. ред. Ф. И. Куликов. – Горно-Алтайск. БИЦ ГАГУ, 2017 в. – С. 136–142.
171. **Кимеев, В. М.** Экомузей «Тазгол» проектные перспективы и современная реальность / В. М. Кимеев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей / отв. ред. А. А. Тишкин, В. П. Семибратов. – Вып. XXIV. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018а. – С. 210–218.
172. **Кимеев**, **В. М**. Сакральные памятники бассейна Мрассу как объект почитания современных шорцев / В. М. Кимеев // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 г. – Вып. 13: Материалы XIII международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г. – Горно-Алтайск,: БИЦ ГАГУ, 2018б. – С. 238–243
173. **Кимеева, Т. И.** Культовые сооружения в экомузеях Притомья / Т. И. Кимеева // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде: мат-лы науч. совета музеев и науч.-пр. сем. // Природный историко-культурный музей-заповедник «Томская Писаница». – Кемерово, 2001. – С. 66–70.
174. **Кимеева, Т. И.** Плетение и ткачество в Притомье / Т. И. Кимеева // Музей и наука. Материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея КМАЭЭ. – Кемерово, 2002а. – С. 149–162.

175. **Кимеева, Т. И.** Традиции рыболовства в Притомье (конец XIX – начало XX вв.) / Т. И. Кимеева // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002б. – С. 124–133.
176. **Кимеева, Т. И.** Орнамент на предметах из шорских коллекций / Т. И. Кимеева // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово, 2003а. – С. 158–167.
177. **Кимеева, Т. И.** Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья: автореф. дис.… канд. культурол. наук Т. И. Кимеевой: 24.00.03. – Кемерово, 2003б. – 21 с.
178. **Кимеева, Т. И.** Трансформация предметного комплекса производящего хозяйства шорцев в условиях взаимодействия с материальной культурой русских / Т. И. Кимеева // Тр. Кузбасс. комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский р-ны Кем. обл. / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004. – Т. 1. – С. 436–444.
179. **Кимеева, Т. И.** Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 295 с.
180. **Кимеева, Т. И**. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Сибири: на примере шорцев /Т. И. Кимеева. – Кемерово: ТД «Азия-Принт», 2015. – 278 с.
181. **Кимеева, Т. И**. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России / Т. И. Кимеева, С. Г. Родионов, П. В. Глушкова // Вестник КемГУКИ. – №34/20/6. – Кемерово, 2016. – С. 148–155.
182. **Кимеева, Т. И.** Художественное наследие шорцев в коллекции Новокузнецкого краеведческого музея / Т. И. Кимеева // Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы: материалы Всерос. научно-практ. конференции. – Новокузнецк: типография ООО «Лотус-Пресс», 2017. – С. 34–38.
183. **Колобков, М.** Кузнецкий бассейн. Очерки природы и хозяйства. / М. Колобков. – Кемерово, 1956. – 191 с.
184. **Комплексная программа развития сельских Советов народных депутатов Таштагольского района на 1986–1990 годы**. – Таштагол, 1986. – 25 с.
185. **Конзычаков, Сары-Сеп.** Культурно-исторический очерк об алтайцах. (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») / Сары-Сеп Конзычаков // Сибирские огни. – 1922. – № 11. – С. 109–115.
186. **Конзычаков, Сары-Сеп.** Шорцы / Сары-Сеп // Жизнь Сибири Ежемесячный журнал Сиб. Рев. Комитета. – № 6–7. – Новониколаевск, 1923. – С. 172–175.

187. **Копкоев, К. Г.** Об угоне «енисейских кыргызов» в Джунгарию в начале XVIII в. / К. Г. Копкоев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1965. – Вып. XI. – С. 65–85.
188. **Копытов, А. И.** Гора с горой… / А. И. Копытов. – Кемерово, 2003. – 102 с.
189. **Копытов, А. И** Горячего металла красота и тяжесть / А. И. Копытов. – Новосибирск: «Люди дела». Российский аналитический журнал для деловых людей, 2004. – №№ 1,2,3. – С. 58–59.
190. **Копытов, А. И**. Транспорт – локомотив экономики / А. И. Копытов. – М.: «Промышленник России, 2004. – № 5. – С. 44–47.
191. **Копытов, А. И**. Рядом с рудниками / А. И. Копытов, В. С. Кладчихин – М.: Горный журнал, 2006. – № 11. – С. 90–91.
192. **Копытов, А. И.** История развития горного дела / А. И. Копытов, Ю. А. Масаев, В. В. Першин. – Новосибирск: Наука, 2009. – 511 с.
193. **Копытов, А. И.** О состоянии и перспективах развития Таштагольского филиала ОАО «Евразруда» / А. И. Копытов, А. А. Еременко, В. В. Першин – Кемерово: Вестник КузГТУ, 2011. – № 2. – С. 13–15.
194. **Копытов, А. И.** Обоснование целесообразности реконструкции Таштагольского филиала ОАО «Евразруда» / А. И. Копытов, С. Т. Артемов, А. А. Еременко, Т. В. Лобанова, В. О. Притворова. – Кемерово: Вестник КузГТУ, 2012а. – № 2. – С. 37–41.
195. **Копытов, А. И.** Развитие железорудной отрасли Горной Шории как основы создания промышленной, экономической безопасности и конкурентных преимуществ металлургии Кузбасса / А. И. Копытов, В. В. Першин. – Кемерово: Вестник КузГТУ, 2012б. – № 3. – С. 170–175.
196. **Копытов, А. И.** Минерально-сырьевые ресурсы – важный потенциал инновационного развития угольно-металлургического комплекса Кузбасса / А. И. Копытов, В. А. Ковалев, В. В. Першин. – М.: Уголь, 2014. – № 2. – С. 6–9.
197. **Копытов, А. И**. Ориентиры будущего дает наука / А. И. Копытов. – Новокузнецк: Стандарт качества, 2017. – С. 22–23.
198. **Копытов, А. И**. Развитие железорудной отрасли Горной Шории – основа стабильной работы металлургии Кузбасса / А. И. Копытов // Чёрные металлы, июль, 2018. – С. 41–48.
199. **Косточаков, Г. В.** К вопросу о происхождении шорского народа / Г. В. Косточаков // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа: докл. науч.-пр. конф. – Новокузнецк, 1998а. – С. 34–38.

200. **Косточаков, Г. В.** Этимология шорского этнонима Шор / Г. В. Косточаков // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. – Новосибирск, 1998б. – Вып. I. – С. 140–147.
201. **Косточаков, Г. В.** Этимология шорского этнонима Челей / Г. В. Косточаков // Качество подготовки специалиста и проблемы повышения конкурентноспособности выпускников педвузов на рынке труда: мат-лы науч. – практ. конф. «Этнорегиональный компонент гуманитарного образования в Кузбассе. – Новокузнецк, 1998 в. – С. 42–47.
202. **Косточаков, Г. В.** Три названия реки Мрассу / Г. В. Косточаков // Современное образование: тенденция и перспективы: мат. науч. программы I Всекузбасской образовательной выставки-ярмарки 13–16 октября 1998 г. – Новокузнецк, 1999. – С. 149–152.
203. **Косточаков, Г. В.** К этимологии компонента УЗУТ (УЗЮТ) в шорском этнониме Узут-Шор (Узют-шор) / Г. В. Косточаков // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова (к 70-летию со дня рождения). – Новокузнецк, 2000. – Ч. 1. – С. 55–60.
204. **Косточаков, Г. В.** Я последний шорский поэт. Книга стихотворений. / Г. В. Косточаков. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 199 с.
205. **Косточаков, Г. В.** Словарь шорских фамилий: уч. пособие для студентов шорского отделения КузГПА / Г. В. Косточаков. – Кемерово: Кузбасс, 2005. – 140 с.
206. **Косточаков, Г. В.** О шорском горловом пении кай / Г. В. Косточаков // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 35–42.
207. **Косточаков, Г. В.** Кетский компонент в шорском этносе (по данным ономастики) / Г. В. Косточаков // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития». Доклады научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия музея этнографии и природы Горной Шории. 10–11 июня 2010. – Таштагол, 2013а. – С. 62–72.
208. **Косточаков, Г. В.** Ветка родимого кедра. Книга созвучной лирики / Г. В. Косточаков. – Томск: Ветер, 2013б. – 142 с.
209. **Костров, Н. О** состоянии женщин между инородцами Томской губернии / Н. Костров // Сб. ист.-стат. сведений о Сиб. и сопредельных ей стран. – СПб.: Русская скоропечатка (П. С. Нахимова), 1875. – Т. 1. – Вып. II. – С. 1–41.
210. **Крашенинников, С. П. в Сибири**. Неопубликованные материалы / Подготовка текста и вст. статья проф. Н. Н. Степанова. Отв. ред. член-корр. АН СССР А. П. Окладников. – М.; Л., 1966. – 241 с.

211. **Кривоногов, В. П.** Этнические процессы у хакасов шорской диалектной группы / В. П. Кривоногов // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 222–226.
212. **Кривоногов, В. П.** Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX века / В. П. Кривоногов. – Абакан: Центавр, 1997. – 144 с.
213. **Кривоногов, В. П.** Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы / В. П. Кривоногов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 252 с.
214. **Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв**.: сборник документов. – Вып. 1. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2000. – 184 с.
215. **Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв.:** Сборник документов. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 188 с..
216. **Куликов, А.** По Горной Шории / А. Куликов. – Новосибирск, 1938. – 69 с.
217. **Куприянова, И. В.** Старообрядческие общины Алтая в 1920–1930-х гг. / И. В. Куприянова. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2006. – 148 с.
218. **Курьянова, Т. С**. Шорские фетиши как отражение програсемантики в сфере бытования предмета / Т. С. Курьянова // Этнокультурная история Евразии: современные исследовании и опыт реконструкции / Материалы XLVIII региональной (IV Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 21–24 апреля 2008 г.) – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 118–119.
219. **Курьянова, Т. С.** Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири / науч. ред. О. Н. Рындина. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. – 256.
220. **Курпешко-Таннагашева, Н. Н.** Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово, 1993. – 147 с.
221. **Курпешко, Н. Н.** Учебно-методический комплекс по шорскому языку / Н. Н. Курпешко // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова (К 70-летию со дня рождения): матер. науч. конф. НГПИ. – Новокузнецк, 2000. – С. 21–29.
222. **Курпешко, Н. Н.** Преподавание шорского языка в начальной школе / Н. Н. Курпешко // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы междунар. научно-практической конфер. / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. – С. 14–24.

223. **Кызласов**, **Л. Р.** К вопросу об этногенезе хакасов / Л. Р. Кызласов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып 7. – Абакан, 1959. – С. 70–126.
224. **Лавряшина, М. Б**. ШОРЦЫ: исследование генетической структуры популяции по данным фамильного анализа и генетических маркеров / М. Б. Лавряшина, М. В. Ульянова // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития. – Таштагол, 2013. – С. 137–147.
225. **Лизогуб, П. П**. Они были первыми / П. П. Лизогуб // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 25 октября (№ 123). – С. 12.
226. **Лизогуб**, **П. П**. Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г. Ф. Миллера 1734 г./ П. П. Лизогуб // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2007. – Вып. 9. – С. 172–173.
227. **Лизогуб, П. П**. Кузнецкое золото / П. П. Лизогуб // Наш город Новокузнецк, 2018. – С. 80–90.
228. **Липский, А. Н.** К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов / А. Н. Липский // Советская этнография, 1966. – № 1. – С. 105–118.
229. **Лукина, Н. В**. Музей и студент (к 100-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета / Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева // Советская этнография. – М., 1982. – № 5. – С. 78–82.
230. **Лушкин, И.** Кузнецы. Шорские легенды / И. Лушкин. – Абакан: Хакасск. кн. изд-во. – 15 с.
231. **Майорова, Е. В.** Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX – начале XX вв. (по воспоминаниям старожилов) / Е. В. Майорова // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.; отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 3. – С. 68–87.
232. **Малов, С. Е**. Отчёт о командировке студента Восточного факультета С. Е. Малова / С. Е. Малов // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и антропологическом отношениях. – СПб., 1909а. – № 9. – С. 35–46.
233. **Мамышева, Е. П.** Проблема национально-языкового строительства в Южной Сибири в 1920–1930-е гг. / Е. П. Мамышева // Современные трансформационные экономические и социально-политические процессы: материалы международной научно-практической конференции (28–30 октября 2009 г.): в 2 ч. – Ч.2 – Абакан:РИО ХТИ-филиала СФУ, 2010. – С. 100–103.
234. **Мамышева, Е. П**. Коренизация государственного аппарата в Горно-Шорском национальном районе (1926–39 гг.): проблемы, итоги / Е. П. Мамышева // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Впоросы теории и практики. – 2011. – № 4 (10): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 103–106.
235. **Мамышева, Е. П.** Самобытность шорцев Хакасии как основа реализации этнонациональных интересов: взгляд историка / Е. П. Мамышева // Коренные малочисленные народы. Этнографическая индивидуальность как основа поступательного развития цивилизации: материалы Всероссийской открытой научно-практической конференции (28 июня 2013 г. Республика Хакасия, Бейский район, долина Бабик). – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2014. – С. 96–97.
236. **Мамышева, Е. П**. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг. автореф. дис…. д-ра ист. наук / Е. П. Мамышева. – Улан-Удэ, 2017. – 38 с.
237. **Маркина, Н. Т.** Новые археологические памятники Горной Шории / Н. Т. Маркина, С. В. Маркин // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 59–64.
238. **Мартюшев, Р. А.** Этнографические материалы К. А. Евреинова из фондов Новокузнецкого краеведческого музея / Р. А. Мартюшев. – Новокузнецк: типография ООО «Логус-Пресс», 2017а. – С. 174–185.
239. **Мартюшев, Р. А.** Кольчатый панцирь из фондов Новокузнецкого краеведческого музея / Р. А. Мартюшев / Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Новокузнецкого краеведческого музея. – Новокузнецк: типография ООО «Логус-Прес», 2017б. – С. 81–86.
240. **Межекова, Н. М.** Шорский диалект / Н. М. Межекова // Диалекты хакасского языка. – Абакан, 1973. – С. 49–66.
241. **Миллер, Г. Ф**. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года / Г. Ф. Миллер // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера (История Сибири. Первоисточники). – Вып. VI. – Новосибирск, 1996. – С. 17–36.
242. **Миллер, Г. Ф.** История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 3-е изд. – М., 2005. – Т. I. – 630 с.
243. **Миллер, Г. Ф.** История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М., 2000. – Т. II. – 796 с.
244. **Миненко, Н. А**. «Описания» Томского и Кузнецкого уездов геодезиста Ивана Шишкова как историко-этнографический источник / Н. А. Миненко // Сибирское источниковедение и историография. – Новосибирск, 1980. – С. 73–74.

245. **Миротворцев, К. Н.** Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа / К. Н. Миротворцев // Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. – Барнаул, 1911. – 54 с.
246. **Мытарев, А. А.** От Абы до Яи / А. А. Мытарев. – Кемерово, 1970. – 216 с.
247. **Назаренко, Р. Б**. Музыка шорского эпоса: структурная организация, нотация, эдиция: автореф. дис. … канд. искусств. 07.00.03. / Р. Б. Назаренко – Новосибирск, 1998. – 22 с.
248. **Назаренко, Р. Б.** Шорцы / Р. Б. Назаренко // Музыкальная культура Сибири / гл. ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск, 1997. – Т. 1, кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. / Народы Западной и Средней Сибири. – Новосибирск, 2002. – С. 284–300.
249. **Наумова, О. Б.** Шорцы / О. Б. Наумова // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 35–36; 123–125.
250. **Национальный состав и владение языками, гражданство:** Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – М., 2004. – Кн. 2. – 2076 с.
251. Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибкрая Национального Горно-Шорцевского района // Собрание Узаконений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М., 1926. – № 23. – Отд. 1. – С. 179.
252. **Новая Шория.** Народные рассказы и песни. – Новосибирск, 1937. – 87 с.
253. **Овсянников, С. Г.** История Калтана и близлежащих мест. Часть I. Легенды и реальность / С. Г. Осянников. – Калтан, 2016. – 290 с.
254. **Огурцов, А. Ю**. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 1994. – Вып. 2. – С. 3–14.
255. **Огурцов, А. Ю.** О трёхсотлетнем споре / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.: отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 2005. – Вып. 7. – С. 77–98.
256. **Огурцов, А. Ю.** На Кузнецкой линии / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2007. – Вып. 9. – С. 40–67.
257. **Огурцов, А. Ю.** Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2008. – Вып. 10. – С. 159–165.
258. **Отчёт о деятельности Академии Наук СССР за 1927 г.** – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 116–119.
259. **Очерки культурогенеза народов Западной Сибири** / под. общ. ред. Н. В. Лукиной. – Томск, 1994. – Т. I., кн. II: поселения и жилища. – 286 с.

260. **Очерки культурогенеза народов Западной Сибири** / под. общ. ред. Н. В. Лукиной. – Томск, 1998. – Т. 4. Расогенез коренного населения. – 354 с.
261. **Очерки истории Хакасии** (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им Н. Ф. Катанов, 2008. – 672 с.
262. **Павлючик, С. К.** О народных песнях шорцев / С. К. Павлючик // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 135–147.
263. **Палилей, А. В.** Традиции шорского национального танца в творческой деятельности балетмейстеров: учеб. – методич. пособие для рук. самодеятельных танцев / А. В. Палилей. – Кемерово: Кузбасс, 2007. – 56.
264. **Паллас, П. С.** Путешествия по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – Ч. III, пол. I. – 642 с.
265. **Панов**, **В. И**. История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX в.): областной и этнический состав переселенцев / В. И. Панов // Кузнецкая старина: ист. краев. сб.: отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 1999, – Вып. 3. – С. 36–52.
266. **Патачаков, К. М**. Родовой состав и народные предания о происхождения бельтиров / К. М. Патачаков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1959. – Вып. 7. – С. 127–134.
267. **Патканов, С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных спец. разработки материалов переписи 1897 г.) / С. К. Патканов. – Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ. // Записки ИРГО по отд. статист. – СПб., 1911. – Т. XI. – Вып. 2. – С. 270–301.
268. **Патканов, С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (На основании данных специальной обработки материалов переписи 1897 года / С. К. Патканов // Записки ИРГО по отд. статист. – Т. XI. – Вып. I. – СПб., 1912. – Т. I. – 167 с.
269. **Патканов, С. К.** Список народностей Сибири / С. К. Патканов // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России – Пг., 1923. – 16 с.
270. **Патрушева, Г. М.** Современные этнические процессы у шорцев / Г. М. Патрушева // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 216–221.
271. **Патрушева, Г. М.** Шорцы сегодня: современные этнические процессы / Г. М. Патрушева. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 224 с.

272. **Патрушева, Г. М.** Влияние русской и общероссийской культуры на этнокультурное развитие шорцев на современном этапе / Г. М. Патрушева // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 96–97.
273. **Пестерев, Е**. Новые ежемесячные сочинения Е. Пестерева / Е. Пестерев. – СПб., 1793. – Ч. 79–82. – С. 9–10.
274. **Печенина, Н. М**. Кай – основа духовно-нравственного, эстетического образования шорского народа / Н. М. Печенина // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 29–34.
275. **Печенина Н. М.** Чыл-Пажи – Новый год по-шорски. Праздник, который изгоняет вражду и дарит людям мир и любовь / Н. М. Печенина. – Новокузнецк: СибЛогоТранс, 2012. – 20 с.
276. **Печенина Н. М.** Шорская литература: перспективы и пути развития / Н. М. Печенина, Л. А. Тенешва // Урал – Алтай: через века: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2014. – С. 212–218.
277. **Пивоваров, Б. И.** Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры / Б. И. Пивоваров // Из духовного наследия алтайских миссионеров: сб. МАЭ / АН СССР. – Новосибирск, 1989. – С. 4–32.
278. **Погожева, А. П. …** Славная моя человечина… Горький и его окружение (1928–1936 гг.). Воспоминание Алмы (П. Т. Кусургашевой). / А. П. Погожева. – М.: Муравей, 2004. – 120 с.
279. **Поддубиков, В. В.** Родовая структура и поземельные отношения автохтонного населения Горной Шории в начале XX века / В. В. Поддубиков // Ученые записки Факультета истории и международных отношений (Памяти Зинаиды Георгиевны Карпенко). – Кемерово, 2001. – С. 310–319.
280. **Поддубиков, В. В.** Шорский горно-таежный культурный комплекс / В. В. Поддубиков, Н. А. Мишов, А. А. Насонов // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник / гл. ред. И. И. Назаров. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – С. 27–71.
281. **Поддубиков, В. В**. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой, М. В. Белозерова. – Кемерово, 2014. – 360 с.

282. **Попов, А. А.** Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX – первой четверти XX столетия / А. А. Попов // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1955. – Т. XVI. – С. 41–147.
283. **Потанин, Г. Н.** Землеведение Азии Карла Риттера / Г. Н. Потанин, П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб., 1877. – Т. IV: доп. к Т. III. – 739 с.
284. **Потапов, Л. П.** Пережитки культа медведя у алтайских турков / Л. П. Потапов // Этнограф-исследователь. – Л., 1928. – № 2–3. – С. 15–28.
285. **Потапов, Л. П.** Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков / Л. П. Потапов // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – Кн. 5. – С. 123–149.
286. **Потапов, Л. П.** Очерки по истории Шории / Л. П. Потапов. – М.; Л: Издательство АН СССР, 1936. – 260 с.
287. **Потапов, Л. П.** Культ гор на Алтае / Л. П. Потапов // СЭ. – 1946а. – № 2. – С. 145–160.
288. **Потапов, Л. П.** Этнографический обзор племен Алтая в Джунгарский период / Л. П. Потапов // Известия всесоюзного географического общества. – Л., 1946б. – Т. 78. – Вып. 2. – С. 220–234.
289. **Потапов, Л. П.** Обряд оживления шаманского бубна у тюрко-язычных племен Алтая / Л. П. Потапов // Тр. Ин-та этнографии / АН СССР. – М.; Л., 1947а. – Т. 1. – С. 139–183.
290. **Потапов, Л. П.** Этнический состав сагайцев / Л. П. Потапов // СЭ, 1947б. – № 3. – С. 103–127.
291. **Потапов, Л. П.** Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. – Новосибирск: Новосибирское ОГИЗ, 1948. – 504 с.
292. **Потапов, Л. П.** Одежда алтайцев: сб. МАЭ / АН СССР / Л. П. Потапов. – М. – Л., 1951. – Вып. 13. – С. 5–59.
293. **Потапов, Л. П.** Этнографический очерк земледелия у алтайцев / Л. П. Потапов // Сибирский этнографический сборник (ТИЭ, новая серия. – Т. XVIII). – Л, 1952. – Вып. I. – С. 173–198.
294. **Потапов, Л. П.** Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. – М. – Л., 1953. – 444 с.
295. **Потапов, Л. П.** Шорцы / Л. П. Потапов // Народы Сибири. – М. – Л., 1956. – С. 492–538.
296. **Потапов, Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов. – Абакан, 1957. – 396 с.
297. **Потапов, Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев / Л. П. Потапов. – Л., 1969. – 196 с.

298. **Потапов, Л. П.** К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая / Л. П. Потапов // Советская тюркология, 1970. – № 3. – С. 86–93.
299. **Потапов, Л. П.** Тюльберы енисейских рунических надписей / Л. П. Потапов // Тюркологический сб. 1971. – М., 1972. – С. 145–166.
300. **Потапов, Л. П.** Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных / Л. П. Потапов // Тюркологический сб. 1972. – М., 1973. – С. 265–286.
301. **Потапов, Л. П.** Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов / Л. П. Потапов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 50–65.
302. **Потапов, Л. П.** Пища алтайцев (Этнографический очерк) / Л. П. Потапов: сб. МАЭ. – М.; Л.: Наука, 1983. – Т. XIV. – С. 37–71.
303. **Потапов, Л. П.** Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Л., 1991. – 320 с.
304. **Потапов, Л. П.** Шорцы на пути социалистического развития / Л. П. Потапов // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т., 1994. – Вып. I. – С. 124–138.
305. **Потапов, Л. П.** Шаманский бубен – уникальный памятник духовной культуры тюркских народов Алтая / Л. П. Потапов // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 4. – С. 25–39.
306. **Приложение к газете «Кузбас».** – Щегловск, 1927.
307. **Прокофьева, Е. Д.** Шаманские бубны / Е. Д. Прокофьева // Историко-этнографический атлас народов Сибири. – М. – Л., 1961. – С. 435–492.
308. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина) / Сост. Н. М. Дмитриенко, Т. В. Родионова: науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 33, 77.
309. **Прыткова, Н. Ф.** Верхняя одежда шорцев / Н. Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961а. – С. 227–234.
310. **Прыткова, Н. Ф**. Головные уборы / Н. Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961б. – С. 334.
311. **Пьянзин Алексей.** Кузнецы. [Элекронный ресурс].- URL:http://palexy.livejournal.com/3516.html/2010
312. **Радлов, В. В.** Из Сибири: Страницы дневника / В. В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
313. **Ремезов, С. У**. Чертежная книга Сибири. Факсимильное издание. Верона: «Графика», 2006. Т. 1. – 97 с.

314. **Савин, В. З**. Традиционная танцевальная культура шорцев: (Проблемы самобытности, воссоздания, специфического применения) / В. З. Савин: автореф. дисс. … канд. культурологи. 07.00. 03. – М., 1983а. – 24 с.
315. **Савин, В**. Эхо древней пляски // Огни Кузбасса / В. Савин. – 1983б. – № 2. – С. 66–69.
316. **Садовой, А. Н.** Реформы конца XIX- начала XX вв. и их социально-экономические последствия для коренного населения / А. Н. Садовой // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003. – С. 137–144.
317. **Садовой, А. Н.** Традиционные формы жизнеобеспечения населения / А. Н. Садовой // Этноэкологическая экспертиза / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2005. – С. 91–127.
318. **Самоквасов, Д.** Сборник научного права Сибирских инородцев / Д. Самоквасов. – Варшава, 1876. – 282 с.
319. **Сатлаев, Ф. А.** Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев / Ф. А. Сатлаев // Сб. МАЭ / АН СССР. – Л., 1971. – Т. XXVII – С. 130–141.
320. **Сергеев, В. И.** Город мастеров «огненного дела» / В. И. Сергеев // Вопросы истории. – № 8, 1969. – С. 203–207.
321. **Сергеев, В. И**. Железоделательное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII века / В. И. Сергеев // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 125–130.
322. **Сергеев, В. И.** Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири / В. И. Сергеев // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в.: Очерки по исторической географии. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1974. – С. 296–307.
323. **Сергеев, Б.** Таштагольский рудник – Кемерово, 1980. – 40 с.
324. **Сергеев, Б.** Темиртаусское рудоуправление. – Кемерово, 1982а. – 60 с.
325. **Сергеев, Б.** Шерегешское рудоуправление. Проспект. – Кемерово, 1982б. – 53 с.
326. **Скобелев, Г. С.** Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. / Г. С. Скобелев // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.; отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 34–46.
327. **Смердов, А. Н.** В стране Темира / А. Н. Смердов // Сибирские огни. – Новосибирск, 1941. – № 1. – С. 58–104.
328. **Смердов, А. Н.** В стране Темира / А. Н. Смердов. – Иркутск, 1947. – 82 с.
329. **Сорокин, М. Е.** Земля Кузнецкая (XVII в.) / М. Е. Сорокин. – Кемерово, 1992. – 55 с.

330. **Спасский, Г. И.** О чудских копях в Сибири / Г. И. Спасский // Сибирские вести. – Спб., 1819. – Ч. 5. – Отд. 4. – С. 124–143.
331. **Список населённых мест Сибкрая** [Таблицы]. – Новосибирск, 1929. – 67 с.
332. **Список населённых мест Томской губернии за 1911 г**. Кузнецкий уезд [Таблицы]. – Томск, 1911. – С. 560–577.
333. **Список насёленных мест Томской губернии**. По данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.) [Таблицы]. – Томск, 1923. – 95 с.
334. **Старков, Г. П.** Словарь по географии и топонимике Горной Шории / Г. П. Старков, Е. И. Старкова. – Таштагол, 2001. – 206 с.
335. **Старков, Г. П.** Этнический субстрат Горной Шории в дотюркскую эпоху / Г. П. Старков // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития: Доклады научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия музея этнографии и природы Горной Шории. 10–11 июня 2010 г. – Таштагол, 2013. – С. 122–135.
336. **Сувэйздис**, **П. Г.** Кузнецкий округ Томской губернии / П. Г. Сувэйздис // Сельское хозяйство и лесоводство: Журнал министерства земледелия и государственных имуществ. – Спб., 1898. – № 7. – С. 627–652.
337. **Сувэйздис, П. Г.** Сельское хозяйство в Кузнецком округе / П. Г. Сувэйдис // Сельское хозяйство и лесоводство. – М., 1900. – № 4. – С. 187–92.
338. **Судочаков, М. Л.** Шорско-русский словарь / М. Л. Судочаков, Г. Д. Чульджанов, Г. В. Косточаков. – Новокузнецк. – 1992. – 33 с.
339. **Сундуй, М. М.** Фольклор – голос народа и земли / М. М. Сундуй // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 113–116.
340. **Сунчугашев, Я. И.** Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа / Я. И. Сунчугашев. – Новосибирск: Наука, 1979. – 192 с.
341. **Сухотин, А. М.** К проблеме национально-лингвистического районирования в Южной Сибири / А. М. Сухотин // Культура и письменность Востока. – М., 1931. – Кн. 7–8. – С. 93–108.
342. **Тенешева, Л. А.** Кай – один из жанров шорского героического эпоса / Л. А. Тенешева // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 73–77.
343. **Тенешева, О. Н.** Шорская народная культура в системе дополнительного образования / О. Н. Тенешева // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 108–112.

344. **Томилов, Н. А.** Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири / Н. А. Томилов // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск, 1981. – С. 3–36.
345. **Томилов, Н. А.** Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX. / Н. А. Томилов. – 1992, – 271 с.
346. **Торбоков, С.** Шор-кижи / С. Торбоков // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1970. – № 2. – С. 63–65.
347. **Торбоков, С.** Далекое и близкое: Из истории быта, обрядов шорцев / С. Торбоков // Красная Шория (г. Таштагол). – 1974. – 20 июля.
348. **Торбоков, С. С.** Шория всюду со мной: сборник произведений / ЦБС г. Осинники; худож. О. Г. Помыткина; вст. статья Г. В. Косточакова. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – 216 с.
349. **Тотыш, С.** Сказки Шапкая / С. Тотыш. – Кемерово, 1985. – 77 с.
350. **Тотыш, С.** Сын тайги / С. Тотыш. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1980. – 172 с.
351. **Травина, И. К.** Шорские народные сказания, песни и наигрыши / И. К. Травина. – М.: Композитор, 1995. – 136 с.
352. **Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования:** информационно-методический справочник / Гл. ред. И. И. Назаров. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – 310.
353. **Тудегешева-Каныштарова, Т. В**. Небесный полет девятиглавых стрел: сборник стихов / Т. В. Тудегешева-Каныштарова. – Кемерово: Кузбасс, 2007. – 192 с.
354. **Тудегешева-Каныштарова, Т. В.** Элимай: поэтический сборник / Тайяна Тудегешева. – Кемерово: ООО «Примула», 2013. – 88 с.
355. **Тутатчикова, А. С.** Родовые праздники весеннего цикла. Методические рекомендации для специалистов учреждений культуры / А. С. Тутатчикова. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. – 44 с.
356. **Тучков, А. Г.** Томские этнографические экспедиции в Горную Шорию / А. Г. Тучков // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – С. 165–191.
357. **Улагашева, И.** Информационный бюллетень «Туган Чер». – Междуреченск. №12 (42), 1996. [Электронный ресурс]. –URL: http: // etnic.ru/etnic/design/ethnodesign/шорские-кузнецы.html.
358. **Уманский, А. П.** К вопросу о влиянии культуры кузнецких телеутов на культуру мелких тюркоязычных групп междуречья Томи и Оби / А. П. Уманский // Этнография Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 56–57.

359. **Уманский, А. П**. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках / А. П. Уманский. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
360. **Устное народное творчество коренных народов Кузбасса – телеутов и шорцев**. Историко-литературная хрестоматия: учебное пособие / сост. Д. В. Кацюба. – Кемерово: Изд-во облИУУ, 2001. – 198 с.
361. **Функ, Д. А.** Из истории изучения шорского эпоса (1861–1915 гг.) / Д. А. Функ // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. – М., 1995а. – С. 137–146.
362. **Функ, Д. А**. Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов) / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005б. – 398 с.
363. **Хлопина, И. Д.** Из мифологии и традиционных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) / И. Д. Хлопина // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 70–89.
364. **Хлопина, И. Д.** Горная Шория и шорцы / И. Д. Хлопина // ЭО. – 1992. – № 1. – С. 107–117.
365. **Хлопина, И. Д.** Горная Шория и шорцы / И. Д. Хлопина // ЭО. – 1992. – № 2. – С. 134–147.
366. **Хомич, Л. В**. Колыбель у народов Сибири / Л. В. Хомич // Материальная и духовная культура народов Сибири (Сб. МАЭ. Т. XLII). – Л.: Наука, 1988. – С. 24–50.
367. **Хороших, П. П.** Пещеры Горной Шории и Салаира / П. П. Хороших // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 9. – С. 176–181.
368. **Худяков, Ю. С.** Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и «Великий шелковый путь» / Ю. С. Худяков // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.; отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 4. – С. 72–84.
369. **Человек и природа – взаимодействие на особо охраняемых природных территориях**. Материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году особо охраняемых природных территорий и Году экологии, 27–30 сентября 2017 г. / отв. ред. Л. А. Триликаускас. – Новокузнецк, 2017. – 148 с.
370. **Чиспияков, Ф. С.** В долинах Мрассу: Повесть / Ф. С. Чиспияков. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1957. – 176 с.
371. **Чиспияков, Э. Ф.** Отражение хозяйственного уклада шорцев в языке / Э. Ф. Чиспияков // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса. – Новокузнецк, 1966. – С. 123–125.
372. **Чиспияков, Э. Ф.** Учебник шорского языка / Э. Ф. Чиспияков. – Кемерово, 1992. – 319 с.

373. **Чиспияков, Э. Ф.** История формирования этнической культуры шорцев / Э. Ф. Чиспияков // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.; отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. – Вып. 1. – С. 88–101.
374. **Чиспияков, Э. Ф.** Язык, история, культура тюрков Южной Сибири / Э. Ф. Чиспияков. – Кемерово, 2004. – 440 с.
375. **Чиспиякова, Ф. Г.** Из истории изучения шорского языка / Ф. Г. Чиспиякова // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 240–243.
376. **Чиспиякова**, **Ф. Г.** Некоторые сведения из истории народного образования в Горной Шории / Ф. Г. Чиспиякова // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. – Новокузнецк, 1998. – С. 137–142.
377. **Чудояков, А. И.** Развитие шорского эпоса в рамках эпического повествования / А. И. Чудояков // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого педагогического института. Сер. филологическая. – Новокузнецк, 1967. – С. 10–12.
378. **Чудояков, А. И.** К изучению быта в шорском эпосе / А. И. Чудояков // Учёные записки Кемеровского государственного педагогического института. – Кемерово, 1970а. – Вып. 24. – С. 76–82.
379. **Чудояков, А. И.** Роль бытовых картин и предметов в системе эпического повествования шорского народа / А. И. Чудояков // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института. – Кемерово, 1970б. – Вып. 24. – С. 68–75.
380. **Чудояков, А. И**. Образные представления шорских кузнецов в произведениях шорского эпоса / А. И. Чудояков // Социально-культурные процессы в советской Сибири: матер. науч. конф. по пробл. совреме. Искусства и народного творчества. – Омск, 1985. – С. 50–52.
381. **Чудояков, А. И.** Металлургия, горное и кузнечное дело шорцев в XVII–XVIII вв. А. И. Чудояков // Природа и экономика Кузбасса. Тезисы докладов к предстоящей конференции. – Новокузнецк, 1987. – С. 127–128.
382. **Чудояков, А. И.** Культурные корни / А. И. Чудояков // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1988. – № 1. – С. 6–12.
383. **Чудояков, А. И.** Девять бубнов шамана. Шорские легенды и предания / А. И. Чудояков. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1989а. – 142 с.
384. **Чудояков, А. И.** Трагедия Шории / А. И. Чудояков // Сибирские огни. – Новосиб., 1989 в. – № 8. – С. 164–166.

385. **Чудояков, А. И.** Проблемы культуры шорского народа / А. И. Чудояков // Проблемы культуры в условиях Сибири и перестройки: матер. республ. науч. конф. – Кемерово, 1990. – С. 83–84.
386. **Чудояков, А. И.** Шорцы сегодня и завтра / А. И. Чудояков // Историко-культурное и природное наследие Горной Шории: Шорский сб. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 139–144.
387. **Чудояков, А. И.** Этюды шорского эпоса / А. И. Чудояков. – Кемерово, 1995. – 223 с.
388. **Чудояков, А. И**. Творческий портрет сказителя П. И. Кыдыякова / А. И. Чудояков // Шорские героические сказания. – М.: Новосибирск, 1998а. – С. 448–449.
389. **Чудояков, А. И.** Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова / А. И. Чудояков // Шорские героические сказания. – М.; Новосибирск, 1998б. – С. 11–32.
390. **Чудояков, А. И**. Шорские сказки, легенды / А. И. Чудояков. – Кемерово, 2002. – 205 с.
391. **Чульджанова, Л. И**. Роль и значение шорских литераторов в возрождении шорского народа / Л. И. Чульджанова // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. – Новокузнецк. 1998. – С. 58–61.
392. **Чульджанова, Л. И.** Хранители шорских сказаний / Л. И. Чульджанова // Кай – культурное наследие шорского народа: материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – С. 104–107.
393. **Шабалин, В. М.** Тайны имен Земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области / В. М. Шабалин / Кем. обл. ин-т усовершенствования учителей – Кемерово, 1994. – 223 с.
394. **Шаров, Г. Н.** Заповедные геологические памятники Кемеровской области. Пещеры Горной Шории / Г. Н. Шаров, Ю. С. Надлер. – Новокузнецк, 2001. – С. 94–96.
395. **Шашков, С. С.** Сибирские инородцы в XIX столетии / С. С. Шашков // Собр. соч. С. С. Шашкова. – СПб., 1898. – Т. 2. – С. 548–632.
396. **Швецов, С. П.** Горный Алтай и его население. Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Экономические таблицы / С. П. Швецов. – Барнаул, 1903. – Т. 3, вып. 4.
397. **Шемелев, В. И.** История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права / В. И. Шемелев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – Вып. 1. – 368 с.

398. **Шеметов, Г. А.** Природные комплексы Горной Шории / Г. А. Шеметов, О. С. Андреева // Шорский сборник: Этноэкология и туризм в Горной Шории. – Кемерово, 1997. – Вып. II. – С. 111–132.
399. **Шенцова, И. В**. Шорский язык: образовательное пространство в XXI в. // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири / И. В. Шенцова: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. – С. 442–449.
400. **Шерстова, Л. И**. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII– начала XX века / Л. И. Шерстова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 321 с.
401. **Шиллер, В. В.** Религиозная ситуация в г. Таштаголе (1961–2003 гг.) / В. В. Шиллер // Тр. Кузбасс. Комплексной экспедиции: Беловский, Яшкинский, Таштагольский района Кем. обл. / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004. – Т. 1. – С. 517–525.
402. **Ширин, Ю. В.** Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII в. / Ю. В. Ширин // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. – Кемерово, 1992а. – С. 106–113.
403. **Ширин, Ю. В**. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса / Ю. В. Ширин // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1992б. – С. 36–50.
404. **Ширин, Ю. В.** Археологические памятники г. Новокузнецка/ Ю. В. Ширин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 1993. – Вып. I. – С. 10–45.
405. **Ширин, Ю. В.** Опыт археологического изучения поселений кузнецких татар 18–19 веков / Ю. В. Ширин // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 74–76.
406. **Ширин, Ю. В.** Постижение металла / Ю. В. Ширин // Кузнецкий металлургический комбинат. Очерки по истории. – Новокузнецк, 1997а. – С. 7–32.
407. **Ширин, Ю. В.** Глобальные изменения климата Горной Шории по археологическим источникам / Ю. В. Ширин // Шорский сб.: Этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово, 1997б. – Вып. II. – С. 141–149.
408. **Ширин, Ю. В.** Горная Шория и ареалы археологических культур эпохи железа / Ю. В. Ширин // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова

и духовное возрождение шорского народа. – Новокузнецк. 1998а. – С. 50–53.
409. **Ширин, Ю. В**. Консервация древних традиционных ремесел у кузнецких татар / Ю. В. Ширин // Сибирский город вчера и сегодня (Тезисы научно-практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка). – Новокузнецк, 1998б. – С. 92–96.
410. **Ширин, Ю. В.** Металлургия кузнецких татар в XVIII веке / Ю. В. Ширин // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999. – С. 209–216.
411. **Ширин, Ю. В.** О некоторых стилистических особенностях рисунков на бубнах шорского типа / Ю. В. Ширин // Евреиновские чтения: материалы конференции. – Новокузнецк, 2001а. – С. 28–31.
412. **Ширин, Ю. В**. О самодийской принадлежности археологических культур эпохи железа на юге Западной Сибири / Ю. В. Ширин // Самодийцы. Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2001б. – С. 86–88
413. **Ширин, Ю. В.** Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории / Ю. В. Ширин // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 130–134.
414. **Ширин, Ю. В.** Горная Шория в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. 1. – С. 242–246.
415. **Ширин, Ю. В.** «Тандырные» приспособления у кузнецких татар / Ю. В. Ширин // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск, 2004а. – С. 288–290.
416. **Ширин**, **Ю. В**. Гибель историко-культурного наследия Горной Шории / Ю. В. Ширин // Краеведение. Право на жизнь. Тезисы областной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 2004б. – С. 10–12.
417. **Ширин, Ю. В.** Поселение кузнецких татар Барсаятской волости XVIII в. / Ю. В. Ширин // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005а. – С. 157–168.
418. **Ширин, Ю. В.** Горная Шория в ареалах культур эпохи ранней бронзы // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005б. – С. 155–160
419. **Ширин, Ю. В.** Памятники археологии / Ю. В. Ширин // Река Мрассу от истоков до устья. – Новокузнецк, 2008а. – С. 81–86.
420. **Ширин, Ю. В.** Древнее наследие Горной Шории: его историко-культурный потенциал, проблемы современного использования и охраны /

Ю. В. Ширин // Река Мрассу от истоков до устья. – Новокузнецк, 2008б. – С. 20–24.
421. **Ширин, Ю. В.** Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы. / Ю. В. Ширин // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2010. – Вып. 1. – С. 4–42.
422. **Ширин, Ю. В.** Горная Шория в свете проблемы культурных трансформаций в переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа / Ю. В. Ширин // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ профессора А. П. Уманского. – Барнаул: АлтГПА, 2013а. – С. 150–160.
423. **Ширин, Ю. В.** Горная Шория: памятники археологии / Ю. В. Ширин // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития. Доклады научно-практической конференции. – Таштагол, 2013б. – С. 40–54.
424. **Ширин, Ю. В**. Материалы археологических разведок на р. Мрассу от Хомутовских порогов до устья / Ю. В. Ширин // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2014. – Вып. 5. – С. 4–18.
425. **Ширин, Ю. В.** Материалы археологических разведок на р. Томи / Ю. В. Ширин // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2015. – Вып. 6. – С. 4–75.
426. **Ширин, Ю. В**. Опыт археологического исследования пещер Горной Шории / Ю. В. Ширин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. – Вып. XXIII. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017а. – С. 169–175.
427. **Ширин**, **Ю. В.** О характере освоения Горной Шории в эпоху железа // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / АлтГУ; отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Барнаул: АлтГУ, 2017б. – 1 эл. опт. диск (DVD-ROM). – ISBN 978-5-7904-2196-9. – № гос. регистрации 0321703484. – С. 1161–1162.
428. **Ширин, Ю. В.** Аба-Тура / Ю. В. Ширин // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. – Томск; Новокузнецк: Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 11–25.
429. **Шихалева, Н. А.** Роль таштагольского музея в деле сохранения традиционной культуры шорцев / Н. А. Шихалева // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. – Новокузнецк, 1998. – С. 58–61.

430. **Шихалева, Н. А.** Шорский национальный праздник «Ольгудек-Пайрам»: истоки и современность / Н. А. Шихалева // Традиции и обычаи Народов России. – СПб., 2000. – С. 179–181.
431. **Шихалева, Н. А**. Музей этнографии и природы Горной Шории / Н. А. Шихалева, Г. П. Калишева // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Т.1. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004. – С. 446–448.
432. **Шихалева, Н. А**. Музей этнографии и природы Горной Шории и современное общественно-культурное движение шорского этноса / Н. А. Шихалева // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития. Доклады научно-практической конференции. – Таштагол, 2013. – С. 32–39.
433. **Шишков**, **Г.** Рапорт подпоручика Шишкова майору Киндерману 11 июля 1745 г. / Г. Шашков // ТГВ, 1859. – № 1.
434. **Шорские героические сказания**. Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А. И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. – Новосибирск: Наука, 1998. – 463 С. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 17).
435. **Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы** / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003. – 356 с.
436. **Шорцы**. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – 135 с.
437. **Шорцы**. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – 168 с.
438. **Шорцы**. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – 232 с.
439. **Шорцы**. Каталог этнографических коллекций музеев России. Производящее хозяйство / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 2. – 216 с.
440. **Шорцы**. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таёжные промыслы и средства передвижения / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – 190 с.
441. **Эрдниев, У. Э**. Городище «Маяк» / У. Э. Эрдниев. – Кемерово, 1960. – 67 с.

442. **Эрдниев, У. Э.** К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе / У. Э. Эрдниев // Труды научной конференции. – Кемерово, 1957. – С. 272–297.
443. **Юриш, В. О.** Следы Усчилар / В. О. Юриш // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1968. – № 2. – С. 5–9.
444. **Яворский, В. И**. Земля Кузнецкая от древних эпох до наших дней / В. И. Яворский. – М.: Недра, 1973. – 77 с.
445. **Ядринцев, Н. М**. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – СПб.: изд-е И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
446. **Янушевич, А.** Обследование охотничьего промысла Горной Шории / А. Янушевич // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1994. – Вып. I. – С. 103–117.
447. **Ярославцев, Д.** По Горной Шории / Д. Ярославцев // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 64–85.
448. **Ярхо, А. И.** Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк / А. И. Ярхо. – Абакан, 1947. – 147 с.

Список сокращений

АГИКМ – Алтайский государственный историко-краеведческий музей.
АМАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук.
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
ВЦИК РСФСР – Всероссийский центральный исполнительный комитет.
ВостНИГРИ – Восточный научно-исследовательский горнорудный институт.
ВПО – Всесоюзное промышленное объединение.
ВШТ – Внутришахтный транспорт.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ГАРХ – Государственный архив Республики Хакассия.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГМЭ – Государственный музей этнографии.
Губнац – Губернский отдел по делам национальностей.
д.и.н. – доктор исторических наук.
д.т.н. – доктор технических наук.
д. филол. н. – доктор филологических наук.
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.
ИАЭ АН СССР – Институт антропологии и этнографии СССР.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИГД СО АН СССР – Институт горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР.
ИРГО – Известия Русского географического общества.
ИСО АН СССР – Известия Сибирского отделения Академии наук СССР.
к.и.н. – кандидат исторических наук.
к.т.н. – кандидат технических наук.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств.
КМК – Кузнецкий металлургический комбинат.
КОКМ – Кемеровский областной краеведческий музей.

КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера).
МАЭОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского госуниверситета.
МАЭСТУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
МАЭЭС – Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.
МЗТП – Музей-заповедник «Томская Писаница».
МИКНСДВ – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.
МИЭМ – Мысковский историко-этнографический музей.
МКМ – Междуреченский краеведческий музей.
МЭПГШ – Музей этнографии и природы Горной Шории.
Наркомторг – Народный комиссариат торговли Российской Федерации.
НГПИ – Новокузнецкий государственный пединститут.
НКМ – Новокузнецкий краеведческий музей.
НКЦ – Национально-культурный центр.
НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей.
НПО – Научно-производственное объединение.
ОмГУ – Омский государственный университет.
РЭМ – Российский этнографический музей.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТИЭ – Труды института этнографии.
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей.
ХакГУ – Хакасский государственный университет.
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив.
ЭМЗТГ – Экомузей-заповедник «Тюльберский городок».
ЭО – Этнографическое обозрение.

Об авторах

Валерий Макарович Кимеев, этнограф, д.и.н., профессор кафедры археологии КемГУ, выпускник кафедры этнографии Ленинградского университета.

Автор около 200 публикаций, включая 17 монографий и учебных пособий по музеологии и этнографии аборигенов и русских Сибири.

Создатель нового направлении в российском музееведении – экомузеологии. Соавтор восьми проектов экомузеев-заповедников Притомья.

Александр Иванович Копытов, горный инженер, д.т.н., профессор кафедры строительства подземных сооружений и шахт КузГТУ.

Действительный член, руководитель Сибирского отделения Академии горных наук РАН.

Председатель комиссии по экологии Общественной палаты Кемеровской области. Автор более 260 научных публикаций, в том числе 15 монографий, 24 учебных пособия и методических рекомендаций по горному делу, 52 авторских свидетельств и патентов на изобретения и полезные модели.

Авторы выражают глубокую признательность за предоставленные материалы и редактирование книги: научному редактору **Ю. В. Ширину**, рецензентам — **Н. А. Томилову** и **В. Я. Бутанаеву**; сотрудникам кузбасских музеев и вузов: **П. П. Лизогубу**, **С. А. Гончаровой** (НКМ), **Н. А. Шихалёвой** (МЭПГШ), **Н. А. Белоусовой** (КМАЭЭС), **А. А. Васильеву** (МИЭМ), **Т. Г. Ананьиной** (МКМ), **Т. И. Кимеевой** (КемГУКИ).

Содержание

Предисловие 5

История изучения Горной Шории 17
Источники: архивные и музейные 17
Этапы научного изучения Горной Шории 26
Горная Шория глазами современников 52

Этноэкология и древности Горной Шории 59
Сакральные памятники природы Горной Шории 67
Археологические памятники древних эпох 78
Памятники каменного века: палеолит и неолит 80
Эпоха бронзы 91
Памятники эпохи железа и средневековья 105
Сохранение этнокультурного наследия 137

Этногенез и этническая история шорцев 159
Проблема этногенеза аборигенов Горной Шории 160
Формирование шорцев как самостоятельного этноса 170
Локальные группы предков шорцев в конце XIX – начале XX вв. 193
Национально-государственное самоопределение шорцев 233

Традиционно-бытовая культура шорцев 275
Основные занятия и промыслы, домашние ремесла 275
Поселения, жилища, хозяйственные постройки 341
Домашняя утварь, пища, одежда и средства передвижения 358

Духовная культура шорцев 379
Древние культы, шаманизм, религиозный синкретизм 380
Обряды, праздники, этнокультурный неотрадиционализм 425
Фольклор, образование и народное творчество 445

Промышленное освоение Горной Шории 471
Металлургия и кузнечное ремесло аборигенов Кузнецкого уезда 477
Золотоприиски в XIX–XXI вв. 492
История развития горнорудного дела в XX–XXI вв. 519
Этапы развития железорудной отрасли 526

Перспективы развития Горной Шории 547

Источники и литература 558
Источники 558
Литература 559

Список сокращений 596

Научное издание

Валерий Макарович Кимеев

Александр Иванович Копытов

Горная Шория: историко-этнографические очерки

Технический редактор – С. А. Скобликов

Корректор – Е. Л. Ясинская

Художники: О. Г. Помыткина, А. Д. Серова

Подписано в печать 28.08.2018.
Формат 100×70/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Noto Serif. Усл печ. л. 50,7.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1405.

Подготовлено к печати
ООО «Примула»
650021, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31
primulaprint@mail.ru

Отпечатано
ООО «ТЕХНОПРИНТ»
650004, г Кемерово, ул. Сибирская, 35а